

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА

2026 Том 31 № 1

DOI 10.22363/2312-9220-2026-31-1
<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Научный журнал
Издается с 1996 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61204 от 30.03.2015

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Коваленко А.Г., доктор филологических наук, профессор,
Российский университет дружбы народов, Москва, Россий-
ская Федерация
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Волкова И.И., доктор филологических наук, профессор,
Российский университет дружбы народов, Москва, Россий-
ская Федерация
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Базанова А.Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Борхес-Рей Э., доктор в сфере медиакоммуникаций, адъюнкт-профессор по программе журналистики, Северо-Западный университет в Катаре, Доха, Катар

Голубков М.М., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Дрок Н., PhD, профессор, президент Европейской ассоциации преподавателей журналистики (ЕЖТА), заместитель председателя Всемирного совета по журналистскому образованию (WJEC), профессор школы медиа, Университет прикладных наук Виндсхайма, Зволле, Нидерланды

Жаккар Ж.-Ф., профессор кафедры средиземноморских, славянских и восточных языков и литератур, Женевский университет, Женева, Швейцария

Желтухина М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Российская Федерация

Киссель В.С., ведущий научный сотрудник международной лаборатории изучения российского и европейского интеллектуального диалога, профессор восточноевропейской литературы и культуры, Бременский университет, Бремен, Германия

Кихней Л.Г., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории журналистики и литературы, Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, Москва, Российская Федерация

Лободенко Л.К., доктор филологических наук, профессор, директор Института медиа и социально-гуманитарных наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация

Меррилл Дж., PhD, профессор русского языка, Университет штата Мичиган, Ист Лэнсинг, США

Нигматуллина К.Р., доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой цифровых медиакоммуникаций, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Панасенко Н., доктор филологических наук, профессор кафедры языковой коммуникации, факультет массмедиакоммуникации, Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Трнава, Словакия

Полонский В.В., доктор филологических наук, профессор РАН, директор Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, член-корреспондент Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Саймонс Г.Дж., PhD, профессор, адъюнкт-профессор департамента государственного управления, научный сотрудник Института исследований России и Евразии, Университет Упсалы, Упсала, Швеция

Сколари К., доктор лингвистики и коммуникаций, профессор, адъюнкт-профессор факультета медиакоммуникаций, Университет Помпеу Фабра, Барселона, Испания

Тилак Г., PhD, доктор литературы, доктор менеджмента, профессор, декан факультета современных наук и профессиональных навыков, профессор департамента массовых коммуникаций, Университет Тилак Махараштра Видьяпит, Пуна, Махараштра, Индия

Флейшиман Л., профессор кафедры славянских языков и литературы, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Шилина М.Г., доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Белый список РЦНИ, РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), Scopus, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика» – периодическое научное издание в области филологических исследований. Международный состав редакционной коллегии и экспертного совета обеспечивает отбор, рецензирование и публикацию авторских материалов на русском и английском языках представителей различных научных школ и регионов мира.

Цели журнала – осуществление научного обмена и сотрудничества между российскими и зарубежными литературоведами и журналистами, а также специалистами смежных областей, публикация результатов оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем междисциплинарного характера, касающихся литературоведения и журналистики, освещение научной деятельности профессионального научного сообщества. Приоритетными направлениями журнала являются история русской и зарубежной литературы, теория литературы, история и теория журналистики, средства массовой коммуникации и средства массовой информации, реклама, связи с общественностью России и зарубежных стран, теория, практика и восприятие генеративных медиа. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования.

Одна из задач журнала – знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области литературоведческих и медиаведческих исследований, рекламы и связей с общественностью, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением. Основные рубрики журнала: «Литературоведение», «Журналистика», «Генеративные медиа: теория, практика, восприятие».

Принимаются материалы, соответствующие следующим специальностям номенклатуры ВАК: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации, 5.9.2. Литературы народов мира, 5.9.3. Теория литературы, 5.9.4. Фольклористика, 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика.

Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, обзоры, информацию о конференциях, научных проектах и т. д.

Редакционная коллегия журнала приглашает литературоведов и специалистов в области средств массовой информации и массовой коммуникации, рекламы и связей с общественностью, работающих в русле вышеуказанных направлений, к участию в подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Электронный адрес редакции журнала: litj@rudn.ru

Редактор *О.В. Салова*

Редакторы англоязычных текстов *К.Ю. Каплявик, Н.В. Рабкина, О.В. Спачиль*

Компьютерная верстка *Т.Н. Селивановой*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litj@rudn.ru

Подписано в печать 27.03.2026. Выход в свет 30.03.2026. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 19,6. Тираж 500 экз. Заказ № 17. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM

2026 VOLUME 31 NUMBER 1

DOI 10.22363/2312-9220-2026-31-1
<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Founded in 1996

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander G. Kovalenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, RUDN University, Moscow, Russian Federation
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

Irina I. Volkova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Mass Communications, RUDN University, Moscow, Russian Federation
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Anna E. Bazanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Journalism, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Eddy Borges-Rey, PhD in Media and Communication, Associate Professor in Residence Journalism Program, Northwestern University in Qatar, Doha, Qatar

Niko Drok, PhD, President of European Journalism Training Association (EJTA), Vice Chair of the World Journalism Education Council (WJEC), Professor of Media & Civil Society, Windesheim University of Applied Sciences, Zwolle, Netherlands

Lazar Fleishman, Professor of the Department of Slavonic Languages and Literature, Stanford University, Stanford, USA

Michail M. Golubkov, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Literature History and Contemporary Literary Process, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Jean-Philippe Jaccard, Professor of the Department of Mediterranean, Slavic and Oriental Languages and Literatures, University of Geneva, Geneva, Switzerland

Liubov G. Kikhney, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History of Journalism and Literature, Institute of International Law and Economy named after A.S. Griboyedov, Moscow, Russian Federation

Wolfgang Stephan Kissel, leading research fellow of the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Professor of East European Literatures and Cultures, University of Bremen, Bremen, Germany

Lidiya K. Lobodenko, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Media, Social Sciences and Humanities, Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Jason Merrill, PhD in Russian Literature, Professor of Russian, Michigan State University, East Lansing, USA

Kamilla R. Nigmatullina, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Digital Media Communications, Institute "Higher School of Journalism and Mass Communications", St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Nataliya Panasenka, Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Language Communication, Faculty of Mass Media Communication, University of SV Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovakia

Vadim V. Polonsky, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Director of the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Carlos Alberto Scolari, PhD in Applied Linguistics and Communication Languages, Professor, Associate Professor of the Faculty of Communication, Pompeu Fabra University, Barcelona, Spain

Marina G. Shilina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Advertising, Design and Public Relations, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Gregory John Simons, PhD, Professor, Associate Professor at the Department of Government, researcher at Institute for Russian and Eurasian Studies, Uppsala University, Uppsala, Sweden

Geetali Tilak, PhD, DLit, DM, Professor, Dean of the Faculty of Modern Sciences and Professional Skills, Professor of the Department of Mass Communication, Tilak Maharashtra Vidyapeeth, Pune, Maharashtra, India

Marina R. Zheltukhina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the English Philology Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed by White List of RCSI, Russian Index of Science Citation, Scopus, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism is a peer-reviewed international academic journal publishing research in literature and journalism. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The goal of the journal is to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists, disseminate theoretically grounded research, and advance knowledge in a broad range of interdisciplinary issues pertaining to the field of literature studies, journalism, public relations and advertising.

The editors aim to publish original research devoted to literature and journalism: literary process, prose, poetry, drama, literary criticism, mass communication, press, radio, television, genres of journalism, public relations, theory, practice, and perception of generative media.

Contributions to the journal should show awareness of current research trends in these areas, and explore their implications. Methodologies for data collection and analysis can be quantitative or qualitative, and must be grounded in practices in this area. General journal sections are "Literary Studies", "Journalism", and "Generative Media: Theory, Practice, Reception".

Materials that correspond to the following specialties: Russian Literature and Literature of the Peoples of the Russian Federation, Literature of the Peoples of the World, Literary Theory, Folkloristics, Media Communications and Journalism are accepted.

As a Russian periodical with an international character, the journal also welcomes articles that advance research in relevant intercultural themes, and/or explore the implications of intercultural issues in communication generally.

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Copy Editor *O.V. Salova*

English Texts' Editors *K.Yu. Kashlyavik, N.V. Rabkina, O.V. Spachil*

Layout Designer *T.N. Selivanova*

Address of the editorial office:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of the journal:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Никитина Д.М.** Из истории журнала «Новости литературы» А.Ф. Воейкова: несостоявшееся запрещение майского номера за 1825 год 7
- Кубасов А.В.** Смыслообразующая функция «текста Дузе»: структура образа Аркадиной в комедии А.П. Чехова «Чайка»..... 18
- Мытарева А.В.** Рассказ Леонида Андреева «Чемоданов» как житие «нижечеловека» 39
- Лю Н., Титаренко С.Д.** Интермедальность вальса «На сопках Маньчжурии» в дальневосточном тексте и проблема взаимосвязи культур Востока и Запада..... 49

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Гапонова Ж.К., Никкарева Е.В.** «Прародительский текст» в повести Дарьи Доцук «Голос»..... 59

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ

- Любеева С.В.** Специфика анализа конфликта поколений в литературе о миграции на примере романа Х. Курейши «Будда из пригорода» 74
- Savinich S.S., Shalimova N.S.** Through the Eyes of a Teenager: The Way from Conflict to Compromise with the Society (Савинич С.С., Шалимова Н.С. Глазами подростка: путь от конфликта с обществом к компромиссу)..... 83
- Šoškic R.V.** Postdramatic Performativity and the Aesthetics of Power in Harold Pinter's *The Homecoming* (Шошкич Р.В. Постдраматическая перформативность и эстетика власти в «Возвращении домой» Гарольда Пинтера)..... 94
- Mihsin H.J.** Poetics of Identity: Feeling “Othering” in Layli Long Soldier's Poem “38” (Михсин Х.Дж. Поэтика идентичности: концепт «отчуждения» в стихотворении Лейли Лонг Солджер «38»)..... 105
- Darmawan R.I., Indriyanto K., Rosyidi M.I., Thohiriyah.** Silent Witnesses: Phycritical Readings of Mangroves as Mnemonic Devices in Leila S. Chudori's *The Sea Speaks His Name* (Дармаван Р.И., Индрийанто К., Росийди М.И., Тохирия. Безмолвные свидетели: роль мангровых лесов как носителей памяти в романе Лейлы С. Чудори «Море говорит его имя»)..... 123

ЖУРНАЛИСТИКА

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ МЕДИА

- Шариков А.В.** Представленность президентов Российской Федерации и США в англоязычных онлайн-источниках в 2024–2025 гг. 134
- Григорьева М.В., Зверев С.А., Кожемякин Е.А.** Амбивалентность ценностей успеха в российском цифровом дискурсе..... 151
- Балакина Ю.В.** Цифровая фотография в эпоху социальных медиа: между правдой и вымыслом 163

МЕДИАПОЛИТИКА

- Маркина Ю.В., Си Л.** Гибридная модель китайских медиакорпораций: между партийным контролем и глобальной экспансией..... 175
- Nigmatullina K.R., Kasymov R.M., Ashour H.Y.J.** Automating Public Feedback: A Big Data Study of Deliberation in Social Media (Нигматуллина К.Р., Касымов Р.М., Ашур Х.Ю.Д. Автоматизация анализа общественной обратной связи в социальных сетях)..... 189
- Котов А.А.** Трансформация коммуникационных стратегий российских лоббистских структур в условиях санкционного давления 204

РЕКЛАМА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

- Rovenskiikh A.V., Marchenko A.N.** The Representation of Women in Medical Clinic Advertising in Russia, India, and South Africa (Ровенских А.В., Марченко А.Н. Репрезентация женщин в рекламе медицинских клиник в России, Индии и Южной Африке)..... 219
- Nguyen V.T., Tran T.T.D.** Framing Russia in Vietnam: A Comparative Analysis of National Day Media Coverage (Нгуен В.Т., Чан Т.Т.З. Фрейминг России во Вьетнаме: сравнительный анализ освещения Национального дня в СМИ)..... 231

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

- Морева А.Н.** Границы дисциплин и преждевременная институализация коммуникационных наук: интервью с профессором Владимиром Тулуповым..... 243

ГЕНЕРАТИВНЫЕ МЕДИА: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ВОСПРИЯТИЕ

- Кемарская И.Н.** Эпоха искусственного интеллекта в медиа: концепция «раб – созерен – коллега».... 251

ОБЗОРЫ

- Козлова А.В.** Анализ тональности в исследованиях массовой коммуникации: систематический обзор методов и направлений..... 265

РЕЦЕНЗИИ

- Алейников О.Ю., Коваленко А.Г.** На перекрестках творческих созвучий. Рецензия на книгу: Мальгина Н.М. Андрей Платонов: диалоги с предшественниками и современниками. СПб. : Нестор-История, 2025. 400 с. 277

CONTENTS

LITERARY STUDIES

HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

- Nikitina D.M.** The History of A.F. Voeykov’s Journal *Novosti Literaturny*: How the May 1825 Issue Was Not Banned 7
- Kubasov A.V.** The Meaning-Forming Function of the “Duse Text”: Structuring of Arkadina’s Image in A.P. Chekhov’s Comedy *The Seagull* 18
- Mytareva A.V.** Leonid Andreev’s Story *Chemodanov* as a Hagiography of the ‘Nizhechelovek’ 39
- Liu N., Titarenko S.D.** Intermediality of the Waltz *On the Hills of Manchuria* in the Far Eastern Text and the Problem of East-West Cultural Interaction 49

CONTEMPORARY LITERATURE

- Gaponova Zh.K., Nikkareva E.V.** The Progenitors Supertext in Daria Dotsuk’s Novella *The Voice* 59

FOREIGN LITERATURES

- Lyubeeva S.V.** Analysis Specificity of Generational Conflict in Migration Literature on H. Kureishi’s Novel *The Buddha of Suburbia* 74
- Savinich S.S., Shalimova N.S.** Through the Eyes of a Teenager: The Way from Conflict to Compromise with the Society 83
- Šoškić R.V.** Postdramatic Performativity and the Aesthetics of Power in Harold Pinter’s *The Homecoming* 94
- Mihsin H.J.** Poetics of Identity: Feeling “Othering” in Layli Long Soldier’s Poem “38” 105
- Darmawan R.I., Indriyanto K., Rosyidi M.I., Thohiriyah.** Silent Witnesses: Phytocritical Readings of Mangroves as Mnemonic Devices in Leila S. Chudori’s *The Sea Speaks His Name* 123

JOURNALISM

HISTORY AND THEORY OF MEDIA

- Sharikov A.V.** Media Coverage of Russian and US Presidents in English-Language Online Sources in 2024–2025 134
- Grigoreva M.V., Zverev S.A., Kozhemyakin E.A.** Ambivalence of Success Values in Russian Digital Discourse 151
- Balakina Yu.V.** Photography in the Age of Social Media: Between Truth and Fiction 163

MEDIA POLICY

- Markina Yu.V., Xi L.** The Hybrid Model of China’s Media Corporations: Between Party Control and Global Expansion 175
- Nigmatullina K.R., Kasymov R.M., Ashour H.Y.J.** Automating Public Feedback: A Big Data Study of Deliberation in Social Media 189
- Kotov A.A.** The Transformation of Communication Strategies of Russian Lobbying Entities under Sanctions Pressure 204

ADVERTISING AND PUBLIC RELATIONS

- Rovenskih A.V., Marchenko A.N.** The Representation of Women in Medical Clinic Advertising in Russia, India, and South Africa 219
- Nguyen V.T., Tran T.T.D.** Framing Russia in Vietnam: A Comparative Analysis of National Day Media Coverage 231

INTERVIEW

- Moreva A.N.** Disciplinary Boundaries and the Acceleration of Institutionalization in Communication Studies: Interview with Professor Vladimir Tulupov 243

GENERATIVE MEDIA: THEORY, PRACTICE, RECEPTION

- Kemarskaya I.N.** The Era of Artificial Intelligence in Media: The “Slave – Suzerain – Colleague” Concept 251

REVIEWS

- Kozlova A.V.** Sentiment Analysis in Mass Communication Research: A Systematic Review of Methods and Approaches 265

BOOK REVIEWS

- Aleinikov O.Yu., Kovalenko A.G.** (2026). At the Crossroads of Creative Consonances. Book Review: Malygina, N.M. (2025). Andrey Platonov: Dialogues with Predecessors and Contemporaries. St. Petersburg: Nestor-History Publ. (In Russ.) 177

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
LITERARY STUDIES
HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-1-7-17

EDN: WFKFVN

УДК 82.91:351.751.5

Научная статья / Research article

**Из истории журнала «Новости литературы»
А.Ф. Воейкова: несостоявшееся запрещение
майского номера за 1825 год**

Д.М. Никитина

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва,
Российская Федерация*
✉ acizmexx@mail.ru

Аннотация. Рассмотрен неизвестный эпизод из истории российской журналистики и цензуры первой половины XIX в. – попытка запрещения майского номера «Новостей литературы» за 1825 г., инициированная митрополитом Серафимом за публикацию А.Ф. Воейкова «Воспоминания о селе Савинском и о добродетельном его хозяине», посвященного И.В. Лопухину и его усадьбе. Проанализированы содержание произведения, включая его художественно-стилистические особенности и жанровое своеобразие, историко-культурный контекст, а также изображение и авторская оценка личности Лопухина. На основе архивных документов, хранящихся в фонде канцелярии министра народного просвещения Российского государственного исторического архива, реконструирована история официальной реакции на публикацию: оценены и разъяснены ее мотивы, рассмотрена переписка между Министерством народного просвещения и Министерством внутренних дел по вопросу о возможной конфискации тиража номера и мерах, необходимых для ее осуществления. Продемонстрировано, насколько уязвимыми оказывались издатели и авторы перед вмешательствами со стороны влиятельных чиновников и церковных иерархов, даже после получения официального цензурного разрешения, раскрыты особенности функционирования русской периодической печати в подобных условиях.

Ключевые слова: А.Ф. Воейков, И.В. Лопухин, Савинское, литературные «путешествия», «Новости литературы»

© Никитина Д.М., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 30 сентября 2025 г.; отрецензирована 15 ноября 2025 г.; принята к публикации 18 декабря 2025 г.

Для цитирования: *Никитина Д.М.* Из истории журнала «Новости литературы» А.Ф. Воейкова: несостоявшееся запрещение майского номера за 1825 год // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 1. С. 7–17. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-7-17> EDN: WFKFVN

The History of A.F. Voyeykov's Journal *Novosti Literaturny*: How the May 1825 Issue Was Not Banned

Dinara M. Nikitina

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation*

✉ acizmexx@mail.ru

Abstract. A little-known case in the history of Russian journalism and censorship in the first half of the 19th century is examined. It concerns an attempt to ban the May 1825 issue of the *Novosti Literaturny*. The ban was proposed by Metropolitan Serafim due to the article by A.F. Voyeykov titled *Memories of the village of Savinskoe and its virtuous owner*. The article tells about the life of I.V. Lopukhin and his estate. The article examines in detail the content of “Memoirs”, its style and genre, historical and cultural background, as well as the portrayal and evaluation of Lopukhin’s personality. The author of the article studied archival documents from the Russian State Historical Archive to describe how the official authorities responded to the publication. The reasons for the ban are analyzed, along with correspondence between the Ministry of National Education and the Ministry of Internal Affairs regarding the confiscation of the journal and the methods of its implementation. The work demonstrates how publishers and authors were vulnerable to pressure from influential officials and the church, even if they were officially permission to publish materials. It also reveals the peculiarities of the functioning of the Russian press under such conditions.

Keywords: A.F. Voyeykov, I.V. Lopukhin, Savinskoe, travelogue, *Novosti Literaturny*

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted September 30, 2025; revised November 15, 2025; accepted December 18, 2025.

For citation: Nikitina, D.M. (2026). The History of A.F. Voyeykov’s Journal *Novosti Literaturny*: How the May 1825 Issue Was Not Banned. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(1), 7–17. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-7-17> EDN: WFKFVN

Введение

Журнал «Новости литературы», издававшийся А.Ф. Воейковым в Санкт-Петербурге с 1822 по 1826 г. (по 1824 г. совместно с поэтом, критиком и переводчиком В.И. Козловым), занимает особое место в истории русской литера-

турной периодики первой четверти XIX в. Будучи литературным приложением к военной газете «Русский инвалид», «Новости литературы» постепенно стали одним из заметных периодических изданий 1820-х.

История журнала до сих пор остается малоисследованной. В настоящей статье на основе материалов фонда канцелярии министра народного просвещения¹ подробно анализируется малоизвестный эпизод – попытка запрета майского номера за 1825 г., инициированная митрополитом Серафимом. Этот случай ранее упоминался в научной литературе (Никитина, 2021, с. 2918), однако впервые он вводится в научный оборот в качестве предмета специального исследования, с более широким привлечением архивных документов и развернутым комментарием. Этот материал показывает, как судьба уже вышедших публикаций зависела от частной инициативы влиятельных лиц, дополняет представление о системе контроля и условиях существования русской периодики конца эпохи Александра I.

Результаты и обсуждение

«Новости литературы» были традиционным литературным журналом того времени. Они включали прозаический раздел с оригинальными и переводными произведениями и поэтический раздел (среди авторов – В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, Е.А. Боратынский и многие другие). Частым автором был и Воейков. С одним из его очерков – «Воспоминанием о селе Савинском и о добродетельном его хозяине»² («Воспоминание о Савинском») – и связана наша статья.

Этим произведением открывается майский номер 12-й книжки за 1825 г. Номер поступил в цензуру 21 мая 1825 г.³, цензурное разрешение на его выход 26 мая выдал А.С. Бируков⁴. Согласно Книге регистрации билетов, выданных на выпуск изданий из типографии, билет в Военную типографию на майский номер выдан 3 июня⁵. Майский номер, согласно «Донесению о рассмотренных и одобренных С. Петербургским цензурным комитетом рукописях и печатных книгах за май месяц 1825 года», доставлен в цензуру 3 июля, и в тот же день выдан билет на его выпуск⁶. Возможно, в последней записи содержится неточность: речь шла не о майском номере как отдельном выпуске, а о 12-й книжке, в состав которой он входил. Это косвенно подтверждает и надпись на обороте титула 12-й книжки: «Печатать позволяется с тем, чтобы до выпуска из типографии были представлены в Цензурный комитет семь

¹ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 26. О запрещении «Новостей литературы» за май месяц 1825 г. за напечатание статьи «Воспоминания о селе Савинском и добродетелях ее хозяина».

² Воейков А.Ф. Воспоминание о селе Савинском и о добродетельном его хозяине // Новости литературы. 1825. Кн. XII. Май. С. 65–90.

³ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 446. Л. 54 об.

⁴ Новости литературы. 1825. Кн. 12. С. 144.

⁵ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 370. Л. 82 об.

⁶ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 446. Л. 61.

экземпляров сей книги для препровождения куда следует. С. Петербург, июля 2-го дня 1825-го года. Цензор А. Бируков».

«Воспоминание о Савинском» посвящено усадьбе И.В. Лопухина, философа, мемуариста, публициста, государственного деятеля и одного из видных представителей русского масонства. Воейков был не первым, кто посвятил свое произведение усадьбе. Савинское уже становилось объектом художественных впечатлений литераторов (В.А. Жуковского, И.М. Долгорукова, А.И. Ковалькова и др.). По наблюдению Н.К. Гаврюшина, по сравнению с тем, что известно об имении Лопухина, в тексте Воейкова «появляется не так много новых деталей» (2002, с. 243). Однако этот очерк представляет интерес не только как памятник художественного описания подмосковного ландшафта, но и как произведение, в котором отчетливо звучат мировоззренческие установки автора, его представления о религиозной терпимости и гуманизме.

Кроме того, «Воспоминание о Савинском» – это неоднозначное по своей жанровой форме, многоплановое произведение, имеющее свои художественные достоинства. Текст представляет собой очерк, в котором есть и воспоминания, и описания, и экскурс в историю, и биографические фрагменты, и рассказ о прогулке по усадьбе. Он знакомит читателей с историей Савинского, его садово-парковым пространством, водно-прудовой системой, с государственной, личной и творческой биографией хозяина. Текст насыщен упоминаниями других усадеб и имений, именами поэтов, философов, названиями произведений, рассказами об исторических событиях. Он наполнен цитатами и самоцитатами, аллюзиями, реминисценциями, стилизациями, обращениями к литературным соратникам (Никитина, 2022).

Выбор в качестве предмета описания имения Лопухина не случаен. С одной стороны, входящее в так называемый цикл подмосковных литературных путешествий, наряду с появившимися ранее в печати очерками «Прогулка в селе Кусково» и «Царицыно», «Воспоминание о Савинском» в определенном смысле является продолжением переведенной и изданной в 1816 г. Воейковым поэмы «Сады, или Искусство украшать сельские виды» Ж. Делиля (Никитина, 2025).

С другой стороны, Воейкова с Лопухиным и его имением связывали определенные биографические обстоятельства. Лопухин пользовался большим уважением в кругу, к которому принадлежал Воейков, прежде всего среди братьев Тургеневых и Жуковского⁷, с которыми Воейков был знаком, вероятно, еще со времен обучения в Московском университетском благородном пансионе. Позднее всех их объединяло участие в литературных кружках – в Дружеском литературном обществе или «Арзамасе». Так, Андрей Тургенев был

⁷ См.: Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. СПб. : В тип. Императорской Академии наук, 1911. С. 31; Пиксанов Н.К. Лопухин Иван Владимирович // Масонство в его прошлом и настоящем / под ред. С.П. Мельгунова, Н.П. Сидорова. Т. 1. М. : Задруга : К.Ф. Некрасов, 1914. С. 237; Жуковский В.А. А.И. Тургеневу. 15 сентября 1809 г., Белев // Полное собрание сочинений и писем : в 20 томах. Т. 15: Письма 1795–1817-х годов / ред. О.Б. Лебедева. 2-е изд. М. : Издательский Дом ЯСК, 2019. С. 77.

членом «поддевического» братства, Николай Тургенев – арзамасского, а Жуковский, Александр Тургенев и Воейков входили в оба общества. Кроме того, Воейкова и Жуковского связывали не только литературные интересы, но и родственные отношения: с 1815 г. Воейков был женат на племяннице Жуковского – А.А. Протасовой.

С глубоким уважением относился к Лопухину и Воейков. Еще не будучи знакомым с ним, он посвятил ему послание, которое было опубликовано в 1807 г. в «Вестнике Европы» под названием «И. В. Л.». В 1824 г. Воейков отзывается о Лопухине также с большим почтением: «Сенатор И.В. *Лопухин* принадлежит к тем людям, коих память воскрешает в душе сладкое и тихое чувство умиления-любви, а не удивления-страха. Имя его произносится с благословением, с признательностью, со слезами. Он всему на свете предпочитал добродетель; его жизнь – непрерывная цепь благотворений»⁸.

Значительная часть текста «Воспоминания о Савинском» посвящена биографии Лопухина. Особое внимание уделено делу о духоборцах – христианской религиозной секты (Сушкова, 2021), первые судебные процессы против которых начались в правление императрицы Екатерины II. В судьбе духоборцев Лопухин сыграл важную роль. Он познакомился с ними лично в 1801 г., когда приехал в Слободско-Украинскую губернию во время конфликта, возникшего между местными властями и духоборцами, освобожденными из ссылки Александром I и вернувшимися на прежнее место жительства. В донесениях императору Лопухин изложил свою точку зрения на конфликт и представил прошение духоборцев о возможности выделения территории для проживания, отдельной от православных. Эта идея компактного и изолированного проживания духоборцев пришлась по душе Александру I. В результате император издал указ, разрешающий духоборцам переселиться в Таврическую губернию, вдоль реки Молочные воды. В дальнейшем гуманное отношение Лопухина к духоборцам привело к обвинениям в его адрес о поворстве этим людям (Иникова, 2022).

Воейков также выделяет просветительскую и литературную деятельность Лопухина, подчеркивая его духовные и нравственные достоинства. Среди трудов, имеющих особую ценность, Воейков называет «Рассуждение о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями, и опровержение их вредных правил», «Некоторые черты о внутренней церкви, о едином пути истины и о различных путях заблуждения и гибели, с присовокуплением краткого изображения качеств и должностей истинного христианина», «Духовный рыцарь, или искатель премудрости», «Отрывки для чтения верующим» и др.

Лопухин, будучи членом масонского движения, активно способствовал распространению идей этого тайного общества. Его перу принадлежит большое количество трудов на подобную тематику (Драгайкина, 2011, с. 39–81), и некоторые из них названы Воейковым. В частности, сочинение «Духовный

⁸ Воейков А.Ф. Воспоминание о селе Савинском и о добродетельном его хозяине // Новости литературы. 1825. Кн. XII. Май. С. 75. Курсив здесь и во всех последующих цитатах дан согласно оригиналу – Д.Н.

рыцарь, или Ищущий премудрости» пользовалось широкой популярностью и распространялось в списках. Оно посвящено описанию масонских ритуалов и включает ранее написанный «Нравоучительный катехизис истинных франк-масонов», в котором Лопухин стремится обосновать тождественность масонства и христианства⁹. Как отметил Н.К. Пиксанов, эта книга – «в своем роде церковный устав»¹⁰.

«Воспоминание о Савинском» посвящено конкретному эпизоду из жизни Воейкова и его окружения: в 1808 г. литератор вместе с Жуковским и поэтом и переводчиком З.А. Буринским побывали в усадьбе и пробыли там неделю (Симанков, 2020, с. 295–296). Впечатлениями от прогулки по усадьбе, ее природе делится Воейков в тексте: «Мы с товарищами прогостили целую неделю в этой райской пустыне. Иногда ездили верхом по окрестностям, катались в лодке, слушали песни; смотрели, как поселянки играли в хороводы; пленялись изящною красотой садов; но всего более любили слушать беседы добродетельного вельможи – нашего хозяина»¹¹.

В целом очерк можно охарактеризовать как лирическое, проникнутое личными чувствами, гуманистическими мотивами и ностальгическим настроением произведение.

Однако представители церковной власти восприняли текст иначе. После выхода майского номера «Новостей литературы» 16 июня 1825 г. в Министерство народного просвещения на имя министра А.С. Шишкова поступило обращение митрополита Серафима по поводу опубликованного «Воспоминания о Савинском». Митрополит предложил запретить очерк, чтобы его распространение «не произвело превратных в народе понятий о намерении правительства»¹², и необходимость запрета обосновал двумя причинами. Первая заключалась в том, что «обнародование неуместной похвалы покойному И.В. Лопухину, весьма много содействовавшему в распространении книг духовно-нравственного содержания, написанных в духе, противном учению нашей церкви, и в то время, когда правительство обращает бдительное внимание на прекращение вреда, причиненного их обращением, кажется <...> вовсе не соответствующим принимаемым на сей конец мерам, как по Министерству народного просвещения, так и по ведомству Святейшего синода, и в особенности указу сего последнего от 14 мая всего года»¹³. Вторая причина виделась ему в том, что сочинение Воейкова «подает ложное понятие о терпимости и открывает распоряжения правительства относительно к раскольнической секте духоборцев совершенно односторонним образом и без полного объема

⁹ Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. К–П. СПб. : Наука, 1999. С. 230.

¹⁰ Пиксанов Н.К. Лопухин Иван Владимирович // Масонство в его прошлом и настоящем / под ред. С.П. Мельгунова, Н.П. Сидорова. Т. 1. М. : Задруга : К.Ф. Некрасов, 1914. С. 247.

¹¹ Воейков А.Ф. Воспоминание о селе Савинском и о добродетельном его хозяине // Новости литературы. 1825. Кн. XII. Май. С. 75.

¹² РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 26. Л. 1–2 об. Подробнее об историческом контексте эпохи, государственно-церковных отношениях и борьбе «православной партии» с мистицизмом см.: (Андреева, 2008; Кондаков, 1997; 1998; Минаков, 2013; Приходько, 2021).

¹³ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 26. Л. 1, 1 об.

сего дела, какового и нельзя иметь в виду частному человеку для непогрешительного о нем суждения»¹⁴.

Митрополит Серафим (в миру Стефан Васильевич Глаголевский), с 1821 г. митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский, активно боролся с мистическими и масонскими идеями. Сыграл важную роль в закрытии Российского библейского общества (к слову, туда входил и Лопухин¹⁵), которое возникло в январе 1813 г. при Александре I с целью сделать доступной для широкой публики Библию, существовавшую на территории Российской империи на церковнославянском языке. Митрополит опасался распространения вольнодумства и выступал против перевода Священного Писания на русский и другие языки, боясь искажения текста и, как следствие, его неверных интерпретаций¹⁶.

Постановление Министерства народного просвещения «Об отобрании от всех духовных училищ, мест и лиц книг, заключающих в себе учения, противные вере и благочестию», инициатором которого выступил митрополит Серафим, вышло 14 мая 1825 г. В документе речь шла об определенных книгах, напечатанных в частных типографиях без рассмотрения Святейшего синода, которые митрополит предлагал запретить по причине содержания «ложных и соблазнительных о Священном Писании толкований»¹⁷. Апеллируя в своем обращении к этому постановлению, митрополит, по сути, отсылал к документу, который относился к «Воспоминанию о Савинском» лишь опосредованно – в сочинении Воейкова никакие запрещенные труды не упоминались. Однако журналист в своем тексте не только нарисовал благоприятный образ Лопухина, чья философия шла вразрез с консервативными убеждениями Серафима, но и в комплиментарном для Лопухина виде представил решение дела о духовоборцах: «Александр I, вскоре после коронации, поручил сенаторам И.В. Лопухину и Ю.А. Нелединскому-Мелецкому произвести в Слободско-Украинской губернии следствие по делу о раскольнической секте духовоборцев. Нельзя было выбрать людей, более достойных сего важного поручения. Надлежало вывести на правую дорогу людей заблудившихся, ожесточенных; остановить неблагоприятные, крутые меры местного правительства и внушить ему, что не истязаниями, а единственно христианским милосердием можно возвратить их в недра православной церкви»¹⁸.

Неоднозначно выказал свою позицию Воейков по отношению к духовоборству: называя их изуверами, а их взгляды – ересью, он вместе с тем пишет о них как о добропорядочных гражданах: «Впоследствии времени, сии

¹⁴ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 26. Л. 1 об.

¹⁵ Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. К–П. СПб.: Наука, 1999. С. 234.

¹⁶ Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 8. СПб., 1884. С. 32–45.

¹⁷ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. С. Петербург: В тип. Императорской академии наук, 1864. 1624–1625 стлб.

¹⁸ Воейков А.Ф. Воспоминание о селе Савинском и о добродетельном его хозяине // Новости литературы. 1825. Кн. XII. Май. С. 81.

упорные изуверы, по собственному желанию, перенесли свои жилища на Молочные воды, отделяясь от других селений. Там живут они спокойно, платят подати, повинуются властям, над ними поставленным, и, благодаря сим мудрым и человеколюбивым мерам правительства, не увлекают легковверных в свою пагубную ересь»¹⁹. Такая характеристика, очевидно, противоречившая охранительным установкам митрополита Серафима, не могла не вызвать его негативную реакцию.

Запрет уже вышедших номеров не входил в сферу ведения Министерства народного просвещения. Министерство могло отклонить статьи на этапе предварительной цензуры, однако если материалы были пропущены, а билет на выпуск журнала выдан, дальнейшее вмешательство становилось невозможным. По этой причине Шишков обратился к управляющему Министерством внутренних дел В.С. Ланскому с сообщением о том, что он получил замечания от митрополита Серафима, обеспокоенного «Воспоминаниями о Савинском», вышедшими в майском номере, который «полезно бы было подвергнуть запрещению, дабы дальнейшее обращение оной не произвело превратных в народе понятий о намерениях правительства относительно раскольнической секты духоборцев»²⁰.

В ответном письме Шишкову Ланской 23 июня 1825 г. согласился с необходимостью запрета майского номера и предложил два способа его реализации. Первый вариант предполагал «общую меру конфискации в рассуждении всех выпущенных в публику экземпляров»²¹, которая, по его мнению, могла бы вызвать нежелательную огласку и усилить общественный интерес к запрещенной статье. Поэтому для ее проведения требовалось «высочайшее повеление»²². Второй вариант заключался в изъятии лишь тех экземпляров, «которые теперь остаются на лицо у издателя г<осподина> коллежского советника и кавалера Воейкова»²³. Поскольку он служил в ведомстве Министерства народного просвещения (согласно формулярному списку в 1825 г. был классным инспектором и ординарным профессором российской словесности в Артиллерийском училище²⁴), изъятие можно было осуществить без участия полиции, через само министерство. Но в случае необходимости полицейского вмешательства Министерство внутренних дел должно было сообщить об этом Санкт-Петербургскому военному генерал-губернатору.

В свой черед, Шишков, взвесив все обстоятельства, пришел к выводу, что запрещение номера журнала создаст больше проблем, чем решит, поскольку привлечет ненужное внимание и к статье, и к фигуре Лопухина. Ответив Ланскому лишь 13 августа 1825 г., Шишков сообщил ему, что Воейков получил

¹⁹ *Воейков А. Ф.* Воспоминание о селе Савинском и о добродетельном его хозяине // *Новости литературы*. 1825. Кн. XII. Май. С. 84.

²⁰ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 26. Л. 3.

²¹ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 26. Л. 5 об.

²² РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 26. Л. 5–6 об.

²³ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 26. Л. 6.

²⁴ РО ИРЛИ. Ф. 81. Ед. хр. 35. Л. 6–7 об.

«лично самое строгое замечание»²⁵. Таким образом, история с возможным запрещением майского номера «Новостей литературы» завершилась для его издателя сравнительно благополучно.

Заключение

История с несостоявшимся запретом майского номера *Новостей литературы* за 1825 г. демонстрирует не столько усиление государственной цензуры, сколько уязвимость редакторов перед частной инициативой влиятельных лиц. Даже после официального разрешения публикация могла быть подвергнута угрозе по личной воле высокопоставленного чиновника или церковного иерарха. В данном случае решающую роль сыграл интерес митрополита Серафима к фигуре Лопухина и делу духоборцев. Материал, не затрагивавший политику, внезапно оказался в центре административного давления, а издатель-автор – под угрозой взысканий.

Список литературы

- Андреева Т.В.* Александр I и мифологема «Всеевропейского заговора революционеров» // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2008. № 4-1. С. 25–34.
- Гаврюшин Н.К.* Когда Боратынский был в Савинском? // К 200-летию Боратынского. М. : ИМЛИ РАН, 2002. С. 240–247.
- Драгайкина Т.А.* Литературная и издательская деятельность И.В. Лопухина: мировоззренческие основы и стратегии жизнотворчества : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Место защиты: Томский гос. ун-т]. Томск, 2011. 269 с.
- Иникова С.А.* Сенатор И.В. Лопухин и духоборцы в Таврии // Этнография Крыма XIX–XXI вв. и современные этнокультурные процессы : сб. тезисов докладов V Международ. науч.-практ. конф., посвящ. 30-летию Крымского этнографического музея, Симферополь, 21–23 сентября 2022 г. / науч. ред. В.Е. Науменко. Симферополь : Антиква, 2022. С. 34–36. EDN: NJXWKD
- Кондаков Ю.Е.* Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). СПб. : Нестор, 1998. 223 с.
- Кондаков Ю.Е.* Личность и государственная деятельность князя А.Н. Голицына // Личность и власть в истории России XIX–XX веках : материалы науч. конф. / отв. ред. А.Н. Цамутали. СПб. : Нестор, 1997. С. 117–126.
- Минаков А.Ю.* Обстоятельства возникновения и деятельность «православной партии» в 1820-е гг. // Христианское чтение. 2013. № 1. С. 25–38.
- Никитина Д.М.* Жанровые особенности описаний А.Ф. Воейковым подмосковных усадеб // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 10. С. 2912–2921.
- Никитина Д.М.* Литературный диалог и полемика А.Ф. Воейкова с Ж. Делилем: от перевода поэмы «Сады, или Искусство украшать сельские виды» к «путешествиям» по подмосковным усадьбам // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 3. С. 71–88. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2025.15302> EDN: HEXHIU
- Никитина Д.М.* Описания подмосковных усадеб, или послания А.Ф. Воейкова к Дружескому литературному обществу и В.А. Жуковскому // Ревнитель Просвещения : сб. статей к 90-летию почетного профессора МПГУ Валентина Ивановича Корovina /

²⁵ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 26. Л. 7.

сост. Е.Е. Дмитриева, С.В. Сапожков. М. : Литфакт, 2022. С. 293–302. EDN: XXXPBY

Приходько М.А. Синод и Министерство духовных дел и народного просвещения в 1817–1824 гг. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 1(6). С. 193–197. https://doi.org/10.47132/2587-8425_2021_1_193 EDN: ККРQYY

Симанков В. «Вестник Европы» (1802–1810): источники переводов, авторство анонимных и псевдонимных текстов. Материалы к каталогу // Acta Slavica Estonica XII. Пушкинские чтения в Тарту 6. Вып. 2. Пушкинская эпоха / отв. ред. Р. Лейбов, Н. Охотин. Тарту : University of Tartu Press, 2020. С. 272–362.

Сушкова Ю.Н. Возникновение секты духоборов и ее идеология // Философия социальных коммуникаций. 2013. № 2(23). С. 156–157. EDN: QYZYJB

References

- Andreeva, T.V. (2008). Alexander I and the mythologeme of the “All-European conspiracy of revolutionaries”. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, (4-1), 25–34. (In Russ.)
- Dragaykina, T.A. (2011). Literary and publishing activity of I.V. Lopukhin: ideological foundations and strategies of life-creation [Unpublished doctoral dissertation]. Tomsk State University. (In Russ.)
- Gavryushin, N.K. (2002). When did Baratynsky visit Savinskoe? In *On the 200th Anniversary of Baratynsky* (pp. 240–247). Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.)
- Inikova, S.A. (2022). Senator I.V. Lopukhin and the dukhobors in Tavria. In V.E. Naumenko (ed.), *Ethnography of Crimea in the 19th–21st Centuries and Contemporary Ethnocultural Processes: Collection of Abstracts of Reports from the V International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 30th Anniversary of the Crimean Ethnographic Museum, September 21–23, 2022, Simferopol* (pp. 34–36). Simferopol: Antikva Publ. (In Russ.) EDN: NJXWKD
- Kondakov, Yu.E. (1997). Personality and state activity of Prince A.N. Golitsyn. In A.N. Tsamutali (Ed.), *Personality and Power in the History of Russia in the 19th–20th Centuries* (pp. 117–126). St. Petersburg: Nestor Publ. (In Russ.)
- Kondakov, Yu.E. (1998). *Spiritual and Religious Policy of Alexander I and the Russian Orthodox Opposition (1801–1825)*. St. Petersburg: Nestor Publ. (In Russ.)
- Minakov, A.Yu. (2013). Circumstances of the emergence and activity of the “Orthodox party” in the 1820s. *Christian Reading*, (1), 25–38. (In Russ.)
- Nikitina, D.M. (2022). Descriptions of estates near Moscow, or A.F. Voeikov’s letters to the Friendly Literary Society and V.A. Zhukovsky. In E.E. Dmitrieva, S.V. Sapozhkov (Compilers), *A Zealot of Enlightenment: A Collection of Articles for the 90th Anniversary of the Honorary Professor of Moscow Pedagogical State University Valentin Ivanovich Korovin* (pp. 293–302). Moscow: Litfakt Publ. (In Russ.) EDN: XXXPBY
- Nikitina, D.M. (2021). Genre features of descriptions of estates near Moscow by A.F. Voeikov. *Philology. Theory & Practice*, 14(10), 2912–2921. (In Russ.)
- Nikitina, D.M. (2025). Literary dialogue and polemics of A.F. Voeikov and J. Delille: from the translation of the poem “Les Jardins, en Quatre Chants” to travelogues dedicated to the manors of the Moscow region. *The Problems of Historical Poetics*, 23(3), 71–88. (In Russ.) <https://doi.org/10.15393/j9.art.2025.15302> EDN: HEXHIU
- Piksanov, N.K. (1914). Lopukhin Ivan Vladimirovich. In S.P. Mel’gunov, N.P. Sidorov (Eds.), *Freemasonry in Its Past and Present* (Vol. 1, pp. 227–255). Moscow: Zadruga: K.F. Nekrasov Publ. (In Russ.)

- Prikhodko, M.A. (2021). The Synod and the Ministry of religious affairs and public education in 1817–1824. *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy* (1), 193–197. (In Russ.) https://doi.org/10.47132/2587-8425_2021_1_193 EDN: KKPQYY
- Simankov, V. (2020). Vestnik Evropy (1802–1810): Literary sources & authorship of anonymous or pseudonymous texts (a supplement to the catalogue). In R. Leibov, N. Okhotin (Eds.), *Acta Slavica Estonica XII. Pushkin Readings in Tartu 6. Pushkin's Era* (Vol. 2, pp. 272–362). University of Tartu Press. (In Russ.)
- Sushkova, Yu.N. (2013). Origin of Doukhor sect and its ideology. *Philosophy of Social Communications*, (2), 156–157. (In Russ.) EDN: QYZYJB

Сведения об авторе:

Никитина Динара Маратовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела аспирантуры, Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Российская академия наук, Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1. ORCID: 0000-0002-5892-5941; SPIN-код: 7518-8423. E-mail: acizmexx@mail.ru

Bio note:

Dinara M. Nikitina, PhD in Philology, Researcher at the Department of Postgraduate Studies, A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, 25A Povarskaya St, bldg 1, Moscow, 121069, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-5892-5941; SPIN-code: 7518-8423. E-mail: acizmexx@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-1-18-38

EDN: WGFGIO

УДК 821.161.1-22(Чехов А.П.):792.071

Научная статья / Research article

Смыслообразующая функция «текста Дузе»: структура образа Аркадиной в комедии А.П. Чехова «Чайка»

А.В. Кубасов

*Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Российская
Федерация*

✉ kubas2002@mail.ru

Аннотация. Анализируется структура образа героини и ее значимость для проблематики комедии Чехова. Одним из условий для адекватного трактования образа Аркадиной признается ее проекция на великую итальянскую актрису Элеонору Дузе. Дается определение понятия «текст Дузе». Под ним понимается структурно-семантический конструкт, в котором отражен идеал и образец драматического актера рубежа XIX–XX вв. и который характеризуется феноменологичностью в кантовском смысле, так как доступен реципиентам не непосредственно, а лишь по чужим интерпретациям. Доказывается, что образ Аркадиной построен Чеховым с ориентацией на трех реальных актрис. С одной стороны, это Дузе и Сара Бернар, а с другой – Лидия Яворская. Если Бернар и Дузе Чехов видел только на сцене, то с Яворской был хорошо лично знаком. Дузе, с точки зрения автора комедии, – недостижимый эталон для Яворской, тогда как Сара Бернар служила ей более доступным ориентиром для подражания. Все эти черты характера реальных актрис отразились в образе Аркадиной. Вопреки названию комедии она признается ее главной героиней. «Чайка» – пьеса прежде всего о театре и ее людях. Аркадина видит окружающих сквозь призму театральных ролей, превращая тем самым реальную действительность в некое подобие сценических подмостков. Метатеатральность присуща всем эпизодам, в которых участвует Аркадина. Участники диалога с актрисой, как правило, не распознают источника ее поведения, так как находятся вне зоны влияния театрального или литературного контекста, довлеющего над ее сознанием.

Ключевые слова: образ героя в драматургии, Чехов, «Чайка», Элеонора Дузе, метатеатральность, интертекстуальность

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 30 сентября 2025 г.; отрецензирована 15 ноября 2025 г.; принята к публикации 18 декабря 2025 г.

Для цитирования: *Кубасов А.В.* Смыслообразующая функция «текста Дузе»: структура образа Аркадиной в комедии А.П. Чехова «Чайка» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 1. С. 18–38. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-18-38> EDN: WGFGIO

© Кубасов А.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Meaning-Forming Function of the ‘Duse’s Text’: Structuring Arkadina’s Image in A.P. Chekhov’s Comedy *The Seagull*

Alexander V. Kubasov

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russian Federation
✉ kudas2002@mail.ru

Abstract. The structure of the heroine’s image and its significance for the problems of Chekhov’s comedy are analyzed. One of the conditions for an adequate understanding of the image of Arkadina is recognized as her projection onto the great Italian actress Eleonora Duse. The concept of ‘Duse’s text’ is defined. It is understood as a structural-semantic construct that reflects the ideal and model of a dramatic actor at the turn of the 19th-20th centuries. It is characterized by phenomenology in the Kantian sense, since it is accessible to recipients not directly, but only through other people’s interpretations. The author of the article proves that the image of Arkadina was constructed by Chekhov with an orientation towards three real actresses. On the one hand, there are Duse and Sarah Bernhardt, and on the other, there is Lydia Yavorskaya. If Chekhov saw Bernard and Duse only on stage, he was well acquainted with Yavorskaya personally. Duse, from the point of view of the author of the comedy, is an unattainable standard for Yavorskaya, while Sarah Bernhardt served as a more accessible role model for her. All these features of real actresses were reflected in the image of Arkadina. Despite the title of the comedy, she is recognized as its main character. *The Seagull* is a play, first of all, about the theatre and its people. Arkadina sees the people around her through the prism of theatrical roles, thereby turning reality into a kind of stage. Metatheatrical quality is inherent in all episodes in which Arkadina participates. Participants in a dialogue with an actress most often do not recognize the source of her behavior, since they are outside the zone of influence of the theatrical or literary context that dominates her consciousness.

Keywords: image of the hero in drama, Chekhov, *The Seagull*, Eleonora Duse, metatheatricality, intertext

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted September 30, 2025; revised November 15, 2025; accepted December 18, 2025.

For citation: Kubasov, A.V. (2026). The Meaning-Forming Function of the ‘Duse’s Text’: Structuring Arkadina’s Image in A.P. Chekhov’s Comedy *The Seagull*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(1), 18–38. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-18-38> EDN: WGFGIO

Введение

Аркадина с итальянской актрисой Дузе сравнивается почти в самом начале первого действия и играет роль исходной характеристики матери Треплева. Беседа с дядей, Костя говорит о ней:

Треплев. Ей уже досадно, что вот на этой маленькой сцене будет иметь успех Заречная, а не она. (*Посмотрев на часы.*) Психологический курьез – моя мать. Бесспорно талантлива, умна, способна рыдать над книжкой, отхватит тебе всего Некрасова наизусть, за больными

ухаживает, как ангел; но попробуй похвалить при ней Дузе! Ого-го! Нужно хвалить только ее одну, нужно писать о ней, кричать, восторгаться ее необыкновенною игрой в «*La dame aux camélias*» или в «Чад жизни», но так как здесь, в деревне, нет этого дурмана, то вот она скучает и злится, и все мы – ее враги, все мы виноваты¹.

Возникает ряд вопросов к приведенному фрагменту: «Почему Треплев сравнивает мать не с Сарой Бернар или с какой-то другой известной актрисой, а именно с Дузе? Почему в качестве примеров он называет пьесы Дюма-сына и Болеслава Маркевича, а не „Антония и Клеопатру“ Шекспира, которую Чехов видел с Дузе, и не „Татьяну Репину“ Суворина, которая была не менее популярна, чем „Чад жизни“»? Отвлекаясь от конкретики, в самом общем виде проблему можно сформулировать так: «Нужно ли искать некий дополнительный смысл в данном фрагменте, помимо того, что прямо и ясно в нем выражен»? В работе выдвигается гипотеза, что добавочный подтекстный смысл отрывку придает имя итальянской актрисы.

Обратимся вначале к письмам Чехова и литературно-публицистическому контексту начала 1990-х гг. позапрошлого века и выясним, какие стороны таланта Элеоноры Дузе там отмечались.

На свои первые гастроли в Петербурге артистка приехала в марте 1891 г. «Новое время» поместило анонс ее спектакля: «Итальянская драматическая актриса Элеонора Дузе выступает 10 марта в Малом театре в роли Маргариты Готье в драме А. Дюма “*La dame aux camélias*”. В этот вечер публике будут розданы фотографии, изображающие г-жу Дузе в десяти ролях, и биография артистки². Через четыре дня после первого спектакля А.С. Суворин опубликовал в своей газете заметку о Дузе: «Ее встретили очень холодно, как незнакомку, о которой у нас совсем не знали. Но с первого же действия она взяла симпатии зрителей. Это действительно замечательная актриса, не обладающая возможностью рекламы Сары Бернар, но решительно превосходящая ее талантом, необыкновенною правдой и простотой игры». Сравнивая исполнение Дузе роли Маргариты Готье с другими актрисами, Суворин признает, что «г-жа Дузе никого не напоминает и всех превосходит. Она вполне оригинальна и не той оригинальностью, которая придумывает эффекты и положения, а оригинальностью самого создания лица». Рецензент противопоставляет простоту итальянки искусственной эффектности Сары Бернар: «Г-жа Дузе не выдумывает никакого эффекта, не заставляет кричать репортеров о фокусе смерти, который она придумала и который так же бездушен, как бездушна вся игра Сары Бернар в этой роли. Г-жа Дузе сумела соединить в этой игре тонкое искусство обдуманности с простотой, решительно не виданной на сцене, и с одушевлением, которое трогает ваше сердце³».

¹ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 томах / А.П. Чехов ; редкол.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.] ; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. М. : Наука, 1974–1983. Сочинения : в 18 томах. Т. 13. Пьесы, 1895–1904. М. : Наука, 1978. С. 7.

² Б. п. Театр и музыка // Новое время 1891. 9 (21) марта (№ 5397). С. 3.

³ Суворин А. Г-жа Дузе // Новое время. 1891. № 5401. 13 (25) марта. С. 3.

Чехов, готовясь к поездке за границу, 11 марта 1891 г. выехал из Москвы в Петербург и поселился у Суворина. Вместе с ним он побывал в театре, где видел игру Дузе, о чем писал 13 марта сестре: «Сейчас я видел итальянскую актрису Дузе в шекспировской „Клеопатре“. Я по-итальянски не понимаю, но она так хорошо играла, что мне казалось, что я понимаю каждое слово. Замечательная актриса. Никогда ранее не видал ничего подобного. Я смотрел на эту Дузе, и меня разбирала тоска от мысли, что свой темперамент и вкусы мы должны воспитывать на таких деревянных актрисах, как Ермолова и ей подобных, которых мы оттого, что не видали лучших, называем великими. Глядя на Дузе, я понимал, отчего в русском театре скучно»⁴. Чехов учил иностранные языки в гимназии, не говоря уже об обязательной для докторов латыни, знал содержание трагедии Шекспира и, конечно, многое понимал из того, что произносили актеры на сцене. Непонимание могло касаться только тонкостей и оттенков итальянского языка, что поневоле обращало внимание писателя на невербальные компоненты игры актеров: интонацию, мимику, жесты, позы, походку. Все это затем найдет отражение в «Чайке», где вербальный и невербальный элементы будут почти уравнены по своей значимости.

Летом 1891 г. Чеховы отдыхали в Богимове. Одним из развлечений дачников стал домашний спектакль. В рецензии на него Чехов, пародийно стилизуя манеру театральных критиков, сравнивал игру актеров-дилетантов с профессионалами: «В игре г-жи Киселевой 2-й, исполнявшей трудную роль Мишки, мы не заметили тех недостатков, которые так не нравятся нам в Сарре Бернар и Дузе; дебютанка входила в комнату в шляпе и не брала письма, когда ей давали его, и такими, по-видимому, ничтожными нюансами и штрихами она выказала оригинальность своего дарования, какой могла бы позавидовать даже М.Н. Ермолова»⁵. Очевидно, для Чехова все три упомянутые актрисы являются личностями примерно одного масштаба, но разными по своей театральной эстетике. Пародированию подвергается то, что было как раз привлекательно для Чехова в игре Дузе – утонченность ее поведения на сцене и мастерское владение жестами.

В уже упомянутом письме сестре Чехов писал: «После Дузе приятно было прочесть прилагаемый при сем адрес. Боже мой, какой упадок вкуса и чувства справедливости! И это студенты, черт бы их душу драл! Что Соловцов, что Сальвини – все равно, оба одинаково находят „горячий отклик в сердцах молодежи“. Grosh цена всем этим сердцам»⁶. Чехов вложил в письмо вырезку из газеты, в котором приводился приветственный адрес студентов Харьковского

⁴ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 томах / А.П. Чехов ; редкол.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.] ; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. М. : Наука, 1974–1983. Письма : в 12 томах. Т. 4. Январь 1880 – февраль 1892 / ред. М.Л. Семанова. М. : Наука, 1976. С. 198.

⁵ Чехов А.П. Сочинения : в 18 томах. Т. 18. Гимназическое. Стихотворения, записи в альбомах, шуточные аттестаты, прошения, рисунки и др. / ред. Л.Д. Опульская. М. : Наука, 1982. С. 31, 231.

⁶ Чехов А.П. Письма : в 12 томах. Т. 4. Январь 1880 – февраль 1892 / ред. М.Л. Семанова. М. : Наука, 1976. С. 198.

технологического института Н.Н. Соловцову в связи с его бенефисом в Харькове⁷. Фраза о «приятности чтения адреса», конечно, окрашена иронией. Чехова печалит неразборчивая восторженность молодежи. В «Чайке» Аркадина даром будет говорить о своем огромном успехе у харьковской публики. Очевидно, что и в ее случае «горячий отклик» зрителей являет собой свидетельство «упадка вкуса и чувства справедливости», неспособности отличить популярного актера от подлинного таланта.

Важным отзывом о Дузе является вторая статья Суворина. Главная ценность ее заключается в том, что в этой публикации с высокой долей вероятности косвенно отражено мнение Чехова. После просмотренного вместе спектакля они не могли не обсуждать игру Дузе. Обычно дежурные рецензии на спектакли в «Новом времени» печатались без подписи и без заголовков в рубрике «Театр и музыка». Вторая статья Суворина, в отличие от них, была озаглавлена «Простота на сцене. По поводу г-жи Дузе», что подчеркивало ее неординарный характер.

Рецензент начинает статью с противопоставления бытовой простоты простоте сценической, которая дается большим трудом и являет собой вершину актерского мастерства: «На самом деле, „простота“ – самая трудная вещь, когда она простота художественная, а только такая простота и нужна, ибо эта простота есть вместе и художественная правда и художественное изображение. Дело не в том, что вы просто играете, просто держитесь на сцене, просто говорите. А в том дело, что вы обязаны создать жизненное лицо и представить его правдиво, а не себя самого. <...> Лучшие русские актрисы, а их очень немного, напоминают г-жу Дузе в моменты одушевления, вдохновения, <...> но такой целостности типа, такой верной игры с начала до конца, не отступающей от правды, служащей правде, я не видывал. А это именно и есть то, что дает полное наслаждение и зрению, и слуху, и чувству»⁸. Позже эта сторона игры актера, ярко выражаемая Дузе, будет закреплена в известном тезисе Чехова: «Пусть на сцене все будет так же сложно и так же вместе с тем просто, как и в жизни»⁹.

Другая особенность игры итальянской актрисы заключалась в ее ограниченности, когда удачными признаются не отдельные сцены или эпизоды, а роль в целом: «У г-жи Дузе частности подчинены основной идее типа, и целостность изображения поражает вас в ее игре, а эту целостность мы редко видим в русской актрисе»¹⁰. «Целостность изображения» сценического образа не будет даваться Заречной: «Бывали моменты, когда она талантливо вскрикивала, талантливо умирала, но это были только моменты»¹¹.

⁷ Чехов А.П. Письма : в 12 томах. Т. 4. Январь 1880 – февраль 1892 / ред. М.Л. Семанова. М. : Наука, 1976. С. 459.

⁸ Суворин А.С. Простота на сцене. По поводу г-жи Дузе // Новое время. 1891. № 5404. 16 (28) марта. С. 3.

⁹ Арс Г. (Гурлянд И.Я.) Из воспоминаний об А.П. Чехове // Театр и искусство. 1904. № 28. 11 июля. С. 521.

¹⁰ Суворин А.С. Простота на сцене. По поводу г-жи Дузе. С. 3.

¹¹ Чехов А.П. Сочинения : в 18 томах. Т. 13. Пьесы, 1895–1904. М. : Наука, 1978. С. 50.

Суворин был многоопытным полемистом. Не устоял он и в этой статье против соблазна возразить критику чужой газеты. Тот посмел выразить мнение, что у Дузе нет школы, на что последовал ответ: «...у нее нет школы, потому что этой новой реалистической школы вообще еще нет, она еще только в начале, прекрасном и плодотворном начале, но нет еще полного кодекса ее, твердо установленных правил. Г-жа Дузе сама есть школа, сама есть образец. Она не берет ничего из устаревших „школьных“ традиций, ни заученных поз, ни декламации, ни манеры держать себя: все это у нее свое, и школою ее была жизнь, наблюдение над жизнью и понимание ее. Я полагаю, что лучшей школы для таланта не может быть»¹².

Одним из итогов критического анализа становится вывод Суворина, что подлинное искусство обладает универсальным характером: «Г-жа Дузе, таким образом, дает вам чувствовать человека вообще или вообще женщину. В этом, по-моему, и великое назначение реализма, и великое его значение. В этом господствующая черта игры г-жи Дузе»¹³. Сложно сказать, сыграл ли Чехов какую-то роль в формулировке последней фразы, как и во всем тексте. Однако есть основания полагать, что статья в определенной мере отражает результат бесед Суворина со своим московским гостем. Всем последующим опытом драматурга Чехов подтвердит вывод, сделанный автором статьи. Умение представлять не столько национальные типы, сколько «человека вообще» во многом предопределило будущую популярность чеховских пьес во всем мире.

Впечатления от Дузе были настолько сильны, что и по прошествии многих лет ее игра оставалась для Суворина эталоном, который он прикладывал к другим актерам. В 1893 г. он записал в дневнике: «Режан очень изящная женщина и очень талантливая актриса. Очень мне напомнила тонкостью своей игры Дузе». И там же другая запись, сделанная 25 февраля 1901 г.: «Видел второе представление „Татьяны Репиной“ у итальянцев. Тина-ди-Лоренцо была еще лучше, чем в первый раз. Со времен Дузе я не испытывал такого удовольствия, как зритель»¹⁴.

Завершая фрагмент о Суворине как поклоннике Дузе, отметим, что в феврале 1898 г., находясь в Ницце, Чехов будет приглашать его в гости и в качестве приманки назовет ожидаемые гастроли итальянской актрисы: «Приезжайте! Здесь будет играть Дузе – кстати сказать»¹⁵. Это было последнее упоминание Дузе Чеховым, зафиксированное в его письмах.

Для полноты картины приведем другие отклики современников Чехова на игру Дузе. Практически все они были единодушны в оценке сценического поведения актрисы, подчеркивали органическое слияние ее с играемой ролью. Анонимный автор писал, что Дузе «заставляла зрителей забывать, что они в театре, и воображать, что перед ними то самое живое лицо, которое

¹² Суворин А.С. Простота на сцене. По поводу г-жи Дузе. С. 3.

¹³ Там же.

¹⁴ Дневник Суворина. М. ; Петроград : Изд-во Л.Д. Френкель, 1923. С. 49, 258.

¹⁵ Чехов А.П. Письма : в 12 томах. Т. 7. Июнь 1897 – декабрь 1898 / ред. А.И. Ревякин. М. : Наука, 1979. С. 168.

артистка изображает»¹⁶. Журнал «Артист» откликнулся на гастроли актрисы большой аналитической статьей, где в частности говорилось: «У г-жи Дузе есть самое верное могущественное средство возвысить и облагородить всякую пьесу, где она исполняет руководящую роль, это средство – в искреннем, поэтическом воплощении женщины вообще, в воспроизведении на сцене того вечно женственного, которое не умирает среди всех испытаний и падений. Г-жа Дузе <...> умеет показать истинное благородство женского сердца, его отзывчивость на искреннее горячее чувство»¹⁷. Оценка рецензента во многом совпадала с той, что была высказана на страницах «Северного вестника»: «Московской публике не приходилось еще видеть более реального и в то же время более художественного исполнения, – и все роли артистки окрашены одним и тем же в высшей степени поэтическим цветом: они полны того вечно женственного, которое возвышает и облагораживает женщину, как бы она низко ни падала. В игре артистки женщина торжествует всюду. <...> Гастроли г-жи Дузе еще не кончились; успех артистки беспримерный, – она принуждена повторять свои спектакли, чего не предполагалось раньше»¹⁸. Юрий Беляев уже много позже гастролей в России видел актрису в Риме в роли слепой Анны в спектакле по пьесе Габриэля Д'Аннунцио «Мертвый город» и оставил столь же восторженный отзыв об ее игре: «В моменты вдохновения она вся светилась каким-то внутренним светом, на нее хотелось молиться, и черные мысли отлетали при виде ее кроткого бледного лица, на котором отражалось столько человеческого горя». Даже в символистской пьесе итальянского драматурга Дузе сумела сохранить свой «до крайности изнервленный и изощенный в психологических тонкостях талант»¹⁹.

Интересный отзыв, отличающийся от других, оставил К.А. Скальковский, который был знаком с актрисой и вне сцены: «Элеонора Дузе была не только замечательным талантом, нервная игра которой производила на меня сильное впечатление, но и весьма оригинальною женщиною. Это была в полном смысле слова пучок нервов и, как все женщины истерического темперамента, она вечно была не в духе и на что-нибудь жаловалась. Дамы ухаживали за Дузе еще более, чем мужчины. Хотя она происходила вовсе не из *cuisse du Jupiter* (бедра Юпитера – *А.К.*), а выросла за кулисами, но была страшная позерка. В разговорах она очень любила философские темы, прочла Толстого и Достоевского, была не прочь поспорить о Шопенгауэре и очень обижалась, когда я подсмеивался над ее псевдоученостью»²⁰.

Одной из магистральных линий в развитии русского и европейского театра следует признать постепенный переход от игры актера на условных котурах к жизненной правдивости и психологическому реализму. Об этом писали

¹⁶ Б. п. Элеонора Дузе // Театральный мирок. 1891. № 33. С. 3–4.

¹⁷ Иванов Ив. Элеонора Дузе // Артист. 1891. № 15 (сентябрь). С. 125.

¹⁸ Б. п. Московская сцена // Северный вестник. 1891. № 6. С. 196.

¹⁹ Беляев Ю.Д. Актеры и пьесы: (впечатления). СПб. : Изд-ние Я. Бермана, 1902. С. 152.

²⁰ Скальковский К.А. Сатирические очерки и воспоминания. СПб. : Изд. А.С. Суворина, 1902. С. 152.

по-разному не только театральные критики, но и беллетристы. Так, главный герой романа Вас.Ив. Немировича-Данченко «Великий старик», старый итальянский артист Карло Брешиани вспоминает время своей театральной молодости: «Какие, например, я видел образцы? Синьора Поджио, который орал на сцене, как недорезанный, и вращал зрачками, как нюрнбергские куклы, изображающие арапов. Или француза Сен-Мартен, точно для конфетных коробок, принимавшего на сцене красивые и грациозные позы. Да и англичанин Кингстон был не лучше. Помню, как в „Отелло“ он к постели Дездемоны на животе полз. Полз и оборачивался назад, рыча тигром...»²¹. Такого рода гипертрофированная игра актеров была хорошо знакома и Чехову. В той или иной форме о ней говорится в ряде его произведений. Ограничусь одним примером. Николай Степанович, герой «Скучной истории», не любит театр по причине закоснелости его форм: «Когда актер, с головы до ног опутанный театральными традициями и предрассудками, старается читать простой, обыкновенный монолог „Быть или не быть“ не просто, а почему-то непременно с шипением и с судорогами во всем теле, <...> то на меня от сцены веет тою же самой рутиной, которая скучна мне была еще 40 лет назад, когда меня угощали классическими завываниями и биением по персям»²². Если бы не год написания рассказа, то в этом фрагменте можно было бы заподозрить влияние желанной «простоты на сцене», о которой писал Суворин и которую хотел видеть Чехов.

То, что было когда-то нормой актерской игры, со временем стало восприниматься как шаблон, стереотип и архаика, которые необходимо преодолеть. В романе Немировича-Данченко старый артист беседует со своим сыном Этторе, тоже актером, который разъясняет отцу свое понимание отличия нового искусства от старого: «Прежде была возвышенность без простоты. Сценические герои подымали толпу, но на ходули. Зритель проникался благородными чувствами, но понимал, что это не настоящая жизнь. Поэзия противопоставилась действительности». Этторе называет реформаторов итальянской сцены: «Ты главным образом, потом Сальвини, Росси и Элеонора Дузе сделали громадный поворот. <...> Вы красоту искусства так слили с правдою действительности, что теперь люди узнают в вас воплощение собственных чувств. Вы на сцену вывели настоящую жизнь...»²³. Роман Вас.И. Немировича-Данченко опубликован в 1898 г., в конце декабря того же года в Художественном театре поставят «Чайку», где будет торжествовать чаемая современниками Чехова «правда действительности». К.С. Станиславский вспоминал впоследствии: «Мы протестовали и против старой манеры игры, и против театральности, и против ложного пафоса, декламации, <...> против дурных условностей постановки...» (1983, с. 194).

²¹ Немирович-Данченко Вас.Ив. Великий старик. СПб. : Изд. акц. общества «Издатель», 1898. С. 53–54.

²² Чехов А.П. Сочинения : в 18 томах. Т. 7. Рассказы. Повести, 1888–1891. М. : Наука, 1977. С. 270.

²³ Немирович-Данченко Вас.Ив. Великий старик. СПб. : Изд. акц. общества «Издатель», 1898. С. 101.

В 1891 г., когда до новаторских спектаклей Художественного театра оставалось еще несколько лет, игра Дузе ощущалась как провозвестник назревавшей театральной реформы. Автор итальянской книги о Дузе писала: «Чехов мечтал об актере нового склада, необходимом психологическому театру, „театру атмосферы“, о котором он уже думал в то время. Он мечтал об актере, который умел бы естественно держаться на сцене, не „переигрывал“ бы, об актере умном и чутком» (Синьорелли, 1975, с. 49; см. также: Скино, 2025). Образцом такого рода была Дузе.

Итак, реализм, высокая простота, слияние искусства с правдой действительности, благородство, женственность, психологическая тонкость, целостность образа, органичность поведения на сцене – вот оценки итальянской актрисы, которые щедро рассыпали ей критики. В сумме все отзывы разных авторов и представленная в них характеристика игры актрисы позволяют говорить о специфическом «тексте Дузе», понимаемом как структурно-семантический конструкт, в котором отражен идеал и образец драматического актера рубежа XIX–XX вв. «Текст Дузе» характеризуется феноменологичностью в кантовском смысле, так как доступен нам не непосредственно, а лишь по отдельным следам и чужим интерпретациям.

Результаты и обсуждение

Насколько оценки Дузе применимы к образу Аркадиной? Какие коррективы «текст Дузе» вносит в ее характеристику?

Обратимся вначале к номинации героини в афише пьесы: «Ирина Николаевна Аркадина, по мужу Треплева, актриса»²⁴. Она открывает перечень действующих лиц, что указывает на ее значимость как главного героя пьесы. Вторая особенность номинации заключается в представлении Аркадиной с помощью не одной, а двух фамилий. Фактически они отмечают две социальные роли, об одной из которых говорится прямо («актриса»), а о второй косвенно (жена, «по мужу Треплева»). Афиша позволяет легко восстановить еще и девичью фамилию Ирины Николаевны – Сорина. Она отражает статус героини как сестры. Другие роли Аркадиной будут раскрываться по ходу пьесы. Однако уже на уровне номинации она отличается от других персонажей комедии множественностью ролевых обликов.

Аркадина впервые появляется на сцене перед спектаклем Кости. Во вводной ремарке сказано: «Входят Аркадина под руку с Соринным, Тригорин, Шамраев, Медведенко и Маша»²⁵. Для чего Чехов ввел уточнение, что Аркадина не просто входит, как все остальные, а «под руку с Соринным»? Ее отличие заключается в том, что она сразу появляется перед зрителем в двойной роли. В данном случае актриса Аркадина выступает в роли сестры хозяина имения, подчеркивая свою родственную близость с ним. Во избежание недо-

²⁴ Чехов А.П. Сочинения : в 18 томах. Т. 13. Пьесы, 1895–1904. М. : Наука, 1978. С. 4.

²⁵ Там же. С. 12.

разумений поясним, что свои реальные социально-бытовые роли (жены, сестры, мужа, сына, брата...) мы играем в жизни бессознательно. Когда же начинается осознание их именно как роли, то возникает эффект зеркала: мы тем самым объективируем себя, смотрим на себя как бы со стороны, выделяем и вычленяем свой определенный статус из множества других. Для ремесла актеров зеркало – атрибут их профессии. Сидя в гримерной комнате и глядя в него перед спектаклем, они пытаются увидеть там уже не себя самого, а своего героя, в облике которого они должны появиться на сцене. Аркадина на протяжении пьесы ни разу не прибегнет к реальному зеркалу, но условное, воображаемое зеркало всегда стоит перед ней, и она постоянно смотрится в него, сверяя свое поведение с той ролью, в которой она в данный момент выступает. Такая мелкая и, казалось бы, незначительная деталь, что она входит «под руку с Соринным», выполняет функцию скрытого указания на ролевое поведение Аркадиной. И еще одно замечание. Вводную ремарку можно было ведь написать и чуть иначе: «Входят Сорин под руку с Аркадиной...». Выбранная Чеховым последовательность перечисления героев отражает их значимость для действия пьесы и одновременно косвенно характеризует Ирину Николаевну – она прима, которая привыкла везде и всегда быть главной, даже в гостях у брата, хозяина имения.

Первый эпизод с Аркадиной начинается не с ее речи, а с рассказа Шамраева, вошедшего вместе с другими. Чехов создает эффект продолжения разговора, начатого где-то за пределами сцены:

Шамраев. В 1873 году в Полтаве на ярмарке она играла изумительно. Один восторг! Чудно играла! Не изволите ли также знать, где теперь комик Чадин, Павел Семеныч? В Расплюеве был неподражаем, лучше Садовского, клянусь вам, многоуважаемая. Где он теперь?

Аркадина. Вы все спрашиваете про каких-то допотопных. Откуда я знаю! (*Садится.*)²⁶

Раздражение Аркадиной вызвано тем, что Шамраев, сам того не ведая, вписывает ее в когорту второсортных актеров. Условным знаком ситуации «продолжение разговора» служит местоимение *она*, употребленное Шамраевым без определяемого существительного, которое должно было прозвучать ранее. Из текста непонятно, кто такая *она*. Ясно одно: по своей значимости названная где-то за пределами сцены актриса соотносится с «комиком Чадинным». В проекции на «текст Дузе» этот эпизод обретает добавочный смысл: управляющий имением Сорина по эстетическим предпочтениям, очевидно, близок той харьковской публике, для которой – повторим слова Чехова из письма сестре – «что Соловцов, что Сальвини – все равно». Для Шамраева «Пашка Чадин»²⁷ и Садовский тоже явления одного порядка. Конечно, никакого Павла Семеновича Чадина не было в реальности, он – плод фантазии автора комедии, но фамилия вымышленного героя неслучайна, она рифмуется

²⁶ Чехов А.П. Сочинения : в 18 томах. Т. 13. Пьесы, 1895–1904. М. : Наука, 1978. С. 12.

²⁷ Там же.

с названием пьесы, в которой блистала Аркадина («Чад жизни»). Из сказанного можно сделать не столько вывод, сколько допущение, что Аркадина по профессиональной значимости и по таланту ближе к «допотопным» Пашке Чадину и неизвестной зрителю актрисе, когда-то блиставшей в «Полтаве на ярмарке», чем к Сальвини и Садовскому, а в женском варианте – к Дузе.

Остановимся далее на фрагменте, в котором Аркадина единственный раз открыто выступает в роли актрисы:

Треплев выходит из-за эстрады.

Аркадина (*сыну*). Мой милый сын, когда же начало?

Треплев. Через минуту. Прошу терпения.

Аркадина (*читает из «Гамлета»*). «Мой сын! Ты очи обратил мне внутрь души, и я увидела ее в таких кровавых, в таких смертельных язвах – нет спасенья!»

Треплев (*из «Гамлета»*). «И для чего ж ты поддалась пороку, любви искала в бездне преступленья?»

За эстрадой играют в рожок.

Господа, начало! Прошу внимания!

Пауза.

Я начинаю. (*Стучит палочкой и говорит громко.*)²⁸

Эпизод начинается с ремарки, в которой отмечено появление Треплева «из-за эстрады». Он был за нею в качестве автора и режиссера готовящегося спектакля. Выйдя за пределы эстрады, он сменил эту роль под воздействием обращенной к нему реплики матери, в оформлении которой заметна тавтология: «Аркадина (*сыну*). Мой милый сын...» Адресат реплики понятен даже без ремарки, которая кажется избыточной, однако Чехов все-таки добавил ее, когда редактировал уже готовую пьесу²⁹. Слово «сын» в ремарке и во фразе Аркадиной не тождественны по смыслу. Ремарочное слово выступает в своем первичном привычном значении, а в реплике героини оно обретает, вдобавок к нему, еще и вторичное значение: сын как театральная роль. Аркадина сливает оба смысла воедино, Костя же вначале различает только первичное значение и отвечает матери как сын: «Через минуту. Прошу терпения». Аркадина почувствовала, что в ее обращении Костя не распознал аллюзию на роль матери. Отчасти этому помешало нарушение стихотворного ритма из-за лишней гласной в ее реплике. (Ср.: «Мой милый сын, когда ж начало?») Тогда Аркадина поясняет ролевой характер матери прямой отсылкой к тексту из «Гамлета». Костя принимает брошенный вызов и далее говорит уже не просто как сын, а выступает в театральной роли сына, через обращение к образу Гамлета. В состоявшемся обмене репликами из трагедии Шекспира намечена суть конфликта между героями: Костя хочет, чтобы Ирина Николаевна была для него просто матерью и только ею («кажется, будь это обыкновенная женщина, то я был бы счастливее»), она же не может поступиться приоритетом актрисы перед всеми другими социальными и профессиональными статусами.

²⁸ Чехов А.П. Сочинения : в 18 томах. Т. 13. Пьесы, 1895–1904. М. : Наука, 1978. С. 12.

²⁹ Там же. С. 259.

Аркадина произносит такие слова из трагедии, в которых косвенно отражено ее покаяние в том, что она не способна быть для сына обычной матерью. Покаяние снижено тем, что идет не прямо, не из сердца героини, а является театральным, построенным на основе чужой речи. Не сама по себе Аркадина обратила свои «очи внутрь души», а актриса, принявшая на время образ Гертруды и передающая свои интенции через слова роли. Костя платит матери тем же: его инвектива тоже не прямая, а опосредованная. Весь этот смысловой комплекс должен промелькнуть в сознании зрителей за время паузы, которая отмечена звуком рожка. Рожок выбран неслучайно. Вместо него мог быть колокольчик, гонг или что-то другое. Звук рожка соотносится с духом природы, о котором вскоре пойдет речь в пьесе о Мировой душе, а также с английским колоритом театра Шекспира.

Чтение фраз из «Гамлета» не сопровождается «классическими завываниями и биением по персям», которые так претили Николаю Степановичу, но все-таки Аркадина и ее сын произносят их, встав на котурны, с пафосом, который получит вскоре отклик в игре Нины.

Сорин считает, что спектакль Костя поставил, чтобы «доставить удовольствие» матери. Проекция «Гамлета» на спектакль Кости позволяет выдвинуть предположение о другой художественной задаче, которая, возможно, и не осознавалась им как главная. Важную сюжетно-фабульную роль в трагедии Шекспира играет эпизод с бродячими актерами, который называют «Мышеловка». Подобно сцене у фонтана из «Бориса Годунова», фрагмент из «Гамлета» исполнялся как отдельный номер. Треплев фактически устроил эстетическую «мышеловку» для тех, кто представляет художественный канон, закосневшие формы искусства (Бочаров, 2007, с. 329). И его театральная провокация удалась. Аркадина интуитивно ощущает, что ее эпатируют, как Гамлет с помощью бродячих актеров испытывает Гертрудю и Клавдия. Она бунтует против «новых форм», которые воплощают драматург и актриса. Острая реакция матери Треплева на спектакль сына позволяет сделать вывод, что она сильнее других привержена театральным шаблонам и устоявшимся традициям и далеко в этом отношении отстоит от Дузе.

Среди передаваемых зрителями разных отзывов о спектакле Кости нет отклика Тригорина. Он молча смотрит представление, а на объяснение неприятия постановки Аркадиной отвечает одной фразой: «Каждый пишет так, как хочет и как может»³⁰. Реплика Тригорина первоначально была зафиксирована Чеховым в «Записной книжке I»: [Пьеса: Бел<летрист>: каждый пишет, как хочет и может]³¹, то есть она идет прямо от автора. Вместе с тем, возможно, что здесь сработала читательская память Чехова, тогда реплику Тригорина следует признать парафразом высказывания И.С. Тургенева из его статьи «По поводу „Отцов и детей“»: «В деле сочинительства всякий (сужу по себе)

³⁰ Чехов А.П. Сочинения : в 18 томах. Т. 13. Пьесы, 1895–1904. М. : Наука, 1978. С. 15.

³¹ Чехов А.П. Сочинения : в 18 томах. Т. 17. Записные книжки. Записи на отдельных листах. Дневники / ред. Г.А. Бялый. М. : Наука, 1980. С. 39.

делает не то, что хочет, а то, что может – и насколько удастся»³². У Чехова, помимо замаскированной трансформированной цитаты, обычно важен еще и смысл последующего текста. Создавая свою «странную» комедию, Чехов с помощью Тургенева как бы объяснялся с будущими зоилами, упреждая их критику и солидаризируясь с классиком. Тургенев после приведенной фразы писал: «Полагаю, что произведения беллетристики должно судить *en gros* (в целом – А.К.) – и, строго требуя добросовестности от автора, на остальные стороны его деятельности смотреть – не скажу равнодушно, но спокойно. *А в отсутствии добросовестности – при всем желании угодить моим критикам – я признать себя виновным не могу*»³³. Тригорин чувствует, что свою пьесу Костя писал добросовестно, поэтому и смотрит на нее, как советовал Тургенев, – «спокойно» и не винит молодого драматурга в провале.

Если аллюзия на тургеневскую фразу небеспочвенна, то тогда дополнительный смысл приобретает сравнение Тригориним себя именно с автором «Отцов и детей»³⁴, а также указание на то, что Аркадина блистала в «Чаде жизни» Маркевича. Скорее всего, опытный беллетрист не в восторге от театрального репертуара Аркадиной, так как понимает, что Маркевич – всего лишь бледная тень Тургенева. В «Ариадне», рассказе-спутнике, находящемся на близкой смысловой орбите к «Чайке», сравнение двух писателей эксплицировано введением ссылки на художественные вкусы заглавной героини³⁵. Ариадна в чем-то похожа на Шамраева, для которого «Пашка Чадин» ничуть не хуже Садовского. Тригорин, прибегая к парафразу чужого высказывания, отказывается оценивать то, в чем не чувствует себя профессионалом. Он молчит об игре Нины, уклоняется от высказывания о спектакле и отмечает только его сценарную основу, декларируя право художника творить в меру отпущенного ему таланта. И конечно, скрытая отсылка к статье Тургенева об «Отцах и детях» не может не актуализировать отраженный в «Чайке» конфликт поколений, не только родственных, но и связанных с искусством.

Костя по-своему пытается приблизиться к «простоте на сцене», воплощенной Дузе, отказываясь от рисованных декораций, дорогих костюмов, но та высшая простота, которая является результатом большого труда и проявлением таланта всех участников эстетического события спектакля, все-таки не дается ни начинающему драматургу, ни молодой актрисе.

Возвратимся к оценке Костей матери, где утверждается, что для нее приемлем только один тип реакции на сценическое поведение: нужно «восторгаться ее необыкновенною игрой в „La dame aux camélias“ или в „Чад жизни“». Пятиактная драма А. Дюма-сына шла на русской сцене в переводе как «Дама

³² Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 томах. Сочинения : в 12 томах. 2-е изд. Т. 11. М. : Наука, 1983. С. 92.

³³ Там же.

³⁴ Чехов А.П. Сочинения : в 18 томах. Т. 13. Пьесы, 1895–1904. М. : Наука, 1978. С. 30.

³⁵ Чехов А.П. Сочинения : в 18 томах. Т. 9. Рассказы. Повести, 1894–1897 / ред. А.С. Мясников. М. : Наука, 1977. С. 128.

с камелиями». Был у пьесы и русскоязычный эквивалент заглавия – «Как поживешь, так и прослынешь», данный переводчиком В.И. Родиславским³⁶. Чехов недаром употребил в «Чайке» название пьесы во французской огласовке, отсылая тем самым к ее исполнению на языке оригинала. Современники Чехова помнили, что роль Маргариты Готье была одной из самых ярких и запоминающихся в репертуаре Дузе. В комедии нет прямого указания на то, что Ирина Николаевна в действительности видела игру итальянской актрисы. Отметим, что гастроли Дузе в 1891 г. были достаточно длительными. После успеха в Петербурге она со 2 по 22 мая выступает в театре Корша в Москве, открывая и закрывая гастроли «Дамой с камелиями». С 26 мая по 2 июня актриса играет уже в Харькове, столь любезном сердцу Аркадиной, студенты которого ей «овацию устроили»³⁷. После Харькова выступления Дузе были в Киеве и Одессе (Синьорелли, 1975, с. 52; Скино, 2025). Русская актриса М.А. Крестовская, видевшая игру гениальной итальянки, оставила важное замечание о различии восприятия театра обычным зрителем и актером. Она пишет: «Не надо забывать, что я была актрисой, ведь мы, актеры, иначе смотрим на спектакль и иначе чувствуем актера и его исполнение, чем публика вообще» (Синьорелли, 1975, с. 59). Аркадина ощущает себя соперницей Дузе не только потому, что играет ту же роль Маргариты Готье. Допустимо предположить, что она видела гастролершу на сцене и не приняла ее трактовку образа. Неприятие предполагает проекцию чужого исполнения роли на свою манеру игры и последующего их сравнения. Будучи умной женщиной, Аркадина не могла не заметить превосходства Дузе.

Приведем свидетельство другой актрисы. В.А. Мичурина-Самойлова (1946), видевшая Дузе на гастролях и лично знавшая ее, писала: «Вообще Дузе не боялась больших пауз и даже любила их. И ни у кого и никогда они не были так насыщены, как у нее, – в паузах Дузе иногда говорила больше, чем словами». В отличие от Дузе, в речи Аркадиной практически нет пауз, она их не любит, потому что они неэффективны и переносят акцент с внешнего на внутреннее. В них нужно вкладывать душу, что гораздо более затратно для актера, чем умелая работа с помощью привычных приемов.

Если опираться на «текст Дузе», то можно утверждать, что Аркадина как актриса являет собой во многом ее антипод. В этом отношении она соотносится с Лидией Борисовной Яворской, которая признается одним из прототипов чеховской героини (Альтшуллер, 1990; Литаврина, 2008; Скибина, 2018).

Прослужив год в театре Корша, Яворская запросила у антрепренера бенефис, для которого выбрала «Даму с камелиями». Спектакль состоялся в конце 1893 г., о чем сообщалось в журнале «Артист»: «27 декабря поставлена была драма „Как поживешь, так и прослынешь“ с г-жей Яворской в роли Маргариты Готье. Артистка имела в этой ответственной роли большой и заслуженный

³⁶ Захарьин И.Н. Встречи и воспоминания. Из литературного и военного мира. СПб. : Изд-ние М.В. Пирожкова, 1903. С. 155.

³⁷ Чехов А.П. Сочинения : в 18 томах. Т. 13. Пьесы, 1895–1904. М. : Наука, 1978. С. 53.

успех, *выказав новые стороны своего дарования*. Подробный разбор откладываем до следующей книжки нашего журнала»³⁸. Отметим чуткость Чехова к шаблонам театральным критиков: за два года до приведенного отзыва похожий оборот он использовал в пародийной рецензии на спектакль в Богимове. О «Киселевой-2» было сказано, что та *«выказала оригинальность своего дарования, какой могла бы позавидовать даже М.Н. Ермолова»*. Очевидно, игра Яворской была далека от эталона, в роли которого выступала Дузе. Имя итальянской актрисы неслучайно появится в следующем номере журнала «Артист», где будет дан подробный анализ игры Яворской.

Рецензент, скрывший себя инициалом «К.», писал: «Мы не думаем сравнивать исполнение молодой артистки с тем, которое вы видели при гастролях гениальной Дузе и знаменитой Сары Бернар. Еще более мы далеки от упрека г-же Яворской за ее появление в роли, в которой на этих же подмостках выступала Дузе. Мы посмотрим, как г-жа Яворская справилась со своею задачей, только в пределах требований, хотя и строгих, которые мы вправе предъявить к молодой, но талантливой артистке»³⁹. В рецензии Яворская дважды названа «молодой артисткой», в 1893 г. ей 22 года, она была младше Дузе на 13 лет, Аркадиной «сорок три»⁴⁰. В романной версии Маргарите Готье в начале событий «двадцать лет»⁴¹, смерть ее от чахотки случится примерно через пять лет. Рецензент отмечает отличную фигуру Яворской и одновременно «сценические недочеты», к числу которых относит невербальные компоненты создаваемого образа, то есть как раз то, в чем сильна была Дузе. У Яворской критиком была замечена «некоторая резкость и однообразие движений рук, излишнее количество жестов». Достоинством ее игры признается «искренность и теплота тона, с которыми она ведет свои сцены с Арманом; а особенно те нотки глубокого религиозного чувства, которые так характеризуют Маргариту»⁴².

Актерам в повседневной жизни бывает трудно избавиться от сыгранных ролей, шлейф образа героя еще долго тянется за ними, переходя в бытовые формы. Дузе недаром писала, что после спектаклей у нее «в душе еще долго жила чужая воля, от которой <...> не удавалось избавиться» (Синьорелли, 1975, с. 10). «Сцены с Арманом», которые у Яворской отличала «искренность и теплота тона», видимо, довлеют и сознанию Аркадиной. Характер ее актерского дарования раскрывается на протяжении всей комедии, но особенно ярко в сцене с Тригориним в третьем действии. Чтобы удержать любовника возле себя, Ирина Николаевна прибегает к помощи всего арсенала своих театральных приемов и средств.

Отметим ремарки, которые определяют ее речь. Они связаны с передачей интонации мелодраматической героини: *в сильном волнении, дрожа, с гневом*.

³⁸ *Р.С.Т.* Театр г. Корша // Артист .1894. № 33 (январь). С. 162.

³⁹ *К.* Театр г. Корша // Артист. 1894. № 34 (февраль). С. 245.

⁴⁰ *Чехов А.П.* Сочинения : в 18 томах. Т. 13. Пьесы, 1895–1904. М. : Наука, 1978. С. 8.

⁴¹ *Дюма А.* Дама с камелиями / пер. с франц. С.М. Антик. Тбилиси : Изд-во «Цодна», 1959. С. 28.

⁴² *К.* Театр г. Корша // Артист. 1894. № 34 (февраль). С. 245.

Нарастая, интонация достигает кульминации, когда Аркадина прибегает к последнему, самому сильному средству – *плачет*⁴³. Расчет Аркадиной оказался верным, и Тригорин, при всей своей бытовой актерской неловкости, все-таки оказался вовлечен в «жизнь как театр» и невольно подыгрывает Аркадиной, следуя навязанному жанру мелодрамы:

Тригорин (*берет себя за голову*). Не понимает! Не хочет понять!⁴⁴.

Для сравнения приведем ремарку из «Чада жизни», где Ашанин в критический момент разговора с Ольгой Ранцевой *«ухватывается за голову и убегает»*⁴⁵. Ирине Николаевне, однако, нужно не бегство Тригорина, а противоположный результат. Тогда, исчерпав интонационные ресурсы мелодрамы, она подключает к ним более действенные невербальные средства: *обнимает его и целует, становится на колени, обнимает его колени, целует ему руки*. Вторая кульминация отмечена ремаркой, антитетичной первой. На смену театральному плачу приходит столь же театральный смех: «Сокровище мое, отчаянная голова, ты хочешь безумствовать, но я не хочу, не пушу... (*Смеется.*)»⁴⁶. Не дожидаясь реакции Тригорина, Аркадина сама формулирует нужный ей итог: «Ты мой... ты мой... И этот лоб мой, и глаза мои, и эти прекрасные шелковистые волосы тоже мои... Ты весь мой»⁴⁷. Актриса в течение нескольких минут разыгрывает мелодраму, но со счастливым исходом, который позже будет опровергнут жизнью за сценой, где произойдет подлинно драматическая история сближения Тригорина с Ниной, которая закончится смертью их ребенка.

Театрализованное поведение Аркадиной проявляется и в других эпизодах с нею. «Дама с камелиями» позволяет сопоставить четыре личности: Яворскую, Дузе, Бернар и Аркадину, чей образ отчасти создан на основе сравнения реальных актрис.

Иные смысловые оттенки вносит в «Чайку» драма Болеслава Маркевича «Чад жизни», в которой успешно играли Аркадина и Яворская и которой, конечно, не могло быть в репертуаре зарубежных актрис. В данном случае важную роль будет играть именно «текст Дузе», отражающий эталон актерской игры. Пятиактная драма Маркевича была поставлена в конце 1884 г. в Москве. Чехов писал Н.А. Лейкину: «Сегодня в театре Лентовского идет пресловутый „Чад жизни“ Б. Маркевича. Если достану билет, то сегодня буду в театре, а завтра (во вторник) утром накаваю пародию или что-нибудь подходящее и пришлю Вам с завтрашним почтовым поездом – имейте это в виду и оставьте на всякий случай местечко»⁴⁸. Пародия была написана, но не опубликована,

⁴³ Чехов А.П. Сочинения : в 18 томах. Т. 13. Пьесы, 1895–1904. М. : Наука, 1978. С. 41.

⁴⁴ Чехов А.П. Сочинения : в 18 томах. Т. 13. Пьесы, 1895–1904. М. : Наука, 1978. С. 41.

⁴⁵ Маркевич Б.М. Чад жизни. Драма в 5 действиях. (Займована из романа «Перелом»). СПб. : Изд-во тов-ва «Общественная польза», 1884. С. 112.

⁴⁶ Чехов А.П. Сочинения : в 18 томах. Т. 13. Пьесы, 1895–1904. М. : Наука, 1978. С. 42.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Чехов А.П. Письма : в 12 томах. Т. 1. 1875–1886 / ред. Н.И. Гитович, Э.А. Полоцкая. М. : Наука, 1974. С. 100.

однако важен сам критический взгляд Чехова на пьесу. Вряд ли он изменился по прошествии десяти лет, когда «Чад жизни» был поставлен в театре Корша с Яворской в главной роли Ольги Ранцевой.

В «Чаде жизни» Ольга Ельпидифоровна Ранцева, не будучи актрисой, подобно Аркадиной, легко переходит от одного настроения к другому. В сцене с мужем, предлагающем ей развод, актриса должна передать целую гамму чувств: с насильственной веселостью, молящим голосом, пылко, ласкательно, плача, рыдая⁴⁹. Однако все это является лишь наигрышем, героиню разоблачает внезапная смена интонации, когда в комнату без приглашения входит горничная, и Ранцева обращается к ней *досадливо*.

О спектаклях давно минувших лет возможно судить только по сохранившимся отзывам. Они ценны тем, что отражают вкусы и оценки современников. Приведем комплиментарный отзыв рецензента газеты «Новости дня» о Яворской в роли Ольги Ранцевой: «Г-жа Яворская в какой-нибудь месяц успела сделаться истинным центром коршевской труппы и даже отчасти определила самое направление репертуара. Для нее ставятся пьесы, на ней подчас сосредоточивается весь интерес спектакля. И „Чад жизни“ покойного Маркевича возобновлен, очевидно, исключительно для г-жи Яворской, чтобы дать ей возможность сыграть эффектную, полную блеска, хотя и очень поверхностную, неглубокую роль Ольги Ельпидифоровны Ранцевой. <...> с ролью Ранцевой, – этой *grande coquette* высшего разбора, крепко цепляющейся за „свет“, чтобы не упасть до „полусвета“, г-жа Яворская справилась отлично...»⁵⁰.

Гораздо более резкий отзыв принадлежит П.П. Гнедичу, оставленный им позже непосредственного общения с актрисой: «У Яворской был скрипучий и хриплый голос. Переходов никаких она дать не могла, талант у ней был не из крупных, но она умела завладеть вниманием публики. Пять лет мне довелось служить с ней – и не было ни одной роли, которой бы она меня захватила. На самостоятельное творчество она была совершенно не способна. Когда я ставил „Сирано“ и „Памелу“ Сарду, – она не видала оригиналов, – и потому от роли у нее ничего не осталось. В „Sans-Gêne“ она копировала Режан, в „Маргарите Готье“ – Бернар; – этими двумя ролями она составила себе репутацию в театре Корша» (Гнедич, 2000, с. 207). Гнедичу вторит другой мемуарист: «Она прекрасно знала иностранные языки, ездила в Париж, имитировала и обкрадывала Сару Бернар, Режан, Бартэ и вместе с туалетами привозила сценические „артикле де Пари“ в Петербург» (Кугель, 1926, с. 50). Главное, что уловил в Яворской острый взгляд двух опытных театральных деятелей – вторичность ее игры. Причем стиль исполнения Сары Бернар Яворской был ей ближе, чем манера Дузе.

⁴⁹ Маркевич Б.М. Чад жизни. Драма в 5 действиях. (Займована из романа «Перелом»). СПб. : Изд-во тов-ва «Общественная польза», 1884. С. 56–57.

⁵⁰ – ф – (Эфрос Н.Е.). Театр Корша: «Чад жизни» Б.М. Маркевича // Новости дня. 1893. № 3691. 26 сентября. С. 2.

Чехов видел спектакли с Бернар в Москве десятью годами раньше, чем с Дузе, и оставил отзывы о них в двух формах: художественной и публицистической. Приведем первый вариант, реализованный в юмористической «мелочишке»: «Целую неделю пью за здоровье Сары. Восхитительно! Стоя умирает. Далекو нашим до парижан. В кресле сидишь, как в раю. Маньке поклон. Петров»⁵¹. «Доктор медицины Клопзон» отмечает физиологическую подоплеку игры Бернар: «Слезные железы у нее отвечают на волевые стимулы»⁵². Аркадина в сцене с Тригориным демонстрирует актерский профессионализм, заставив в нужный момент заработать свои «слезные железы» в ответ на волевые стимулы. С помощью публицистического дискурса Чехов прямо выражает свое мнение о французской актрисе: «Любит она больше всего на свете... рекламу. Реклама – ее страсть»⁵³. Напомним: через десять лет после этой заметки Суворин будет писать, что Дузе не обладала «возможностью рекламы Сары Бернар». Мемуарист свидетельствует: «Как актриса, Л.Б. Яворская любила рекламу...» (Лазарев-Грузинский, 1986, с. 111), то есть в этом отношении была больше похожа на Бернар, чем на Дузе.

Молодой Чехов, еще до знакомства с Сувориным, писал о Бернар, передавая впечатления массового зрителя: «...смотрим, слушаем, слушаем и никак не дослушаемся и не досмотримся до чего-нибудь особенного. Все как-то сверх ожидания обыкновенно, и обыкновенно до безобразия»⁵⁴. «Мы далеки от поклонения Саре Бернар как таланту. В ней нет того, за что наша почтеннейшая публика любит Федотову: в ней нет огонька, который один в состоянии трогать нас до горячих слез, до обморока. Каждый вздох Сары Бернар, ее слезы, ее предсмертные конвульсии, вся ее игра – есть не что иное, как безукоризненно и умно заученный урок. <...> Каждый шаг ее – глубоко обдуманый, сто раз подчеркнутый фокус... Из своих героинь она делает таких же необыкновенных женщин, как и она сама... Играя, она гонится не за естественностью, а за необыкновенностью»⁵⁵. Выделенные курсивом части из отзыва Чехова с полным правом можно приложить к характеристике Аркадиной. Тогда в еще большей степени проясняется смысл неприятия Ириной Николаевной игры Дузе.

Заключение

Таким образом, образ Аркадиной построен Чеховым с ориентацией на трех реальных актрис: Дузе и Бернар, с одной стороны, и Яворскую – с другой. Дузе, с точки зрения автора, – это недосыгаемый эталон для бывшей

⁵¹ Чехов А.П. Сочинения : в 18 томах. Т. 1. Рассказы. Повести. Юморески, 1880–1882 / ред. Н.Ф. Бельчиков. М. : Наука, 1974. С. 106.

⁵² Там же.

⁵³ Чехов А.П. Сочинения : в 18 томах. Т. 16. Статьи. Рецензии. Заметки. «Врачебное дело в России», 18881–1902 / ред. З.С. Паперный. М. : Наука, 1979. С. 9.

⁵⁴ Там же. С. 12.

⁵⁵ Там же. С. 15, 17.

примы театра Корша, тогда как Сара Бернар гораздо более понятный ориентир для подражания. По отношению к Дузе Аркадина занимает двойственную позицию. Итальянская актриса вырабатывала собственный вполне определенный стиль, осуществляла настоящую саморежиссуру, сознательно боролась против традиционной риторичности. Аркадина в повседневной жизни тоже «сам себе режиссер», но не во имя «внутренней правды», а во имя самоутверждения и победы «дурмана» театра, о котором говорит Треплев, над реальной действительностью. Слабость Аркадиной в том, что она не способна, как Дузе, пойти наперекор зрительским ожиданиям, отказаться от риторичности и устоявшихся театральных канонов, обеспечивающих ей успех у публики.

Чаще всего эпизоды с Аркадиной заканчиваются коммуникативной неудачей из-за того, что участники диалога не распознают источника поведения и речи актрисы, находятся вне зоны влияния театрального или литературного контекста, довлеющего ее сознанию. Поэтому реакция собеседников Ирины Николаевны отражает обычно поверхностный смысл ситуации, не затрагивая ее второй, глубинной сути. Да и сама актриса не всегда различает, где она органична, а где бессознательно воспроизводит какие-то фрагменты из своих театральных ролей, приспособленных к конкретной ситуации. Граница между жизнью и сценой для Аркадиной диффузна, размыта, и она с легкостью пересекает ее в обоих направлениях. Лишь вненаходимому автору, сознательно употребляющему ту или иную аллюзию, ведомы литературно-театральные истоки ее реплик и действий. Почти полное отсутствие «личностной территории» у Аркадиной, ее постоянное ролевое поведение, приводит к тому, что в ее присутствии жизнь неизбежно театрализуется, превращается в подобие представления. С помощью образа актрисы метатеатральность выходит за рамки спектакля о Мировой душе и приобретает тотальный характер для всей пьесы Чехова. Гибель единственного сына Аркадиной вне сцены становится фактически авторским приговором основам ее аксиологии и онтологии, доказательством того, что реальная жизнь отнюдь не театр.

Возвратимся к определению места и значимости образа Аркадиной среди всех персонажей комедии. Именно она, вопреки названию, является главным действующим лицом «Чайки», а не Заречная и не находящийся за сценой в момент завершения пьесы Костя Треплев. Первенство Аркадиной обусловлено не только ее положением примы, но и множественностью социально-ролевых статусов, каждый из которых добавляет новые краски в представление о ней как о человеке и об актрисе. Углубляет и расширяет образ Аркадиной разветвленный литературный, театральный и газетно-журнальный контекст, который принимался во внимание Чеховым и который служил ему фундаментом в процессе создания этой по-своему цельной фигуры.

Столь же большое значение для понимания героини играет биографический компонент, связанный с событиями жизни писателя и окружавшими его женщинами. Как заметил М.М. Бахтин, ссылаясь на Аристотеля, актерство –

это стремление разбить себя на много самостоятельных ликов⁵⁶, что вполне согласуется с сущью Аркадиной. Однако ведь и драматург во многом схож с актером: он тоже «разбивает» себя в той или иной мере во всех персонажах своего произведения. Флоберу принадлежит парадоксальная фраза по поводу воплощения авторского сознания в его романе: «Мадам Бовари – это я». С известным допущением нечто подобное мог бы сказать и Чехов, подставив на место французской героини ту, что начинала перечень действующих лиц его «Чайки».

Список литературы

- Альтиуллер А.Я. «Тип во всяком случае любопытный» (А.П. Чехов и Л.Б. Яворская) // Чеховиана: статьи, публикации, эссе. М. : Наука, 1990. С. 140–158.
- Бочаров С.Г. Филологические сюжеты. М. : Языки славянских культур, 2007. 656 с.
- Гнедич П.П. Книга жизни. Воспоминания. 1855–1918. М. : Аграф, 2000. 368 с.
- Кугель А.Р. Листья с дерева : воспоминания. Л. : Изд-во «Время», 1926. 212 с.
- Лазарев-Грузинский А.С. А.П. Чехов // А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М. : Художественная литература, 1986. С. 86–120.
- Литаврина М.Г. Яворская, беззаконная комета. М. : МИК, 2008. 400 с.
- Мичурина-Самойлова В.А. Шестьдесят лет в искусстве. Л. ; М. : Искусство, 1946. 225 с.
- Синьорелли О. Элеонора Дузе / пер. с итал. А.С. Короткова. М. : Искусство, 1975. 168 с.
- Скибина О.М. Творчество Чехова: поэтика и прототипы (Лидия Яворская и А.П. Чехов) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2018. Т. 2. № 2. С. 129–140. EDN: XREBJB
- Скино М. Элеонора Дузе. История и иллюстрации одной театральной революции / пер. с итал. И. Зверевой. М. : НЛЮ, 2025. 400 с.
- Станиславский К.С. Моя жизнь в искусстве. М. : Искусство, 1983. 424 с.

References

- Al'tshuller, A. Ya. (1990). "The type is, in any case, curious" (A.P. Chekhov and L.B. Yavorskaya). *Chekhoviana: Stat'i, Publikatsii, Esse* (pp. 140–158). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Belyaev, Yu.D. (1902). *...Actors and Plays (Impressions)*. Saint Petersburg: Ya. Berman Publ. (In Russ.)
- Bocharov, S.G. (2007). *Philological Plots*. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ. (In Russ.)
- Gnedich, P.P. (2000). *Book of Life: Memorie. 1855–1918*. Moscow: Agraf Publ. (In Russ.)
- Kugel', A.R. (1926). *Leaves from the Tree. Memories*. Leningrad: Vremya Publ. (In Russ.)
- Lazarev-Gruzinskiy, A.S. (1986). A.P. Chekhov. In *A.P. Chekhov in the Memoirs of His Contemporaries* (pp. 86–120). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ. (In Russ.)
- Litavrina, M.G. (2008). *Yavorskaya, Lawless Comet*. Moscow : MIK Publ. (In Russ.)
- Michurina-Samoylova, V.A. (1946). *Sixty Years in Art*. Leningrad; Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russ.)
- Sin'orelli, O. (1975). *Eleonora Duse* (A. Korotkova, Trans.). Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russ.)
- Skal'kovskiy, K.A. (1902). *Satirical Essays and Memoirs*. Saint Petersburg: A.S. Suvorin Publ. (In Russ.)

⁵⁶ См.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М. : Искусство, 1986.

- Skibina, O.M. (2018). Chekhov's works: poetics and prototypes (Lydia Yavorskaya and A.P. Chekhov). *Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev*, 2(2), 129–140. (In Russ.) EDN: XREBJB
- Skino, M. (2025). *Eleonora Duze. History and Illustrations of One Theatrical Revolution* (I. Zvereva, Trans.). Moscow: NLO Publ. (In Russ.)
- Stanislavskiy, K.S. (1983). *My Life in Art*. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Кубасов Александр Васильевич, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья, Уральский государственный педагогический университет, Российская Федерация, 620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26. ORCID: 0000-0001-9074-1133; SPIN-код: 4393-0560. E-mail: kudas2002@mail.ru

Bio note:

Alexander V. Kubasov, Grand PhD in Philology, Professor at the Department of Theory and Methods of Teaching Persons with Disabilities, Ural State Pedagogical University, 26 Cosmonauts Ave, Ekaterinburg, 620091, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-9074-1133; SPIN-code: 4393-0560. E-mail: kudas2002@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-1-39-48

EDN: UMNQHN

УДК 821.161.1.0

Научная статья / Research article

Рассказ Леонида Андреева «Чемоданов» как житие «нижечеловека»

А.В. Мытарева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Российская Федерация
✉ amytareva@hse.ru

Аннотация. Рассматривается новелла «Чемоданов» (1916) как пародийный вариант жития (антижития), а также как вариант разрабатываемого в творчестве Леонида Андреева конфликта «Человек – Судьба». В первой части анализируется существующий контекст: определяются некоторые особенности художественного мира писателя, в том числе проясняющие природу комического в творчестве Андреева. Эти наблюдения относятся как к образу героя-обывателя, так и к игре с жанром. При этом обращение к трансформации жанра кажется характерным для рубежа XIX–XX вв. и встречается не только в творчестве Андреева, но в произведениях других авторов-современников. Во второй части предлагается опыт прочтения новеллы «Чемоданов» как «вывернутого» жития. Повествование строится по агиографической модели: описание жизни героя представлено от момента рождения до смерти, события носят чудесный характер, герой занимает особое положение, повествователь выступает в качестве беспристрастного летописца, изложение носит не риторический, а историко-документальный характер. На уровне содержания автор, создавая обобщенный образ современного человека, развенчивает возможность обывателя выступать в качестве мученика, что подчеркивается ироническим тоном повествования. История мытарств Егора Егоровича Чемоданова представляет собой пародийный вариант конфликта «Человек – Судьба», разрабатывавшийся до этого в «Жизни Василия Фивейского». В отличие от повести в рассказе коллизия представлена в иронической модальности и не осознается героем как борьба. В результате делается вывод, что вариативность изображения одной и той же коллизии позволяет нам поставить под сомнение тезис о тотально пессимистическом мировоззрении Леонида Андреева, а переосмысление жанра жития предвосхищает обращение к агиографии в литературе XX в.

Ключевые слова: Леонид Андреев, антижитие, житие, пародия, жанр, агиография

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 30 сентября 2025 г.; отрецензирована 15 ноября 2025 г.; принята к публикации 18 декабря 2025 г.

© Мытарева А.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: *Мытарева А.В.* Рассказ Леонида Андреева «Чемоданов» как житие «нижечеловека» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 1. С. 39–48. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-39-48> EDN: UMNQHH

Leonid Andreev's Story *Chemodanov* as a Hagiography of the 'Nizhechelovek'

Alisa V. Mytareva

HSE University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

✉ amytareva@hse.ru

Abstract. The story *Chemodanov* (1916) is considered as a parody version of a hagiography (anti-life), as well as a version of the collision 'Man – Fate' developed in the work of Leonid Andreev. The first part provides an analysis of the existing context: some features of the writer's artistic world are identified, including clarifying the nature of the comic in Andreev's work. These observations relate both to the image of the philistine hero and to the genre game. At the same time, the appeal to genre transformation seems typical for the turn of the 19th–20th centuries and it is found not only in Andreev's work, but also in the works of other contemporary authors. The second part offers the experience of reading the novel *Chemodanov* as a 'twisted' hagiography. The narration is built on a hagiographic model: the description of the hero's life is presented from the moment of birth to death, the events are miraculous in nature, the hero occupies a special position, the narrator acts as an impartial chronicler, the presentation is not rhetorical, but historical and documentary in nature. At the level of content, the author, creating a generalized image of a modern person, debunks the ability of the average person to act as a martyr, which is emphasized by the ironic tone of the narrative. The story of the ordeal of Yegor Yegorovich Chemodanov is a parodic version of the conflict 'Man – Fate', which was previously developed in *The Life of Vasily Fivevsky*. Unlike the story, the conflict in the novella is presented in an ironic modality and is not recognized by the hero as a struggle. The variability of the depiction of the same collision allows us to question the thesis of Leonid Andreev's totally pessimistic worldview, and the rethinking of the hagiography genre anticipates the turn to hagiography in the literature of the 20th century.

Keywords: Leonid Andreev, anti-life, life, parody, genre, hagiography

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted September 30, 2025; revised November 15, 2025; accepted December 18, 2025.

For citation: Mytareva, A.V. (2026). Leonid Andreev's Story *Chemodanov* as a Hagiography of the 'Nizhechelovek'. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(1), 39–48. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-39-48> EDN: UMNQHH

Введение

Одной из центральных тем литературы начала XX в. является изображение обыкновенного человека. Объектом рефлексии становится вопрос о границах возможности личности. В традиции, предшествующей модернизму,

Ф.М. Достоевский, например, обращается к типу мечтателя, чудака; Л.Н. Толстой создает понятные, социально очерченные характеры. Позднее А.П. Чехов изображал обыкновенного человека в обычных обстоятельствах, и, наконец, объектом внимания Л.Н. Андреева становится обыкновенный человек в необычных обстоятельствах либо в обстоятельствах, которые прочитываются как необычные («Большой шлем», 1899). Разница восприятия зависит от позиции автора или героя, которого он изображает.

В связи с этим замечанием нам кажется необходимым обратиться к классификации Нортропа Фрая (1987, с. 232), в основе которой лежит способность героя к действию. Исследователь выделяет пять типов произведений: герой превосходит людей по качеству, он – божество; герой превосходит людей по степени, характеру силы, духа, он – герой; герой превосходит других по степени, но зависит от земных условий существования, он – вождь; герой не превосходит ни свое окружение, ни других людей, он – один из нас; герой уступает читателю в силе, уме, читатель занимает позицию превосходства над героем. Последний тип произведений для нас наиболее интересен.

Леонид Андреев, создавая образ современного человека-обывателя, ставит читателя «над» героем, однако для изображения используется «высокий инструментарий»: столкновение с Роком, коллизии, ранее порождающие трагическую картину мира, теперь создают контраст, при котором герой принадлежит «ироническому модусу» (Фрай, 1987, с. 233).

Эксперименты как с формой, так и с проблематикой художественных произведений не позволяют отнести творчество Леонида Андреева ни к одному из направлений, существующих на рубеже XIX–XX вв., на это указывают исследователи, называя место, занимаемое писателем, «промежуточным» (Келдыш, 1975, с. 211). Об этом качестве пишет Т.Я. Ганжулевич (1908, с. 209), в дальнейшем эту мысль развивают И.И. Московкина и Г.Н. Боева. В монографии Г.Н. Боева (2016, с. 7) отмечает, что при «стилевой и жанровой полиморфности», которая характеризует творчество Леонида Андреева, писатель переосмысливает существующие сюжеты и идеи предшествующих эпох.

Другой исследователь, Ю.В. Бабичева, обращает внимание на развитие Л. Андреевым одних и тех же коллизий, но представленных в разных модальностях. Ю.В. Бабичева (1982, с. 71–72) пишет об этом так: «Подобно античному драматургу, который считал необходимым смеховым трагедийным вариантом („четвертой драмой“) уравновесить высокую важность трагедийной трилогии, Андреев кривым зеркалом иронии все время контролировал сам себя, измерял глубину и важность волновавших его вселенских „проклятых“ вопросов». Одним из таких вопросов, по мнению И.И. Московкиной (2005, с. 219), является конфликт «Человека и Судьбы, или Рока», «смеховой» вариант которого представлен в рассказе «Чемоданов».

Стремление к созданию произведений на стыке жанров, десакрализация евангельских сюжетов, игра с интертекстом дают основание обнаружить в творчестве писателя «предпостмодернистский комплекс» (Бабичева, 1982,

с. 71–72), чертами которого являются «значительное усиление иронии и игрового начала, имеющих трагифарсовый характер; важная роль метатекста; сопряжение мифотворчества с демифологизацией – игрой с мифом, ироническим переосмыслением символистских, христианских, идеологических мифов и своих собственных, созданных прежде; „мерцание“ смыслов, приводящих к множественности интерпретаций произведений», а Леонида Андреева назвать предпостмодернистом (Бабичева, 1982, с. 77). В этом отношении творчество писателя совпадает с векторами развития литературы рубежа веков. Ироническое обыгрывание существующих художественных систем, демифологизация, эксперименты с жанром – появление антисвяточных рассказов (Душечкина, 1995, с. 229), обращение к «антижитию» (Давыдова, 1998, с. 20–25) – характерны также и для творчества Евгения Замятина («Уездное», «Житие Блохи»), Федора Сологуба («Сказочки»), Михаила Кузмина («Пример ближним»).

Результаты и обсуждение

Обращение к системе антижанров как попытке осмыслить происходящее и найти сообразную ему форму выражения объясняется кризисной ситуацией рубежа веков, наполненной предчувствиями катастроф. Проза Леонида Андреева, по мнению Е.И. Петровой (2010, с. 15), формируется в окружении предсюрреалистических тенденций. Это объясняет обращение к библейским мотивам и сюжетам, которые писатель «выворачивает наизнанку». В данном случае наше внимание обращено к «антижитию», которое строится на обыгрывании существующих черт «породившего» его жанра, где узнаваемые признаки формы искажаются и наполняются противоположным содержанием.

Примером тому может послужить рассказ «Чемоданов», опубликованный в журнале «Огонек» от 3 января в 1916 г. № 1 с иллюстрациями С.П. Лодыгина.

Рассказ представляет собой жизнеописание Егора Егоровича Чемоданова от рождения до смерти. В младенчестве он был подброшен на крыльцо к купцу Егорову, а после гибели приемных родителей вместо приюта попадает в колонию для несовершеннолетних преступников. На протяжении жизни судьба испытывает Чемоданова бедами и лишениями, но герой, не предаваясь размышлениям о смысле происходящего, продолжает существовать. Погибает он по нелепой случайности, приехав на родину с целью найти свою мать.

И.И. Московкина (2005, с. 243) определяет жанр «Чемоданова» как новеллу-миф, объясняя такой выбор обращением к легенде об Агасфере, трагедии «Эдип», философской повести XVIII в. типа «Кандида», а также ироническим философским обыгрыванием конфликта «Человек – Судьба». Мы предлагаем посмотреть на новеллу «Чемоданов» как на житие «нижечеловека», где архетипическая коллизия «Человек – Судьба», ранее разрабатываемая в творчестве писателя, представлена в иронической модальности и не только демонстрирует

несостоятельность «нижечеловека»¹, но и раскрывает бессмысленность существования современного человека вообще. Эта идея подкрепляется как на уровне хронотопа, который несмотря на использование конкретных деталей, носит универсальный характер, так и на уровне персонажа.

Время действия относится к современности, на что указывает упоминание о революции (ближайшая к моменту написания рассказа – революция 1905–1907 гг.). Соответственно годы жизни Чемоданова приблизительно могут быть определены следующим образом: с 1875/77 по 1905/07 год (Чемоданова казнят по ошибке во время революции). Однако, несмотря на конкретику времени, описание жизни Егора Егоровича воспринимается как вневременное.

То же касается географии, которая охватывает события: Сибирь, Тифлис, Африка, Каир, Неаполь, Швейцария, Франция, Сибирь. Так, местом действия является весь мир, мир «вообще». При этом пространство десакрализируется: оно не спасает героя от злого Рока, герой постоянно испытывается судьбой. Наконец, самым опасным для жизни героя и гибельным местом становится Сибирь – родина Чемоданова. Испытания, выпавшие на долю Егора Егоровича, лишены причины и цели: герой так и не приобретает новое качество, его преобразования не происходит. Мотив «преследования и защиты святого сакрализованном пространстве» (Шатин, 1996, с. 28) последовательно деконструируется, опрокидывая представление о родной земле как месте спасения.

Сюжет новеллы строится на метаморфозе, не имеющей ни причины, ни цели: на долю человека-обывателя («нижечеловека») выпадает ряд испытаний. В предисловии рассказчик задает вектор восприятия жизни Чемоданова, называя его «странным избранником» Рока². Начало пребывания Чемоданова в этом мире интерпретируется как чудо: он был рожден «в одном из сибирских городов и подброшен на парадное к купцу Егорову»³, который своих детей не имел. Стоит заметить, что на протяжении всей жизни Чемоданов продолжает находиться в роли «подкидыша»: по воле случая он попадает в обстоятельства, в которых иной должен погибнуть, однако добрые силы каждый раз спасают Егора Егоровича. Испытания, выпавшие на его долю, перечисляются в произведении беспристрастно, по принципу каталога: пожар в доме купца Егорова – пребывание в колонии для малолетних преступников – пожар в приюте – три побега в Сибирь – работа младшим телеграфистом в Тифлисе – смерть возлюбленной – служение на флоте – дезертирство и жизнь

¹ Определение «нижечеловек» Л. Андреева, оно появляется на страницах фельетона «Актер» в 1901 г. В других произведениях писателя мы не встречаем самого определения, но видим носителей подобного типа сознания. «Нижечеловек» – обыватель, имеющий претензии на статус человека незаурядного. Чаще оригинальность мышления подменяется неадекватным представлением о себе («Ослы»), показным пессимизмом («Люди теневой стороны»), неспособностью к рефлексии («Чемоданов»). Для этого типа героя характерно «декоративное» осмысление жизни при полном равнодушии как к своей жизни, так и к жизни вообще.

² Андреев Л.Н. Полное собрание романов, повестей и рассказов в одном томе. М. : Альфа-книга, 2021. С. 1215.

³ Там же.

в Африке (прочитывается как удаление в пустыню – значимый элемент сюжета для житийного жанра здесь представлен буквально) – три железнодорожных крушения – жизнь в Италии, Швейцарии, Франции – кораблекрушение у островов Майорки – слава «самого счастливого человека в мире» – возвращение в Россию в годы революции – казнь в Сибири. Однако герой в силу своей ограниченности не способен оценить масштаб событий, выпавших на его долю.

Леонид Андреев перекодирует сюжет о мученике: перед нами «последовательный рассказ, отражающий основные события» жизни⁴ Егора Егоровича Чемоданова. Описание каждого испытания строится как «относительно самостоятельный микросюжет»⁵, обладающий композиционной законченностью. Однако объектом изображения «высокого» образца становится «нижечеловек», что приводит к разрушению границ существующего канона и созданию травестированного варианта жития («антижития»), соответствующего времени.

Л.А. Черная (2008, с. 140–141) выделяет следующие стержневые положения жития и выстраивает с ними зеркальные пары: «Благое рождение – Подлое рождение; Боголюбие – Безбожие; Милосердие – Немилосливость; Смирение – Гордыня (ярость); Нищелюбие – Алчность; Доброта – Злоба; Красота внутренняя – Уродство; Чудеса – Злодеяния; „Свой“ (христианин, „знаем людьми“) – „Чужой“ (поганый, „незнаем меж людьми“); Посмертное благоухание – Смерд от могилы; Подобен Богу – Одержим дьяволом».

При этом исследователь отмечает, что святой представляет собой образец «внутреннего человека», обращенного к Богу, а антигерой – пример «внешнего» человека, попавшего под влияние дьявола. Егора Егоровича Чемоданова сложно назвать антигероем, этому препятствует само составляющее определения «герой», предполагающее наличие в человеке исключительных качеств, однако характеристика «внешний человек» достаточно точно описывает персонажа. То же касается и второй части тезиса о влиянии дьявола на жизнь человека: несмотря на то что в произведении нет упоминания о нечистой силе, жестокий Рок, под чье влияние попадает Егор Егорович, противопоставляется неким добрым силам и сущностно сопоставим с дьяволом. Более того, именно ему и покоряется судьба Чемоданова: добрые силы не спасают Егора Егоровича от казни.

Заурядность Чемоданова подчеркивается и на уровне выбора имени: поскольку ребенком он попадает в дом купца Егорова, то приобретает имя и отчество – Егор Егорович. Чемодан, в котором обнаружили подкидыша, становится источником фамилии⁶.

⁴ Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М. : Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. С. 71.

⁵ Там же. С. 72.

⁶ Выбор имени и фамилии для героя Л. Андреева сопоставим с номинацией Акакия Акакиевича Башмачкина, героя повести «Шинель» Н.В. Гоголя. Андреев, в отличие от предшественника, не предлагает список возможных имен, сама логика называния через дублирование отчества в имени указывает на Акакия Акакиевича и актуализирует существующий анекдот. При выборе

Образ Егора Егоровича Чемоданова лишен психологической точности. Череда страданий, через которые приходится пройти герою, не отражается на его характере. Статичность образа подчеркивается автором еще в начале повествования: «вид не то засыпающего, не то еще не совсем проснувшегося человека он сохранил на всю жизнь вместе с остальными качествами своими: желтыми, мягкими младенческими волосиками и маленьким ростом»⁷. Единственная черта, которую приобретает Егор Егорович, – болезненная худоба.

Перед нами «внешний человек», ценности которого ограничиваются трепетным отношением к белым воротничкам (близкий по функции мотив высоких каблуков и накрахмаленных воротничков ранее встречается в фелетоне «Тирания мелочей и преступность индивидуальности»⁸, затем в очерке «Смерть Гулливера», где он сопрягается со Свифтовскими высокими каблуками⁹ как привилегии и подчеркивание статуса его величества): «в добывании воротничка и приличного костюма, он обнаруживал дикую энергию и почти гениальность: голодный, последние три копейки он тратил на воротничок; преследуемый медведем, полумертвый от страха, он с таким расчетом бежал среди кустов, чтобы не порвать и не испортить костюма¹⁰. Так, вообще, он был честен, но жилеты и воротнички крал всю жизнь, и – странно! – даже не почитал это за грех!»¹¹. Ироничное замечание рассказчика о честности Чемоданова определяет читательское отношение к герою как к простому человеку «не без греха», «человеку вообще». Служение Богу как истинное предназначение «внутреннего» человека, героя канонического жития, подменяется служению воротничкам, внешнему атрибуту значимости не только для героя, но и для окружающих. Подтверждение этому мы находим в тексте: «<...> успехом своим Чемоданов был обязан исключительно костюму <...> он так красноречиво носил свою форму, что это вполне заменяло самые возвышенные разговоры о цели и смысле жизни; по той же

фамилии Андреев отказывается от абсурда, предложенного Гоголем (Башмачкины при такой фамилии все-таки носят сапоги, а не башмаки), однако имеет ее в виду и заменяет ее прямой логикой, тем самым усиливая абсурд: Егор Егорович, подброшенный в чемодане, получает фамилию Чемоданов.

⁷ Андреев Л.Н. Полное собрание романов, повестей и рассказов в одном томе. М. : Альфа-книга, 2021. С. 1215.

⁸ Андреев Л.Н. Полное собрание сочинений Леонида Андреева : в 8 томах. Т. 6. СПб. : Издательство товарищества А.Ф. Маркса, 1913. С. 168–172.

⁹ Свифт Д. Путешествия Гулливера. Public Domain, 1727 ; 2010. С. 26.

¹⁰ Линия семиотики одежды восходит к библейским текстам, в которых одежда признавалась предметом роскоши. В литературных произведениях внешний вид как невербальный посыл собеседнику о своем статусе мы находим. Например, у М.А. Булгакова в «Театральном романе» («Записки покойника»): Сергей Леонтьевич Максудов считает важным купить шесть сорочек и восемь галстуков, герой повести «Собаچه сердце», доктор Борменталь стыдливо прикрывает горло без галстука при ночном обыске. Наконец, Акакий Акакиевич Башмачкин из повести Н.В. Гоголя был одержим покупкой новой шинели.

¹¹ Андреев Л.Н. Полное собрание романов, повестей и рассказов в одном томе. М. : Альфа-книга, 2021. С. 1215.

причине и нравственность его стояла вне сомнений»¹². Это же объясняет бессловесность героя, и может быть интерпретировано как искажение пророчества Исайи: «Как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих»¹³.

Руководствуясь классификацией Л.А. Черной (2008), в образе Чемоданова можно выделить некоторые черты антигероя: о его рождении ничего неизвестно, младенцем он подброшен в семью купца; веру в Бога Чемоданову заменяет любовь к белым воротничкам; он считает себя честным, хотя способен на кражу; он достаточно упрям (три раза убегает в Сибирь), но этот бунт совершается «во имя покорности»¹⁴; он не проходит испытание искушением, хотя под искушением понимается немотивированное «опасное» желание вернуться в Россию и найти информацию о матери.

В то же время выделенные нами черты свидетельствуют о том, что перед нами обобщенный образ современного человека-обывателя, который в жизни выполняет роль «подкидыша», полагающегося на волю случая, статус «антигерой» кажется несоизмеримо больше самого персонажа.

Финал антижития также показателен: в канонической агиографии значительное место уделяется описанию чудес после смерти святого («кости наги» продолжали источать исцеления (Ключевский, 1988, 361 с.)), Леонид Андреев обрекает своего героя на забвение: «И так как не было у него ни друзей, ни родных и дел значительных он не совершал, то вместе со смертью исчезла и всякая память о нем, как будто и никогда он не жил на земле»¹⁵. В художественном мире писателя смерть обывателя означает собой не больше, чем конец жизни: не поднимается вопрос о переосмыслении жизни на пороге смерти (в отличие от «Рассказа о семи повешенных»), «нижечеловек» не может претендовать на воскрешение (как, например, мы видим в «Елиазаре»), нет даже намек на загробную жизнь (как это сделано в рассказе «Покой»). В «Чемоданове» Леонид Андреев дает возможность обывателю прожить уникальную жизнь, словно реализуя желания других своих героев: Сергея Петровича («Рассказ о Сергее Петровиче», 1900), доктора Керженцева («Мысль», 1902). Однако Егор Егорович Чемоданов, обладая примитивным сознанием, не способен осознать своего странного избранничества.

Заключение

Леонид Андреев нарушает каноны агиографии, чтобы переосмыслить их и пересобрать в оригинальном тексте – сакральной пародии. Следуя принципам эстетического максимализма, писатель не только разоблачает суть жизни

¹² Андреев Л.Н. Полное собрание романов, повестей и рассказов в одном томе. М. : Альфа-книга, 2021. С. 1216.

¹³ Исайя, 53:7.

¹⁴ Андреев Л.Н. Полное собрание романов, повестей и рассказов в одном томе. М. : Альфа-книга, 2021. С. 1216.

¹⁵ Там же. С. 1220.

«нижечеловека», но и подсмеивается над самим роком, ставя ему в противники недостойного соперника.

Таким образом, в «Чемоданове» деконструкция жития осуществляется на идейно-тематическом уровне: перед читателем разворачивается стилизованная под традиционное, но сводящаяся лишь к ее сюжетной схеме система событий, в рамках которой действует герой нового жития – «нижечеловек». Внешнее сходство с житием на уровне сюжета сворачивается автором до уровня мотива, «описание пути к спасению»¹⁶ остается на уровне биографии; пунктирное обозначение характера делают образ героя условным, аллегорическим, поэтому страдания, выпавшие на долю героя, не осмысливаются как столкновения с жестоким роком, а обнаруживают бессмысленность жизни современного человека.

Обращение к жанру антижития объясняется игровой природой творчества Леонида Андреева: развивая одни и те же сюжеты в разных модальностях, автор отказывается от единичного варианта мира, придавая ему стереоскопичность, подчеркивая неустойчивость и подвижность существующей системы. Нацеленность на демифологизацию и превращение старых и новых мифов в литературные анекдоты позволяют назвать Леонида Андреева «человеком модерна» и очертить круг интертекстуальных связей с произведениями как «золотого века» литературы, так и эпохи постмодерна.

Список литературы

- Бабичева Ю.В.* Эволюция жанров русской драмы XIX – начала XX века : учеб. пособие к спецкурсу. Вологда : Вологод. гос. пед. ин-т, 1982. 127 с.
- Боева Г.Н.* Творчество Леонида Андреева и эпоха модерна : монография. СПб. : Петрополис, 2016. 529 с.
- Ганжулевич Т.Н.* Русская жизнь и ее течения в творчестве Л. Андреева. СПб. : Товарищество «Издательское бюро», 1908. 122 с.
- Давыдова Т.Т.* Антижанры в творчестве Е. Замятина // Новое о Замятине : сб. материалов / под ред. Л. Геллера. М. : МИК, 1997. С. 20–35.
- Душечкина Е.В.* Русский святочный рассказ : становление жанра. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1995. 256 с.
- Келдыш В.А.* Русский реализм начала века. М. : Наука, 1975. 280 с.
- Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М. : Наука, 1988. 512 с.
- Московкина И.И.* Между «рго» и «contra» : координаты художественного мира Леонида Андреева : монография. Харьков : Харьков. Нац. ун-т им. В.Н. Каразина, 2005. 287 с.
- Московкина И.И.* «Предпостмодернистский комплекс» в прозе и драматургии Леонида Андреева на фоне процессов в творчестве символистов 1910-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. № 1. С. 72–81. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.106>
- Петрова Е.И.* Проза Леонида Андреева: поэтика эксперимента и провокации : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Место защиты: Моск. гор. пед. ун-т]. Москва, 2010. 15 с.

¹⁶ *Живов В.М.* Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М. : Гнозис, 1994. С. 10.

Фрай Н.Г. Анатомия критики // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. : трактаты, статьи, эссе / общ. ред. Г.К. Косикова. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1987. С. 232–263.

Черная Л.А. Антропологический код древнерусской литературы. М. : Языки славянских культур, 2008. С. 140–141.

Шатин Ю.В. Эстетика агиографического дискурса в поэме В.В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» // Дискурс. 1996. № 2. С. 24–29. EDN: IBZPOA

Сведения об авторе:

Мыtareva Алиса Владимировна, аспирант, старший преподаватель департамента литературы и межкультурной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 603000, Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12. ORCID: 0000-0001-5323-7405; SPIN-код: 9220-0784. E-mail: amytareva@hse.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-1-49-58

EDN: UJTWSZ

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Интермедиальность вальса «На сопках Маньчжурии» в дальневосточном тексте и проблема взаимосвязи культур Востока и Запада

Найшо Лю , С.Д. Титаренко

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская
Федерация*

 liunaishuo1205@163.com

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу вальса И.А. Шатрова «На сопках Маньчжурии» (1906) в поэтической версии С.Г. Петрова (Скитальца) как репрезентативного образца «маньчжурского текста» – уникального явления в культурном пространстве русского Дальнего Востока начала XX в. В центре исследования – глубокий и органичный синтез музыкальной и вербальной семиотики, раскрывающий механизмы трансформации исторического травматического опыта (поражение в Русско-японской войне) в ностальгический миф о потерянной родине. Интермедиальный анализ выявляет структурные и семантические корреляции между трехдольной метрикой вальса и ритмической организацией поэтического текста, между мелодическими фигурами и системой лейтмотивов (ностальгия, жертвенность, природа, память), формирующих мифопоэтическую структуру произведения. Особую научную ценность представляет выявление изоморфизма между нисходящими мелодическими линиями и мотивом слез, а также анализ использования минорного лада, что в совокупности подтверждает глубину взаимопроникновения музыкальной и вербальной составляющих. Полученные результаты существенно обогащают современные представления о генезисе культурной идентичности в условиях фронта и открывают новые перспективы для междисциплинарных исследований художественных текстов русской дальневосточной диаспоры, в частности – для изучения акустических ландшафтов пограничных территорий.

Ключевые слова: маньчжурский текст, дальневосточный фронт, интермедиальность, культурная память, русский вальс, С.Г. Петров, Скиталец

Вклад авторов. Разработка идеи, сбор и анализ исследовательских данных, написание рукописи – Найшо Лю; редактирование и научное консультирование – С.Д. Титаренко. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 30 сентября 2025 г.; отрецензирована 15 ноября 2025 г.; принята к публикации 18 декабря 2025 г.

© Лю Н., Титаренко С.Д., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Лю Н., Титаренко С.Д. Интермедиальность вальса «На сопках Маньчжурии» в дальневосточном тексте и проблема взаимосвязи культур Востока и Запада // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 1. С. 49–58. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-49-58>
EDN: UJTWSZ

Intermediality of the Waltz *On the Hills of Manchuria* in the Far Eastern Text and the Problem of East-West Cultural Interaction

Naishuo Liu , Svetlana D. Titarenko

St. Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation
 liunaishuo1205@163.com

Abstract. The article offers a comprehensive analysis of I.A. Shatrov's waltz *On the Hills of Manchuria* (1906) in the poetic version by S.G. Petrov (Skitalets), interpreting it as a representative example of the 'Manchurian text', a unique cultural phenomenon in the Russian Far East of the early twentieth century. The study focuses on the profound and organic synthesis of musical and verbal semiotics, which reveals how the traumatic historical experience of the Russo-Japanese War is transformed into a nostalgic myth of a lost homeland. The intermedial analysis identifies structural and semantic correspondences between the triple meter of the waltz and the rhythmic organization of the poetic text, as well as between melodic figures and a system of leitmotifs (nostalgia, sacrifice, nature, memory) that shape the work's mythopoetic structure. Of particular scholarly significance is the revealed isomorphism between descending melodic lines and the motif of tears, along with the analysis of the use of the minor mode, which together demonstrate the depth of the interpenetration of musical and verbal components. The findings substantially enrich current understanding of the genesis of cultural identity under frontier conditions and open new perspectives for interdisciplinary studies of the artistic texts of the Russian Far Eastern diaspora, particularly in relation to the acoustic landscapes of border territories.

Keywords: Manchurian text, Far Eastern frontier, intermediality, cultural memory, Russian waltz, S.G. Petrov, Skitalets

Authors' contribution. Development of the idea, research data collection & analysis, manuscript writing – Naishuo Liu; editing & academic supervision – Svetlana D. Titarenko. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted September 30, 2025; revised November 15, 2025; accepted December 18, 2025.

For citation: Liu, N., & Titarenko, S.D. (2026). Intermediality of the Waltz *On the Hills of Manchuria* in the Far Eastern Text and the Problem of East-West Cultural Interaction. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(1), 49–58. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-49-58> EDN: UJTWSZ

Введение

В рамках исследования литературного наследия русской дальневосточной диаспоры первой трети XX в. был идентифицирован уникальный тип художественного сверттекста, определяемый как «маньчжурский». Данный феномен обладает выраженной культурно-исторической, семантической и мифопоэтической спецификой, отражающей особенности региона и мировоззренческие установки, сформированные в условиях дальневосточного фронта. К основным характеристикам «маньчжурского текста» относятся гибридность, мифологизм, травматичность и пограничность. Гибридность проявляется в синтезе разнородных культурных кодов – буддийско-даосской символики, шаманских практик и русской нарративной традиции, – что формирует сложное поликультурное семиотическое пространство. Мифологизм выражается в процессе сакрализации природного ландшафта и конструировании мифопоэтической картины мира, опирающейся на архетипы «утраченного рая» и «вечного возвращения». Травматичность связана с художественной рефлексией коллективного исторического опыта (поражение в Русско-японской войне, массовая эмиграция), трансформированного в ностальгический миф об утраченной родине. Пограничность определяет данный текст как феномен культурного фронта, существующий в зоне контакта цивилизаций, где актуализируются бинарные оппозиции «свой/чужой», «центр/периферия», «природа/культура», что способствует выработке особых механизмов культурной идентичности (Лю, 2025).

Продолжая исследование этого явления, мы сосредоточимся на анализе вальса И.А. Шатрова «На сопках Маньчжурии» (1906), обретшего поэтическое воплощение в тексте С.Г. Петрова (Скитальца; 1869–1941). Несмотря на то что текст был создан до личного опыта автора в эмиграции, его поэтическая версия вальса демонстрирует удивительную смысловую и мировоззренческую предрасположенность к эстетике «маньчжурского текста». Впоследствии эта творческая интуиция нашла свое биографическое подтверждение: в 1921 г. Скиталец эмигрировал в Китай, где проживал с 1922 по 1934 г. в Харбине¹. Данное обстоятельство позволяет рассматривать текст Скитальца не как результат прямого отражения реалий эмиграции, а как своего рода художественное предвосхищение – семантический код, который задолго до физического перемещения автора уже осваивал культурно-географическое пространство Дальнего Востока и его мифопоэтику.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью преодоления существенного пробела в изучении русской музыкально-поэтической традиции, где вальс «На сопках Маньчжурии» оставался на периферии исследовательского внимания, в отличие от таких хорошо изученных феноменов, как «грибоедовский вальс» (см.: Данилова, 2011; Ярко, 2018) и «рок-поэтика» (Доманский, 2023), несмотря на его значительный культурно-исторический потенциал и роль в формировании имперского сознания рубежа XIX–XX вв.

¹ Скиталец С.Г. Повести и рассказы. Воспоминания. М.: Московский рабочий, 1960. С. 16–22.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые осуществляется комплексный интермедиаальный анализ данного произведения как целостного музыкально-поэтического феномена; оно исследуется в контексте концепции «маньчжурского текста» русской литературы; выявляются механизмы ремифологизации исторической травмы средствами музыкально-поэтического синтеза, а также устанавливается роль вальса в формировании культурной памяти о дальневосточном фронтире.

Цель – рассмотреть переход от повествовательности сюжета к живописно-музыкальным мотивно-образным и звуковым константам. Главная задача – показать, что музыкальные мотивно-образные константы в текстах «вальса» (варианты А. Машистова 1930-х и П. Шубина 1945 г. как дополнительные материалы) отражают мифологические представления дальневосточного фронта и эмоционально-ценностное отношение человека к звукам природы, народным песням и ритуалам в некультурном пограничном пространстве. Особое внимание уделяется анализу вальса с точки зрения его формы, которая актуализирует мотив ностальгии. Многообразие вариаций данного мотива свидетельствует о своеобразном синтезе культур, отраженном в маньчжурском тексте начала XX в.

Вальс как междисциплинарный феномен и объект анализа

В рамках настоящего исследования вальс «На сопках Маньчжурии» интерпретируется как междисциплинарный культурный феномен, существующий на пересечении нескольких дискурсивных полей. Мы рассматриваем текст, созданный Скитальцем в контексте культурной диаспоры Приморья и Маньчжурии начала XX в., который принадлежит к литературе русского дальневосточного зарубежья, отражает специфику «маньчжурского текста» через синтез русской поэтической традиции с экзотизированным восточным ландшафтом. С нашей точки зрения, вальс подвергся процессу вторичной фольклоризации: многочисленные вариации его текста, устная передача и адаптация к разным идеологическим контекстам превратили его в часть коллективной памяти, особенно в среде эмиграции. Важным представляется тот факт, что как музыкально-поэтическое произведение он сочетает элементы городского романа, военного марша и обрядового плача, что отражает его связь с подвигом Мокшанского полка. Кроме того, можно констатировать, что в советский период вальс был ресемантизирован, превратившись из символа имперской травмы в инструмент идеологической мобилизации. Поэтому уникальность вальса заключается в его способности трансцендировать жанры и контексты, оставаясь ключевым объектом для изучения культурной семиосферы русского пограничья.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляет интермедиаальный анализ, разработанный в трудах В. Вольфа. В рамках данного подхода применяется инструментарий интермедиаальной транспозиции, понимаемой как

перформативный перенос структурных и смысловых элементов из одной медийной системы в другую (Wolf, 1999, с. 11), что позволяет выявить корреляции между музыкальной и вербальной семиотикой вальса. При этом важное значение имеет положение В.А. Васиной-Гроссман о родстве основополагающих форм в музыке и литературе, что обуславливает универсальность «некоторых организующих принципов», определяющих «постоянное взаимоотношение обоих искусств» (1978, с. 175).

Существенный вклад в разработку методологии междисциплинарного анализа вносит фундаментальный труд О.А. Ханзен-Лёве «Интермедиальность в русской культуре: от символизма к авангарду», в котором предлагается системная типология интермедиальных взаимодействий. Разработанный Ханзен-Лёве (2016) концептуальный аппарат позволяет описать механизм интермедиальной транспозиции музыкальных структур в вербальный текст не как простое заимствование, а как сложный процесс семантической трансформации, порождающий новые смыслы.

Для анализа глубинного взаимопроникновения вербального и музыкального ряда на уровне ритмико-синтаксической и фонетической организации текста принципиально важным представляется обращение к трудам Е.Г. Эткинда, в частности к его концепции звука и ритма как материальных носителей смысла. Исследователь подчеркивает, что в поэзии не существует нейтральных элементов текста, лишенных образно-смысловой нагрузки (Эткинд, 1978, с. 174). Данный подход позволяет интерпретировать аллитерации и ассонансы в тексте Скитальца, например такие, как «льются горячие слезы», «рыдает ветер»², не как орнаментальные украшения, а как прямую вербальную транскрипцию мелодических «вздохов» и диссонансов вальса, ритмическую организацию – как сознательную имитацию трехдольной метрической пульсации, создающую гипнотический эффект памяти.

Жанровая трансформация: от салонного вальса к реквиему

Для рельефного выделения уникального характера синтеза в вальсе Шатрова представляется продуктивным провести его краткое сопоставление с каноническим образцом салонного или праздничного европейского вальса XIX в., например с произведениями И. Штрауса-сына.

Классический венский вальс, оформившийся как салонный жанр в эпоху бидермайера, характеризовался прежде всего развлекательной и социально-интегрирующей функцией (Романова, 2011, с. 52). Его музыкальная поэтика строилась на ясной трехдольной метрике, быстром темпе и преимущественно мажорном ладе, что создавало ощущение беззаботности и жизнерадостности (Дегтярева, 2012, с. 170).

² Антология военной песни от Полтавской битвы до чеченской войны / сост. и автор предисл. В. Калугин. М. : Эксмо, 2006. С. 410.

Если вальс Штрауса выполнял прежде всего функцию развлечения и социальной интеграции, акцентируя беззаботность и жизнерадостность (например, «Сказки Венского леса»), то вальс «На сопках Маньчжурии» радикально трансформирует жанровую парадигму. Как явствует из нотной записи, трехдольная форма вальса Шатрова, в отличие от традиционной для данного жанра мажорной ладовой организации, реализована посредством минорного звукоряда, что детерминирует ее наполнение трагическим, реквиемным содержанием и подчинение логике коммеморации, а не гедонистической функции. Поэтому этот сознательный контраст – использование узнаваемой, «легкой» формы для донесения глубоко травматичного опыта – не только подчеркивает уникальность замысла Шатрова-Скитальца, но и становится мощным инструментом эмоционального воздействия, обостряя восприятие исторической катастрофы через ее столкновение с игровой стихией танца.

Поэтическая партитура: уровни интермедиального синтеза

Поэтический текст Скитальца к вальсу «На сопках Маньчжурии» представляет собой вербализованную партитуру, где словесные образы органично синтезируются с музыкальной структурой Шатрова. Этот синтез раскрывается на основе ключевых уровней.

Ритмико-синтаксическая организация. В основе создания образа вальса лежит сознательная имитация вращательного, «кружащегося»³ движения, что достигается благодаря преобладанию трехсложных стоп (амфибрахий, анапест), создающих плавную, качающуюся инерцию («Спит гаолян, / Сопки покрыты мглой...»⁴), а также использованию синтаксических повторов и анафор, работающих как музыкальные рефрены и усиливающих гипнотический, почти обрядовый эффект («Плачет, плачет мать родная...»⁵). Этот ритмический рисунок напрямую коррелирует с трехдольным размером (3/4) вальса, где каждая стихотворная строка соответствует музыкальной фразе.

Интермедиальная транспозиция. Эткинд (1974, с. 105) анализирует, каким образом ритм не только организует речевую структуру, но и формирует семантический ореол размера, определяя интонацию и характер повествования посредством повторов. Скиталец мастерски «переводит» музыкальные элементы Шатрова на язык поэзии. Нисходящие мелодические линии транспонируются в мотив нисхождения, угасания и слез: «льются горячие слезы – фонетика (сонорные [л], [р], шипящие [ш]) и семантика слова «льются» визуализируют плавное, печальное течение мелодии. Диссонансы и минорная гармония преобразуются в звуковые и образные контрасты, передающие ужас и боль: «Страшно вокруг, / Лишь ветер на сопках рыдает»⁶ – аллитерация на

³ Антология военной песни от Полтавской битвы до чеченской войны / сост. и автор предисл. В. Калугин. М. : Эксмо, 2006. С. 410.

⁴ Там же. С. 409.

⁵ Там же. С. 410.

⁶ Там же.

[р] и [в] создает звуковой образ воющего ветра, ассоциирующийся с диссонирующим аккордом. Динамика находит свое отражение в синтаксическом строе. Куплеты часто начинаются с тихой, описательной лирики («спит гаолян...») и нарастают до эмоциональной кульминации с восклицательной интонацией: «Но верьте, еще мы за вас отомстим / И справим кровавую тризну»⁷.

Мифопоэтическая структура и лейтмотивная система. Текст является не просто описанием, а ритуалом памяти, конструирующим миф о павших героях через систему взаимосвязанных лейтмотивов:

1) мотив сна и смерти («спит гаолян», «воины спят», «спите ж, сыны»⁸) объединяет природу, солдат и всю страну в единое скорбное, замершее состояние;

2) мотив памяти и забвения: центральный конфликт текста («забыть... мы не можем», но «вечную память не спели»⁹) подчеркивает травму невыполненного долга;

3) мотив природы как участника траура: маньчжурский ландшафт («сопки», «гаолян», «ветер», «луна») становится активным хором, оплакивающим павших (ветер «рыдает»);

4) мотив искупительной жертвы и мести: завершение текста клятвой мести («кровавую тризну») переводит индивидуальную скорбь в коллективное, почти языческое обетование.

Культурный синтез русского и восточного. Семиотическое пространство текста обладает гибридной культурной организацией. Традиционные русские символы скорби и памяти («кресты», «береза» – имплицитно, «тризна») помещены в экзотический восточный контекст («сопки Маньчжурии», «гаолян»), что создает эффект отчужденной, «чужой» земли, усиливающей ощущение трагедии и тоски по далекой «своей» родине. Поэтому вальс «На сопках Маньчжурии» становится не просто песней о месте, но и звучащим воплощением самого «гения места» (Norberg-Schulz, 1980) – дальневосточного фронта, который в художественном сознании русской диаспоры наделяется чертами носителя коллективной скорби и хранителя памяти.

Поэтический текст Скитальца является идеальной вербальной проекцией музыки Шатрова, углубляющей ее семантику и раскрывающей через слово ее мифологический, обрядовый и травматический подтекст. Через интермедальный синтез формируется уникальный образец «маньчжурского текста».

Ремифологизация и ностальгия в контексте культурной памяти

История бытования вальса «На сопках Маньчжурии» представляет собой уникальный пример постоянной ремифологизации музыкального произведения через смену вербальных текстов, каждый из которых актуализировал его

⁷ Антология военной песни от Полтавской битвы до чеченской войны / сост. и автор предисл. В. Калугин. М. : Эксмо, 2006. С. 410.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

в новом историко-идеологическом контексте. Канонический текст Скитальца, являющийся центральным объектом данного исследования, сосредоточен на экзистенциальной травме поражения в Русско-японской войне, выражая общенародную скорбь через мощные образы коллективного горя и клятвы мести («справим кровавую тризну»¹⁰. Его мифопоэтическая глубина, синтез русских и восточных мотивов («гаолян», «сопки», «кресты») и ритуальный характер памяти делают его квинтэссенцией «маньчжурского текста». В советскую эпоху вариант Машистова (1930-е) подвергается идеологической ре-семантизации: трагедия и месть трансформируются в мобилизационный призыв к революционной борьбе («Мы пойдем навстречу новой жизни, / Сбросим бремя рабских оков»¹¹. Исчезает мотив экзистенциальной тоски, а память инструментализируется для целей политической агитации. Напротив, текст Шубина (1945), созданный в период новой войны с Японией, отличается лиризацией и индивидуализацией памяти. Акцент смещается на ностальгические воспоминания отдельного солдата о доме и любви («девичий милый взгляд»), а трагедия 1905 г. становится фоном для размышлений о личных потерях. Поэтому учет этих трансформаций необходим для демонстрации осознанного выбора именно версии Скитальца как наиболее репрезентативной для анализа «маньчжурского текста». Сравнительная перспектива наглядно иллюстрирует механизмы ремифологизации культурной памяти, где один музыкальный сюжет последовательно адаптировался к идеологическим запросам разных эпох – от имперской скорби через советскую мобилизацию к лирической ностальгии. В этом ряду текст Скитальца сохраняет статус аутентичного голоса исторической травмы, свободного от последующих идеологических наслоений, что и обуславливает его ценность для интермедиального и мифопоэтического анализа.

Вальс «На сопках Маньчжурии» представляет собой значимый объект мифологической реконструкции дальневосточного фронта, что находит отражение в постоянной ремифологизации исторического эпизода сражения Мокшанского полка в Русско-японской войне. Опираясь на труд «Структурная антропология» К. Леви-Стросса, В.В. Полонский исследует взаимосвязь мифа и музыки и отмечает, что «миф изначально „музыкален“, а музыка „мифологична“» (2008, с. 34). Эта взаимосвязь проявляется в лейтмотиве ностальгии, который пронизывает различные варианты текста вальса и реализуется через систему смысловых мотивов (креста, могилы, судьбы, крови, тризны, отчины, Родины-матери, слез, березы и др.). Согласно концепции С. Бойм ностальгия охватывает как временные, так и пространственные категории, представляя собой тоску по месту, которое больше не существует или никогда не существовало, но в действительности выражая тоску по необратимому прошлому (2001, с. 18). При этом ностальгия вызывает стремление к ощущению преемственности и непрерывности пространства и времени, соединяя про-

¹⁰ Антология военной песни от Полтавской битвы до чеченской войны / сост. и автор предисл. В. Калугин. М. : Эксмо, 2006. С. 410.

¹¹ Там же. С. 413.

шное, настоящее и будущее. Данное стремление воплощается в двух формах: ностальгии, пробуждающей «национальное прошлое и будущее», и ностальгии, сосредоточенной на «размышлении об истории и времени»¹².

Процесс постоянной ремифологизации вальса и его адаптация к новым идеологическим контекстам получает объяснение в рамках теории культурной памяти А. Эрлл, которая интерпретирует подобные явления как механизмы функционирования медиа памяти, обеспечивающие актуальность исторического опыта для последующих поколений (Erll, 2011). В интермедиальной структуре вальса ностальгический лейтмотив реализуется через взаимодействие образов, принадлежащих различным семиосферам. Музыкальные образы («Вечная Память», «Разбросала косы русые береза», старый вальс, баян, лад) сочетаются с живописными (белые кресты, кровавая тризна, край угрюмый) и образами из маньчжурских текстов (маньчжурские поля, равнины Востока, пустынные сопки, гаолян, чужой край, тишина). Поэты активно задействуют элементы восточной языковой стихии, а также маньчжурских и русских народных традиций, создавая сложные образы, мотивы и сюжеты, способствующие обретению чувства родного дома в чужом пространстве, которое осваивается и переосмысливается коллективным сознанием. Поэтому вальс становится не только музыкальным произведением, но и многослойным культурным текстом, синтезирующим мифологические, исторические и ностальгические дискурсы дальневосточного фронта.

Заключение

Таким образом, выделяясь среди обычных европейских вальсов, «На сопках Маньчжурии» представляет собой уникальный культурный феномен, органично интегрированный в парадигму «маньчжурского текста» русской литературы. Его ностальгически-патетический характер отражает ключевые параметры этого текстуального комплекса: диалектику своего и чужого пространства, мифологизацию дальневосточного фронта и метафизику утраты, характерную для произведений о Маньчжурии. Через интермедиальный синтез музыки и поэзии в произведении воссоздается характерная для «маньчжурского текста» оптика – восприятие региона как пространства мифологизированной памяти и культурной ностальгии. Особую значимость приобретает способность вальса к смысловой трансформации в различных историко-культурных контекстах, что соответствует общей природе «маньчжурского текста» как динамического семиотического образования. Эта способность к ресемантизации – от имперского нарратива до советской идеологической адаптации – подтверждает статус произведения не просто как музыкального явления, но как важного элемента русской культурной мифологии Дальнего Востока, сохраняющего актуальность для изучения механизмов формирования идентичности в условиях межкультурного пограничья.

¹² Антология военной песни от Полтавской битвы до чеченской войны / сост. и автор предисл. В. Калугин. М. : Эксмо, 2006. С. 117.

Список литературы

- Бойм С.* Будущее ностальгии. М. : НЛЮ, 2001. 362 с.
- Васина-Гроссман В.А.* Музыка и поэтическое слово. Ч. 2. М. : Музыка, 1978. 365 с.
- Данилова Н.К.* «Грибоедовский вальс» А. Башлачёва в контексте литературы // *Русская рок-поэзия: текст и контекст* : сб. науч. трудов. Екатеринбург ; Тверь, 2011. Вып. 12. С. 53–58.
- Дегтярева Е.Ю.* Вальс. История возникновения и современность // *Вестник Академии русского балета им. А.Я. Вагановой*. 2012. № 1(27). С. 170–180. EDN: OZODUD
- Доманский Ю.В.* Рок-поэтика. М. : Эдитус, 2023. 206 с.
- Лю Н.* Проблема «маньчжурского текста» в литературе русской дальневосточной диаспоры первой трети XX века // *Культура и текст*. 2025. № 1(60). С. 175–191. <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2025-1-175-191>
- Полонский В.В.* Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX – начала XX века. М. : Наука, 2008. 285 с.
- Романова Л.В.* Венский бидермайер и альбом из Гавриловки // *Дискуссия*. 2011. № 7. С. 49–54. EDN: OWDIHF
- Ханзен-Лёве А.* Интермедиальность в русской культуре : от символизма к авангарду. М. : Изд-во Рос. гос. гуманитарного ун-та, 2016. 503 с.
- Эткинд Е.Г.* Материя стиха. Париж : Institut Detudes Slaves, 1978. 506 с.
- Эткинд Е.Г.* Ритм поэтического произведения как фактор содержания // *Ритм, пространство и время в литературе и искусстве*. Л. : Наука, 1974. С. 104–121.
- Ярко А.Н.* Песня Александра Башлачёва «Грибоедовский вальс» в контексте русской литературы // *Русская рок-поэзия: текст и контекст*. 2018. № 18. С. 6–12. EDN: ХТХОМН
- Erll A.* Memory in Culture. London : Palgrave Macmillan, 2011. 209 p.
- Norberg-Schulz C.* Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture. New York : Rizzoli Intl Pubns, 1980. 216 p.
- Wolf W.* The Musicalization of Fiction: A Study in the Theory and History of Intermediality. Amsterdam : Rodopi, 1999. 623 p.

Сведения об авторах:

Лю Найшо, аспирант кафедры истории русской литературы, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9. ORCID: 0009-0002-2138-1239; SPIN-код: 8985-1716. E-mail: liunaishuo1205@163.com

Титаренко Светлана Дмитриевна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9. ORCID: 0000-0002-6981-0664; SPIN-код: 4626-5554. E-mail: s.titarenko@spbu.ru

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
CONTEMPORARY LITERATURE

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-1-59-73

EDN: UJYFFU

УДК 821.161.1.0

Научная статья / Research article

«Прародительский текст» в повести Дарьи Доцук «Голос»

Ж.К. Гапонова , Е.В. Никкарева

*Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
Ярославль, Российская Федерация
jangapl@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются особенности репрезентации прародительского текста в повести Дарьи Доцук «Голос». Цель – выявление системы кодов (архетипического, лингвосомиотического и аксиологического), образующих основу рассматриваемого сверхтекста, а также устойчивых сюжетно-композиционных и предметно-образных компонентов, позволяющих говорить об интегрированности повести в прародительский сверхтекст, ядром которого выступают концептуальные слова-образы *бабушка* и *дед(ушка)*, *пра-родители*. Отмечается, что важным структурообразующим элементом прародительского текста в повести Д. Доцук становится образ преемника – внучки Саши, которая является нарратором и на развитие которой интенционально направлено воздействие системы анализируемых кодов, обеспечивающих целостность и воспроизводимость сверхтекста. Система персонажей повести, укладывающаяся в парадигму «внуки – прародители», позволяет говорить о ценностно-смысловой доминанте произведения – памяти. При анализе одной из ключевых функций прародителей – сохранении памяти рода и исторической памяти, – авторы последовательно показывают, что в повести «Голос» она реализуется через демонстрацию механизмов объединяющей постпамяти, при этом подробно описываются различные практики трансляции памяти: коммуникативная (Саша – бабушка Надежда Емельяновна), травматическая память «молчания» (сержант Рыжов), коммеморативная (Стас). Особо отмечается, что роль прародителей в повести, направленной на демонстрацию кардинальной трансформации героини-подростка в процесс поиска смысла жизни и своего места в ней, не ограничивается формированием родовой идентичности. Сохраняя архетипическую роль наставника на пути обретения индивидом собственного миропонимания, бабушка Надя выступает заместителем матери, принимающим на себя заботу о внучке, когда та «намеренно» бежит от родителей. Репрезентация прародительского текста необходима для обретения героями своих голосов, способных транслировать проблемы прошлого, осознавать их связь с настоящим и понимать свое

© Гапонова Ж.К., Никкарева Е.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

предназначение для будущего. Прародительский текст, выстраиваясь как целостная многоуровневая и многофункциональная система, играет в повести Д. Доцук «Голос» важную роль в понимании смысла произведения.

Ключевые слова: свертхтекст, прародительский текст, бабушка, дед, наследник, память, аксиологический код, архетипический код

Вклад авторов. Разработка идеи, сбор и анализ исследовательских данных – Ж.К. Гапонова; написание и редактирование рукописи – Е.В. Никкарева. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа выполнена за счет средств гранта Российского научного фонда № 25-28-01541 «Репрезентация „прародительского текста“ в произведениях современной детской и подростковой литературы».

История статьи: поступила в редакцию 30 сентября 2025 г.; отрецензирована 15 ноября 2025 г.; принята к публикации 18 декабря 2025 г.

Для цитирования: Гапонова Ж.К., Никкарева Е.В. «Прародительский текст» в повести Дарьи Доцук «Голос» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 1. С. 59–73. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-59-73> EDN: UJYFFU

The Progenitors Supertext in Daria Dotsuk's Novella *The Voice*

Zhanna K. Gaponova , Elena V. Nikkareva

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation

 jangap1@mail.ru

Abstract. The article examines the features of the representation of the progenitors supertext in Daria Dotsuk's novella *The Voice*. The goal is to identify the system of codes (archetypal, linguosemiotic and axiological) that form the basis of the supertext in question, as well as the stable plot-compositional and subject-image components that allow us to talk about the integration of the story into the primordial supertext, the core of which is the conceptual word-image of grandmother and grandfather, the successor. It is noted that an important structuring element of the ancestral text in D. Dotsuk's novella is also the image of the successor – granddaughter Sasha, who is the narrator and whose development is intensively influenced by the system of analysed codes that ensure the integrity and reproducibility of the supertext. The system of characters in the novella, which fits into the paradigm of 'grandchildren – progenitors', allows us to talk about the value-semantic dominant of the work – memory. Analysing one of the key functions of the progenitors – the preservation of the family and historical memory – the authors consistently show that in the novella *The Voice* it is realised through the demonstration of the mechanisms of unifying post-memory, while describing in detail various practices of memory translation in the story: communicative (Sasha – grandmother Nadezhda Yemelyanovna), traumatic memory of 'silence' (Sergeant Ryzhov), commemorative (Stas). It is worth noting

that the role of progenitors in the novella, which aims to demonstrate the teenage heroine's fundamental transformation in the process of searching for the meaning of life and her place in it, is not limited to the formation of an ancestral identity. Retaining the archetypal role of a mentor on the way to finding one's own understanding of the world, grandmother Nadya acts as a substitute for her mother, taking care of her granddaughter when she is 'delirious'. The representation of the progenitor's text in the story is necessary for the characters to find their voices, capable of translating the problems of the past, realizing their connection to the present and understanding their purpose for the future. In D. Dotsuk's novella *The Voice*, the progenitors supertext, built as an integral multilevel and multifunctional system, plays an important role in understanding the meaning of the work.

Keywords: supertext, the progenitors supertext, grandmother, grandfather, successor, memory, axiological code, archetypal code

Authors' contribution. Development of the idea, research data collection & analysis – Zhanna K. Gaponova; manuscript writing & editing – Elena V. Nikkareva. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. The work was carried out with funds from the Russian Science Foundation grant No. 25-28-01541 "Representation of the 'ancestral text' in works of modern children's and adolescent literature".

Article history: submitted September 30, 2025; revised November 15, 2025; accepted December 18, 2025.

For citation: Gaponova, Zh.K., & Nikkareva, E.V. (2026). The Progenitors Supertext in Daria Dotsuk's Novella *The Voice*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(1), 59–73. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-59-73> EDN: UJYFFU

Введение

Современная российская литература для подростков постепенно вырабатывает привычку «думать о сложных проблемах вместе с детьми»¹. Если рассказ Т. Михеевой «Следующая остановка – небо!», посвященный бесланской трагедии, при первой публикации в 2010 г. прошел практически незамеченным, то выход в 2016 г. в издательстве «Самокат» повести Дарьи Доцук «Голос» вызвал живой отклик критиков и исследователей. В 2018 г. Д. Доцук была номинирована на независимую интернет-премию «На благо мира», присуждаемую лицам и организациям за гуманизм в искусстве и общественной деятельности, а в 2019 г. ее повесть была включена в каталог Международного совета по детской и юношеской книге (IBBY) – Outstanding books for young people with disabilities. Отмечаемый исследователями терапевтический потенциал произведения Доцук привлекает к ней внимание педагогического сообщества. Например, повесть была предложена М.И. Пушкиной для изучения восьмиклассникам в курсе предмета «Русская родная литература» в разделе «Современная литература. Проза о подростках и для подростков последних

¹ *Аромитам М.С.* Без языка // Папмамбук. 2017. 6 апреля. URL: <https://www.papmambook.ru/articles/1849/?ysclid=m82spiyq3l612865971> (дата обращения: 24.03.2025).

десятилетий»². Книга, с момента ее выхода неоднократно обсуждавшаяся в различных книжных клубах, стала предметом внимания в рамках совместного проекта Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского и Центральной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова «Литературная учительская „А поговорить?“»³.

Как отметила Т.В. Рудишина, повесть многослойна, современна, социально значима и художественна⁴. Однако в большинстве работ, посвященных анализу рассматриваемого произведения, внимание исследователей сосредоточено на таких линиях повествования, как последствия теракта, тема панических атак и трагического одиночества подростка: «Внезапно и резко прочерченная грань между обыденностью и катастрофой, между „все было как всегда“ и „потом произошел взрыв“ превращает обычную московскую старшеклассницу, готовившуюся перейти в выпускной класс, в „жертву теракта“, которая невольно выпадает из привычных семейных и школьных отношений» (Ничипоров, 2022, с. 219). Повесть может быть соотнесена с той разновидностью романа-инициации, которую Н.С. Шалимова определяет как роман-посттравму. Исповедальный характер наррации (от лица десятиклассницы Саши) с характерной для нее внутренней фокализацией, акцентированием внимания на переживаниях и ощущениях, направлен на освобождение от психологических последствий травмирующего события. И хотя в повести пунктирно обозначается линия отношений подростка и родителей, непонимания его взрослыми (Перепелкина, 2022, с. 23), на пути взросления ребенок не остается один: мудрым наставником, сопровождающим девочку в процессе инициации, выступает бабушка.

Цель статьи – выявление в повести Д. Доцук «Голос» системы кодов (архетипического, лингвосомиотического и аксиологического), а также устойчивых сюжетно-композиционных и предметно-образных компонентов, позволяющих говорить об интегрированности произведения в соответствии с указанными признаками в прародительский свертхтекст. Данный аспект исследования поэтики повести приобретает особую актуальность в год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне при работе со старшеклассниками и студентами, которые из всех факторов, формирующих патриотизм, ставят на первое место «историю предков и рода» (Ростовцева и др., 2019).

Ключевое понятие «прародительский текст», рассматриваемое в рамках теории свертхтекста, определяет и методологию исследования. Понимая под свертхтекстом «ряд самостоятельных произведений словесного искусства, актуально и/или потенциально воспринимаемых в культурной практике (тексто-

² Рабочая программа «Родная литература 5–9 классы» / сост. М.И. Пушкина // Инфоурок. 2020. 13 мая. URL: <https://infourok.ru/rodная-literatura-5-9-klassy-4297284.html> (дата обращения: 29.06.2024).

³ Литературная учительская «А поговорить?» // Научно-просветительский проект «Русский логос»: [официальная страница ВКонтакте]. 2025. 2 марта. URL: https://vk.com/wall-211357569_1117?ysclid=m8yxgk627p602330346 (дата обращения: 24.03.2025).

⁴ Рудишина Т.В. [Отзыв о книге] // Блог Дарьи Доцук : книжный образ жизни. URL: <https://dariadotsuk.ru/books/> (дата обращения: 24.03.2025).

вой деятельности) в качестве целостной единицы» (Лошаков, 2008, с. 3), но при этом «имеющих общую внетекстовую ориентацию» (Меднис, 2003, с. 21), мы можем говорить о наличии устойчивых компонентов сверхтекста, в качестве которых чаще всего выступают концептуальные слова-образы *бабушка* и *дедушка*, аккумулирующие представления о прародительстве в национальной картине мира русского человека. Сосредоточенность сразу вокруг двух гендерно маркированных, но не составляющих гендерную оппозицию констант – *бабушка* и *дед/дедушка* (шире – *прабабушка*, *прадедушка*, а также иные персонажи, принимающие на себя роль прародителей и признаваемые протагонистом в качестве таковых) – определяет специфику прародительского текста по сравнению с другими сверхтекстами, сформировавшимися в русской литературе, позволяя воспринимающему сознанию формально чувствовать и очерчивать границы сверхтекста, интегрировать смыслы, объединяя свои ассоциативно-ценностные представления с теми, которые порождает контекст рассматриваемого литературного произведения и опыт знакомства с другими текстами. Структурообразующим элементом прародительского текста может также выступать образ преемника (внука, правнука или персонажа, признаваемого прародителями в качестве такового), на развитие которого интенционально направлено воздействие системы кодов, обеспечивающих целостность и воспроизводимость прародительского текста: аксиологического, архетипического и лингвосемиотического, которые образуют своего рода основу – инвариант прародительского текста. При этом следует отметить, что модель «прародитель – преемник» может быть реализована в художественном тексте при наличии хотя бы одного ядерного образа (бабушки либо дедушки) через специфический комплекс устойчивых сюжетно-композиционных, предметно-образных компонентов, мотивов, связанных с ментальными представлениями о бабушках и дедушках в национальной лингвокультуре.

Результаты и обсуждение

Специфика прародительского текста в повести Д. Доцук «Голос» проявляется в его пересечении с калининградским локальным сверхтекстом, архитекtonика которого отражает, как отмечает Л.М. Гаврилина (2010, с. 70–71), постоянно идущий диалог «старого/нового, немецкого/русского, довоенного/послевоенного, чужого/своего». Москва, для образа которой ключевым является представление о «перспективе» и в которой люди, ощущая постоянный дефицит времени, живут и общаются «по расписанию» (*Саша очень безответственно относится к своему будущему; на носу одиннадцатый класс, надо налегать на английский, сдавать экзамены, поступать в институт, строить карьеру. Нет времени болеть*⁵), противопоставлена «сонному» Калининграду, в котором «прошлое <...> продолжает параллельное с нашей реальностью существование». Имплицитно возникающая антитеза одинокой

⁵ Доцук Д.С. Голос. М. : Самокат, 2017. С. 31, 129.

старости и прародительства, опосредованная образом *полуразрушенных немецких домов*, которые в основном пустовали и незаметно приходили в упадок, как *одинокие старики*⁶, выступает для читателя маркером ключевой оппозиции «забвение – память», рассматриваемой в аспекте диалога поколений. Система персонажей, укладывающаяся в парадигму «внуки – прародители», позволяет говорить о памяти как ценностно-смысловой доминанте в общем поле смыслов прародительского и калининградского текстов.

Образы бабушки (Надежда Емельяновна), прабабушки и прадедушки Тишкиных, немецкой прапрабабушки Хильды Зайтц – фрау Рабарбер, деда Вани – сержанта Рыжова, а также внесценических персонажей – широколицего и веселого учителя математики – дедушки Саши, дочери майора Лыткина Лиды – бабушки Стаса и других персонажей-прародителей связывают нити повествования о современности и об истории Второй мировой войны. Позиционирование персонажей-подростков как *внуков* (например, *Глеб, внук Михал Егорыча; Стас попал в библиотеку из-за дедушки*⁷), не только определяет их вписанность в систему семейных отношений, противопоставленных детско-родительским, но позволяет реализовать представление о преемственности поколений в рамках модели, которую мы считаем базовой для русской национальной культуры при обращении к проблеме трансляции ментального опыта: прародитель – наследник. Несомненная ценность повести Д. Доцук в том, что читатель видит перед собой героев-сверстников, рефлексия которых о собственной роли в семье и социуме определяет высокую степень их агентности, проявляющейся в восстановлении и сохранении семейно-родовой памяти. Таким образом, одна из ключевых функций прародителей – сохранение памяти рода и шире – исторической памяти – в повести «Голос» реализуется через демонстрацию механизмов объединяющей постпамяти (Хирш, 2021, с. 263). При этом в повести показаны различные практики трансляции памяти: коммуникативная (Саша – бабушка Надежда Емельяновна), травматическая память «молчания» (сержант Рыжов), коммеморативная (Стас).

Мотив наследования семейно-родовой памяти реализуется не только как рассказывание прародителями «историй» (*Когда слышишь такие истории, сердце растёт. Это больно, но ты становишься лучше, сильнее*⁸), но и как ряд сюжетных коллизий, связанных с самостоятельным поиском внуками информации о своих предках, реконструированием прошлого и сохранением исторической правды (*когда дед умер, я вдруг понял, что вроде как несу ответственность за его историю. Она не должна вместе с ним пропасть. И я стал искать информацию – книги, письма, газеты того времени. Даже в архиве был*⁹), а также созданием ими собственного коммеморативного нарратива. Слово «история» таким образом аккумулирует в повести различные смыслы,

⁶ Доцук Д.С. Голос. М. : Самокат, 2017. С. 42.

⁷ Там же. С. 52.

⁸ Там же. С. 152.

⁹ Там же. С. 163.

возвращая читателя к первоначальному значению – рассказ о прошедшем, об узнанном¹⁰, тем самым актуализируя еще один аспект интерпретации заглавия повести – голос как свидетельство – и уравнивая в рамках художественной концепции повести *память и постпамять*.

При этом зоной интерференции калининградского и прародительского текстов становится проекция эпизодов травматического опыта прародителей на знаковые для истории Восточной Пруссии топосы. Так, центральным топосом сюжетной линии сержанта Рыжова (деда Вани) становится *невозможный, жестокий, бессмысленный... и укрытый молчанием* поселок Пальмникен, после 1946 г. переименованный в Янтарный, где 29 января 1945 г. были расстреляны около *трех тысяч евреев, которых пригнали в Пальмникен из концлагерей*, чтобы скрыть следы эсэсовских преступлений, – *больше, чем погибло 11 сентября*¹¹. Художественная концепция повести предполагает диалог точек зрения дедушки и внука как диалог двух стратегий памяти. Так, для сержанта Рыжова пережитый опыт связан с осознанным молчанием (*не любил об этом рассказывать*), с неоправдавшейся надеждой Стаса, что *перед смертью дед расскажет ему о штурме*, тогда как Стас стремится не только «выведать» сначала у деда, а затем у бабушки, но и представить историю героя как словесно оформленный опыт: «У каждого свой способ играть в бога <...> я тоже нашел один способ. Написал рассказ, чтобы воскресить одного парня»¹². Следующая далее история сержанта Рыжова, будучи отделена от основного повествования тремя астерисками, может быть рассмотрена как вставная новелла – один из обсуждаемых подростками на заседаниях читательского клуба «рассказов о смерти», что подчеркивается сменой типа повествования с личного на безличное с характерной установкой на объективность. При этом восприятие коммеморативного нарратива читателем опосредовано финализирующей репликой повествователя-протагониста – Саши: «Есть люди, чьи истории важнее их самих. Сержант Рыжов был одним из них. Он носил в себе эту правду как неизлечимую болезнь, никому не показывая, словно боялся заразить. Теперь Стас – хранитель его истории. И он выбрал не молчать»¹³, что позволяет показать события прошлого как переживаемые в настоящем, вписать события семейной истории в контекст истории страны, установив связь с современностью. По справедливому замечанию М. Третьяковой, «...память о трагедии Пальмникена неожиданно удачно рифмуется с посттравматическим синдромом героини». Катастрофическое событие индивидуальной биографии Саши, рассматриваемое через призму другой личной катастрофы – 17-летней террористки Дженнет, *которая верила, что идет за любимым в рай*¹⁴, в картине мира

¹⁰ Большой толковый словарь русского языка / под. ред. С.А. Кузнецова // Грамота. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar?ysclid=ma3ko5ztwt617493966> (дата обращения: 24.03.2025).

¹¹ Доцук Д.С. Голос. М. : Самокат, 2017. С. 180.

¹² Там же. С. 162–163, 179.

¹³ Там же. С. 180.

¹⁴ Там же. С. 181.

повести встраивается в общую цепь «невыносимых в своей жестокости случайностей»¹⁵. При этом трагедия Пальменикена не единственная ретроспективная параллель теракту в московском метро. Для семьи Саши – это послевоенная история поселка Ушаково (до 1946 г. Бранденбурга) и образ кирхи Святого Николая, *обезглавленной не то английским, не то советским снарядами*, впервые возникший на бабушкиной карточке конца 1940-х и в контексте повести прочитываемый как символ судьбы переселившихся «на Неметчину» Емельяна и Мани Тишкиных – родителей бабушки Нади. Образы застывшего времени (*21 ноября в 8:14 утра*) – время теракта на станции метро «Парк культуры» и *...двадцать минут седьмого – точное время смерти*, которое показывают часы на обезглавленной кирхе, подчеркивают не только общий онтологический статус этих двух событий, но и изменение течения повседневной жизни (*невозможные четыре минуты до школы*¹⁶), распад нарративной картины мира, когда статус события для протагониста сохраняет лишь момент катастрофы. Автором повести отвергается концепция исторического детерминизма, характерная для литературы травмы (в частности, для «литературы 9/11»). С ее точки зрения исторический выбор совершается в зависимости от того, кто приходит к герою «в самый уязвимый момент», что позволяет нивелировать деление на «жертв» и «убийц». Так, Саша, сопоставляя себя и Дженнет, замечает, что в момент судьбоносного выбора она *находится в таком душевном состоянии, когда ей нужны поддержка и помощь*. И если к Дженнет приходят *люди, одержимые жаждой мести*, то рядом с самой Сашей в этот момент бабушка, которая помогает внучке пройти *испытание*¹⁷, возвращая девочку к повседневной жизни, восстанавливая нарративную картину мира.

История Тишкиных так же, как и история сержанта Рыжова, вводится как чужое слово (*И бабушка стала рассказывать*¹⁸), оформляется как вставная новелла. Однако эти события встраиваются в структуру индивидуального переживания подростка, становятся основой для формирования его семейной идентичности. Как отмечает Ю.Б. Ничипоров, «затяжной психологический надрыв, укоренившийся, возможно, в родовой памяти, обнаруживается в том, что прабабушка, прожив на новом месте долгие годы, продолжала внутренне изо всех сил противиться этой среде, вследствие чего „проболела всю жизнь“, „море так и не полюбила“, ни разу не купалась в нем, отговариваясь тем, что пойдет, когда „чайки улетят“». Отталкивание от мучительных раздвоений («это не мое отражение, не моя жизнь»), намерение „встряхнуть реальность, чтобы все встало на место“, сопровождаются у героини [Саши – *Ж.Г.* и *Е.Н.*] раздумьями об отдаленном созвучии сегодняшних бед с участью прошедшей

¹⁵ Третьякова М. Подростковые книги на сложные темы: кто и зачем их пишет? // Kidsbookia. 2017. 10 января. URL: <https://lit-ra.info/articles/podrostkovye-knigi-na-slozhnye-temy-kto-i-zachem-ikh-pishet/> (дата обращения: 24.03.2022).

¹⁶ Доцук Д.С. Голос. М. : Самокат, 2017. С. 7, 9–10, 119, 124.

¹⁷ Там же. С. 139.

¹⁸ Там же. С. 143.

через войну и голод, искалеченной своей эпохой прабабушки – „угрюмой северной женщины, которая боялась чаек“. Прикосновение к перипетиям наследственного опыта отчасти избавляет ее от болезненной самозамкнутости» (2022, с. 222).

Потребность Надежды Емельяновны делиться воспоминаниями, которые не только ложатся в основу знания Саши об истории рода, но становятся частью ее духовного опыта, установка на трансляцию памяти в процессе коммуникации, позволяют говорить о реализации в повести Д. Доцук стратегии, которая наиболее характерна для прародительского текста русской литературы для детей и подростков: *...сама не знаю, зачем я стала рассказывать*» (бабушка); *Когда слышишь такие истории, сердце растет* (внучка). Внимание автора сконцентрировано при этом на рефлексии подростка, когда через бабушкины рассказы формируется чувство причастности к семейно-родовой истории как важной составляющей семейной идентичности: «Я решила, что буду считать фрау Рабарбер своей немецкой прапрабабушкой». Родовая память, передающаяся через рассказы о прабабушках и прадедушках, становится связующим звеном между прародителями и внуками, помогает подросткам осознать свое предназначение как хранителей символического «семейного капитала»: «Кроме меня, некому помнить историю Ревнивого пирога»¹⁹.

Вместе с тем роль прародителей в прозе, направленной на демонстрацию кардинальной трансформации протагониста в процесс поиска смысла жизни и своего места в ней, развертывающейся по сценарию обряда посвящения, не ограничивается формированием родовой идентичности. Сохраняя свою архетипическую роль наставника на пути обретения индивидом собственной идентичности, бабушка Надя выступает заместителем матери, принимающим на себя заботу о внучке, когда та «намеренно» бежит от родителей: «...когда я в Кёниге, им станет полегче. Отцу не придется каждый день видеть меня, а маме – отцовские оголенные нервы. Осталось только выздороветь. Отец дал мне на это три месяца»²⁰. В интервью Еве Логиновой из Детской редакции «Живой классики» Д. Доцук так комментирует выбранный сюжетный ход: «Мы с редактором думали, что, наверное, получилось бы лучше, если бы Саша осталась в Москве и все трудности преодолевала здесь. Так было бы правильно с точки зрения терапии и лечения, но с точки зрения моего личного опыта понятно, что человек, который не знает, в чем заключается проблема и как ее решить, хочет убежать, спрятаться. Поэтому я сразу придумала историю отъезда»²¹. Высвечивая проблему детско-родительских отношений, мотив бегства запускает сюжет инициации, первым этапом которого является

¹⁹ Доцук Д.С. Голос. М. : Самокат, 2017. С. 152.

²⁰ Там же. С. 12.

²¹ Доцук Д.С. «В сложные времена мы часто обращаемся к прошлому и пытаемся найти там ответы». Писательница Дарья Доцук о целительной литературе, творческом пути и детстве в Алматы : интервью Е. Логиновой // Лифт. 2022. 2 сентября. URL: <https://lift-journal.ru/dialogs/tpost/fz98ga66z1-v-slozhnie-vremena-mi-chasto-obraschaems?ysclid=m8yu7vsk3q643127920> (дата обращения: 24.03.2025).

физическое отделение героини от родителей, которому предшествует эмоциональная сепарация. Ощущение, что мама «не понимает» Сашу, «тяжелое одиночество» маркировано в «московских» главах местоимениями я (*мне, меня*) и местоимениями третьего лица (*он, она, ей, с ней*), определяющими родителей, тогда как в «калининградских» главах доминируют местоимения *мы* (*наша*), передающие важное для бабушки Нади и Шули (как бабушка ласково называет героиню) чувство сопричастности и маркирующие внимание автора к этапу изоляции (*мы с бабушкой, вдвоем с бабушкой, вечно с бабушкой*). Только внешнее сходство с отцом – «ужасные брови – густые, широкие, неправильные»²² противопоставлено духовному родству с бабушкой, наличию у них общих интересов, таких как вечернее чаепитие и чтение (*маленький книжный клуб*). Повседневные совместные практики, определяющие в сознании героини каникулы у бабушки, выступают своего рода якорями, фиксирующими границы привычного, устоявшегося мира: «Я принесла ей ромашковый чай и „Мы все из Бюллербю“ – любимую нашу книжку, такую же неотъемлемую часть летних каникул, как Ревнивый пирог. Мы всегда растягивали ее, чтобы хватило на все три недели, – по одной-две истории перед сном»²³. Наречия *всегда, снова*, характеризующие уклад в доме бабушки, отсылают и к эксплицитированному в тексте мотиву возвращения в детство: «Рядом с бабушкой, под ее теплым понимающим взглядом, я потихоньку проваливалась в детство. Бабушка словно припрятала его в коробке с овсяным печеньем, и с каждым кусочком я становилась младше»²⁴. Этот мотив актуализирует особый тип детско-прародительских отношений, когда безусловная любовь бабушек и дедушек формирует у внуков чувство защищенности, а проблемы взрослого мира воспринимаются как внешние. Обращения бабушки «девочка моя», «маленькая моя», характерные при разговоре с детьми, использование стилистически ограниченного в употреблении глагола «кушать» (*Ну, маленькая моя, чего ты расстроилась? Кушать не хочешь? Не кушай!*²⁵) возвращают Саше это утраченное ощущение стабильности и защищенности, с развертыванием повествования вырастающее в чувство «дома». Показательно, что «маленькая моя» в устах матери воспринимается героиней как одно из «пустых» и «бесполезных» слов: «Слова и поглаживания не оставят приступ»²⁶. В этом сопоставлении можно увидеть еще один ключ к пониманию прародительского текста: в речи бабушки реализуется установка на другое – воспринимающее – сознание, тогда как родители в начале повести способны воспринимать дочь только как проекцию себя.

Жизнь бабушки упорядочена и подчинена определенным ритуалам: танцевальные вечера, школа компьютерной грамотности, походы на рынок за по-

²² *Доуж Д.С.* Голос. М.: Самокат, 2017. С. 22.

²³ Там же. С. 116.

²⁴ Там же. С. 47.

²⁵ Там же. С. 63.

²⁶ Там же. С. 15.

купками, ежегодная Бранденбургская ярмарка, – и приезд внучки не нарушает привычного течения жизни, но расширяет круг ритуалов и традиций за счет совместных: «По вечерам мы, как настоящие английские леди, садились у камина, пили ромашковый чай из фарфоровых чашек и читали, обмениваясь отрывками и впечатлениями»²⁷. Через сравнение с «английскими леди» подчеркивается единение бабушки и внучки. Этот образ выступает оцельняющим фактором и при создании портрета бабушки Нади – бывшей учительницы русского языка и литературы – в своей основе типического (очки, клетчатая сумка-тележка и другие детали): «С бабушкой Надей мне повезло, действительно повезло. Она до сих пор любит наряжаться, делать прически и устраивать чаепития с домашней выпечкой»²⁸. Традиционная для русского человека ассоциированность бабушки с пирогами, готовностью накормить, представление о них как о своего рода «матриархах» – «на них держится дом, они в вечных трудах и хлопотах, они всех окормляют» (Савкина, 2011, с. 116) – реализованы и в повести Д. Доцук: «...Она-то и рада утруждаться и целый день печь пироги, у нее все вкусные – с капустой, с сыром, с вишней, но особенно – с ревенем. Пироги с ревенем я только у бабушки ем, в Москве ни разу не встречала»²⁹. Однако в повести пироги из гастрономической детали, маркирующей типическую природу образа, становятся деталью символической. Образ «ревнивого пирога», которым бабушка пытается «откармливать» внучку – «для смелости», приобретает символическое значение, выступая «лекарством» в прямом и переносном смысле, когда обретение памяти рода позволяет Саше выйти за пределы своего «Я».

Определяющими бабушку характеристиками становятся подчеркнутая витальность (*неубиваемое желание танцевать, шутить, ходить на выставки*), самоирония, умение *забавно передразнивать внутренние голоса*, а также наличие собственного образного, с характерными словечками и присказками «языка» (например, о куске пирога – *Потому что один – это не порция, а дразнилка какая-то; шуткуешь*³⁰). Создание речевого портрета героини позволяет акцентировать внимание читателя на архетипических основаниях образа бабушки, в которые заложено представление о мудрости, заключающейся, как отмечают исследователи, в том, чтобы принять внучку такой, какая она есть (Перепелкина, 2022, с. 24; Хузятуллина, 2022). В тексте повести мудрость реализована через речевые жанры наставления, совета, ставшего для Саши той точкой опоры, благодаря которой героиня начинает преодолевать трудности: «...твоя жизнь не остановилась. Это и есть жизнь. Болезнь, преодоление болезни – все это жизнь. Болезнь уйдет тогда, когда уйдет. Не надо ее поторапливать. А пока она здесь, нужно искать мира в душе, сосредоточиться на себе, а не на том, кто что скажет и подумает <...> Ты себя как

²⁷ Доцук Д.С. Голос. М. : Самокат, 2017. С. 47.

²⁸ Там же. С. 45.

²⁹ Там же. С. 21.

³⁰ Там же. С. 49, 62, 63, 136.

в тисках держишь. Отпусти! Не оглядывайся ни на кого. У тебя свой путь, по чужому пройти не получится. Подумай, что сейчас нужно тебе самой. Кроме тебя этого никто не знает. Ни мама, ни папа, ни я. Только Ты сама»³¹.

Архетип мудрой старухи реализован и через сравнение бабушки с шаманкой: «...бабушка терпеливо меня утешала, заговаривала полушепотом, как старая шаманка»³². Наделенность бабушки особым сакральным знанием, сочетающимся с терпеливостью, способностью ждать, автор подчеркивает с помощью повторяющихся ситуаций, когда бабушка успокаивала внучку: «Иногда ей почти удавалось меня успокоить, но потом я снова вспоминала отца и экзамены и заливалась слезами <...> Бабушка начинала сначала»³³.

На наш взгляд, мудрость бабушки заключается не только в готовности принять внучку и ее психологическое состояние, но и в том, что она в полной мере реализует свою прародительскую функцию, сопровождая героиню на всех этапах инициации, провоцируя переход на новый этап «испытания» – знакомством с подростками – членами книжного клуба «У белого камина», поездкой на Бранденбургскую ярмарку, рассказом о своей травме Стасу. Центральным эпизодом в цепи испытаний становится расширяющая границы «мирка на двоих» до дружеского круга сверстников поездка героини на Бранденбургскую ярмарку, цель которой – увидеть Ушаково *за нас обеих*, и все сфотографировать, *чтобы бабушка провела... экскурсию, не выходя из дома*. Характерный для одного из ведущих жанров литературы травмы – романа возвращения – мотив путешествия потомков на историческую родину предков как один из сценариев межпоколенческой передачи опыта, чего требует жанровая модель, приносит разочарование (... *Ушаково уже не то*³⁴), но маркирует новый этап взросления героини, связанный с умением ставить в приоритет интересы другого. При этом бабушка дает Саше возможность самой пройти испытания, направляя ее, поддерживая, помогая преимущественно советами, но позволяя принимать самостоятельные решения, ненавязчиво помогая девочке наладить отношения в семье, избавиться от чувства вины, формируя новое – взрослое – отношение к травматическому опыту: «И все же мало-помалу бабушкины слова наполняли меня силой и – неожиданно – благодарностью. Да, я огляделась по сторонам и поняла вдруг, что благодарна за эту жизнь: за остров каштанов, за невероятные рассказы, прочитанные в книжном клубе, за Стаса и „Страну аистов“, за бабушку Надю и фрау Рабарбер. Это моя болезнь привела меня сюда. Это она познакомила меня с ними. Чувство вины и стыда спадало, как высокая температура после жаропонижающего. Наверное, мне было необходимо, чтобы кто-то сказал: „Отпусти“. Потому что сама бы я себе этого не позволила»³⁵.

³¹ Доуж Д.С. *Голос*. М.: Самокат, 2017. С. 155–156.

³² Там же. С. 155.

³³ Там же. С. 155.

³⁴ Там же. С. 116, 137.

³⁵ Там же. С. 155–156.

Заключение

Таким образом, прародительский текст в повести Дарьи Доцук «Голос» выстраивается как целостная многоуровневая и многофункциональная система. Представленный гендерно сбалансированным и многослойным, прародительский текст выступает оцеляющим фактором для художественного мира повести, превращая сюжетные линии в *истории, которые невозможно просто оставить на странице, их забираешь с собой*. Он становится важным инструментом передачи нравственно-культурных ценностей от одного поколения к другому. Его репрезентация необходима для обретения героями своих голосов, способных транслировать проблемы прошлого, осознавать их связь с настоящим и понимать свое предназначение для будущего. Как только в сознании Саши возникает приоритет семейных интересов над личностными (поездка в Ушаково ради фотографий для бабушки ее родных мест), подросток понимает свою значимость и терапевтический эффект начинает свое действие.

Многослойность прародительского текста связана с трансляцией традиционных ценностей русского человека через образы прародителей: историческая память и преемственность поколений, служение родине, трудолюбие, приоритет духовного над материальным, милосердие, справедливость, взаимопомощь и взаимоуважение.

Важно подчеркнуть, что о прародительском тексте можно говорить лишь в контексте актуализации аксиологического кода. Функция бабушки и дедушки в произведении Дарьи Доцук связана с осмыслением концептуально-нравственной идеи сохранения памяти. С образами бабушек и дедушек соотносится комплекс представлений, связанных с трансляцией и сохранением культурной памяти, часто воспринимаемой не только как родовая, семейная, но и как историческая, обусловленная отражением событий в стране, отношением к ним народа. Описание совместных вечеров, прогулок, походов в магазин, во время которых между Сашей и бабушкой происходят долгие разговоры, замедляет развитие действия, но позволяет обозначить границы «своего», выход за пределы которого становится важным шагом на пути взросления.

Повесть заслуживает пристального внимания со стороны педагогического сообщества с целью обсудить с современными школьниками актуальные проблемы подростков, специфику детско-прародительских отношений, поскольку после прочтения повести Д. Доцук «Голос» мы можем взять с собой довольно много историй, не все из которых нашли отражение в настоящем анализе.

Список литературы

- Гаврилина Л.М. Калининградский текст как метатекст культуры // Кантовский сборник. 2010. № 3(33). С. 64–79.
- Лошаков А.Г. Сверхтекст: семантика, прагматика, типология : автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Место защиты: Вят. гос. гуманитар. ун-т]. Киров, 2008. 50 с.

- Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе : учеб. пособие. Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ун-т, 2003. 170 с. EDN: VXHJAT
- Ничипоров И.Б. Современность глазами подростка: повесть Дарьи Доцук «Голос» // Пушкинские чтения – 2022. Классическая и новая словесность в XXI веке: жанр, автор, текст, медиатизация : материалы XXVII Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 6–7 июня 2022 г. / отв. ред. С.А. Петрова. СПб. : Ленинградский гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2022. С. 219–224. EDN: GVCTXR
- Перепелкина Л.П. «Сложные» темы в повести Д. Доцук «Голос» // Текст. Образование. Коммуникация: стратегии работы с текстом как основа формирования функциональной грамотности : сб. науч. статей по материалам Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Ярославль, 5 апреля 2022 г. / под общ. ред. Н.В. Лукьянчиковой и Н.В. Страховой. Ярославль : Институт развития образования, 2022. С. 22–27. EDN: ANINKH
- Ростовцева Л.И., Гельфонд М.Л., Мирошина Е.Ю. Патриотизм в сознании молодежи // Философия хозяйства. 2019. № 1(121). С. 206–215. EDN: YZIQPR
- Савкина И.Л. «У нас уже никогда не будет этих бабушек»? // Вопросы литературы. 2011. № 2. С. 109–135. EDN: TZUZZZ
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М. : Новое издательство, 2007. 346 с.
- Хири М. Поколение постпамяти. Письмо и визуальная культура после Холокоста. М. : Новое издательство, 2021. 428 с.
- Хузятуллина Т.В. Проблема становления героя в повести Дарьи Доцук «Голос». Методические рекомендации к изучению произведения // *Studia Humanitatis*. 2022. № 2. URL: <https://st-hum.ru/content/huzyatullina-tv-problema-stanovleniya-geroya-v-povesti-dari-docuk-golos-metodicheskie> (дата обращения: 24.03.2022).

References

- Gavrilina, L.M. (2010). Kaliningrad supertext as a metatext of culture. *Kantovskij Sbornik = Kant's Collection*, (3), 64–79. (In Russ.)
- Halbwachs, M. (1994). *Les Cadres Sociaux de la Mémoire*. Albin Michel.
- Hirsch, M. (2021). *Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust*. Moscow: New Publishing House. (In Russ.)
- Khuziatullina, T.V. (2022). Problem of the hero's formation in the story "Voice" by Daria Dotsuk. Methodological recommendations to the study of the work. *Studia Humanitatis*, (2). (In Russ.) <https://st-hum.ru/content/huzyatullina-tv-problema-stanovleniya-geroya-v-povesti-dari-docuk-golos-metodicheskie>
- Loshakov, A.G. (2008). *Supertext: Semantics, Pragmatics, Typology* [Unpublished doctoral dissertation]. Vyatka State Humanitarian University. (In Russ.)
- Mednis, N.E. (2003). *Supertexts in Russian Literature*. Novosibirsk State Pedagogical University Publ. (In Russ.) EDN: VXHJAT
- Nichiporov, I.B. (2022). Modernity through the eyes of a teenager: the story of Daria Dotsuk "The Voice". In S.A. Petrova (Ed.), *Pushkin Readings – 2022. Classical and New Literature in the XXI Century: Genre, Author, Text, Mediatization. Proceedings of the XXVII International Scientific Conference, June 6–7, 2022, Saint Petersburg* (pp. 219–224). Pushkin Leningrad State University Publ. (In Russ.) EDN: GVCTXR
- Perpelkina, L.P. (2022). "Complex" topics in D. Dotsuk's "Voice" story. In N.V. Luk'yanchikova, & N.V. Strakhova (Eds.), *Text. Education. Communication: Strategies of Work with the Text as a Basis for the Formation of Functional Literacy. A Collection of Scientific Articles on the Materials of the All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation, April 5, 2022, Yaroslavl* (pp. 22–27). Yaroslavl: Institute for Education Development Publ. (In Russ.) EDN: ANINKH

- Rostovtseva, L.I., Gel'fond, M.L., & Miroshina, E.Yu. (2019). Patriotism in the minds of young people. *Philosophy of Economy*, (1), 206–215. (In Russ.) EDN: YZIQPR
- Savkina, I. L. (2011) “We will never have these grandmothers again”? *Voprosy Literatury*, (2), 109–135. (In Russ.) EDN: TZUZZZ

Сведения об авторах:

Гапонова Жанна Константиновна, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета русской филологии и культуры, доцент кафедры русского языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Российская Федерация, 150000, Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. ORCID: 0000-0001-9248-226X; SPIN-код: 9005-6469. E-mail: jangap1@mail.ru

Никкарева Елена Викторовна, старший преподаватель кафедры культурологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Российская Федерация, 150000, Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. ORCID: 0000-0003-0014-1404; SPIN-код: 7891-5548. E-mail: enikkareva@mail.ru

Bio notes:

Zhanna K. Gaponova, PhD in Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Russian Philology and Culture, Associate Professor at Russian Language Department, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, 108/1 Respublikanskaya St, Yaroslavl, 150000, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-9248-226X; SPIN-code: 9005-6469. E-mail: jangap1@mail.ru

Elena V. Nikkareva, Senior Lecturer at Department of Cultural Studies, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, 108/1 Respublikanskaya St, Yaroslavl, 150000, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-0014-1404; SPIN-code: 7891-5548. E-mail: enikkareva@mail.ru

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ
FOREIGN LITERATURES

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-1-74-82

EDN: TZXSFB

УДК 821.111-311.4

Научная статья / Research article

**Специфика анализа конфликта поколений в литературе
о миграции на примере романа Х. Курейши
«Будда из пригорода»**

С.В. Любеева

Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация
✉ lyubeevasv@mgpu.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности анализа конфликта поколений в литературе о миграции на примере романа Х. Курейши «Будда из пригорода» – одного из ключевых произведений постколониальной прозы. Цель – всесторонний анализ конфликта поколений, задача – соотнести персонажей изучаемого произведения не только с волной миграции (первым/вторым поколением мигрантов), но и определить их местоположение в историческом процессе, принадлежность к определенному поколению в соответствии с социологической теорией. Для этого были проанализированы характер и причины конфликтного взаимодействия мигрантов первого и второго поколений. Фиксируются доминантные жизненные и поведенческие стратегии, присущие персонажам-мигрантам, принадлежащим к разным поколенческим циклам, в форме оппозиций. В результате раскрыта специфика анализа конфликта поколений в романе «Будда из пригорода», сделаны выводы, свидетельствующие о кризисе патриархально-традиционных институтов и деструктивной природе ценностей, доминирующих в британском обществе.

Ключевые слова: конфликт поколений, проблема поколений, литература о миграции, Х. Курейши, «Будда из пригорода»

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 30 сентября 2025 г.; отрецензирована 15 ноября 2025 г.; принята к публикации 18 декабря 2025 г.

Для цитирования: Любеева С.В. Специфика анализа конфликта поколений в литературе о миграции на примере романа Х. Курейши «Будда из пригорода» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 1. С. 74–82. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-74-82> EDN: TZXSFB

© Любеева С.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Analysis Specificity of Generational Conflict in Migration Literature on H. Kureishi's Novel *The Buddha of Suburbia*

Svetlana V. Lyubeeva

Moscow City University, Moscow, Russian Federation

✉ lyubeevasv@mgpu.ru

Abstract. This article examines the peculiarities of analysing the conflict of generations in migration literature on the material of H. Kureishi's novel *The Buddha of Suburbia* is one of the key works of postcolonial prose. The aim is to provide a comprehensive analysis of the generational conflict in the novel. The purpose is not only to relate the characters of the work under study to the wave of migration (first/second generation of migrants), but also to determine their place in the historical process and their belonging to a certain generation, in accordance with the sociological theory. For this purpose, the nature and causes of conflict interaction between first- and second-generation migrants were analyzed. The dominant life and behavioural strategies inherent in migrants' characters belonging to different generational cycles are fixed in the form of oppositions. The result of the research is the disclosure of the analysis specificity of generational conflict in the novel *The Buddha of Suburbia*. Relevant conclusions are drawn, which indicate the crisis of patriarchal-traditional institutions and the destructive nature of values dominating in British society.

Keywords: generational conflict, the problem of generations, migration literature, H. Kureishi, *The Buddha of Suburbia*

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted September 30, 2025; revised November 15, 2025; accepted December 18, 2025.

For citation: Lyubeeva, S.V. (2026). Analysis Specificity of Generational Conflict in Migration Literature on H. Kureishi's Novel *The Buddha of Suburbia*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(1), 74–82. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-74-82> EDN: TZXSFB

Введение

В настоящее время в литературных исследованиях наблюдается тенденция выделения произведений, освещающих культурные, социальные, политические и экономические аспекты жизни британских мигрантов, в отдельный жанр – литературу о миграции *British Migration Literature* (Assmann, 2017; Lobo, 2020).

Конфликт поколений в литературе о миграции часто выходит на первый план и представлен в форме полемики между первым и вторым поколениями мигрантов. К первому поколению мигрантов принято относить тех, кто родился за пределами Великобритании, но впоследствии туда иммигрировал. Ко второму поколению причисляют лиц, рожденных в Соединенном Королевстве, куда ранее хотя бы один из родителей прибыл в качестве мигранта (Assmann, 2017).

Материалом для настоящей статьи выбран роман видного англо-пакистанского писателя Х. Курейши (*Hanif Kureishi*) «Будда из пригорода» (*The Buddha of Suburbia*, 1990), который часто рассматривается исследователями как ключевое произведение постколониальной прозы.

Этот дебютный роман принес своему создателю широкую известность и был удостоен престижной Уитбредовской премии (*Whitbread Book Award*)¹. Автор, рефлексивная над своим литературным дебютом годы спустя, признается, что адресован он был его родителям: *All first novels are letters to one's parents, telling them how it was for you, an account of things they didn't understand or didn't want to hear*².

«Будда из пригорода» – произведение, которое часто привлекает внимание как российских, так и зарубежных исследователей. В большинстве литературоведы изучают этот текст с точки зрения вопроса идентичности (Боровиков, 2019; Толкачев, 2013). Несмотря на внимание, уделяемое персонажам-мигрантам, в этих работах проблема поколений зачастую не получает должного освещения и нуждается в более комплексном изучении.

В предлагаемой статье предпринимается попытка всестороннего анализа конфликта поколений в романе «Будда из пригорода». Для этого персонажи изучаемого романа не только соотносятся с волной миграции (первым/вторым поколением мигрантов), но и учитывается их местоположение в историческом процессе, принадлежность к определенному поколенческому циклу в соответствии с социологической теорией (Klimczuk, 2015). Подобный междисциплинарный подход способствует более глубокому осмыслению конфликта поколений в литературе о миграции.

Результаты и обсуждение

Основываясь на определении поколений мигрантов, в анализируемом тексте нами были выделены персонажи – представители мигрантов первого и второго поколений (Assmann, 2017), а также «традиционалисты» (1920–1940) и «бумеры» (1940–1960), согласно социологической классификации поколений, применяемой для западноевропейского общества (Klimczuk, 2015).

Результатом исследования стало раскрытие специфики анализа конфликта поколений в изучаемом романе (систематизация результатов исследования отражена в табл.). Для этого были проанализированы характер и причины конфликтного взаимодействия мигрантов первого и второго поколений. При этом фиксируются доминантные жизненные и поведенческие стратегии, присущие персонажам, принадлежащим к разным поколениям, в форме оппозиций. Отдельно следует подчеркнуть, что в данном произведении межпоколенческий конфликт возникает преимущественно в диадах взаимодействия: отец – сын, отец – дочь.

¹ В 2005 г. премия была переименована в премию Коста (Costa Book Awards).

² *Kureishi H.* Hanif Kureishi on writing *The Buddha of Suburbia* // *The Guardian*. 2020. 25 April. URL: <https://www.theguardian.com/books/2020/apr/25/there-were-no-books-about-people-like-me-so-i-wrote-one-myself-hanif-kureishi-on-the-buddha-of-suburbia> (accessed: 01.04.2025).

Результаты анализа конфликта поколений в романе «Будда из пригорода»

Характер	Причина	Поколение мигрантов	Социологические поколения	Оппозиции	Персонажи	Субъекты взаимодействия
Социокультурный	Различные стратегии адаптации мигрантов	Первое	Традиционалисты	Сепарация	Харун, Анвар	Отец – сын, отец – дочь
		Второе	Бумеры	Ассимиляция	Карим, Джамила	
Религиозный	Различное восприятие религии	Первое	Традиционалисты	Псевдодуховность	Харун	Отец – сын
		Второе	Бумеры	Духовный поиск	Карим	
Ценностный	Противоречия в отношении к успеху, свободе и ответственности	Первое	Традиционалисты	Базовые ценности	Харун	Отец – сын
		Второе	Бумеры	Личный успех	Карим	
Семейный	Семейный разлад; протест против патриархальности	Первое	Традиционалисты	Индивидуализм	Харун, Анвар	Отец – сын, отец – дочь
		Второе	Бумеры	Гипериндивидуализм	Карим, Джамила	

В произведениях о миграции часто представлены различные пути адаптации персонажей-мигрантов в принимающей стране. Протагонист романа подросток-метис Карим (*Karim*), рожденный в семье пакистанца и англичанки, идентифицирует себя как англичанина: *I am an Englishman born and bred, almost. I am often considered to be a funny kind of Englishman, a new breed as it were, having emerged from two old histories*³. Данный отрывок с рассуждением юноши о своей принадлежности служит триггером для дальнейшего развития конфликта между Каримом и его отцом Харуном (*Haroon*), который особенно ярко проявляется в социокультурной плоскости и связан с выбором различных стратегий аккультурации.

Харун, несмотря на длительность своего пребывания в Англии (более 20 лет), плохо адаптирован к британским реалиям и не владеет необходимым уровнем владения английским языком, что может выражать подсознательное нежелание мужчины сливаться с доминантной группой, сохраняя при этом свои этнические особенности. Харун, согласно теории аккультурации Дж. Берри (Berry, 2002), выбирает для себя стратегию сепарации. Мужчина начинает эксплуатировать свою инаковость и принимает образ духовного гуру, аккумулируя восточную мудрость и практику йоги, чтобы удовлетворить запрос английского окружения на экзотические восточные практики. Это не соответствует религиозной идентичности Харуна, поскольку он пакистанец, воспитанный в мусульманской традиции.

Карим обличает наносную духовность отца и уничижительно зовет его «Божком». В отличие от жителей английского пригорода, которые воспринимают Харуна в качестве духовного наставника, в глазах сына «просветленность» отца – фикция и способ получить признание. Карим больше сконцентрирован на исследовании своего внутреннего мира, нежели на следовании

³ Kureishi H. The Buddha of Suburbia. London : Faber and Faber, 1990. P. 3.

каким-либо конкретным религиозным убеждениям. Стратегия адаптации Харуна и желание доминировать в новой среде строится на собственной харизме, а не на интеллектуальном потенциале, которым тот очевидно обладает, учитывая его знатное индийское происхождение.

Семья Харуна возлагала на него большие надежды, отправляя в Англию, полагая, что он вернется в Бомбей профессионалом и джентльменом. Образование и происхождение не позволили ему претендовать в Лондоне на то же социальное положение, которое он занимал в Бомбее, что сам мужчина связывает с дискриминацией. Этот пример символизирует ослабление авторитета отца в глазах сына.

Карим с ранних лет понимает, что образ его семьи отличается от жизни британских семей, и это служит поводом для буллинга со стороны сверстников. Карим обвиняет отца в беспечности в отношении выбора будущего для своего сына, обреченного на безрадостное существование в пригороде Лондона, что формирует в нем комплекс неполноценности: *Dad had had an idyllic childhood, and as he told me of his adventures with Anwar I often wondered why he'd condemned his own son to a dreary suburb of London of which it was said that when people drowned they saw not their lives but their double-glazing flashing before them*⁴.

Это ощущение «инаковости» приводит его личность к расщеплению. Карим разрывается, пытаясь оставаться верным семье и при этом соответствовать окружающей его действительности. Личностный кризис героя приводит к конфликтам с семьей и обществом. Выбор протагонистом стратегии ассимиляции становится следствием социального отчуждения и эмоциональной отстраненности родителей.

В семье Карима заметны деструктивные тенденции, вызванные отчаянием родителей, столкнувшихся с крахом иллюзий о счастливой жизни в Англии. Семейный разлад, сопровождающийся отсутствием эмоциональной близости и замалчиванием проблем, в итоге приводит к распаду семьи, когда отец уходит к англичанке Еве (*Eve*). Следовательно, безопасность и комфорт не всегда равнозначны счастью. Индивидуалистические стремления мужчины обусловлены влиянием ценностей западного общества, где личная свобода превалирует над семейными ценностями. Отец больше не выступает в роли транслятора культурных ценностей для сына, что приводит семью к распаду, а самого Карима к фрустрации и потерянности на долгие годы. Показательно, что дом буквально пустеет и утрачивает свою первоначальную значимость (мать переезжает жить к сестре, а отец и Карим – к Еве). Уход отца ранит Карима, уже и без того подверженного травле со стороны «белых» сверстников, что было типичным явлением для английской школы 1960-х. В результате подросток проваливает экзамены и бросает школу. Омрачает положение Карима и то, что он наблюдает депрессию матери из-за предательства отца. Однако юноша не способен поддержать ее, поскольку данный поведенческий

⁴ *Kureishi H. The Buddha of Suburbia. London : Faber and Faber, 1990. P. 23.*

паттерн изначально не был им усвоен в семье. Беспомощность протагониста перед страданиями матери, предательство и утрата отца, неизменно связанные с чувством самопотери и надеждой на обретение нового «Я», также переплетаются с поколенческим кризисом.

В литературе о миграции мотив утраты дома напрямую соотносится с утратой целостности и гармонии мира прошлого. Потеря семьи и отчужденность изначально приводят протагониста к поиску внутренней опоры, что формирует в нем гипериндивидуалистические стремления, характеризующиеся чрезмерным вниманием к автономии, гедонизму и самореализации.

В своих произведениях современные англоязычные прозаики часто демонстрируют поиски такими детьми опоры и духовно-эмоциональной близости за пределами семьи в попытке «избавиться от собственной внутренней пустоты» (Баранова, Афанасьева, 2023, с. 29). Когда семья Карима распадается, он устремляется на поиски нового прибежища, надеясь обрести то тепло и уют, которых был лишен. Карим находит поддержку в лице амбициозной англичанки Евы, которая выполняет для Карима роль проводника в лондонский высший свет и помогает продвинуться в актерской карьере.

Обратимся к конфликту поколений, который развивается на фоне ценностных противоречий. Иммигрируя в Англию, родители стремятся обеспечить своих детей базовым уровнем благополучия, которого те были бы лишены, оставшись на родине. Однако в 1970-е англичанам было сложно смириться с засилием «цветного» населения. Взросление мигрантов второго поколения часто проходит в атмосфере открытого неприятия и расизма. Иными словами, миграция первого поколения оказывает негативное влияние на социальный статус их детей, где сами родители-мигранты лишены полноценного участия в социальной жизни. Однако наличие базового уровня благополучия позволяет второму поколению сфокусироваться на экзистенциальных проблемах. Неудивительно, что проблемы самоопределения и исследования инаковости лежат в основе формирования идентичности Карима и образа его мышления (Викулова и др., 2020, с. 32).

Противоречия между сыном и отцом усиливает и тот факт, что они являются продуктами разных культурных миров. Харун – представитель поколения «традиционалистов» (*Traditionalists*, 1920–1940), которое характеризуется склонностью к консерватизму, дисциплине и уважению к иерархии. Несмотря на то, что точный год рождения Карима в тексте не указан, можно предположить, что он родился примерно в 1950-е, учитывая хронологию событий, его возраст на момент начала повествования. Следовательно, юношу можно отнести к поколению «бумеров» (*Boomers*, 1940–1960) (Klimczuk, 2015). Карим в свои семнадцать лет находится под влиянием культурной революции 1960-х, маркерами которой являются поп-музыка, мгновенная слава, деньги, сексуальная раскрепощенность и наркотики. Противоречащее собственной природе стремление юноши слиться с доминирующей культурой воплощается в тексте через сюжет о гомосексуальном влечении Карима к англичанину Чарли (*Charlie*), сыну Евы. Чарли – подросток-панк, получивший

мгновенную славу и ставший кумиром для своего поколения, с точки зрения психологии выступает в роли литературного двойника Карима, отражая «английскость» его натуры (Меркулова, Сатюкова, 2010). Через прием двойничества автор демонстрирует абсурдность попытки мигранта «слиться» с образом Другого. В основе желания Карима повторить путь Чарли, представленный в форме открытой демонстрации протеста против общественных норм, лежит подсознательная агрессия подростка-мигранта, столкнувшегося с ксенофобией британского общества.

Немаловажно, что в 1970-х Англия становится центром молодежной панк-культуры, которая возникает в 1960-х в США, что также свидетельствует о влиянии общего культурного фона эпохи на персонажей-мигрантов. По ходу повествования идеализированный образ Чарли, не совладавшего с собственной славой, рассыпается в глазах Карима и приводит протагониста к осознанию деструктивной природы ценностей, преобладающих в британском обществе, что является признаком «кризисных состояний в социальной эволюции» (Викулова и др., 2011, с. 197).

Харун, вопреки собственной готовности к расширению границ дозволенного, все же находится во власти мусульманских традиций. Намек на гомосексуальные наклонности у сына приводят мужчину к манифестации открытой агрессии к нему, что только увеличивает эмоциональный разрыв между отцом и сыном. По словам Карима, именно с лицемерия отца начинается его личностная деградация: *my introduction to serious betrayal, lying, deceit and heartfollowing*⁵.

Путь самопознания протагониста начинается с потери дома через враждебный и порочный мир столичного бомонда, квинтэссенцией которого в романе выступает Америка, в которую на время попадает герой. Успокоение Карим обретает, вернувшись к истокам, к семье и близким. Кольцевая композиция романа символизирует путь внутренней трансформации отца и сына. Финальный эпизод встречи постаревшего Харуна и Карима связан с мотивом прощения и милосердия. Харун из домашнего тирана и псевдо-гуру приходит к осознанной сострадательности и принимает решение бросить работу и оказывать поддержку жителям Лондона, погрязшим в забастовках и демонстрациях. По сути путь Харуна является олицетворением английской поговорки *fake it till you make it* (притворяйся, пока не получится), которая сработала как психотерапевтический метод и позволила ему преодолеть кризис. Карим получает роль в мыльной опере, которая сулит ему деньги и признание, но это не приносит ему удовлетворения. По-настоящему дарит надежду лишь возвращение домой.

Еще одним примером иллюстрации семейного конфликта поколений в анализируемом романе выступают противоречия в семье Джамилы (*Jamila*), подруги Карима. Отношения в семье характеризуются напряженностью, особенно в том, что касается свободолюбия Джамилы, что несовместимо с му-

⁵ Kureishi H. *The Buddha of Suburbia*. London : Faber and Faber, 1990. P. 115.

сульманскими представлениями ее отца: *There had been years of smoking, drinking, sexual intercourse and dances, helped by there being a fire escape outside her bedroom and the fact her parents were always so exhausted they slept like mummies*⁶. Анвар хочет выдать дочь замуж за пакистанца Чангиза (Changez), что для него является способом сохранения культурной преемственности. При этом мужчина идет на голодовку, чтобы склонить дочь к браку. Бескомпромиссность, с которой отец пытается манипулировать судьбой дочери, без учета ее собственных предпочтений, свидетельствует о его страхе и нежелании принимать новые обстоятельства их жизни. Исполняя волю отца, Джамила фактически жертвует собой, однако одерживает моральную превосходство над отцом. Бунт Джамилы против патриархальности приводит ее к утверждению собственного мировоззрения. Разочаровавшись в традиционной семье, она выбирает альтернативный путь – жизнь в коммуне, которые возникают в 1960-е как форма протеста против существующего социального устройства. Конфликт Анвара и Джамилы отражает борьбу мигранта за утверждение авторитета через радикальные меры в меняющемся культурном ландшафте современности.

Заключение

Специфика анализа конфликта поколений в литературе о миграции заключается в комплексном и междисциплинарном подходе, основанном на социологической теории поколений и принадлежности персонажей к поколению миграции. Применение такого подхода при анализе конфликта поколений в романе Х. Курейши «Будда из пригорода» позволяет прийти к определенным выводам. Конфликт поколений в романе представлен в форме противоречий первого и второго поколения мигрантов. Мигранты первого поколения являются «традиционалистами», а второе поколение – «бумеры», что накладывает определенный отпечаток на их мировоззрение. Межпоколенческие разногласия в романе возникают в диадах взаимодействия отец – сын, отец – дочь, что свидетельствует об ослаблении авторитета отца и кризисе патриархальной семьи. Доминантные жизненные и поведенческие стратегии, присущие персонажам-мигрантам, принадлежащим к разным поколениям, можно представить в форме оппозиций: ассимиляция – сепарация; псевдодуховность – духовный поиск; базовые ценности – личный успех; индивидуализм – гипериндивидуализм. При этом отмечаются положительные трансформации персонажей и их жизненных ориентиров при столкновении с новой реальностью, что определяет генезис конфликта и способствует гармонизации их отношений (Харун – Карим). Напротив, в случае ригидности взглядов и неспособности к личностной трансформации и компромиссу, наблюдается негативный сценарий развития конфликта (Анвар – Джамила). Это свидетельствует о кризисе патриархально-традиционных институтов и деструктивной природе

⁶ Kureishi H. *The Buddha of Suburbia*. London : Faber and Faber, 1990. P. 62.

ценностей, доминирующих в британском обществе. Таким образом, существует необходимость в формировании новой конструктивной системы ценностей, отвечающей вызовам современности и способной стать онтологической опорой для современных поколений.

Список литературы

- Баранова, К.М., Афанасьева О.В.* Мотив «одиночество» в романе Дж. Грина «Бумажные города» // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2023. № 1(49). С. 20–33. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.49.1.02> EDN: ZYCTZO
- Боровиков П.В.* Поиск своего «Я» в современной британской постколониальной литературе (на примере произведений Х. Курейши и З. Смит) // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2019. № 2. С. 57–61.
- Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф., Вострикова О.Ф., Герасимова С.А.* Лексемы *identite/идентичность* как элементы универсумов человека и языка: этносемиотрический и аксиологический аспекты интерпретации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 2(831). С. 30–42.
- Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф., Кулагина О.А.* Семиотрия рефлексии о ценностях современного общества // Лингвистика и аксиология. Этносемиотрия ценностных смыслов : коллектив. монография. М. : Тезаурус, 2011. С. 196–230. EDN: YQJOBV
- Меркулова М.Г., Сатюкова Е.Г.* «Английскость» в отечественном литературоведении: теоретическое осмысление и изучение понятия // Гуманитарные исследования. 2010. № 4(36). С. 221–226. EDN: NCSNZN
- Толкачев С.П.* Проблемы гибридной идентичности в современной мультикультурной литературе // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 177–182. EDN: QYUIFL
- Assmann, C.* *Doing Family in Second-Generation British Migration Literature*. Berlin ; Boston : Walter de Gruyter GmbH, 2018. 302 p. <https://doi.org/10.1515/9783110605082>
- Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H., Dasen P.R.* *Cross-Cultural Psychology: Research and Applications*. 2nd ed. New York : Cambridge University Press, 2002.
- Klimczuk, A.* Generational differences, generations of western society, managing multiple generations in the workplace // *Encyclopedia of Diversity and Social Justice* / ed. S. Thompson. Lanham : Rowman & Littlefield Publishers. PP. 348–352.
- Lobo D.* *Representing Immigrant Experiences of Post-War Britain in Contemporary Literature: First and Second-Generation Immigrants in Zadie Smith's White Teeth (2000)* : Thesis for Master's degree in English Literature [Place of protection: Université Paris-Est Créteil (UPEC)]. Paris, 2020. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.16073.57449>

Сведения об авторе:

Любеева Светлана Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет, Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1. ORCID: 0000-0002-9037-8968; SPIN-код: 4862-7636. E-mail: lybueevasv@mgpu

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-1-83-93

EDN: UFKQSC

UDC 82.01

Research article / Научная статья

Through the Eyes of a Teenager: The Way from Conflict to Compromise with the Society

Sergei S. Savinich , Nadezhda S. Shalimova *Moscow City University, Moscow, Russian Federation* savinichss@mgpu.ru

Abstract. The aim of this article is to research some similar features in the representation of the teenage characters in the novels by three American authors: C. McCullers, J.D. Salinger and T. Capote. The novels that we are to analyse feature some characters that start with misunderstanding the people around them and the motivation of their acts. But for some reasons they start feeling that their perception of a problem is too radicalised and the better way for dealing with others is trying to find some kind of a compromise. It may be a psychological compromise, as a matter of accepting the other's freedom of self-determination, or a social compromise in a manner of finding the way of social interaction. But each time finding a compromise is depicted as an act that takes a certain effort, leading to inner transformation of a character. For achieving the goals of our research, we are using a combination of motif analysis, comparative method and hermeneutical method of text interpretation. The characters of their novels *The Heart Is a Lonely Hunter* (1940) by Carson McCullers, *The Catcher in the Rye* (1945–1946) by Jerome David Salinger and *Other Voices, Other Rooms* (1948) by Truman Capote have a certain degree of similarity that goes far beyond their teen age.

Keywords: conflict, dialogue, teenager, Modernism, J.D. Salinger, T. Capote, C. McCullers

Authors' contribution. Development of the idea, data collection & analysis, manuscript writing & editing – Sergei S. Savinich, Nadezhda S. Shalimova.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted September 30, 2025; revised November 15, 2025; accepted December 18, 2025.

For citation: Savinich, S.S., & Shalimova N.S. (2026). Through the Eyes of a Teenager: The Way from Conflict to Compromise with the Society. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(1), 83–93. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-83-93> EDN: UFKQSC

© Savinich S.S., Shalimova N.S., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Глазами подростка: путь от конфликта с обществом к компромиссу

С.С. Савинич , Н.С. Шалимова

Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация
 savinichss@mgpu.ru

Аннотация. Цель статьи – изучение некоторых сходных черт в репрезентации героев-подростков в романах трех американских авторов: К. Маккаллера, Дж.Д. Сэлинджера и Т. Капоте. Центральные персонажи исследуемых произведений испытывают непонимание по отношению к окружающим людям, а также мотивы собственных поступков. По каким-то причинам они начинают чувствовать, что их восприятие проблемы слишком радикально и лучший способ взаимодействия с другими – попытаться найти некий компромисс. Это может быть психологический компромисс в плане принятия свободы самоопределения или социальный компромисс в поиске способа взаимодействия с окружающими. Но каждый раз этот поиск изображается как поступок, требующий определенных усилий и приводящий к внутреннему преобразению персонажа. Для достижения цели исследования используются такие методы, как мотивный анализ, сравнительно-сопоставительный и герменевтический подходы к интерпретации текста. Протагонисты романов «Сердце – одинокий охотник» (1940) Карсон Маккаллерс, «Над пропастью во ржи» (1945–1946) Джерома Дэвида Сэлинджера и «Другие голоса, другие комнаты» (1948) Трумена Капоте имеют определенную степень сходства, выходящую далеко за рамки подросткового возраста.

Ключевые слова: конфликт, диалог, подросток, модернизм, Дж.Д. Сэлинджер, Т. Капоте, К. Маккаллерс

Вклад авторов. Разработка идеи, сбор и анализ данных, написание и редактирование рукописи – С.С. Савинич и Н.С. Шалимова.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 30 сентября 2025 г.; отрецензирована 15 ноября 2025 г.; принята к публикации 18 декабря 2025 г.

Для цитирования: *Savinich S.S., Shalimova N.S. Through the Eyes of a Teenager: The Way from Conflict to Compromise with the Society // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 1. С. 83–93. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-83-93> EDN: UFKQSC*

Introduction

The novels that we are going to research in this article are not regarded as masterpieces just because of their plot. The main focus of narration is the inner world of the characters, the motivation of their acts and their inner transformation. There is a great similarity between the characters of these novels in how they feel towards themselves and the grown-ups and in the degree of alienation from the outer world. Each of them is going to pass a certain way in finding a different angle of perceiving the reality without judging it and this is going to coincide with their

coming of age. Ultimately, they are trying to find the answer for a question “What is it like to be a grown-up”, but each of them in his own way. So, it is not the answer that matters in this case, but the procedure of revealing it. In the epoch of digital education and online classes, this problem of coming out of age and overcoming the conflict with the world of grown-ups may become very important once again for the generation of digital-native children, who have less emotional communicative experience than people of their age from other generations.

The theme of a conflict of a teenager with society is very wide and has many aspects. To achieve the results that are more particular and can be verified, we prefer to treat this theme as a literary motif. Motif is often regarded as one of the “dominant ideas in a work of literature; a part of the main theme. It may consist of a character, a recurrent image or a verbal pattern” (Cuddon, 2013, p. 448). The motif of a teenage conflict with a society is a very appropriate research instrument. It is easier to compare the ways of the realization of the motif than that of a theme. That allows us to continue research by comparing this motif in the three novels that we chose as an object of research. But besides comparing just the ways of realization of the literary motifs in these texts, we also analyze and compare the reasons for the conflict and the possible ways to achieve reconciliation and that is done by the means of interpretation that can be generally characterized as hermeneutics. For achieving the goals of our research, we are using a combination of motif analysis, comparative method and hermeneutical method of text interpretation.

Results and Discussion

The three novels that we are comparing in this article have a completely different readers' attitude in Russia. The most popular novel that is extremely well recognized by all age groups is *The Catcher in the Rye* by J.D. Salinger. It has been the object of scientific research for decades and there are hundreds of articles and dissertations that address this text directly or indirectly. But *The Heart Is a Lonely Hunter* by C. McCullers is a lot less popular and only a relatively small group of researchers, mainly those who deal with the Southern literature were using this novel in their research. The novel *Other Voices, Other Rooms* by T. Capote is even less known than the other two. Most of the readers in Russia would be quite familiar with the novel *Breakfast at Tiffany's*, but the other novels by T. Capote haven't been a very popular object of scientific research.

There were several researchers that were approaching the theme of the conflict with a society in the works by J.D. Salinger. E. Sheshikova (2016) in her article is stating this as a problem of contradiction between the individual and society. She remarks that the image of Holden Caulfield is extremely complicated and contradictory and assumes that the core of Holden's problems is his feeling of alienation, but she doesn't regard it as a specific teen age problem, but rather as a problem of a personality that doesn't want to fall under the regulations of the society.

In the article by A. Guseva (2016) we can see a very similar approach to this problem. But she adds to this that Holden's behavior is very much motivated by the

protest of personality against the social apathy and conformism. The main character is described as a grumpy person, who is chronically discontent with anything that happens to him. A. Guseva doesn't specify Holden's problems as age-related, but, just as the previous researcher, states that one of the main themes of the novel is loneliness. At the same time, in some researches, Holden's actions are perceived as a kind of pre-determination (Afanasjeva et al., 2023) and his behavior is interpreted as a painful pursuit of faith.

At the same time, some other researchers see the reaction of Holden as a protest against the reality. E. Vasil'eva (2015) expresses an idea that Holden is feeling very confused about all that he knows about the world of grown-ups and for this reason he rejects the essence of everyday life as it is. But deep down he is a very good personality that tries to understand the reality and fails to do so. That is the very reason for his rejecting the adulthood. But as he doesn't have any efficient way of expressing his protest against the reality, he remains rude and cynical, trying to hide his own shock from the encounter with the reality by shocking others. One of the most recent works, related to the novel by J.D. Salinger is also focused on the theme of a protest against the society of conformism. But after careful reading the article by K. Ushanova (2021) we may conclude that she relates to consumerism rather than conformism. Holden is received as a young bourgeois that brings to the world his own obscure ideas and is very upset by the fact that no one seems to understand him. K. Ushanova implies that reading this novel we witness a moral crisis of an individual who came across the false values of a society and tries painfully to formulate the better values by rejecting the values of the others. It is also important to mention that K. Ushanova defines the narration technique in this novel as a sort of confession.

A very interesting introspective of the reasons for the conflict between Caulfield and society is offered by N. Milovanovich (2020). He finds much similarity between the image of Holden and the Angry Young Men generation, more specifically, the characters of *Look Back in Ager* by J. Osborne. N. Milovanovich sees the behavior of Holden as a typical coming of age process that is painful but necessary for his self-confirmation. In the opinion of the researcher, Holden is a very contradictory character. He is apt of self-isolation but at the same time craves for understanding and suffers from loneliness. So, the main conflict is within himself rather than with the others. He also regards the novel as very optimistic and symbolic, adding that the main character is likely to find some common language with the world of adults.

We can see a certain disproportion in critical attention to these novels. The novel *Other Voices, Other Rooms* by T. Capote was an object of research only two times for the last several years. O. Kamysheva (2021) is analyzing a metaphor of music in the novel. She states that the sound of different musical instruments in the novel stands for the different moods of the characters. Also, it is implied that the instrument may represent the character, for instance, Zoo is represented by the little mail-order accordion. It is further implied that the images of the broken instruments are symbolic and often associated with moral and physical decay. Quite interesting is the approach of A. Shmeleva (2021) who analyses the novel *Other Voices, Other*

Rooms in the context of the motif of self-determination of personality. Joel Knox is seen as a teenager who faces a difficult moral choice between what is offered to him by a group of people living in the house of his quadriplegic father and the pursuit of his own determination of happiness. The novel is seen as a metaphor of the right moral choice that put the character on the path of confronting the wrong system of values, imposed on him by the others and looking by himself for what is right.

The novel *The Heart Is a Lonely Hunter* by C. McCullers had even less attention from the researchers in the last years. Among the very few articles, dedicated to this book, there is an article by E. Shageeva (2019) that studies the motif of loneliness in this novel. It is stated that every character is lonely in his own way and is trying to find the shortest way out of it. So instead of establishing true relationships between each other, they form an illusionary relationship with hearing impaired Singer. They endow singer that he doesn't have and the more they do so, the more painful is the collapse of their illusion.

As we can see, there was very little concern in the recent time about the theme of a teenager in these novels and the more specific theme of a conflict between the teenager and the world of adults. But what is even more important, how do these characters find a compromise with this world and what do they have to sacrifice to do so. We have found a great similarity between the characters of these novels and therefore consider them an apt object for researching this theme. We have to acknowledge that these novels were created in the same literary epoch, even the same decade, during the 1940-s. As was already said, the novel *The Heart Is a Lonely Hunter* by Carson McCullers was published in 1940 and it was the first to approach this problem indirectly, for Mick Kelly cannot be regarded as the main character. Some may claim that the novel *The Catcher in the Rye* by Jerome David Salinger was published in 1951. But we must consider that first it was published by chapters in a magazine in 1945–1946, so obviously this theme is again from 1940-s. And the latest among three is the novel by Truman Capote *Other Voices, Other Rooms* that was published in 1948.

Besides, being connected chronologically, there are some other ways of interaction between these texts. We know, for instance, that Carson McCullers and Truman Capote were friends and McCullers helped Capote to find a publisher for his novel. We can also hazard a guess that Capote was familiar with the plot of *The Catcher in the Rye* after it was published in serial in 1945–1946. Consequently, it is very likely that these three authors are involved in a sort of a dialogue that was partly initiated by McCullers. We must agree that for *The Heart Is a Lonely Hunter* the conflict of a teenager with the society is not a main theme. This is only one of the five stories, but it attracts attention of a reader as if it was a separate story with an individual plot. While in *The Catcher in the Rye* it becomes the main theme, significantly dwarfing any other themes and motifs. And in the *Other Voices, Other Rooms* it becomes the core motif that puts everything else right into its place.

In the novel by C. McCullers *The Heart Is a Lonely Hunter* the conflict between Mick Kelly and the society is rather hidden than overt. She looks like a very responsible elder sister most of the time, but a careful look at her drawings expresses

the conflict with the outer world very precisely: *She had imagined a big fire on Broad Street and painted how she thought it would be. The flames were bright green and orange and Mr. Brannon's restaurant and the First National Bank were about the only buildings left. People were lying dead in the streets and others were running for their lives*¹. It is quite clear from this quotation, that Mick isn't on friendly terms with the people of her town and doesn't wish them well. Mick's family has certain financial issues, and she doesn't know how to help the situation, instead she blames the society for the problems of her family and in her pictures, she is looking for the way to revenge them: *The oil painting was a picture of the whole town fighting on Broad Street. She never knew why she had painted this one and she couldn't think of the right name for it*². She isn't bold enough to acknowledge the fact that she hates other people and she doesn't know why. But the truth is that the other people of the town are living even more miserable lives, so they deserve rather pity than hatred (Gleeson-White, 2003).

The family feels very reluctant about asking Mick to work for money to help the family. Instead, when the vacation of a shop assistant is offered to her, the family gathers to say that she is too young to work and she has to get her education first. But we see that Mick knows to read between the lines, so she insists on leaving school for taking up the job. The reaction of the family is very eloquent: *It was as though a great worry and tightness left the family. In the dark they began to laugh and talk. Their Dad did a trick for George with a matchstick and a handkerchief. Then he gave the kid fifty cents to go down to the corner store for Coca-Colas to be drunk after supper*³. It is very clear that everybody was expecting this answer and feels a lot easier after Mick voices their common wish.

By refusing to attend the school, Mick also refuses to follow her dream to become an artist or musician. But that seems her sacrifice for the family's well-being and learning to sacrifice her own cause for the sake of others makes her very adult while she is still a teenager. It is quite wonderful how soon her conflict with the society comes to a compromise. She feels like she wasn't quite herself at this point: *Mick frowned and rubbed her fist hard across her forehead. That was the way things were. It was like she was mad all the time. Not how a kid gets mad quick so that soon it is all over – but in another way. Only there was nothing to be mad at*⁴. Only after reconciling with herself, Mick comes to terms with the others, so it must be considered that her emotional and psychological conditions are vitally important for her social adaptation (Goncharova, 2022).

The reasons for the conflict of Holden Caulfield with the world of grown-ups seem to be very different. He is coming from an upper middle-class family and doesn't have such problems as Mick Kelly. The money he spends in New York in three days could suffice Mick's family for a month or even more. But that doesn't mean that he can avoid these typical coming of age problems (Mohammadi, 2018).

¹ McCullers, C. (2000). *The Heart Is a Lonely Hunter* (p. 44). Houghton Mifflin.

² Ibid.

³ Ibid. P. 317.

⁴ Ibid. P. 354.

At the very beginning of the novel, he reveals a profound distrust to the world of adults. But together with the general hypocrisy of adults, he rejects the efforts to help, coming from the people who really care about him, including his teachers Mr. Spencer and Mr. Antolini. It is quite obvious that they both try to help him to avoid some kind of an emotional trap or fall, but they don't succeed in it. And Holden later explains it in his paradoxical manner: *The thing with kids is, if they want to grab for the gold ring, you have to let them do it, and not say anything. If they fall off, they fall off, but it's bad if you say anything to them*⁵. At the same time, we can see that he conflicts with his peers just as well, after he leaves on the subway the equipment of the fencing team and they ostracize him. So, it is very clear at this point that the reason for this conflict is within him. In fact, the image of Holden is literally made of contradictions, he hates lies, but lies himself, he is afraid of growing up, but at the same time he is craving for it. He can't enjoy the present, he can only enjoy the past, that allows us to conclude that he doesn't like the people as they are, but rather his memories of what they used to be. Ultimately, the author leaves him alone to struggle with his emotional crisis all by himself and Holden intuitively finds the way out of it in rejoicing from seeing his sister riding a carousel and thoroughly enjoying herself. Watching his sister being quite happy, he feels finally that he has found the key for the reconciliation with himself and the outer world: *I felt so damn happy all of a sudden, the way old Phoebe kept going around and around... It was just that she looked so damn nice, the way she kept going around and around, in her blue coat and all*⁶. Holden learns that specifically for him, the easiest way to be happy is to make other people happy. At first, he can't take it as an answer; this seems to him too simple to be true. But later in this episode Holden, if we may put it that way, is catching the idea and “converting it into a value” (Chupryna, Baranova, 2022, p. 128). This may indicate that deep down he is guided by some moral compass, that unequivocally indicates for him, what is right.

But in the novel *Other Voices, Other Rooms* the conflict, quite paradoxically leads to compromise. The protagonist of the novel, a teen-age boy, Joel Knox, lives in a household with his stepmother Amy Skully and her first cousin Randolph, each of them being retarded in some way: *...he saw how helpless Randolph was: more paralyzed than Mr. Sansom, more childlike than Miss Wisteria, what else could he do, once outside and alone, but describe a circle, the zero of his nothingness*⁷. Joel intuitively understands that the company of Skully's Landing is not a society, but some kind of a simulacra. This strongly contradicts with the process of Joel's self-determination and self-confirmation: *“I am me”, Joel whooped. “I am Joel; we are the same people”. And he looked about for a tree to climb: he would go right to the very top, and there, midway to heaven, he would spread his arms and claim the world*⁸. He starts realizing himself as an adult, becoming more mature emotionally than the people who are looking after him. So, at a certain point he is looking at

⁵ Salinger, J.D. (1991). *Catcher in the Rye* (p. 211). Little, Brown and Co.

⁶ Ibid. P. 213.

⁷ Capote, T. (1955). *Other Voices, Other Rooms* (p. 227). Random House.

⁸ Ibid.

them as at a handicap that tangles him from understanding his role and place in the society. It is important to notice here that society is perceived by the author as something constantly changing, and Skully's Landing is portrayed in the novel as something that is stuck in the past, something that can't take the change.

Joel is facing in this episode a difficult moral choice, to stay with vicious but familiar people, or to set off for his own pursuit of virtue. And his natural-born instinct of decency tells him, he must leave the mansion immediately: *...he knew he must go: unafraid, not hesitating, he paused only at the garden's edge where, as though he'd forgotten something, he stopped and looked back at the bloomless, descending blue, at the boy he had left behind*⁹. It is quite clear in the novel that Amy and Randolph are hiding away from the society and staying with them, Joel becomes part of the conflict. But leaving them, he accepts some form of a compromise with the society, assuming that he can't rely on the experience of people so detached from reality.

Conclusion

In the three novels under scrutiny, the theme of conflict with a society emerges as a pivotal element of the plot. However, upon closer examination, it becomes evident that each instance of this societal conflict culminates in a compromise. That allows us to state that the teenage conflict with society in these novels becomes a literary motif. But each time there are different ways of textual realization of this motif. Each character that we analyzed has different reasons and finds a different solution to this conflict. In the novel *The Heart Is a Lonely Hunter* by C. McCullers, the reason for the conflict with society for the girl named Mick Kelly, is an economically disadvantaged position of her family that doesn't allow her to pursue her dream of becoming an artist, and the general misunderstanding with her parents that prevents her from expressing herself to others. Mick Kelly finds the solution for the conflict in gaining the ability for self-sacrifice and altruism. In *The Catcher in the Rye* by Jerome David Salinger the general reason for the conflict with society is Holden's inability to accept help from others and growing distrust to the world of adults that "constitute social and moral imperatives among teenagers" (Afanasjeva, 2020, p. 1105). Holden finds the solution for it in gaining the ability to rejoice from other person's happiness. And in *Other Voices, Other Rooms* by Truman Capote, the reason for the conflict is the protagonist's aptitude for psychological growth and self-confirmation that meets the inability of his legal guardians to cater to his spiritual and moral requirements. Joel Knox finds that the only way to interact with the society is to leave his guardians that dwell in their own vices, absolutely detached from the reality and other people. The theme of the conflict with the society as a part of coming of age can be found in other books by American authors. It can be very productive to continue research by comparing this as a literary motif in the novels by H. Lee *To Kill a Mockingbird* and *The Golphinch* by D. Tartt. We expect that each of these books may offer a different type of experience of confrontation and compromise between a personality and the society.

⁹ Capote, T. (1955). *Other Voices, Other Rooms* (p. 231). Random House.

References

- Afanasjeva, O.V., Baranova, K.M., & Chupryna, O.G. (2020). Precedent phenomena as symbols of cultural identity in YA fiction. In E. Tareva, T. Bokova (Eds.), *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: Conference Proceedings. Dialogue of Cultures – Culture of Dialogue: From Conflicting to Understanding, April 23–25, 2020, Moscow* (Vol. 95, pp. 1098–1106). London: European Publisher. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.11.03.116> EDN: VYECNM
- Afanasjeva, O.V., Baranova, K.M., Savinich, S.S., Fedorchenko, O.Y., & Shalimova, N.S. (2023). *The Motif of Providence in US Literature: Evolution and Transformation*. Moscow: Yazyki Narodov Mira Publ. (In Russ.) EDN: ZISZCS
- Cuddon, J.A. (2013). *A Dictionary of Literary Terms and Literary Theory* (5th ed.). Blackwell Publishing Ltd.
- Chupryna, O.G., & Baranova, K.M. (2022). Social and cultural values in American web-based discourse. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, (4), 122–130. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2022-4-122-130> EDN: OCEVXT
- Gleeson-White, S. (2003). *Strange Bodies: Gender and Identity in the Novels of Carson McCullers*. University of Alabama Press.
- Goncharova, N.N. (2022). The parable of the ten virgins and Carson McCullers' the Ballad of the Sad Café. *Modern Scientist*, (1), 8–10. (In Russ.) EDN: IDOPIZ
- Guseva, A.D. (2016). Dialectics of the soul of the main character in the novel by J.D. Salinger *The Catcher in the Rye*. In *The World Literature for Children and about Children. 20th All-Russian Conference, January 29–30, 2015, Moscow* (pp. 75–83). Yaroslavl: Litera Publ. (In Russ.) EDN: VJYBSB
- Kamysheva, O.S. (2021). The inner world of a child through the prism of metaphors with the sphere-magnet “Music” in T. Capote’s novel “Other Voices, Other Rooms”. *Global Scientific Potential*, (11), 167–172. (In Russ.) EDN: VFCEXI
- Milovanovich, N.P. (2020). The theme of personality development in the novel by J.D. Salinger “The Catcher in the Rye”. In V.Yu. Morozov (Ed.), *The Scientific Provision of the Development of APK in the Conditions of Import Substitution. Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference, January 23–25, 2020. Saint Petersburg – Pushkin* (pp. 244–247). St. Petersburg State Agrarian University Publ. (In Russ.) EDN: IGXFOQ
- Mohammadi, A. (2018). Salinger’s *The Catcher in the Rye* and the crisis of coming of age: an inevitably fearful move toward growth. *International Journal of Science and Research (IJSR)*, 9(8), 201–216.
- Shageeva, E.D. (2019). The motif of overcoming the isolation of personality in “The Heart is a Lonely Hunter” by C. McCullers. In L.R. Zubarova (Ed.), *Proceedings of the Second Interuniversity Scientific and Practical Conference of Students, Master’s Students, and Post-graduates, dedicated to the 70th anniversary of Olga Vasilyevna Afanasyeva, Contemporary English and American Studies: Topical Problems of Linguistics and Literature Studies, April 23, 2019, Moscow* (pp. 139–144). Diona Publ. 139–144. (In Russ.) EDN: KJKJAG
- Sheshikova, E.S. (2016). The problem of an individual and society in the novel by J.D. Salinger “The Catcher in the Rye”. In A.E. Mikhina, *Philological Education and the Modern World, XII Youth Scientific and Practical Conference with International Participation, March 30, 2016, Chita* (pp. 61–66). Transbaikalian State University Publ. (In Russ.) EDN: WYTVCL
- Shmeleva, A.A. (2021). The elements of motif study in the course of American literature (based on the novel by T. Capote “Other Voices, Other Rooms”). In L.G. Vikulova (Ed.), *Textbook as an Instrument of Cultural and National Self-Determination of Students. All-Russian Conference with International Participation, April 20–24, 2021, Moscow* (pp. 274–277). Moscow: Yazyki Narodov Mira Publ. (In Russ.) EDN: SNVMDG

- Ushanova, K.V. (2021). J.D. Salinger's novel "The Catcher in the Rye": a teenager's confession as a protest against a conformist society. In G.Yu. Gulyaev (Ed.), *Student Research: Collection of Articles from the VI International Scientific and Practical Conference, May 12, 2021, Penza* (Vol. 2, pp. 102–105). Penza: Nauka i Prosveshchenie Publ. (In Russ.) EDN: GJSSTV
- Vasil'eva, E.E. (2015). Rebellion against reality in J.D. Salinger's "The Catcher in the Rye". *Studencheskaya Nauka XXI Veka*, (2), 238–240. (In Russ.) EDN: UZHEQR

Список литературы

- Афанасьева О.В., Баранова К.М., Савинич С.С., Федорченко О.Я., Шалимова Н.С.* Мотив предопределение в литературе США: эволюция и трансформация : коллектив. монография. М. : Языки народов мира, 2023. 238 с. EDN: ZISZCS
- Васильева Е.Е.* Бунт против реальности в произведении Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» // Студенческая наука XXI века. 2015. № 2(5). С. 238–240. EDN: UZHEQR
- Гончарова Н.Н.* Притча о десяти девах и повесть Карсон Маккалерс «Баллада о грустном Кафе» // Современный ученый. 2022. № 1. С. 8–10. EDN: IDOPIZ
- Гусева А.Д.* Диалектика души главного героя повести Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» // Мировая словестность для детей и о детях : 20-я Всерос. конф., Москва, 29–30 января 2015 г. Ярославль : Литера, 2016. С. 75–83. EDN: VJYBSB
- Камышева О.С.* Внутренний мир ребенка через призму метафор со сферой-магнитом «Музыка» в романе Т. Капоте «Другие голоса, другие комнаты» // Глобальный научный потенциал. 2021. № 11(128). С. 167–172. EDN: VFCEXI
- Милованович Н.П.* Тема становления личности в романе Дж. Дэвида Сэлинджера «Над пропастью во ржи» // Научное обеспечение развития АПК в условиях импортозамещения : сб. науч. трудов по материалам Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург – Пушкин, 23–25 января 2020 г. / под ред. В.Ю. Морозова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, 2020. С. 244–247. EDN: IGXFOQ
- Ушанова К.В.* Роман Дж.Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи»: исповедь подростка как протест против общества конформизма // Студенческие научные исследования : сб. статей VI Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 12 мая 2021 г. / отв. ред. Г.Ю. Гуляев. Ч. 2. Пенза : Наука и Просвещение, 2021. С. 102–105. EDN: GJSSTV
- Шагеева Е.Д.* Мотив преодоления одиночества личности в произведении К. Маккалерс «Сердце – одинокий охотник» // Материалы Второй Межвуз. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, посв. 70-летию Ольги Васильевны Афанасьевой «Современная англистика и американистика: актуальные проблемы лингвистики и литературоведения», Москва, 23 апреля 2019 г. / отв. ред. Л.П. Зубарова. Москва : Диона, 2019. С. 139–144. EDN: KJKJAG
- Шешикова Е.С.* Проблема личности и общества в романе Д.Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» // Филологическое образование и современный мир: XII Молодеж. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Чита, 30 марта 2016 г. / отв. ред. А.Э. Михина. Чита : Забайкальский гос. ун-т, 2016. С. 61–66. EDN: WYTVCL
- Шмелева А.А.* Элементы изучения мотивности в курсе американской литературы (на материале романа Т. Капоте «Другие голоса, другие комнаты» // Учебник как инструмент национально-культурного самоопределения обучающихся: Всерос. конф. с междунар. участием, Москва, 20–24 апреля 2021 г. / отв. ред. Л.Г. Викулова. М. : Языки народов мира, 2021. EDN: SNVMDG

- Afanasjeva O.V., Baranova K.M., Chupryna O.G.* Precedent phenomena as symbols of cultural identity in YA fiction // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: Conference Proceedings. Dialogue of Cultures – Culture of Dialogue: From Conflicting to Understanding, Moscow, April 23–25, 2020 / eds. E. Tareva, T. Bokova. London : European Publisher, 2020. Vol. 95. P. 1098–1106. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.11.03.116> EDN: VYECNM
- Cuddon J.A.* A Dictionary of Literary Terms and Literary Theory. 5th ed. Blackwell Publishing Ltd, 2013.
- Chupryna O.G., Baranova K.M.* Social and cultural values in American web-based discourse // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 4. С. 122–130. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2022-4-122-130> EDN: OCEVXT
- Gleeson-White S.* Strange Bodies: Gender and Identity in the Novels of Carson McCullers. Tuscaloosa : University of Alabama Press, 2003.
- Mohammadi A.* Salinger's *The Catcher in the Rye* and the crisis of coming of age: an inevitably fearful move toward growth // International Journal of Science and Research (IJSR). 2018. Vol. 9. No. 8. P. 201–216.

Bio notes:

Sergei S. Savinich, PhD in Philology, Associate Professor at the Department of English Philology, Moscow City University, 4 Vtoroy Sel'skokhozyaystvennyi proezd, Moscow, 129226, Russian Federation. ORCID: 0009-0005-4178-7895; SPIN-code: 4038-3743. E-mail: savinichss@mgpu.ru

Nadezhda S. Shalimova, Grand PhD in Philology, Associate Professor at the Department of English Philology, Moscow City University, 4 Vtoroy Sel'skokhozyaystvennyi proezd, Moscow, 129226, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-9636-1262; SPIN-code: 1894-7562. E-mail: shalimovans@mgpu.ru

Сведения об авторах:

Савинич Сергей Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Московский городской педагогический университет, Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4. ORCID: 0009-0005-4178-7895; SPIN-код: 4038-3743. E-mail: savinichss@mgpu.ru

Шалимова Надежда Сергеевна, доктор филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Московский городской педагогический университет, Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4. ORCID: 0000-0001-9636-1262; SPIN-код: 1894-7562. E-mail: shalimovans@mgpu.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-1-94-104

EDN: UGHLBV

UDC 821.111.0

Research article / Научная статья

Postdramatic Performativity and the Aesthetics of Power in Harold Pinter's *The Homecoming*

Radoje V. Šoškić

University of Priština in Kosovska Mitrovica, Kosovska Mitrovica, Republic of Serbia

✉ radoje.soskic@pr.ac.rs

Abstract. This study examines the dramaturgical innovations and philosophical provocations embedded in Harold Pinter's early and mid-career work, particularly in *The Homecoming* (1965) as a paradigmatic articulation of his theatrical aesthetics. The paper explores how Pinter departs from conventions of psychological realism and Aristotelian structure, crafting instead a dramatic mode rooted in opacity, linguistic subversion, and performative silence. Through detailed textual analysis, informed by theories of the absurd (Esslin), performativity (Butler), and postdramatic theatre (Lehmann), the research aims to elucidate how Pinter's plays resist interpretive closure and dramatize the failure – not merely the absence – of meaning. Particular emphasis is placed on the way *The Homecoming* constructs gendered power through ritualized dialogue, domestic space, and erotic economy, positioning Ruth not as a passive object of male desire, but as a sovereign agent who reconfigures the symbolic order through strategic ambiguity. Employing a qualitative methodology grounded in close reading and supported by interdisciplinary frameworks, including gender theory, poststructuralist philosophy, and performance studies, the study shows how Pinter's plays generate phenomenological intensity and epistemological instability. The results highlight a consistent dramaturgical logic wherein characters operate as performative surfaces enacting ideological scripts rather than coherent psychological entities. In *The Homecoming*, the absence of moral or narrative resolution foregrounds the raw mechanics of power, silence, and ritualized presence. Ultimately, this study concludes that Pinter's contribution to modern drama lies in his transformation of theatre into a site of ontological disturbance, where the failure to communicate becomes the primary event, and the unknown – rather than its resolution – is staged as the play's enduring truth.

Keywords: Harold Pinter, *The Homecoming*, theatre of the absurd, performativity, ambiguity, power dynamics, postdramatic theatre, gender, existential menace

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Funding. This study was supported by the Ministry of Science, Technological Development and Innovations of the Republic of Serbia (Contract No. 451-03-66/2024-01/200184).

Article history: submitted September 30, 2025; revised November 15, 2025; accepted December 18, 2025.

© Šoškić R.V., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation: Šoškić, R.V. (2026). Postdramatic Performativity and the Aesthetics of Power in Harold Pinter's *The Homecoming*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(1), 94–104. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-94-104> EDN: UGHLBV

Постдраматическая перформативность и эстетика власти в «Возвращении домой» Гарольда Пинтера

Р.В. Шошкич

Приштинский университет в г. Косовска-Митровица, Косовска-Митровица, Республика Сербия

✉ radoje.soskic@pr.ac.rs

Аннотация. Рассматриваются драматургические новаторства и философские вызовы, заложенные в раннем и зрелом творчестве Гарольда Пинтера, особенно в пьесе «Возвращение домой» (1965), которая представляет собой парадигмальное выражение его театральной эстетики. Автор анализирует, каким образом Пинтер отходит от традиций психологического реализма и аристотелевской структуры, создавая драматический язык, основанный на непрозрачности, лингвистической субверсии и перформативной тишине. На основе детального текстуального анализа, опирающегося на теорию абсурда (Эсслин), перформативность (Батлер) и постдраматический театр (Леман), исследование демонстрирует, как пьесы Пинтера сопротивляются интерпретативной завершенности и инсценируют не просто отсутствие, а крах смысла как такового. Особое внимание уделено тому, как в «Возвращении домой» формируются гендерные отношения власти через ритуализованный диалог, домашнее пространство и эротическую экономику. Персонаж Рут представлен не как пассивный объект мужского желания, а как суверенный субъект, стратегически переопределяющий символический порядок. Используя качественную методологию, основанную на внимательном прочтении текста и междисциплинарных теоретических подходах, включая гендерные исследования, постструктуралистскую философию и теорию перформанса, автор показывает, как пьесы Пинтера создают феноменологическое напряжение и эпистемологическую нестабильность. Полученные результаты выявляют последовательную драматургическую логику, в рамках которой персонажи функционируют как перформативные поверхности, воплощающие идеологические сценарии, а не как целостные психологические индивиды. В «Возвращении домой» отсутствие моралистической или повествовательной развязки акцентирует внимание на механизмах власти, тишины и ритуального присутствия. В итоге исследование приходит к выводу, что вклад Пинтера в современную драму заключается в преобразовании театра в пространство онтологического потрясения, где неудача коммуникации становится центральным событием, а неизвестность, но не ее разрешение, утверждается как подлинная драматическая истина.

Ключевые слова: Гарольд Пинтер, «Возвращение домой», театр абсурда, перформативность, неоднозначность, властные отношения, постдраматический театр, гендер, экзистенциальная угроза

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование было поддержано Министерством науки, технологического развития и инноваций Республики Сербия (контракт № 451-03-66/2024-01/200184).

История статьи: поступила в редакцию 30 сентября 2025 г.; отрецензирована 15 ноября 2025 г.; принята к публикации 18 декабря 2025 г.

Для цитирования: Šoškić R.V. Postdramatic Performativity and the Aesthetics of Power in Harold Pinter's *The Homecoming* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 1. С. 94–104. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-94-104> EDN: UGHLBV

Introduction

In the nascent stages of Harold Pinter's literary acclaim, a journalist once asked him the now-iconic question, "What are your plays about, Mr. Pinter?" To which he facetiously responded, "The weasel under the cocktail cabinet"¹. This cryptic and deliberately evasive remark has come to encapsulate not only the bewilderment that his early dramaturgy inspired, but also the core of Pinter's aesthetic philosophy – his resistance to explanation, to interpretive finality, and above all, to the reductive didacticism that traditional dramatic structures often impose. As Martin Esslin has argued in his seminal work *The Theatre of the Absurd* (1960), such replies reflect a deeper metaphysical stance in postwar drama – "a refusal to explain because the very nature of reality has become inexplicable" (Esslin, 1961, p. 23). In this light, Pinter's "weasel" is not a joke at the expense of the interviewer, but a metaphor for the elusive, subterranean tensions that animate his theatrical world.

The question posed to Pinter was, indeed, a legitimate one. His early work – especially his one-act plays and his first full-length drama, *The Birthday Party* (1958) – bewildered audiences and critics alike with its enigmatic characters, circular dialogue, and absence of narrative resolution. The play's London premiere was an unqualified failure, with the critic Harold Hobson standing almost alone in its defense. Pinter would later reflect on this moment with characteristic irony: "I wrote *The Birthday Party* in 1957. It was slaughtered by all the critics except one. Now it's called a classic. So much for orthodoxy" (Pinter, qtd. in Billington, 1996, p. 72). This trajectory – from incomprehension to canonization – mirrors the evolution of modernist reception itself, wherein radical departures from form and meaning are initially rejected before being embraced as paradigmatic.

It was only after subsequent successes, notably *The Caretaker* (1960) and a series of highly distilled one-acts, that audiences and critics began to acclimate to Pinter's distinctive stylistic idiom. By the mid-1960s, his plays had become fixtures on the stages of the Royal Shakespeare Company and the National Theatre, while simultaneously circulating in fringe venues, on television, and across radio airwaves. This dual presence – both mainstream and marginal – underscored the versatility and depth of his work. As Michael Billington (1996, p. 118) observes in his comprehensive biography, *The Life and Work of Harold Pinter*, by the 1970s, Pinter

¹ Pinter is reported to have made this remark in an interview during the early stages of his career. While he later dismissed it as a flippant comment, the phrase has endured as a metaphor for the elusive and ambiguous nature of his work. See: Billington, M. (1996). *The Life and Work of Harold Pinter* (p. 72). Faber & Faber. Also discussed in Flynn, N. (2008, April 1). Afterword to the play: Alice Invents a Little Game and Alice Always Wins. *Bomb Magazine*. <https://bombmagazine.org/articles/2008/04/01/afterword-to-the-play-alice-invents-a-little-game-and-alice-always-wins/>

had become “a cultural institution in himself, rivaled only by Samuel Beckett in critical scrutiny and academic attention”.

Much of the initial opacity that characterized Pinter’s dramaturgy can be traced to his profound artistic debt to Beckett. The influence is not merely stylistic but ontological. Like Beckett, Pinter challenges the premise that language can serve as a reliable vehicle for communication or that character can be psychologized in realist terms. However, Pinter’s approach diverges in significant ways. Beckett’s theatrical spaces are overtly metaphysical – sparse wastelands, symbolic mounds, and voids animated by abstract suffering. Pinter, by contrast, situates his characters in what appears to be the fully furnished, familiar domesticity of postwar Britain. The kitchen in *The Room*, the boarding house in *The Birthday Party*, or the dingy basement in *The Dumb Waiter* – these are recognizably mundane spaces. Yet, within these realistic settings, Pinter installs a metaphysical disquiet, a Beckettian silence behind the walls. As Stanley Cavell insightfully notes, “Pinter replaces Beckett’s existential desolation with something perhaps more disturbing – the uncanny proximity of the absurd to the familiar” (1981, p. 217).

This friction – between surface realism and subterranean uncertainty – generates a uniquely Pinteresque tension. His plays resist hermeneutic closure not by abandoning structure, but by rigorously withholding contextual information. Characters appear without backstory, motivations remain occluded, and narrative logic is destabilized. In *The Room*, for instance, we observe a banal domestic routine – tea being made, idle conversation, habitual silences – but these are gradually encroached upon by inexplicable and increasingly menacing intrusions. The final tableau – a blind woman, a murdered visitor, a household imploded – is never resolved. It simply stops, like an unresolved cadence.

Similarly, in *The Dumb Waiter*, two assassins idle in a basement while receiving absurd food orders from an unseen source. The dumbwaiter, an emblem of bureaucratic absurdity, becomes the mouthpiece of a system whose logic is impenetrable. What begins as Beckettian inertia slowly sharpens into Kafkaesque anxiety, where hierarchical command is both omnipresent and incomprehensible. The literary theorist Peter Brook (1968, p. 34) famously remarked that Pinter’s theatre operates “on the cusp of the known and the unknowable,” a dramaturgy where “the audience must navigate a terrain with no map”.

The Birthday Party provides a longer, more structurally complex articulation of these principles. A seaside boarding house, a seemingly timid pianist named Stanley, a landlady, her husband, and two sinister visitors – Goldberg and McCann – who arrive to “collect” Stanley. Their interrogation is simultaneously grotesque and absurd: a torrent of surreal accusations, linguistic distortions, and physical intimidation ensues. But nothing is explained. Who are these men? Why do they target Stanley? Is this an allegory of totalitarian control? A psychological breakdown? Pinter leaves it unresolved. As the critic Luc Gilleman (2008, p. 401) argues, Pinter’s genius lies in his “radical undecidability” – not the refusal to provide meaning, but the dramatization of that refusal itself.

This withholding of explanation constitutes a radical intervention in the history of dramatic form. Traditional realist and classical drama, from Aristotle to Ibsen, rests on the principles of exposition, motivation, and resolution. Characters act from knowable desires; situations unfold according to psychological or causal logic; conflicts are eventually resolved or clarified. Pinter systematically undoes these conventions. His drama does not seek to explain human behavior – it stages its inexplicability. In this sense, Pinter is not merely a dramatist of the absurd, but a dramatist of epistemological instability. As J.L. Austin (1962) might say, Pinter’s plays are less concerned with what is said than with what is *done* through saying – or, in his case, through *not* saying². In this sense, language in Pinter functions as a performative act, one whose effects often eclipse its semantic content³.

This epistemological destabilization has two primary aesthetic consequences. First, it intensifies the phenomenological engagement of the spectator. In the absence of exposition, the viewer becomes attuned to the smallest nuances – tone, gesture, pause, facial expression. Silence, famously marked in Pinter’s stage directions as either “pause” or “silence,” becomes a site of density rather than emptiness. By transforming the pause into an event of lived intensity, the process embodies the psychodramatic principle of “interaction in the here and now,” through which, as Semenov and Kuzovchikova observe, real experience in the act of performance “can reveal unconscious problems, repressed emotions, and conflicts” (2025, p. 390), enabling meaning to arise within the temporality of co-presence rather than being conveyed as dramatic information. As John Lahr⁴ eloquently puts it, “A Pinter pause is not a hole in the dialogue; it is the dialogue”. Second, the realist settings – uncluttered, familiar, mundane – are gradually revealed as unstable terrains, infected by an immanent sense of menace⁵.

Ultimately, Pinter’s theatrical world is one in which language, far from clarifying reality, is deployed to obscure, to manipulate, and to dominate. His characters speak not to communicate, but to maneuver – to assert, to evade, to defend. Dialogue becomes a battleground, and silence a strategic weapon. This linguistic tactility

² The event-like nature of theatrical signification corresponds to Marvin Carlson’s (2015) observation that postdramatic theatre shifts emphasis from representation to presentation, staging not a fictional world but the performance itself, apprehended in its immediacy and inherent instability (cf. Carlson, 2015, pp. 577–595).

³ J.L. Austin’s speech act theory – particularly his emphasis on illocutionary and perlocutionary force – offers a useful lens through which to understand Pinter’s dramaturgy as performative rather than merely communicative. See: Austin, J.L. (1962). *How to Do Things with Words* (J.O. Urmson, & M. Sbisà, Eds.). Oxford: Clarendon Press. However, Jacques Derrida, in his seminal critique “Signature Event Context,” challenges Austin’s assumptions about the stability of context, the transparency of intention, and the immediacy of presence that underlie the performative. Derrida argues that every utterance carries within it the possibility of citational rupture and semantic drift – that language cannot be fully grounded in the speaker’s intention or the situation of its production. This deconstruction of performativity opens a deeper space for reading Pinter’s silences and elliptical dialogues as resistant not only to interpretation, but to *situated meaning* itself. See: Derrida, J. (1982). Signature Event Context. In *Margins of Philosophy* (S. Weber, & J. Mehlman, Trans., pp. 307–330). University of Chicago Press.

⁴ Lahr, J. (2005, November 28). Demolition Man. *The New Yorker*.

⁵ This pervasive dread, what Irving Wardle first termed “the comedy of menace” in 1958, is not rooted in any one event or revelation, but in the structural condition of not-knowing.

mirrors the broader existential condition his plays inhabit: a world where nothing can be known with certainty, where identity is performative, and where presence is always shadowed by threat. In this regard, Pinter's plays are not simply narratives but ontological events – distillations of what it means to inhabit a world without assurances.

The Homecoming: Ritual, Power, and the Politics of Presence

The Homecoming (1965) is arguably the most structurally rigorous and thematically resonant of Harold Pinter's canonical works. While later plays such as *Moonlight* (1993) reveal a more lyrical and elegiac mode – what Michael Billington describes as Pinter's "late style, inflected by mortality and memory" (1996, p. 312) – *The Homecoming* remains the summit of his mid-career dramaturgical method: stark, elliptical, psychologically taut, and formally immaculate. First staged by the Royal Shakespeare Company under Peter Hall's direction, the play quickly secured its place in the modern dramatic canon. Hall's original staging, later revived to critical acclaim in 1991 and beyond, established the austere theatrical idiom through which Pinter's distinctive voice would find expression – one rooted not in narrative development but in charged pauses, ritualistic exchanges, and meticulously choreographed stillness.

Peter Hall's scenographic grammar was instrumental in forging what has since become the Pinter aesthetic. His directorial minimalism – marked by sparse but naturalistic sets, subdued lighting, and an almost choreographic attention to gesture and silence – gave visual and kinetic form to Pinter's dramaturgical ethos. Drawing on Artaud's notion of "cruelty," though devoid of Artaud's mystical fervor, Hall harnessed a latent violence beneath quotidian realism. Every prop, gesture, and silence is semantically loaded, every pause a rupture in the communicative surface, gesturing toward the unspeakable. This radical intensification of theatrical presence – an early embodiment of what Hans-Thies Lehmann would later theorize as the *postdramatic* – compels the spectator into a hyper-attuned phenomenological mode, in which the dissolution of conventional narrative hierarchies gives primacy to sensory perception, spatial arrangement, and performative rhythm. In this context, form does not merely frame content but *becomes* content; silence, in turn, is transfigured into an event – a dense, affectively saturated site of tension, expectation, or resistance. As Lehmann (2006, p. 85) asserts, "In postdramatic theatre, the signifiers of theatre – gesture, movement, spatial constellation, rhythm, atmosphere – begin to function autonomously, no longer subordinated to the demands of plot or psychological motivation". In Pinter's work, especially in *The Homecoming*, such moments of silence and stillness serve not as absences but as semiotic intensities, displacing dialogue as the principal bearer of meaning.

The Homecoming is structured around a claustrophobic domestic constellation: a dilapidated North London household inhabited exclusively by men. Max, a retired butcher, reigns over his sons – Lenny, a cynical and articulate pimp; Joey, an inarticulate boxer-in-training; and his brother Sam, a chauffeur and a relic of

a softer masculinity. The entrance of Teddy, the expatriate philosophy professor, with his wife Ruth, marks the dramatic hinge of the play. Ruth is the intruder, the catalyst, and ultimately, the sovereign. Her entry destabilizes the masculine equilibrium, and by the end, she has recentered the play's economy of power around her own bodily and linguistic sovereignty⁶.

The gender dynamics of *The Homecoming* are neither redemptive nor redolent of liberal humanism. Rather, Pinter constructs a closed system of dominance and submission, in which characters enact stylized rituals of territorial assertion and psychological coercion. The opening scene – Max's mixture of abusive tirades and nostalgic reminiscences – immediately disorients any conventional sense of family structure. As feminist critics such as Catherine Belsey (1985) and Elin Diamond (1997) have shown, the bourgeois domestic space is never ideologically neutral; it is a crucible in which gendered power is performed, naturalized, and contested. In this domestic realm, Max's grotesque threats – "I'll chop your spine off" – operate less as realistic dialogue and more as symbolic acts: linguistic attempts to maintain patriarchal sovereignty through verbal mutilation⁷. Following Judith Butler's (1993) notion that power acts on the body in ways that produce it as an intelligible body, the violent language of the male characters operates performatively – it does not merely describe aggression, it constitutes a masculine identity enacted through ritual and speech.

The return of Teddy and Ruth introduces an element of disruption – not merely because they are outsiders, but because their arrival reconfigures the space into a site of ritualized negotiation. Ruth's first encounter with Lenny is particularly emblematic of this dynamic. Lenny's initial attempts to intimidate her through veiled aggression and sexual anecdote are undermined by Ruth's strategic reticence. She meets violence not with resistance, but with inscrutable calm – an affective tactic that repositions the threat back onto her interlocutor. Her line, "If you take the glass, I'll take you," operates as both seduction and threat, erotically charged yet semantically opaque⁸. This line exemplifies Butler's idea that gendered power does not precede its performance but is constituted through it. Ruth's speech is not transparently seductive or resistant – it is ambivalent, strategically undecidable, and thus functions as a subversive repetition of the very codes designed to define her.

Act II culminates in the play's most disturbing transvaluation: Ruth's integration into the household not as wife or daughter-in-law, but as a sexualized economic agent. Lenny and Max propose that she remain in London as a high-class escort, and Ruth – far from protesting – negotiates the terms of her role with the precision of a business transaction. Her conditions – a wardrobe, a three-room flat, a maid – are not requests but contractual stipulations. As Butler suggests, gendered subjects do not merely inhabit power structures – they can rearticulate them through

⁶ Pinter, H. (1991). *The Homecoming* (pp. 19–21). Faber and Faber.

⁷ Ibid. P. 25.

⁸ Pinter, H. (1991). *The Homecoming* (p. 34). Faber and Faber. As Judith Butler (1997, p. 3) argues in *Excitable Speech: A Politics of the Performative*, such utterances function performatively; they do not merely describe reality—they constitute acts of power, identification, and resistance.

performative citation. Ruth's negotiation is not liberation from objectification but a strategic reinscription of it, subverting the ideology of passive femininity by inhabiting the very role meant to contain her. Here, Pinter stages what Slavoj Žižek (1989) might call a perverse reversal of ideology: Ruth accepts and manipulates the very structures designed to commodify her. She is not the victim of objectification but its co-author. Through her strategic inhabitation of the commodified position, Ruth enacts what Meenakshi Dey describes as a simultaneous performance of "submission and dominance," a tension that ultimately "blur[s] the boundaries between victim and victimizer" and thus dislocates the binary logic through which patriarchal power normally maintains its authority (2025, p. 548). Her erotic agency is asserted not through defiance, but through strategic acquiescence, unsettling the dichotomy between autonomy and subjection.

Teddy's silent acquiescence is equally revealing. The philosopher-husband, ostensibly the play's intellectual and ethical center, simply gathers his belongings and returns to America. His departure signals more than domestic abdication – it is the evacuation of rational discourse, of philosophy's presumed authority, in the face of raw power and desire. As Stanley Fish (1980) notes in his critique of interpretive communities, rationality is always already embedded in performative contexts. In Pinter, these contexts dissolve the very possibility of philosophical detachment.

The final tableau – Ruth seated like a queen, flanked by Joey and Lenny, with Max crawling toward her – is not a moment of catharsis but of dark apotheosis. It marks the completion of a ritual whereby sexual power becomes institutionalized, the domestic space transformed into a theater of sovereignty. That Pinter offers no moral commentary, no interior monologue, no explanatory gesture, underscores his fundamental commitment to dramatizing behavior without recourse to cause. As Peter Szondi argued in *Theory of the Modern Drama* (1987, p. 14), modern drama shifts from *destiny* to *decision*, and then – crucially in Pinter's case – from *decision* to *gesture*. Ruth's ascendancy is not explained; it is enacted.

The infamous audience reaction – "They're all animals!" – gestures toward an instinctive understanding of the play's primitivism. Some critics have read the family as governed by archaic impulses, akin to Lorenzian *ethology* or Freudian *family romance*. But Pinter's dramaturgy is not reducible to evolutionary psychology or psychoanalytic allegory. His characters are not archetypes but surfaces – palpable, reactive, impenetrable. Ruth's parting line to Teddy, "Don't become a stranger," encapsulates this opacity. What might sound like a cliché of emotional continuity becomes, in context, a foreclosure of intimacy. Language in Pinter is never transparent – it is always contaminated by irony, threat, or evasive tact⁹.

Each character's professional identity refracts his mode of power. Max the butcher evokes the economy of violence, his vocabulary shot through with cleavers and carcasses. Lenny commodifies desire through his work as a pimp. Joey's aspirational boxing and demolition work literalize his blunt-force identity. Teddy, a philosopher, is out of place in this economy of bodily and transactional dominance.

⁹ Pinter, H. (1991). *The Homecoming* (p. 80). Faber and Faber.

His sole moment of assertion – eating Lenny’s cheese roll – is emblematic of Pinter’s symbolic minimalism: nourishment as power, food as ideological territory. In Pinter’s universe, even a cheese roll can become a vector of assertion, resistance, or humiliation.

Ruth’s refusal to be defined by a profession is itself a profession – a strategic deployment of presence, of enigmatic allure, of sexual and discursive mastery. Her triumph is not moral, but aesthetic. She does not subvert the system of exploitation; she reinscribes herself into it as sovereign. As feminist theorist Laura Mulvey (1975) might note, Ruth destabilizes the male gaze not by disappearing from it, but by returning it with unsettling calm, reappropriating objecthood as power.

Amid the squalor, Pinter allows brief flickers of bourgeois domesticity: Max praises Ruth’s coffee, family memories are conjured, moral platitudes invoked. These banalities – “She taught them all the morality they know” – collapse into irony when juxtaposed with the family’s ethical nihilism. Pinter’s use of what Beckett termed the “Irish bull” – statements whose self-contradiction reveals deeper absurdity – marks this space where sentiment and savagery collide. Max’s call for filial respect, followed by self-abasement (“I’m a lousy, filthy father”), enacts the impossibility of authority in a world unmoored from meaning¹⁰.

The brief discussion of metaphysics – “Do tables really exist?” – serves as a meta-theatrical moment. It is not a philosophical query but a parody of philosophy’s impotence¹¹. Ruth’s physical interruption – exposing her leg, invoking the corporeal – annihilates abstraction with the immediacy of flesh¹².

Conclusion

In its most distilled form, Harold Pinter’s *The Homecoming* enacts a profound destabilization of theatrical conventions, dissolving the explanatory scaffolding of character, motivation, and resolution in favor of performance, gesture, and silence. It is not a drama of essence, but of event – of bad manners rather than good intentions, of strategic silence rather than transparent meaning. The play neither explains nor moralizes; instead, it stages an opaque social ritual governed by desire, domination, and symbolic exchange. Ruth’s ascendancy, far from representing liberal autonomy, constitutes a transvaluation of gendered roles through strategic opacity – her silence speaks, her presence overwhelms, her stillness governs. This radical economy of theatrical presence aligns with Hans-Thies Lehmann’s conception of the postdramatic, in which the materiality of performance overtakes narrative logic, compelling the audience not to interpret but to witness. Pinter reanimates the comedy of manners not in the polished tradition of Wilde or Coward, but as a comedy of menace – an arena where language, gesture, and absence function as instruments of social warfare. His characters are not psychological unities, but

¹⁰ Pinter, H. (1991). *The Homecoming* (p. 24). Faber and Faber.

¹¹ Ibid. P. 61.

¹² This moment evokes Merleau-Ponty’s notion of embodied subjectivity: knowledge does not emerge from cognition alone, but from presence, from the body’s gesture and proximity (Merleau-Ponty, 1945).

performative surfaces: masks, voices, and bodies engaged in ritualized conflict, exemplifying what Theodor Adorno termed the non-identical – irreducible, opaque, and resistant to conceptual capture. Teddy, the philosopher-husband, exemplifies the collapse of intellectual abstraction in the face of embodied power. His rational detachment falters before Ruth's corporeal assertion, revealing, as Butler suggests, the instability of identity under the pressure of social performance. The stage becomes a crucible of iterated behaviors where no utterance is innocent and no gesture escapes inscription. Meaning is not uncovered but constructed in real time – always contingent, always vulnerable to reversal.

Ultimately, the Pinterian stage is not a mirror of depth, nor a platform for redemption or catharsis. It is a closed system of behavioral codes, ideological repetitions, and performative ambiguity. Its power lies not in offering answers but in dramatizing the irreducible tensions of human presence. As Adorno argued, art's truth resides not in its message, but in its resistance to instrumental reason, its refusal to be reduced to use, to function, to message. In this sense, *The Homecoming* is not about revelation, but confrontation – with the unknown, the undecidable, and the real.

References / Список литературы

- Adorno, T.W. (1997). *Aesthetic Theory*. London: The Athlone Press.
- Austin, J.L. (1962). *How to Do Things with Words*. Harvard University Press.
- Belsey, C. (1985). *The Subject of Tragedy: Identity and Difference in Renaissance Drama*. Routledge.
- Billington, M. (1996). *The Life and Work of Harold Pinter*. Faber and Faber.
- Brook, P. (1968). *The Empty Space*. Penguin Books.
- Butler, J. (1997). *Excitable Speech: A Politics of the Performative*. Routledge.
- Carlson, M. (2015). Postdramatic theatre and postdramatic performance. *Revista Brasileira de Estudos da Presença*, 5(3), 577–595. <https://doi.org/10.1590/2237-266053731>
- Cavell, S. (1981). *Pursuits of Happiness: The Hollywood Comedy of Remarriage*. Harvard University Press.
- Derrida, J. (1982). Signature Event Context. In *Margins of Philosophy* (A. Bass, Trans., pp. 307–330). University of Chicago Press.
- Dey, M. (2025). Abjection in Harold Pinter's *The Homecoming*: An Exploration of Power, Identity, and the Breakdown of Boundaries. *International Journal of English Literature and Social Sciences*, 10(4), 545–548. <https://dx.doi.org/10.22161/ijels.104.80>
- Diamond, E. (1997). *Unmaking Mimesis: Essays on Feminism and Theater*. Routledge.
- Esslin, M. (1961). *The Theatre of the Absurd* (3rd ed.). Penguin Books.
- Fish, S. (1980). *Is There a Text in This Class? The Authority of Interpretive Communities*. Harvard University Press.
- Gilleman, L. (2008). The Politics of Ambiguity in Harold Pinter's *The Birthday Party*. *Modern Drama*, 51(4), 397–418.
- Lehmann, H.-T. (2006). *Postdramatic Theatre* (K. Jürs-Munby, Trans.). Routledge.
- Merleau-Ponty, M. (1945). *Phénoménologie de la Perception*. Paris: Gallimard.
- Mulvey, L. (1975). Visual Pleasure and Narrative Cinema. *Screen*, 16(3), 6–18.
- Semenov, V.V., & Kuzovchikova, T.I. (2025). Psychodrama and Postdramatic Theater: Invitation to the Meeting. *Lomonosov Psychology Journal*, 48(3), 387–408. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-38> EDN: ZWUBAO

Семёнов В.В., Кузовчикова Т.И. Психодрама и постдраматический театр: приглашение к Встрече // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 2025. Т. 48. № 3. С. 387–408. <https://doi.org/10.11621/LPJ-25-38> EDN: ZWUBAO

Szondi, P. (1987). *Theory of the Modern Drama*. University of Minnesota Press.

Žižek, S. (1989). *The Sublime Object of Ideology*. Verso.

Bio note:

Radoje V. Šoškić, PhD in Philology, Associate Professor, University of Priština in Kosovska Mitrovica, Filipa Višnjića St, Kosovska Mitrovica, 38220, Republic of Serbia. ORCID: 0000-0002-7690-2145. E-mail: radoje.soskic@pr.ac.rs

Сведения об авторе:

Радое В. Шошкич, доктор филологических наук, доцент, Приштинский университет в Косовской Митровице, Республика Сербия, 38220, Косовска Митровица, ул. Филиппа Вишничича. ORCID: 0000-0002-7690-2145. E-mail: radoje.soskic@pr.ac.rs

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-1-105-122

EDN: SPPRVP

UDC 821.111(73)

Research article / Научная статья

Poetics of Identity: Feeling “Othering” in Layli Long Soldier’s Poem “38”

Haider Jabr Mihsin

University of Al-Qadisiya, Al-Diwaniya, Iraq

✉ haiderj.mihsin@qu.edu.iq

Abstract. This article seeks to examine the notion of “Othering” in Layli Long Soldier’s renowned poem “38”. It examines the way in which “38” functions as a moving and emotional reflection on the historical and cultural experiences of Indigenous people, chiefly in relation to the Wounded Knee Massacre and its lasting influence on Native American identity. It clarifies how identity is created and represented through poetic manifestation. The present study employs Gayatri Chakravorty Spivak’s notion of “Othering” to be the methodological tool for examining Layli Long Soldier’s poem “38”. Spivak, as a substantial postcolonial theorist, expresses how dominant narratives often create downgraded identities as “Others” and deprive them of agency and voice. Throughout the study of Layli Long Soldier’s renowned poem “38” in the light of Spivak’s notion of “Othering”, the findings demonstrate that she uses language, imagery, and structure in order to confront the procedures of “Othering” that have relegated Indigenous voices within dominant narratives. Her poetry depicts the real experiences of Indigenous people struggling with exclusion and cultural displacement effects which reflect Spivak’s examination of the mental and social impacts of “Othering”. To conclude, by foregrounding the complications of identity, memory, and resistance, Long Soldier’s poetry not only condemns the mechanisms of “Othering” but also encourages recuperation and agency in the face of historical trauma. This article is significant because it will lead to a more comprehensive discourse on Indigenous literature and identity by underlining the implication of Long Soldier’s poetic voice in defying predominant representations and raising a profounder recognition of the Indigenous experience.

Keywords: Gayatri Chakravorty Spivak, identity, indigenous literature, Layli Long Soldier, othering, resistance

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted September 30, 2025; revised November 15, 2025; accepted December 18, 2025.

For citation: Mihsin, H.J. (2026). Poetics of Identity: Feeling “Othering” in Layli Long Soldier’s Poem “38”. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(1), 105–122. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-105-122> EDN: SPPRVP

© Mihsin H.J., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Поэтика идентичности: концепт «отчуждения» в стихотворении Лейли Лонг Солджер «38»

Х.Дж. Михсин

Университет Аль-Кадисия, Эд-Дивания, Ирак

✉ haiderj.mihsin@qu.edu.iq

Аннотация. Цель исследования – раскрыть важность философской категории «отчуждения» в художественном творчестве на примере стихотворения известной американской поэтессы индейского происхождения Лейли Лонг Солджер «38», вошедшего в сборник *Whereas* (2017). В стихотворении повествуется о том, как 38 индейских воинов-дакота были повешены с одобрения президента Линкольна в ходе войны с коренным населением 26 декабря 1862 г. Лонг Солджер отмечает, что одновременно Линкольн подписал закон об освобождении от рабства. В статье приводится анализ стихотворения, в котором рассказ о казни в Вундед-Ни сочетается с личными переживаниями, размышлениями о своих отношениях с дочерью и материнством. Показательная казнь вождей индейцев дакота оказала большое влияние на последующее решение проблемы идентичности коренных народов Америки. Демонстрируется, как автор стихотворения воспроизводит образ индейской идентичности с помощью поэтических выразительных и изобразительных средств. В качестве важного методологического инструмента анализа стихотворения используется философский концепт «отчуждение», предложенный профессором Колумбийского университета, теоретиком постколониальной эпохи Гаятри Чакраворти Спивак (Gayatri Chakravorty Spivak). Ученый утверждает, что господствующие в обществе нарративы наносят ущерб национальной идентичности коренных народов, отменяют их самостоятельность и право на выражение собственного мнения. Анализ стихотворения Лейли Лонг Солджер показывает, что автор посредством образных средств, языка, стиля стремится противостоять агрессивной тенденции «отчуждения» коренных народов Америки. Творчество поэтессы отображает реальный исторический опыт индейцев, культурное наследие индейского этноса, попытку противостоять изоляции и разрушению самобытной идентичности. Ее поэзия является наглядной образной иллюстрацией теории философа Спивак о психологических и культурных последствиях социального «отчуждения». В заключении делается вывод о том, что в своей поэзии Лейли Лонг Солджер на первый план выдвигает проблему сохранения этнической идентичности благодаря сохранению памяти о прошлом и духу сопротивления разрушительным нарративам. Пафос поэзии американской поэтессы – в осуждении механизмов «отчуждения», утверждении социальной и духовной активности пред лицом исторической травмы.

Ключевые слова: Гаятри Чакраворти Спивак, идентичность, коренная литература, Лейли Лонг Солджер, отчуждение, сопротивление

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 30 сентября 2025 г.; отрецензирована 15 ноября 2025 г.; принята к публикации 18 декабря 2025 г.

Для цитирования: *Mihsin H.J.* Poetics of Identity: Feeling “Othering” in Layli Long Soldier’s Poem “38” // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 1. С. 105–122. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-105-122> EDN: SPPRVP

Introduction

In contemporary poetry, the examination of identity is often interconnected with the themes of relegation and representation. Layli Long Soldier's moving poem "38" functions as a reflective introspection on these themes, predominantly in the context of Gayatri Spivak's concept of "Othering". Spivak, a significant postcolonial philosopher, expresses how dominant narratives often construct relegated identities as "Others", depriving them of agency and voice. This procedure not only preserves systemic discriminations but also obscures the very spirit of identity itself (Thomas-Olalde, Velho, 2011, pp. 28–29). Spivak (2006b, p. 197) states:

The work of the Subaltern Studies Group offers a theory of change. Concurrently, this change is seen as the inauguration of politicization for the colonized. The colonial subject is seen as emerging from those parts of the indigenous élite which come to be loosely described as "bourgeois nationalist".

In "38", Long Soldier deals with the apprehensive subject of Native American identity, reacting to historical prejudices while concurrently retrieving her narrative from the commands of colonial discourse. The poem is a reaction to the historical framework of the US government's execution of thirty-eight Dakota men in 1862, an occurrence that has still been a hurting stage in the shared memory of Native Americans. Through her skilled use of language and form, Long Soldier expresses the difficulties of trauma, loss, and resilience (Gallegos, 2023, p. 8).

By using Spivak's notion of "Othering", we can better understand how Long Soldier's poetry not only condemns the historical procedures that have downgraded Native voices but also proclaim the prominence of self-representation and agency. In this research, I seek to explore the ways in which Long Soldier's "38" exemplifies the dynamics of "Othering", inspecting how the poem leads to a deeper understanding of identity that is both formed by and resistant to exterior delineations. I will also examine how the poet's discussion of history, memory, and language helps to defy the reductive binaries of colonizer and colonized, self and "Other".

Statement of the Problem

The idea of "Othering", as uttered by Gayatri Chakravorty Spivak, acts as a critical viewpoint through which we can inspect the process of identity development and representation in literature. In her poem "38", Layli Long Soldier challenges the historical and existing inferences of colonialism, trauma, and identity, predominantly with regard to Native American experiences. The poem not only mirrors the brawls of Indigenous peoples but also censures the mechanisms of "Othering" that have relegated and degraded these communities throughout history.

In spite of the rich studies encompassing "Othering" in postcolonial studies, there remains a gap in the examination of how contemporary Indigenous poets like Long Soldier express and fight back against these subtleties in their work. Specially,

“38” functions as a touching case of how poetry can depict the intricacies of identity, belonging, and the effect of historical narratives on contemporary realities. This raises essential questions about the implication of poetry in determining and retrieving identity, along with its capacity to defy dominant narratives that disseminate “Othering”. In other words, the questions that are addressed in order to fill the mentioned gap include:

1. How does Layli Long Soldier’s poem “38” exemplify the notion of “Othering” as demarcated by Spivak, chiefly in the background of Native American identity?
2. In what ways does “38” work as a system of confrontation against the historical and unending “Othering” of Indigenous people?
3. How does the usage of language, structure, and imagery in “38” lead to the development of identity and the criticism of “Othering”?
4. What role does historical memory play in the poem, and how does it inform the current understanding of Native American identity in the context of “Othering”?
5. How can Long Soldier’s work be positioned inside the larger framework of Indigenous literature and its reply to colonial narratives of “Othering”?

Significance of the Study

This study is significant for several key reasons; initially, Layli Long Soldier’s poem “38” revolves around the historical and cultural implications of the US government’s execution of 38 Dakota men in 1862. By examining this poem, this research is going to emphasize the significance of Indigenous narratives. Also, Spivak’s concept of “Othering” presents a critical outline for understanding how specific groups are relegated in society.

By benefitting from this concept in analyzing Long Soldier’s poetry, we intend to inspect the mechanisms of “Othering” in the context of colonialism and the never-ending impacts of historical trauma. This examination helps to disclose how such mechanisms continue to influence identity in contemporary literature. Moreover, this paper underlines the complication of identity construction, mainly for colonized populations. It studies how Long Soldier’s poetry echoes the complex association between individual identity and shared cultural memory.

By analyzing the poem, the study aids to reclaim historical narratives that have often been written by colonial authorities. Exploring “38” paves the way for a critical reassessment of history from an Indigenous standpoint, defying dominant narratives and nurturing a profounder understanding of historical inequalities. The close relationship between poetry and postcolonial theory offers a rich field of investigation. Long Soldier’s moral and artistic usage of language calls for discussions about form, style, and the inferences of storytelling. Finally, I have to add that this study functions as a resource for students, educators, and intellectuals keen on postcolonial studies, Indigenous literature, and contemporary poetry. It inspires interdisciplinary dialogue and endorses critical thinking about identity.

Literature Review

On the Theory

Can the Subaltern Speak? is a very important essay by Indian intellectual Gayatri Chakravorty Spivak, published in 1988. In this significant work, Spivak has discussed the ways in which marginalized groups, predominantly women in postcolonial settings, are often quietened in discourses subjugated by colonial and male-controlled power structures. The word “subaltern” denotes the people who are communally, politically, and geographically outside of the hegemonic power structures (pp. 271–274).

Spivak maintains that the subaltern cannot truly “speak” in a way that is heard and understood in the contexts recognized by those in control. She condemns Western scholars and feminists who assert to represent the voices of the subaltern without distinguishing their own positionality and the boundaries of their interpretations. She similarly inspects the implications of representation and the challenges of enunciating the experiences and requirements of the subaltern (pp. 282–289).

In her investigation, she refers to some significant questions about agency, identity, and the morals of speaking for “Others”. The essay is a critical contribution to postcolonial studies, feminist theory, and cultural criticism, and it continues to incite negotiations about voice, representation, and power relations in modern discourse (pp. 304–313).

Postcolonialism and the Deconstructive Scenario: Representing Gayatri Spivak (1999) discusses the close relationship between postcolonial theory and deconstruction, chiefly in relation to the studies of Gayatri Chakravorty Spivak. The article has examined how Spivak’s viewpoints about representation are associated with the challenges experienced by subaltern groups in expressing their own experiences and identities. It also investigates how deconstructive attitudes can disclose the intricacies and contradictions intrinsic to demonstrating relegated voices (pp. 475–478).

The article then denounces the way in which Western academic agendas often appropriate and misapprehend the voices of the Global South, reflecting Spivak’s worries about the restrictions of speaking for the subaltern. Best (1999) as the writer has inspected how deconstruction, as established by Jacques Derrida, can be used in postcolonial texts and contexts. This includes studying how deconstructive methods can discover fundamental power relations and conventions in colonial and postcolonial narratives (pp. 479–484).

Then, Best discusses Spivak’s studies in both the postcolonial domain and feminist theory, underscoring her critical perceptions and the influence of her work on contemporary arguments regarding identity, power, and representation. He also probes the ethical inferences of representation, bearing in mind how researchers and activists can deal with the complications of speaking for or about relegated groups without preserving colonial or masculine undercurrents (pp. 487–494).

Othering and its Effects – Exploring the Concept (2011) as another article refers to the notion of “Othering”, which is a highly pivotal word employed in different fields, such as postcolonial studies, sociology, and cultural studies. This research starts by explaining “Othering” as a procedure through which people or groups are demoted and referred to as different from a prevailing group. This procedure often contains forming a binary division between “us” (the in-group) and “them” (the out-group), resulting in the dehumanization or objectification of the “other” (pp. 27–31).

The article then delves into the historical origins of “Othering”, tracing its establishment through colonialism, imperialism, and globalization. It also discusses how colonial authorities constructed identities for colonized people that highlighted their differences and subordination, thus justifying dominance and manipulation. The impacts of “Othering” on both the demoted and overriding groups are the other significant points here. The article has examined how “Othering” determines individual and cooperative identities, bringing about subjugation for those who are “Othered” and strengthening biases and stereotypes for those who belong to the governing group (pp. 32–40).

Thomas-Olalde and Velho, as the authors, have scrutinized contemporary instances of “Othering” in different settings, such as race, ethnicity, religion, gender, and sexuality. They discuss how “Othering” is palpable in societal, political, and financial scopes like immigration discussions, racial discrimination, and the representation of relegated groups in media. A detailed investigation of language and discourse in the procedure of “Othering” is another focus of this paper by analyzing how language is used to make and underpin differences and how narratives and representations in literature, media, and politics lead to the preservation of “Othering” (pp. 42–50).

A Literary Representation of the Subaltern: A Woman’s Text from the Third World I (2006a) concentrates on the representation of subaltern females in literature from the Global South, mainly inspecting how their experiences, voices, and identities are expressed in literary texts. Spivak started by describing the term “subaltern”, which denotes those groups that are socially, politically, and geographically marginalized. In this context, the emphasis is on women from the Global South who encounter manifold layers of domination because of such features as gender, class, race, and colonial history (pp. 241–248).

She also examines the literary agendas and genres used to embody subaltern women by probing how these texts defy dominant narratives and offer substitute viewpoints that emphasize the intricacies of their lives. She scrutinizes particular literary texts by women authors from the Global South, discussing how these texts depict the brawls, agency, and resilience of subaltern women. The investigation embraces a thorough reading of characters, themes, and narrative methods that illuminate the real experiences of these women (pp. 249–259).

An important focus of the article is on the challenges of representation. It addresses the question of whether subaltern women can truly “speak” for themselves in literary texts, mirroring Gayatri Spivak’s renowned question, *Can the subaltern*

speak? Spivak similarly discusses the notion of intersectionality, inspecting how different systems of identity (such as race, class, and gender) interconnect to form the experiences of subaltern women. This analysis highlights the multiplicity of experiences within the classification of “subaltern” and critiques any overgeneralized representations (pp. 261–268).

On the Poet

The Kinetic Poetics of Sherwin Bitsui, Natalie Diaz, Allison Adelle Hedge Coke, and Layli Long Soldier (2021) analyzes the poetic works and styles of these four contemporary Indigenous poets, concentrating on how their poetry exemplifies movement, rhythm, and the vibrant interaction of language and culture. Papa (2021), as the writer has begun by introducing Sherwin Bitsui, Natalie Diaz, Allison Adelle Hedge Coke, and Layli Long Soldier, presenting context about their experiences, cultural legacy and literary contributions. Each poet has a discrete voice and style, often drawing from their Indigenous identities and experiences (pp. 4–5).

The phrase “kinetic poetics” is defined as a perception that accentuates movement, rhythm, and the sensory experience of poetry. The article explores how these poets employ language in order to generate a sense of motion, whether through the physicality of their imagery, the musicality of their verse, or the expressive tone of their themes. The article then inspects how these poets depict the themes of place, land, and landscape in their work. For Indigenous authors, the connection to land is often essential to identity, and the article analyzes how each poet expresses this association through kinetic language and imagery (pp. 21–25).

The poets are mostly discussed in the framework of Indigenous oral traditions and cultural memory. The article thus delves into how their works replicate or reinterpret oral storytelling practices, highlighting the significance of memory, history, and ancestral knowledge in their poetry. Likewise, Papa analyzes how these poets deal with the language as a tool to articulate their identities and experiences, including negotiations of code-switching, the practice of Indigenous languages, and the retrieval of language as a system of resistance against colonial plots (pp. 30–32).

Never Allowed for Property: Harriet Jacobs and Layli Long Soldier before the Law (2022) is another article that inspects the intersections of race, gender, and legal status in the works of Harriet Jacobs and Layli Long Soldier, two important figures in American literature who discuss subjects of oppression, identity, and resistance within their individual historical settings. This article offers background on Harriet Jacobs, an African-American woman who fled slavery and wrote *Incidents in the Life of a Slave Girl*, and Layli Long Soldier, a contemporary Native American poet recognized for her work studying Indigenous identity and the influence of colonialism. The article tries to explore how both writers cope with the legal systems that have historically demoted their communities (pp. 331–335). Manshel it is stated (2022, p. 331):

Jacobs and Long Soldier both locate an alternative to the law in the radical divinity of maternal care. Through Jacobs’s and Long Soldier’s discussions of holy maternal care, we can recognize the interrelation of Black and Indigenous freedom struggles in a way that’s not solely defined by shared subjugation.

The phrase “Never Allowed for Property” proposes a concentration on the ways in which both Jacobs and Long Soldier challenge the legal outlines that negate agency, autonomy, and ownership to sidelined people. The article also studies how their works echo the historical and constant brawls against legal and systemic domination. Next, the way in which both authors discuss the intersections of race and gender in their writings is studied. Jacobs’s narrative depicts the sexual manipulation of enslaved women and their combat for self-possession, whereas Long Soldier’s poetry probes the difficulties of Indigenous identity and the influence of colonial laws on Native females (pp. 337–345).

Manshel analyzes the ways in which Jacobs and Long Soldier declare their voices and identities in the face of domineering legal structures. He emphasizes the subjects of resistance, resilience, and the repossession of agency through their literary works. The consideration of cultural memory and the impacts of historical trauma is an important theme. The article has also well studied how both authors demonstrate their respective histories, Jacobs with the heritage of slavery and Long Soldier with the impression of colonialism, underlining the ways in which these histories form their narratives and identities (pp. 346–355).

The present article is different in that it sheds light on Layli Long Soldier’s renowned poem “38”. By employing Gayatri Chakravorty Spivak’s notion of “Othering” as a methodological tool to investigate Soldier’s poetry, analyzing how identity is created and represented via poetic manifestation. Spivak, a substantial postcolonial theorist, expresses how dominant narratives often create downgraded identities as “Others” and deprive them of agency and voice. By performing a detailed analysis of the poem, this study inspects how Long Soldier uses language, imagery, and structure in order to confront the procedures of “Othering” that have marginalized Indigenous voices within dominant narratives.

Materials and Methods

Gayatri Chakravorty Spivak (born in 1942), an influential postcolonial thinker and researcher, is chiefly famous for her critical discussions of such issues as representation, power, and identity in the framework of colonial and postcolonial discourse. One of her important studies in the realm of feminist and postcolonial theory is her notion of “Othering”, which denotes the procedure through which dominant cultures describe and create downgraded groups as the “Other”.

This procedure not only underlines the intrinsic power relations in cultural representation but also discloses the intricacies of identity development in a world characterized by colonial histories and unending discriminations. Spivak (1988) utters, “The question of the subaltern is a question of representation” (p. 274). This quote underscores the importance of representation in the framework surrounding downgraded identities. Spivak contends that the way the subaltern is represented by dominant narratives often disseminates their relegation and underlines the present power structures.

“Othering” is a discursive practice that includes the formation of a binary opposition between the self (the dominant or normative group) and the “Other” (the

downgraded or subdued group). This procedure often involves stereotyping, dehumanization, and estrangement, while the “Other” is depicted as basically different, lesser, or intimidating. Such representations are meant to strengthen the identity of the self by creating a sense of dominance and cultural supremacy.

Spivak’s theory is intensely entrenched in the historical heritages of colonialism, where colonizers created colonized people as bizarre, embryonic, and isolated. This not only justified colonial command but also removed the difficulties and multiplicities of Indigenous cultures. By referring to the colonized as the “Other”, colonial authorities were able to proclaim their own identities as cultured and enlightened, thus legitimizing their abusive behaviors.

An important feature of Spivak’s analysis is her assertion regarding the significance of agency and voice for the subaltern as those groups that have been generally relegated and hushed. In her influential essay *Can the Subaltern Speak?* (1988, pp. 271–313), Spivak claims that the voices of the subaltern are often co-opted or distorted by those in control. The challenge, then, is not only to listen to these voices but to form spaces where the subaltern can express their own identities and experiences without being strained through the lens of dominant narratives.

Likewise, as stated by Spivak (1988), “To refuse to speak for the ‘Other’ is to refuse the Other’s voice” (p. 201). In this citation, Spivak underlines the moral duty of researchers and advocates to avoid speaking for relegated groups. Instead, she supports creating spaces where these groups can express their own experiences and identities. In a nutshell, whereas Spivak’s theory emphasizes the oppressive mechanisms of “Othering”, it also opens up paths for resistance and recovery. By defying the narratives enforced by dominant cultures, disregarded voices can affirm their identities and histories.

Another significant point is epistemic violence. Spivak argues that Western intellectual discourse “Others” the colonized subject by denying them the ability to represent themselves. This is what she calls epistemic violence, where knowledge is produced through the lens of the colonizer, erasing the voices and experiences of the colonized. In other words, at the core of epistemic violence lies the indication that the colonizer’s viewpoint becomes the main agenda through which knowledge is created and dispersed. This outline often depicts colonized subjects as inert, primitive, or in need of saving, effectually othering them. By putting themselves as the conveyors of knowledge, Western scholars not only pervert the realities of colonized people but also remove their intervention and the intricacy of their cultures, histories, and identities.

Also, Spivak highlights that women from colonized and marginalized backgrounds experience a double form of otherness as both women and subaltern subjects. This makes their voices even more imperceptible within male-controlled and colonial systems. In fact, women, regardless of their cultural or national upbringings, often go through systemic discrimination entrenched in male-controlled structures. In many societies, customary gender roles determine women’s access to education, financial occasions, and political contribution. This gendered repression is worsened in colonized societies, where colonial rule often underpins

and sometimes exaggerates the present masculine norms. Women are recurrently downgraded to the domestic domain, their roles limited to caregiving and domestic errands, consequently restraining their discernibility and agency in public life.

Results and Discussion

“Othering” in Literature: Definition and Explanation

“Othering” is a notion that has its origins in postcolonial theory, chiefly associated with the works of such researchers as Edward Said and Gayatri Chakravorty Spivak. It denotes the procedure through which a dominant group describes and relegates a group observed as different, often bringing about the formation of an “Other”. This “Other” is marked by features that are perceived as lesser, mysterious, or intimidating in comparison with the standards of the dominant culture. The act of “Othering” can be demonstrated in different practices, including race, gender, class, sexuality, and nationality, and functions to strengthen the power relations between the dominant and subsidiary communities (Brons, 2015, pp. 71–72).

“Othering” is not only a replication of variances; it is also a cultural structure that includes narratives, symbols, and representations. Literature often plays a very important role in determining views of the “Other”. Through storytelling, writers can either strengthen stereotypes or undermine them, affecting how readers realize and relate to relegated groups. Likewise, “Othering” often depends on binary oppositions like us vs. them, civilized vs. primitive, normal vs. abnormal. These obstructions simplify multifaceted identities and experiences, framing the “Other” as a menace to societal unity or as an object of inquisitiveness. Literature recurrently uses these binaries in order to create characters and plot subtleties, which can either prolong or overthrow conventional narratives.

One of the most significant facets of “Othering” is the matter of voice. The dominant culture often speaks for the “Other”, depriving them of agency and the ability to recount their own stories. This quieting is an essential theme in Spivak’s work, mainly in her renowned essay *Can the Subaltern Speak?* Literature can either intensify this hushing or offer a platform for demoted voices, permitting them to retrieve their narratives and declare their identities. Moreover, “Othering” is convolutedly associated with identity development. The creation of the “Other” not only influences how the dominant group observes disregarded communities but also affects how those communities recognize themselves. Literature often examines the strain between self-identification and exterior views, unveiling the difficulties of identity in the face of “Othering” (Dervin, 2016, pp. 50–53).

Based on the psychoanalytical theories of Jacques Lacan, the concept “Othering” was re-coined by Gayatri Chakravorty Spivak in the framework of postcolonial theory, and since then it has been extensively used, especially within anthropology (Thomas-Olalde, Velho, 2011, p. 27).

In her article *The Rani of Sirmur* (1985), Gayatri C. Spivak renovates the dialectical procedure of “Othering” that establishes the colonizing subjects who dwell in the hegemonic place in addition to the colonized, demoted “Others”.

Similar to Edward Said, her investigation illustrates that the information and practices of British colonial rule in India created a relationship between the “natives” and colonial controllers, which formed the former as the “Others” and made them perform as specimens, while the latter engaged in a place of dominance. Spivak draws from diverse instances from official correspondence of the British colonial epoch, the times of the East Indian Company in the Indian Simla-Hills in the early 19th century (Thomas-Olalde, Velho, 2011, pp. 32–33). Brons (2015, p. 69) has noted:

Othering is the construction and identification of the self or in-group and the other or out-group in mutual, unequal opposition by attributing relative inferiority and/or radical alienness to the other/out-group. The notion of othering spread from feminist theory and post-colonial studies to other areas of the humanities and social sciences, but is originally rooted in Hegel’s dialectic of identification and distantiation in the encounter of the self with some other in his “Master – Slave dialectic”.

This quotation from Brons offers a deep understanding of the notion of “Othering”, highlighting its implication in the production of identity and the dynamics of power between groups. This excerpt suggests that “Othering” includes the “construction and identification of the self or in-group and the ‘Other’ or out-group”. This implies that groups often describe themselves concerning those they regard as different or outside their group. The “self” is characteristically the prevailing or normative group, whereas the “Other” is the relegated or secondary group.

The phrase “mutual, unequal opposition” emphasizes that while both groups are defined in relation to each other, the association is fundamentally imbalanced. The dominant group regards itself as greater while ascribing lowliness to the “Other”. Furthermore, “Othering” contains attributing undesirable traits to the out-group, which can manifest as alleged subordination. This acts to validate the relegation or domination of the «Other» by concerning them as different and mediocre, therefore legitimizing unequal treatment. Thomas-Olalde and Velho (2011, p. 27) have also added that:

Othering has been established as a key concept of postcolonial theory, and as such, it has also found entry into critical analyses of racism. In this context, Othering is defined as a process in which, through discursive practices, different subjects are formed, hegemonic subjects – that is, subjects in powerful social positions as well as those subjugated to these powerful conditions. To arrive at such an analytic description, however, some measure of abstraction is required, because Othering denotes simultaneously both the features of discourse structures and processes and the formation of subjectivity engendered by such discourse. Our contribution focuses on ways in which these two moments constitute each other.

The researchers both declare that “Othering” is a significant concept in postcolonial theory, and this shows its significance in comprehending the subtleties of power, identity, and representation in contexts formed by colonial histories and unending discriminations. By concerning “Othering” as essential to postcolonial discourse, they emphasize its importance in examining the associations between colonizers and the colonized, along with the larger inferences for identity construction in a globalized world.

The quote also means that “Othering” has been assimilated into critical examinations of racism. This specifies that the procedure of “Othering” is not restricted to postcolonial circumstances but is also related to discussions about race and racialization. The writers suggest that understanding how certain groups are fabricated as “Others” can show the mechanisms of racism and the ways in which social hierarchies are preserved. “Othering” is explained here as a process facilitated by “discursive practices”, which alludes to the ways language, narratives, and cultural representations form our realization of different subjects. Discourses are not unbiased; they transport authority and impact how individuals and groups are observed and behave. The writers both emphasize that “Othering” includes the formation of subjectivity, denoting that individuals come to recognize themselves and their identities in relation to the discourses that surround them. This twofold procedure, how discourse forms identities and how those identities can, in turn, affect discourse, is decisive for understanding the convolutions of societal associations.

Crisis of Feeling “Othering” in Soldier’s Poem “38”

The poem “38” acts as a touching illustration of the historical and current effects of colonialism on Native American identity, predominantly in relation to the US government’s treatment of Indigenous peoples. The poem alludes to the execution of 38 Dakota men in 1862, a substantial and painful happening in Native American history. This historical background paves the way for recognizing the ingrained feelings of “Othering” that infuse the poem. The massacre is not merely a past occasion but an enduring trauma that continues to affect the identities of Native peoples today. Long Soldier’s interest in this history emphasizes how the past is inseparably related to the present, forming a crisis of identity for Indigenous individuals who deal with the burden of their ancestors’ grief.

Spivak’s concept of “Othering” includes scrutinizing how relegated groups are often described in opposition to dominant cultures. In “38”, Long Soldier exemplifies how Indigenous identities have been created through the lens of colonial narratives that degrade and remove their histories. The poem’s consideration of the Dakota men’s execution functions as a token of how Indigenous people have been reduced to the “Other” by a society that attempts to hush their voices and experiences. Long Soldier’s practice of language suggests a thoughtful expressive reaction, seizing the sense of loss, sorrow, and irritation that goes with the experience of “Othering”. The poem’s structure, with its disjointed lines and fluctuating rhythms, echoes the interruption and disintegration of identity that happens due to being relegated. The crisis of feeling othered is tangible as the speaker grapples with the bulk of historical trauma while trying to proclaim their own identity in a world that often tries to obliterate it.

In “38”, Long Soldier entwines individual and shared narratives, underscoring that the experience of “Othering” is not just an intangible idea but a real reality. The speaker’s consideration of their identity is intensely entrenched in the communal history of their people. This amalgamation of individual and communal experiences

emphasizes the crisis of identity that rises from being othered, as people deal with their position in a society that often deprives them of agency. The poem also refers to the power of language in determining identity. Long Soldier's selection of words and imagery means to retrieve the narrative surrounding Indigenous identity, defying the dominant discourse that has historically relegated Native voices. By declaring their own language and style, Long Soldier fights the "Othering" that has been enforced upon her community, producing a space for Indigenous representation that is both dependable and authoritative. At the beginning of the poem, it is written:

Here, the sentence will be respected.
I will compose each sentence with care, by minding what the rules of writing dictate.
For example, all sentences will begin with capital letters.
Likewise, the history of the sentence will be honored by ending each one with appropriate punctuation such as a period or question mark, thus bringing the idea to (momentary) completion.
You may like to know, I do not consider this a "creative piece".
I do not regard this as a poem of great imagination or a work of fiction.
Also, historical events will not be dramatized for an "interesting" read.
Therefore, I feel most responsible to the orderly sentence; conveyor of thought.
That said, I will begin.

In this selection from the poem, the speaker creates a discrete context for how they will do the act of writing. This context is intensely linked to the notion of "Othering" as expressed by Gayatri Chakravorty Spivak, which includes the relegation of specific groups or standpoints in dominant narratives. The introductory lines accentuate a commitment to structure and order in writing: "Here, the sentence will be respected". This declaration can be inferred as an assertion of the significance of language and its instructions, which historically have been employed in order to proclaim power and control over narratives, chiefly those of Indigenous people. By deciding to admire the rules of writing, the speaker recognizes the burden of language as an instrument that can either authorize or dominate.

The persistence in starting each sentence with a capital letter and ending with suitable punctuation shows an aspiration for lucidity and decency in communication. This scrupulous emphasis on the mechanics of writing acts as a counterpoint to the muddled and often fierce history of colonization, where Indigenous voices have been systematically quietened or distorted. The speaker's systematic attitude can be perceived as a repossession of narrative control, proclaiming that their voice is worthy of being heard in a way that sticks to recognized settlements, even while distinguishing the restrictions of those settlements.

Additionally, the speaker's statement, "I do not consider this a 'creative piece'", depicts a strain between the outlooks of literary manifestation and the speaker's intention to transport historical veracities without exaggeration. This denial to exaggerate historical occasions represents a profounder dedication to genuineness and a craving to honor the real experiences of those who have been "Othered". By separating the work from the idea of creativity, the speaker wants the reader to challenge the reality of Indigenous histories without the covering of romanticism or artistic authorization.

The phrase “conveyor of thought” also accentuates the implication of the sentence as a tool for carrying meaning, yet it also points at the larger inferences of language in determining identity and experience. In the framework of Spivak’s theory, this focus on the sentence can be realized as an act of confrontation against the expurgation of Indigenous identities and stories. The speaker’s careful formation of sentences becomes a form of declaration, a way to assert space within a literary tradition that has often relegated or unnoticed Indigenous voices. In another part it is written:

You may or may not have heard about the Dakota 38.

If this is the first time you’ve heard of it, you might wonder, “What is the Dakota 38?”

The Dakota 38 refers to thirty-eight Dakota men who were executed by hanging, under orders from President Abraham Lincoln.

To date, this is the largest “legal” mass execution in US history.

The hanging took place on December 26, 1862 – the day after Christmas.

In this section of Layli Long Soldier’s poem, the speaker talks about the historical incident of the Dakota 38, placing it in the larger framework of Indigenous experiences and the heritage of colonization. The way the information is delivered represents a cognizant attempt to address the readers openly, asking them to take part in a conversation about an agonizing and often disregarded stage in American history. This methodology is in accordance with Spivak’s notion of “Othering”, which inspects how demoted communities are signified and often hushed in dominant chronicles.

The lines, “You may or may not have heard about the Dakota 38”, directly create a feeling of inclusivity, yet they also emphasize a serious gap in knowledge concerning Indigenous histories. By recognizing the likelihood that the reader does not know about the Dakota 38, the speaker accentuates the bigger social negligence of Indigenous narratives. This issue acts to defy the reader’s expectations and demands that they focus on the material, efficiently putting the speaker as both an educator and an observer of history.

The rhetorical question, “What is the Dakota 38?” similarly underlines the poem’s educational goal. It inspires inquisitiveness and thinking, provoking the readers to challenge their own unfamiliarity or prejudices about Indigenous histories. By doing so, the speaker vigorously fights back against the expurgation of Indigenous identities and experiences, proclaiming the significance of recalling and recognizing such happenings. This agrees with Spivak’s assertion that those who are “Othered” must have their voices regained and augmented so as to defy dominant historical descriptions.

The following lines offer a concise historical explanation of the Dakota 38, remarking that they were killed under the instructions of President Abraham Lincoln. This particular acknowledgement of responsibility is essential since it disturbs the often disinfected narratives about American history that mean to ignore the involvement of important figures in acts of vehemence against Indigenous people. Also, the mention of the execution date, “December 26, 1862 – the day after Christmas”, adds a moving layer to the narrative. This collocation of a holiday

linked with amity and benevolence against the conditions of a terrible occasion means to emphasize the illogicalities intrinsic in American historical narratives. It encourages the reader to focus on the inferences of honoring national holidays while disregarding the historical disturbances that continue to disturb Indigenous populations. Long Soldier has similarly noted:

So it's possible that you're asking, "Why were thirty-eight Dakota men hanged?"

They were hanged for the Sioux Uprising.

I want to tell you about the Sioux Uprising, but I don't know where to begin.

I may jump around and details will not unfold in chronological order.

Keep in mind, I am not a historian.

So I will recount facts as best as I can, given limited resources and understanding.

Before Minnesota was a state, the Minnesota region, generally speaking, was the traditional homeland for Dakota, Anishinaabeg, and Ho-Chunk people.

During the 1800s, when the US expanded territory, they "purchased" land from the Dakota people as well as the other tribes.

But another way to understand that sort of "purchase" is:

Dakota leaders ceded land to the US government in exchange for money or goods, but most importantly, the safety of their people.

In this segment of Layli Long Soldier's poem, the speaker refers to the historical setting surrounding the Dakota 38 and the Sioux Uprising, concurrently admitting the intricacies of unfolding such an important yet excruciating history. This attitude signifies the matters of "Othering" and identity as uttered by Spivak. The speaker's explicit allusion to the reader, "So it's possible that you're asking, 'Why were thirty-eight Dakota men hanged?'" establishes a close dialogue that asks the audience to explore history. This bombastic approach functions to disassemble the distance often created in historical narratives, where Indigenous experiences are rendered abstract or distant.

The admission, "I want to tell you about the Sioux Uprising, but I don't know where to begin", represents the challenges of expressing a history that is troubled by trauma and loss. This self-awareness emphasizes the restrictions of both individual understanding and historical narrative, mirroring Spivak's statement that those who are 'othered' often go through hindrances in enunciating their own stories in a dominant outline that aims to downgrade them. The speaker's acknowledgment of their non-expert position, "I am not a historian", additionally underscores the fight for power in describing indigenous histories, which have often been surpassed or distorted by typical historical narratives.

The speaker's frankness about possibly "jumping around" and presenting details out of sequential order depicts the fragmented nature of memory and trauma. This non-linear narration echoes the real understandings of indigenous peoples, whose histories have been disjointed by colonization and systemic destruction. By referring to the narrative in this way, Long Soldier confronts typical anticipations of historical storytelling, signifying that the reality of indigenous experiences cannot be effortlessly summarized in linear timelines or customary historical outlines.

Moreover, the discussion of land “purchases” presents a serious inspection of the language employed to refer to the repressions of indigenous peoples. The speaker’s decision to frame the ceding of land as a transaction that included “money or goods” but also the “safety of their people” underlines the intimidating nature of these agreements. The usage of quotation marks around “purchased” indicates a criticism of the vocabulary that has often sanitized the ferocity intrinsic in colonization.

In addition, the themes of identity and othering in this poem echo Spivak’s notion of epistemic violence. The poem actually works as a moving criticism of the dominant narratives that have historically relegated native voices and experiences. The poem places the reader in the historical framework of the Dakota War and the succeeding execution. This historical framework is central for understanding how the colonizer’s narrative has historically portrayed indigenous people as the other. The dominant narrative often shows these people as violent, vicious, or primitive, consequently vindicating their relegation and the elimination of their histories and identities.

It must be also added that Long Soldier’s exercise of language in “38” is an influential instrument for fighting against the epistemic violence. By using a poetic form that interweaves individual reflection with historical narrative, she produces a space for native voices to be heard. This act of exemplification counters the dominant discourse that has historically quieted indigenous people.

Finally, the intersection of gender and colonialism is important in the chosen poem, predominantly in light of Spivak’s proclamation concerning the double marginalization undergone by women from colonized circumstances. Long Soldier’s work not only refers to the historical prejudices suffered by the Dakota people but also stresses the particular ways in which native women deal with the intricacies of identity, agency, and representation in both colonial and male-controlled structures.

The poem’s historical backdrop in fact functions as a cue of the systemic violence that native communities have undergone. Still, it also opens a dialogue about the influence of this violence on women, who often bear the burden of both colonial repression and gendered discernments. The historical narrative surrounding the Dakota War inclines to concentrate on male figures, obliterating the experiences and voices of women who were also intensely affected by these occasions.

Conclusion

In Layli Long Soldier’s famous poem “38”, the complex relationship between identity and “Othering” can be viewed and regarded as an influential comment on the historical and never-ending demotion of Indigenous people. By drawing from Gayatri Chakravorty Spivak’s notion of “Othering”, we can find out how Long Soldier expresses the intricacies of identity creation in a framework intensely affected by colonial plots and systemic marginalization. Through her touching language, vibrant imagery, and groundbreaking structure, Long Soldier not only

challenges the agonizing heritage of such happenings as the Wounded Knee Massacre but also retrieves agency over her own narrative and that of her community.

The poem can be assumed to be a vibrant and effective act of confrontation due to defying the prevailing discourses that have long tried to outline and restrain Indigenous identities. By focusing on historical memory and personal experience, Long Soldier demands her readers to be engaged with the multilayered realities of Native American life and reassess how identities are created and observed. Her work demonstrates the capacity of poetry to disrupt the cycles of “Othering” by presenting a space for healing, reflection, and recuperation.

In the end, it is concluded that “38” symbolizes a witness to the resilience of Indigenous voices in the face of expurgation and falsification. As we deal with the difficulties of identity in an increasingly interrelated world, Long Soldier’s examination of “Othering” acts as a decisive token of the significance of listening to and strengthening disregarded narratives. In doing so, we can nurture a deeper understanding of identity that celebrates the miscellaneous experiences of all human beings, chiefly those historically demoted to the margins. Via her art, Long Soldier not only improves the literary landscape but also brings about a more all-embracing dialogue about identity, belonging, and the persistent effect of colonial histories.

References

- Best, B. (1999). Postcolonialism and the deconstructive scenario: representing Gayatri Spivak. *Environment and Planning D: Society and Space*, 17(4), 475–494. <https://doi.org/10.1068/d170475>
- Brons, L.L. (2015). Othering, an analysis. *Transcience, a Journal of Global Studies*, 6(1), 69–90. <https://philarchive.org/rec/BROOAA-4>
- Dervin, F. (2016). Discourses of othering. In *Interculturality in Education: A Theoretical and Methodological Toolbox* (pp. 43–55). Palgrave Macmillan. <https://link.springer.com/book/10.1057/978-1-137-54544-2>
- Gallegos, R.H. (2023). *Trans-Indigenous Survivance in Contemporary Song and Poetry: Continuance and Actuality in the Works of John Trudell, Los Cogelones, Layli Long Soldier, and Alan Pelaez Lopez* [Unpublished Masters Thesis]. San Francisco State University. <https://doi.org/10.46569/20.500.12680/tq57nz519>
- Manshel, H. (2022). “Never Allowed for Property”: Harriet Jacobs and Layli Long Soldier before the law. *American Literature*, 94(2), 331–355. <https://doi.org/10.1215/00029831-9779064>
- Papa, S. (2021). *The Kinetic Poetics of Sherwin Bitsui, Natalie Diaz, Allison Adelle Hedge Coke, and Layli Long Soldier* [Unpublished doctoral dissertation]. Université Paris – Nord-Paris XIII. <https://theses.hal.science/tel-03495076>
- Spivak, G.C. (2006a). A literary representation of the subaltern: a woman’s text from the third world I. In G.C. Spivak (Ed.), *In Other Worlds* (pp. 241–268). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203441114>
- Spivak, G.C. (2006b). Subaltern studies: deconstructing historiography. In G.C. Spivak (Ed.), *In Other Worlds* (pp. 197–221). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203441114>
- Spivak, G.C. (1988). Can the subaltern Speak? In C. Nelson, & L. Grossberg (Eds.), *Marxism and the Interpretation of Culture* (pp. 271–313). Macmillan Education.

Spivak, G.C. (1985). The Rani of Sirmur: an essay in reading the archives. *History and Theory*, 24(3), 247–272. <https://doi.org/10.2307/2505169>

Thomas-Olalde, O., & Velho, A. (2011). Othering and its effects – Exploring the concept. In H. Niedrig, & C. Ydesen (Eds.), *Writing Postcolonial Histories of Intercultural Education (Interkulturelle Pädagogik und Postkoloniale Theorie)* (Vol. 2, pp. 27–51). Peter Lang GmbH.

Bio note:

Haider Jabr Mihsin, Assistant Professor of English, Department of English, College of Arts, University of AL-Qadisiyah, Al-Diwaniya Province, Iraq. ORCID: 0009-0009-4287-7015. E-mail: haiderj.mihsin@qu.edu.iq

Сведения об авторе:

Хайдер Джабр Михсин, доцент кафедры английского языка, факультет английского языка, Колледж искусств, Университет Аль-Кадисия, провинция Эд-Дивания, Ирак. ORCID: 0009-0009-4287-7015. E-mail: haiderj.mihsin@qu.edu.iq

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-1-123-133

EDN: SSFGOA

UDC 821.7

Research article / Научная статья

Silent Witnesses: Phytocritical Readings of Mangroves as Mnemonic Devices in Leila S. Chudori's *The Sea Speaks His Name*

Ruly Indra Darmawan¹, Kristiawan Indriyanto²,
Mohamad Ikhwan Rosyidi¹, Thohiriyah¹

¹Universitas Negeri Semarang, Semarang, Indonesia

²Universitas Prima Indonesia, Medan, Indonesia

rulyindra@mail.unnes.ac.id

Abstract. This study explores the role of mangroves as agents of memory in Leila S. Chudori's *The Sea Speaks His Name* (*Laut Bercerita*) through a phytocritical lens. It argues that Chudori frames coastal flora not as passive scenery but as witnesses to Indonesia's 1998 political violence. Drawing on theories of plant-thinking and ecological memory, the analysis reveals how mangroves function as a vegetal archive. Their tangled roots embody suppressed histories, their cyclical regeneration resists erasure, and their medicinal qualities echo cultural survival in the face of trauma. Through close reading and ethnobotanical contextualization, the study demonstrates how the novel embeds trauma in ecological forms, challenging anthropocentric narratives of history. The analysis also connects botanical imagery in the text with Indigenous epistemologies, where plants serve as custodians of ancestral memory. By tracing motifs such as roots, sap, and scars, the analysis identifies a multispecies structure of remembrance that operates alongside and beyond human testimony. This reading contributes to Southeast Asian ecocriticism by showing how literature transforms local ecologies into sites of postcolonial resistance and mnemonic resilience.

Keywords: phytocriticism, *The Sea Speaks His Name*, memory studies, Indonesian ecocriticism, plant agency, trauma literature

Authors' contribution. Development of the idea, research data collection & analysis – Ruly Indra Darmawan; manuscript writing & editing – Kristiawan Indriyanto, Mohamad Ikhwan Rosyidi, & Thohiriyah. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted September 30, 2025; revised November 15, 2025; accepted December 18, 2025.

© Darmawan R.I., Indriyanto K., Rosyidi M.I., Thohiriyah, 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation: Darmawan, R.I., Indriyanto, K., Rosyidi, M.I., & Thohiriyah. (2026). Silent Witnesses: Phytocritical Readings of Mangroves as Mnemonic Devices in Leila S. Chudori's *The Sea Speaks His Name*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(1), 123–133. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-123-133> EDN: SSFGOA

Безмолвные свидетели: роль мангровых лесов как носителей памяти в романе Лейлы С. Чудори «Море говорит его имя»

**Р.И. Дармаван¹✉, К. Индрийанто², М.И. Росийди¹,
Тохирия¹**

¹Государственный университет Семаранг, Семаранг, Индонезия

²Университет Прима Индонезия, Медан, Индонезия

✉rulyindra@mail.unnes.ac.id

Аннотация. Рассматривается символическая роль образа мангровых лесов как носителей памяти в романе Лейлы С. Чудори «Море говорит его имя» (*The Sea Speaks His Name*) с использованием фитокритического подхода. Основываясь на теории растительного мышления Майкла Мардера и экокритики памяти Астрид Бракке, исследование утверждает, что в романе мангровые деревья функционируют как мнемонические устройства: сохраняют коллективную травму, связанную с политическим насилием в Индонезии в 1998 г. В отличие от традиционного антропоцентричного нарратива памяти, Чудори изображает прибрежную флору как растительный архив памяти, действующий в качестве агента запоминания через три ключевых механизма: переплетенные корни деревьев материализуют подавленные истории; их циклическое возрождение противопоставлено стиранию, навязываемому государством; их лечебные свойства отражают стратегии культурного выживания. Анализируя фрагменты, в которых мангровые деревья «свидетельствуют» об исчезновении и разрушении побережья, исследование демонстрирует, как роман бросает вызов антропоцентрической историографии. Авторы приходят к выводу, что растения являются кодом памяти в литературе постдиктаторского периода. Исследование предлагает новую модель прочтения художественной прозы, показывающую, как литература преобразует локальные экосистемы в места постколониального сопротивления и мнемонической устойчивости.

Ключевые слова: фитокритика, «Море говорит его имя», исследование памяти, индонезийская экокритика, агентность растений, литература травмы

Вклад авторов. Разработка идеи, сбор и анализ исследовательских данных – Р.И. Дармаван; написание и редактирование рукописи – К. Индрийанто, М.И. Росийди и Тохирия. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 30 сентября 2025 г.; отрецензирована 15 ноября 2025 г.; принята к публикации 18 декабря 2025 г.

Для цитирования: *Darmawan R.I., Indriyanto K., Rosyidi M.I., Thohiriyah. Silent Witnesses: Phytocritical Readings of Mangroves as Mnemonic Devices in Leila S. Chudori's The Sea*

Speaks His Name // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 1. С. 123–133. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-123-133> EDN: SSFGOA

Introduction

The relationship between nature and human experience has long been a focus of literary studies. Recent scholarship increasingly examines how ecological elements function as active agents in narrative rather than as passive settings (Buell, 2005; Danielsson, Brandt, 2018).

This perspective is critical in postcolonial literature, as landscapes often preserve cultural memory and resist historical erasure (Nixon, 2011). In Indonesia, mangrove forests have become meaningful symbols, representing environmental survival and shared trauma (Darmawan et al., 2023). Their complex root systems and ability to adapt to changing tides reflect the ongoing processes of remembering and forgetting in communities affected by political violence. Because mangroves thrive in unstable environments, they reflect the fragile nature of memory itself. This makes them a productive subject for examining how nonhuman life forms participate in preserving historical and cultural narratives.

Phytocriticism, an emerging branch of ecocriticism, offers a method for analyzing how plants function as active agents in literature. This approach builds on Marder's (2013) concept of "plant-thinking", which challenges human-centered perspectives by attributing agency and meaning-making capacities to flora. Phytocriticism shows how plants shape cultural narratives rather than serve as a passive background. It also aligns with studies of ethnobotanical symbolism, such as the use of Balinese medicinal plants to represent indigenous knowledge systems (Darmawan et al., 2023). Bracke's (2018) work on memory and landscape complements this perspective by showing how natural environments preserve histories often excluded from official accounts.

Leila S. Chudori's *The Sea Speaks His Name* (2017) applies phytocritical principles by portraying Javanese mangroves as living witnesses to Indonesia's 1998 political violence. The mangroves function as a vegetal archive that records collective trauma through their roots, regrowth, and continued presence. This aligns with Marder's concept of plant agency and Bracke's ecocriticism of memory, both of which emphasize the narrative potential of ecological forms – the novel challenges anthropocentric historiography by positioning plants as primary agents of remembrance. In a broader Southeast Asian context, mangroves often occupy liminal zones between land and sea, symbolizing cultural hybridity and ecological resilience (Friess et al., 2019). DeLoughrey (2019) similarly notes that coastal ecosystems in regional literature frequently represent resistance to environmental and historical erasure. Chudori's depiction draws on this tradition, framing mangrove deforestation not just as ecological destruction but as a metaphor for silencing political memory.

The novel's phytocritical strength lies in portraying mangroves as nonhuman witnesses to political violence. Unlike human testimony, which can be silenced or

distorted, these trees record memory through their biology. Their pneumatophores (roots that surface from tidal mud) symbolize submerged histories that persist despite attempts at erasure. This reflects Marder's (2013) idea of a "silent ontology", in which plant life disrupts human-centered timelines and expresses memory through cyclical, non-linear growth.

This study analyzes how mangroves in *The Sea Speaks His Name* function as mnemonic agents by combining close reading with ethnobotanical contextualization. It examines how literary depictions of mangroves reflect real-world practices, such as the medicinal use of *Acanthus ilicifolius* in Javanese culture, linking narrative symbolism with indigenous plant knowledge. Grounded in Marder's theory of plant-thinking and Tsing's (2015) concept of multispecies storytelling, the analysis shows how human and nonhuman histories intertwine in the novel. This approach highlights mangroves' ecological, cultural, and memorial roles within both text and context. This reading contributes to Southeast Asian ecocriticism by showing how the novel critiques environmental harm as a form of "slow violence" (Nixon, 2011) and calls for greater recognition of nonhuman memory (Yusoff, Gabrys, 2011).

This study demonstrates how ecological spaces, specifically mangroves, can function as co-authors of historical memory in postcolonial literature. While previous research has treated plants mainly as symbols (Aveling, 2014) and focused trauma studies on human testimony (McGregor et al., 2018), this analysis shows how flora in *The Sea Speaks His Name* archives collective trauma through their material and cultural presence. This approach offers a new way to read environmental narratives in Southeast Asia, where ecological degradation and historical erasure often intersect. By placing plants at the center of memory-making, the study highlights the urgent need to recognize nonhuman actors in both environmental and literary discourse.

Materials and Methods

This study uses a phytocritical approach to examine how *The Sea Speaks His Name* represents mangroves as agents of memory. It applies close textual analysis to key scenes where plant imagery, especially roots, sap, pneumatophores, and regrowth, encodes historical trauma and resistance. These metaphors are read in relation to Indonesia's 1998 political violence, particularly the disappearances linked to the New Order regime. These literary readings are supported by ethnobotanical research, including the cultural use of mangrove species in Javanese medicine. The analysis also draws on Tsing's (2015) concept of "multispecies storytelling" to explore how the novel weaves human and nonhuman perspectives to shape historical memory.

This study combines phytocriticism with ecocritical trauma theory (Bracke, 2018) and Southeast Asian literary historiography to examine how ecological imagery encodes collective trauma. It focuses on recurring vegetal motifs in *The Sea Speaks His Name*, such as driftwood as fragmented memory and pneumatophores as submerged truths. These images are read concerning Nixon's (2011) concept of

“slow violence”, where environmental destruction mirrors the suppression of political memory. Scenes of mangrove deforestation, such as “bulldozers roared at dawn,” illustrate how state violence is inscribed into the landscape. These interpretations are situated within post-Reformasi Indonesian literature’s broader concern with silenced histories, drawing comparative insight from Aveling’s (2014) analysis of regional poetry. Through close reading, ethnobotanical reference, and trauma theory, the methodology shows how Chudori’s novel challenges human-centered accounts of history.

Results and Discussion

This analysis argues that Chudori portrays mangroves not as passive scenery but as active agents of memory and resistance in *The Sea Speaks His Name*. Drawing on Marder’s (2013) theory of plant-thinking and Bracke’s (2018) ecocriticism of memory, the novel presents mangroves as vegetal witnesses whose roots, bark, and growth patterns archive the trauma of Indonesia’s 1998 political violence. These representations challenge anthropocentric narratives by embedding historical memory in ecological forms. The analysis also draws on Nixon’s (2011) concept of “slow violence” to examine how mangrove destruction in the novel reflects state efforts to suppress dissent. By highlighting recurring plant imagery, such as roots, sap, and deforestation, this section shows how Chudori redefines remembrance through a multispecies perspective, positioning flora as co-authors of postcolonial history.

One of the most evocative scenes in *The Sea Speaks His Name* demonstrates how Chudori uses mangroves to represent ecological forms of memory. Here, mangroves function not merely as symbols but as archivists or nonhuman witnesses that store histories silenced by state violence. This dynamic is captured in the following passage:

The mangroves stood sentinel at the water’s edge, their roots clawing the mud like skeletal hands, gripping secrets the tide could not wash away. At night, their branches creaked like old floorboards in abandoned houses as if whispering to the ghosts of the drowned. Biru often wondered if the trees remembered the names of those swallowed by the sea – the ones whose bodies never surfaced, whose stories dissolved into salt and silt. ‘They are still here,’ her grandmother once said, pressing a gnarled root into her palm. ‘In the bark, in the sap. Even when they burn the forests, the roots stay buried. Memory grows sideways here, child, not up¹.

This passage demonstrates how Chudori assigns testimonial agency to mangroves, framing them as *nonhuman witnesses* to state violence. The roots that “claw the mud like skeletal hands” symbolize unresolved trauma, linking natural imagery to the fate of the disappeared or those whose stories remain submerged in political silence. The grandmother’s claim that “memory grows sideways” challenges linear, state-sanctioned historiography and aligns with Tsing’s (2015)

¹ Chudori, L.S. (2017). *The Sea Speaks His Name* (pp. 72–73). Kepustakaan Populer Gramedia.

notion of rhizomatic memory, where knowledge spreads through horizontal, entangled networks. Through such imagery, Chudori reflects what Marder (2013) calls a “silent ontology,” positioning plants as memory-keepers beyond language. The invocation of “bark” and “sap” as carriers of memory literalize Nixon’s (2011) idea of “slow violence,” showing how environmental degradation and historical erasure are intertwined. These elements illustrate how the novel reimagines ecological forms as sites of postcolonial resistance.

The grandmother’s placing a mangrove root in Biru’s palm reflects Indigenous ethnobotanical practices, where plants are used for healing and to transmit memory and cultural knowledge across generations. In this moment, the mangrove root becomes a medium of historical inheritance, connecting Biru to the silenced past. Yet rather than offering comfort or closure, the root embodies unresolved trauma because its gnarled form mirrors the fragmented and obscured narratives surrounding the violence of the New Order regime. The line “Even when they burn the forests, the roots stay buried” critiques state-led ecological destruction as a failed attempt to erase collective memory. In the context of the 1998 Reformasi, when decades of authoritarian suppression began to unravel, the buried roots symbolize histories that persist beneath official discourse. This aligns with Glissant’s (1997) *poetics of relation*, where Caribbean mangroves model anticolonial historiography. Through this ethnobotanical logic, Chudori shows how mangroves serve ecological and mnemonic roles by preserving Indigenous modes of remembrance that resist state erasure:

The elders gathered at dusk, their faces lit by the flicker of kerosene lamps. ‘Cut a mangrove’, Pak Harjo warned, his voice graveled with age, ‘and you sever the past. Its roots hold the names we no longer speak – the ones the sea took, and the earth refuses to claim’. He knelt, pressing his palm to the mud where a young mangrove’s roots trembled in the tide. ‘These trees are our ancestors’ scribes. They write in rings we cannot read, in sap that bleeds when the chainsaws come’. A silence fell, broken only by the hiss of the lantern. ‘They will call this progress’, he spat, ‘but when the roots rot, the shore forgets. And when the shore forgets, we drown’².

This passage presents mangrove deforestation as an environmental loss and an act of genealogical violence. The warning “Cut a mangrove, and you sever the past” asserts that mangroves store cultural memory in their roots, positioning them as vegetal archivists of ancestral knowledge. This challenges the modern, extractive view of nature as a resource, reaffirming Indigenous cosmologies that see flora as kin and memory-bearers. Pak Harjo’s claim that mangroves “write in rings we cannot read” draws on Marder’s (2013) theory of plant temporality which states that plants record time and trauma in forms that resist human interpretation.

This passage advances the novel’s critique of state-led forgetting by framing mangrove deforestation as a direct assault on ancestral memory. Pak Harjo’s warning, (cut a mangrove, and you sever the past) signals that these trees store

² Chudori, L.S. (2017). *The Sea Speaks His Name* (pp. 148–149). Kepustakaan Populer Gramedia.

histories not in archives but in their roots, bark, and sap. The bleeding sap, invoked at the moment of cutting, visualizes what Nixon (2011) calls “slow violence”, a theory that states that a form of harm that is incremental, invisible, and disproportionately affects marginalized communities. By linking ecological loss to cultural amnesia, the novel challenges the New Order regime’s efforts to erase local memory under the guise of national development (McGregor, 2018). The tactile gesture of pressing a hand into the mud echoes Indigenous practices that treat land as kin, not resource (Tsing, 2005). Thus, Chudori reclaims mangroves as living record-keeper or nonhuman bodies that witness what official narratives refuse to remember.

When Biru traces the growth rings of a severed mangrove stump, the tree becomes a site where personal grief and political trauma converge. The distorted rings mark drought, military raids, and her father’s disappearance, suggesting that the tree has recorded what official histories omit. Its wounded surface turns botanical life into an alternative archive, where memory is held not in language but in living matter. The oozing sap likened to blood and the ants’ slow procession toward it evokes ritual and mourning, grounding trauma in ecological detail:

Biru traced the stump’s rings, her fingers pausing at a warped knot. ‘Here – this is when they took Father’, she whispered. The tree had recorded each trauma: narrow rings for drought years, dark streaks for soldiers’ visits, swollen bands where it drank fishermen’s tears. Fresh sap oozed like blood where chainsaws had cut the last living witness³.

The mangrove stump’s growth rings are a living archive of silenced histories. As Biru traces the warped knot and links it to her father’s disappearance, the tree is revealed as a botanical witness by the description of its narrow rings, dark streaks, and swollen bands that record droughts, military raids, and communal grief. This tactile reading echoes Indigenous epistemologies that treat plants as storied beings, as Robin Wall Kimmerer (2013) described, where trees encode memory through form. Chudori uses this vegetal language to confront what Trouillot (1995) calls “silences in the archive”, the selective remembering enforced by state power. The stump’s markings resist the New Order regime’s erasure of dissent, offering what McGregor (2018) identifies as a challenge to biopolitical control. At this moment, ecological life becomes a site of historical testimony, preserving what official records have excluded.

The image of sap “bleeding like blood” extends the critique of state violence into the biological realm. Drawing on Neimanis’s (2017) hydrofeminist framework, the sap’s flow evokes a shared vulnerability between human and nonhuman bodies, resisting the state’s efforts to sanitize grief and history. The ants’ ritualistic procession toward the sap reinforces this reading, transforming the scene into a multispecies act of mourning. This aligns with Haraway’s (2016) concept of symbiosis, or collective survival across species, where trauma reverberates through ecosystems. The severed stump, described as “the last living witness,” also embodies what

³ Chudori, L.S. (2017). *The Sea Speaks His Name* (p. 195). Kepustakaan Populer Gramedia.

Yusoff (2018) terms “geologic violence,” linking environmental destruction to the erasure of historical memory. Through these interconnected images, Chudori expands the function of the mangrove from silent witness to active participant in a broader, more-than-human politics of remembrance.

The novel depicts a community-led effort to replant mangroves as an act of resistance against state-backed deforestation. This replanting is ecological restoration and a ritual reclaiming cultural memory silenced by political violence. The seedlings, fragile yet persistent, embody a collective hope, positioning flora as survivors of trauma and agents in recovering historical truth:

The villagers waded into the mud at low tide, each cradling a mangrove sapling like an infant. Their hands pressed the slender roots into the silt, whispering names of the lost as if the trees might carry their stories skyward. Storm clouds gathered on the horizon, but the saplings bent without breaking, their leaves trembling in unison. By dawn, the tide would test their grip, but for now, they stood as slender sentinels between the sea and the scars left by bulldozers⁴.

This replanting scene transforms ecological restoration into an act of mourning and resistance. As villagers press saplings into the mud while whispering the names of the disappeared, reforestation becomes what Nixon (2011) describes as environmental memory work – a practice that counters slow violence through care and repetition. The villagers’ tactile engagement echoes what Tsing (2015) calls “the arts of living on a damaged planet,” where survival depends on multispecies collaboration. The saplings, bending in the wind but refusing to break, reflect Marder’s (2013) view of plant resilience as a form of silent resistance. By positioning mangroves as sentinels between land and sea, Chudori rejects anthropocentric history and asserts that memory also takes root in the natural world.

The villagers naming the lost while planting mangrove saplings reveals how ecological restoration becomes a form of collective mourning and political resistance. This ritual echoes Das’s (2007) argument that grief becomes bearable when embedded in shared practices – here, the planting of trees sutures the wounds left by disappearance and state violence. The looming storm and tidal uncertainty mirror what DeLoughrey (2019) describe as environmental precarity, where ecological fragility reflects the community’s tenuous hold on memory under state suppression. Yet, this act of planting is not resignation but persistence. It embodies what Haraway (2016) calls “staying with the trouble” which explained as a refusal to disengage from damaged ecosystems and entangled histories. Through this phytocritical lens, the mangrove saplings become co-actors in resistance, their roots gripping the mud as firmly as the villagers cling to the stories that power seeks to erase.

The return of the mangroves years after their destruction affirms the novel’s central claim: that memory, once rooted in ecological forms, cannot be permanently erased. The mangroves’ gradual resurgence, by being in the state of scarred but

⁴ Chudori, L.S. (2017). *The Sea Speaks His Name* (p. 234). Kepustakaan Populer Gramedia.

alive, frames regeneration as an act of insurgent memory. Their continued growth despite past violence asserts that suppressed histories endure not only in human testimony but through multispecies persistence:

A decade later, the mangroves had reclaimed the shore. Their roots still bore the jagged scars of chainsaws, their trunks twisted into grotesque shapes by salt and storms. However, saplings now rose from the mud, leaves unfurling toward sunlight. At dusk, fishermen claimed the trees whispered names – not the polished lies etched on official monuments, but the raw, guttural syllables of the lost. The sea still hid bones, but the mangroves clutched them close, their roots knitting a lattice of remembrance beneath the waves⁵.

The return of the mangroves marks not ecological recovery alone but a direct challenge to the state’s attempt to bury history. Their scarred but living bodies enact what Marder (2013) terms “vegetal survivance” which explained as the persistence of damaged life forms that silently testify to past violence. The twisted trunks and scarred roots resist the state’s “polished lies” etched on monuments, offering what DeLoughrey (2019) calls subaqueous memory instead: a form of remembrance embedded in nonhuman bodies and inaccessible to official narrative control. The image of saplings rising from mud while roots clutch submerged bones literalizes Tsing’s (2015) claim that “ruins are the sites of resurgence”. In Chudori’s vision, the mangroves do not simply regenerate but they resist. They reframe history as a multispecies process in which trauma is not erased but woven into the land itself.

The Sea Speaks His Name closes not with a resolution but with a resurgence, where mangrove regeneration becomes a form of historical insistence. Across the novel, Chudori repositions mangroves from passive scenery to active participants in postcolonial memory work. These plants encode trauma, resist erasure, and speak on behalf of the silenced through their roots, sap, scars, and regrowth. From their role as witnesses to disappearances to their function in communal rituals of replanting, the mangroves enact what Nixon (2011) calls slow violence – not as victims but as agents of enduring memory. Their return challenges the notion that ecological or political violence can ever entirely sever the past. Aligning with Indigenous epistemologies (Kimmerer, 2013) and multispecies theories of memory and resistance (Tsing, 2015; Haraway, 2016), the novel reframes post-1998 trauma as a shared struggle between human and nonhuman life.

Conclusion

The Sea Speaks His Name reimagines Indonesia’s mangroves as more than natural scenery – they become agents of memory, resistance, and historical continuity. Their scarred trunks, bleeding sap, and tangled roots register the violence of political erasure while offering a living record of what official narratives refuse to preserve. Across the novel, Chudori constructs an ecological language of mourning and survival, where memory is carried not in archives or monuments but

⁵ Chudori, L.S. (2017). *The Sea Speaks His Name* (p. 302). Kepustakaan Populer Gramedia.

in roots, mud, and regrowth. In this narrative, remembrance occurs not through monuments or documents but through the slow, silent persistence of damaged ecosystems. This study contributes to Southeast Asian ecocriticism by demonstrating how literature can position local ecologies as sites of cultural memory. It highlights how postcolonial trauma, Indigenous knowledge, and environmental vulnerability intersect in coastal landscapes. The mangroves' return is a sign of ecological recovery and a form of narrative resistance. In spaces marked by disappearance, memory endures by spoken not through human testimony alone but through the rooted presence of the natural world.

References

- Aveling, H. (2014). *Secrets Need Words: Indonesian Poetry, 1966–1998*. Ohio University Press.
- Bracke, A. (2018). *Climate Crisis and the 21st-Century British Novel*. Bloomsbury Academic.
- Buell, L. (2005). *The Future of Environmental Criticism: Environmental Crisis and Literary Imagination*. Blackwell.
- Darmawan, R.I., Indriyanto, K., & Mendröfa, M.P. (2025). Exploring ethnobotany as an expression of Balinese culture in Elizabeth Gilbert's *Eat, Pray, Love*. *Acta Scientiarum. Language and Culture*, 47(1), e70096. <https://doi.org/10.4025/actascilangcult.v47i1.70096>
- Das, V. (2007). *Life and Words: Violence and the Descent into the Ordinary*. University of California Press.
- Danielsson, K.M., & Brandt, K.K. (Eds.). (2018). *The Nonhuman in American Literary Naturalism*. Lexington Books.
- DeLoughrey, E.M. (2019). *Allegories of the Anthropocene*. Duke University Press.
- Friess, D.A., Rogers, K., Lovelock, C.E., Krauss, K.W., Hamilton, S.E., Lee, S.Y., Lucas, R., Primavera, J., Rajkaran, A., & Shi, S. (2019). The state of the world's mangrove forests: Past, present, and future. *Annual Review of Environment and Resources*, 44, 89–115. <https://doi.org/10.1146/annurev-environ-101718-033302>
- Glissant, É. (1997). *Poetics of Relation*. University of Michigan Press.
- Haraway, D.J. (2016). *Staying with the Trouble*. Duke University Press.
- Kimmerer, R.W. (2013). *Braiding Sweetgrass*. Milkweed Editions.
- Marder, M. (2013). *Plant-Thinking: A Philosophy of Vegetal Life*. Columbia University Press.
- McGregor, K.E. (2018). *History in Uniform: Military Ideology and the Construction of Indonesia's Past*. NUS Press.
- McGregor, K., Melvin, J., Pohlman, A. (2018). "New interpretations of the causes, dynamics and legacies of the Indonesian genocide". In T. Kühne, D. Mayersen, & T. Lawson (Eds.), *Palgrave Studies in the History of Genocide* (pp. 1–26). Palgrave Macmillan.
- Neimanis, A. (2017). *Bodies of Water. Posthuman Feminist Phenomenology*. Bloomsbury.
- Nixon, R. (2011). *Slow Violence and the Environmentalism of the Poor*. Harvard University Press.
- Trouillot, M.-R. (1995). *Silencing the Past: Power and the Production of History*. Beacon Press.
- Tsing, A.L. (2005). *Friction: An Ethnography of Global Connection*. Princeton University Press.
- Tsing, A.L. (2015). *The Mushroom at the end of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins*. Princeton University Press.
- Yusoff, K. (2018). *A Billion Black Anthropocenes or None*. University of Minnesota Press.
- Yusoff, K., & Gabrys, J. (2011). Climate change and the imagination. *WIREs Climate Change*, 2(4), 516–534. <https://doi.org/10.1002/wcc.117>

Bio notes:

Ruly Indra Darmawan, Lecturer of the Faculty of Language and Arts, Universitas Negeri Semarang, Semarang, 50229, Indonesia. ORCID: 0000-0003-1949-6926. E-mail: rulyindra@mail.unnes.ac.id

Kristiawan Indriyanto, Lecturer of the Faculty of Teacher Training and Education, Universitas Prima Indonesia, Medan City, Medan, 20118, Indonesia. ORCID: 0000-0001-7827-2506. E-mail: kristiawanindriyanto@unprimdn.ac.id

Mohamad Ikhwan Rosyidi, Lecturer of the Faculty of Language and Arts, Universitas Negeri Semarang, Semarang, 50229, Indonesia. ORCID: 0000-0002-9570-4654. E-mail: mirosyidi@mail.unnes.ac.id

Thohiriyah, Lecturer of the Faculty of Language and Arts, Universitas Negeri Semarang, Semarang, 50229, Indonesia. ORCID: 0009-0009-9764-3857. E-mail: thohiriyah@mail.unnes.ac.id

Сведения об авторах:

Рули Индра Дармаван, преподаватель факультета языков и искусств, Государственный университет Семаранга, Индонезия, 50229, Семаранг. ORCID: 0000-0003-1949-6926. E-mail: rulyindra@mail.unnes.ac.id

Кристиаван Индриянто, преподаватель факультета подготовки учителей и образования, Университет Прима Индонезия, Индонезия, 20118, Медан. ORCID: 0000-0001-7827-2506. E-mail: kristiawanindriyanto@unprimdn.ac.id

Мохамад Ихван Росийди, преподаватель факультета языков и искусств, Государственный университет Семаранга, Индонезия, 50229, Семаранг. ORCID: 0000-0002-9570-4654. E-mail: mirosyidi@mail.unnes.ac.id

Тохирия, преподаватель факультета языков и искусств, Государственный университет Семаранга, Индонезия, 50229, Семаранг. ORCID: 0009-0009-9764-3857. E-mail: thohiriyah@mail.unnes.ac.id

ЖУРНАЛИСТИКА
ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ МЕДИА
JOURNALISM
HISTORY AND THEORY OF MEDIA

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-1-134-150

EDN: SSSXOWS

УДК 16.77:001.8:070:001.8

Научная статья / Research article

**Представленность президентов
Российской Федерации и США в англоязычных
онлайн-источниках в 2024–2025 гг.**

А.В. Шариков

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Российская Федерация
✉ asharikov@hse.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, проведенного в Высшей школе экономики в 2025 г. с целью рассмотреть, как в глобальном информационном онлайн-пространстве показаны три мировых лидера: Президент Российской Федерации В.В. Путин и два президента США – Д.Дж. Трамп и Дж.Р. Байден в течение 2024 и начала 2025 г. Исследование проводилось с помощью информационно-аналитической системы Factiva, позволяющей вести частотный и сентимент-анализ на больших массивах данных. Было обработано около 120 млн текстовых материалов на английском языке, расположенных на онлайн-ресурсах более чем 100 стран, в числе которых сайты ведущих мировых СМИ, а также значительное количество сайтов аналитического и статистического содержания. Проведенное исследование показало, что три лидера, выбранных для анализа, действительно оказались среди наиболее часто упоминаемых в англоязычных материалах глобального информационного онлайн-пространства в течение 2024 и первого квартала 2025 г. Помимо этих трех лидеров, высокую частоту упоминания обнаружил премьер-министр Индии Н. Модди. Все четверо также находились в числе наиболее часто встречающихся персон в 2022–2023 гг., несколько меняясь местами от одного года к другому, но не выходя из первой пятерки лидеров. Данные факты, с точки зрения теории установления повестки дня, свидетельствуют о высокой значимости четырех политиков для мировой общественности. Упоминание лидеров чаще происходило в текстах нейтральной тональности. Текстов позитивной тональности с их упоминанием было

© Шариков А.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

меньше, чем текстов негативной тональности, то есть во всех четырех случаях зафиксирован негативный тональный баланс, причем сильнее он был выражен у двух американских президентов.

Ключевые слова: В.В. Путин, Д.Дж. Трамп, Дж.Р. Байден, Н. Модди, глобальное информационное онлайн-пространство, теория установления повестки дня, сентимент-анализ, тональность текста, тональный баланс

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта «Медиадинамика в глобальном информационном онлайн-пространстве: медиаштормы и долговременные тенденции» на факультете креативных индустрий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2025 г.

История статьи: поступила в редакцию 9 июля 2025 г.; отрецензирована 10 сентября 2025 г.; принята к публикации 25 октября 2025 г.

Для цитирования: Шариков А.В. Представленность президентов Российской Федерации и США в англоязычных онлайн-источниках в 2024–2025 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 1. С. 134–150. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-134-150> EDN: SSXOWS

Media Coverage of Russian and US Presidents in English-Language Online Sources in 2024–2025

Aleksander V. Sharikov

HSE University, Moscow, Russian Federation

✉ asharikov@hse.ru

Abstract. The article presents the results of a study conducted at the Higher School of Economics in 2025, which aimed to examine the media coverage of three world leaders in the global online information space: Russian President V.V. Putin and the two US Presidents, D.J. Trump and J.R. Biden, during 2024 and early 2025. The study utilized the Factiva information and analytical system to conduct frequency and sentiment analysis on a large dataset of approximately 120 million English-language texts from online resources in over 100 countries, including major global media outlets and analytical websites. The findings show that the three leaders consistently ranked among the most frequently mentioned figures in the English-language global information space throughout 2024 and Q1 2025. Indian Prime Minister N. Modi also exhibited a high mention frequency. All four figures remained in the top five most mentioned persons since 2022–2023, with their rankings shifting annually. From the perspective of agenda-setting theory, this indicates their high significance to the global community. Mentions of the leaders occurred most frequently in neutral-toned texts. The proportion of positive-toned texts was lower than that of negative-toned texts, resulting in a negative sentiment balance for all four cases, which was more pronounced for the two American presidents.

Keywords: Vladimir Putin, Donald Trump, Joseph Biden, Narendra Modi, global online information space, agenda-setting theory, sentiment analysis, text tonality, tonal balance

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Funding. The work was carried out within the framework of the research project “Media Dynamics in the global online information space: media storms and long-term trends” at the Faculty of Creative Industries of the Higher School of Economics, Moscow, in 2025.

Article history: submitted July 9, 2025; revised September 10, 2025; accepted October 25, 2025.

For citation: Sharikov, A.V. (2026). Media Coverage of Russian and US Presidents in English-Language Online Sources in 2024–2025. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(1), 18–38. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-134-150> EDN: SSXOWS

Введение

Настоящее исследование, выполненное в Высшей школе экономики, развивает подходы более ранних работ (Быстрицкий, Шариков, 2021; Шариков, 2022; 2024) к анализу представленности России в мировом медиапространстве. В фокусе данного этапа проекта – сравнительная репрезентация трех мировых лидеров (В.В. Путин, Д.Дж. Трамп, Дж.Р. Байден) в глобальном информационном поле в течение 2024 и начале 2025 г.

Академических публикаций на русском языке, посвященных нынешнему Президенту Российской Федерации, довольно много¹. Первые датируются 2000 г. (Брим, Косова, 2000; Киктева, 2000). Далее выделяются те, которые рассматривают когнитивные и риторические основы выступлений российского лидера и аспекты формирования его образа, имея при этом высокую цитируемость (Гаврилова, 2004; Евгеньева и др., 2008; Малинова, 2018). Из числа работ, опубликованных в последние годы, отметим некоторые статьи (Каримова, 2023; Мальченков, 2022; Ращупкин, 2022; Чэнь, 2023), а также кандидатскую диссертацию Н.Ф. Ехлаковой (2023), в которой приводится сравнительный анализ выступлений В.В. Путина и Д. Трампа.

Научные публикации на русском языке, которые затрагивают фигуру Трампа, также многочисленны². Первыми публикациями на русском языке, которые можно назвать научно-прикладными, стали две переводные монографии о Трампе-миллиардере, а не о политике (Росс, 2008; Росс, Мак-Лин, 2008). К этому моменту Трамп был известен в России как эксцентричный бизнесмен, автор книги «Искусство заключать сделки», переведенной на русский язык³. На Трампа-политика обратили внимание в 2015 г. с началом президентской предвыборной кампании (Оганесян, 2015). С этого момента он часто оказывался объектом изучения (Кузнецов и др., 2020; Пирожкова, 2025; Соловей, 2017; Шишкина, 2022; Яковлев, 2020). Особенно привлекали его политические выступления (Воейкова и др. 2022; Лежнина, 2022; Менщикова, 2022).

Джозеф Робинетт Байден впервые попал в поле зрения российской академической науки в 2009 г., когда занял пост вице-президента при Бараке Обаме

¹ Запрос по ключевому слову «Путин» в системе РИНЦ от 27.06.2025, когда готовилась настоящая статья, выдал 8613 публикаций, где запрошенное слово упоминалось в названиях книг, кандидатских и докторских диссертаций, статей, а также в аннотациях и/или ключевых словах к ним.

² Запрос по ключевому слову «Трамп» в системе РИНЦ от 27.06.2025 выдал 4376 названий работ.

³ *Трамп Д.Дж. Искусство заключать сделки / пер. с англ. Н. Захарович. М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. 280 с.*

(Фоменко, 2009). Интерес к Байдену также оказался высоким, хотя и меньшим в сравнении с публикациями, связанными с Путиным и Трампом, если судить по количеству опубликованных научных работ⁴. Однако в этом множестве оказалось не так много текстов, рассматривающих коммуникационные аспекты в деятельности 46-го президента США (Данкова, 2021; Крутова и др., 2022; Менщикова, 2022; Цыбина, 2023 и др.).

В работах, связанных с тремя президентами, доминирует качественный подход: анализируются их выступления, деятельность в рамках внутренней и внешней политики, подходы к вопросам безопасности, в том числе информационной, и др. Однако без внимания оставался вопрос количественной представленности трех лидеров в СМИ во всемирном масштабе. Как часто они упоминаются в информационном пространстве? В каком тональном контексте это происходит?

Цель статьи – выявить количественные тенденции в репрезентации трех мировых лидеров (В.В. Путина, Дж.Р. Байдена, Д.Дж. Трампа) в глобальном англоязычном информационном пространстве в течение 2024 и начале 2025 г. Для этого применялся статистический анализ больших данных, оценивалась частота упоминаний и тональность текстов на релевантных интернет-ресурсах. Подобное масштабное статистическое исследование впервые проводится в российской академической практике.

Проверялись четыре гипотезы.

1. В 2024 и первом квартале 2025 г. Д.Дж. Трамп и Дж.Р. Байден упоминались в англоязычных ресурсах чаще других мировых персон.

2. Упоминания американских президентов преимущественно имели нейтральную тональность, при этом позитивных оценок было больше, чем негативных.

3. В.В. Путин упоминался реже, чем американские лидеры, но чаще, чем лидеры других стран.

4. Упоминания российского президента также в основном были нейтральными, однако доля негативных оценок преобладала над позитивными.

Материалы и методы

Проверка гипотез осуществлялась с помощью информационно-аналитической системы Factiva компании Dow Jones. Было обработано около 120 млн текстовых материалов на английском языке, расположенных на онлайн-ресурсах более чем 100 стран, в числе которых сайты ведущих мировых СМИ, а также значительное количество сайтов аналитического и статистического содержания. Система дает возможность вести на английском языке частотный анализ текстов с упоминанием тех или иных персон и сентимент-анализ, позволяющий определять тональную направленность публикаций: нейтральную, позитивную или негативную.

⁴ Запрос по ключевому слову «Байден» в системе РИНЦ от 27.06.2025 выдал 1403 названий публикаций.

2024-й год ознаменовался большим количеством важных политических событий, происходивших в мире. В марте в Российской Федерации прошли президентские выборы, завершившиеся победой В.В. Путина. В течение года весь мир следил за предвыборной кампанией в США, которая в ноябре закончилась победой Д.Дж. Трампа. Параллельно продолжалась специальная военная операция России на Украине. Возвращение Трампа в Белый дом в январе 2025 г. привело к резким переменам в геополитике, что вызвало бурную реакцию в мировом информационном пространстве. Этим обусловлен выбор хронологических рамок исследования – с 1 января 2024 по 31 марта 2025 г.

В качестве теоретической рамки были выбраны теория установления повестки дня (McCombs, Shaw, 1972; Kosicki, 1993) и концепция тональности текста, на основе которой в свое время был разработан метод измерения тональности публикаций, получивший название сентимент-анализ (Ермаков, Ермакова, 2012; Посевкин, Бессмертный, 2015; Liu, 2020).

Частота упоминаемости некоторого объекта в СМИ, согласно теории установления повестки дня, является индикатором его социальной значимости. Применительно к настоящему исследованию это означает, что чем чаще упоминается некоторая персона в англоязычном корпусе ресурсов, тем более значима она для англоязычного сообщества, в пределах которого происходит распространение данной информации. Поэтому президенты США обычно имеют наибольшее значение именно в источниках США, а значит, и частота их упоминания на американских ресурсах будет выше. Что касается российского президента, то о нем чаще всего будут писать в российских источниках на русском языке. Отсюда априори сравнительно невысокая вероятность того, что частота упоминания В.В. Путина на английском языке в глобальном интернете будет выше, чем частота упоминания Д.Дж. Трампа и Дж.Р. Байдена. Однако следует принять во внимание, что англоязычный интернет не сводится к ресурсам исключительно англоязычных стран, поскольку английский сегодня – это язык международного общения, и практически все мировые информационные агентства, а также многие ресурсы из разных стран работают именно на английском языке. Поэтому вопрос о частоте упоминания любой персоны на глобальном уровне в англоязычной зоне выводит нас на понимание глобальной значимости изучаемой персоны.

Концепция тональности рассматривает стилистические особенности текста на основе анализа лексического материала, наличия имплицитных оценочных элементов в тех или иных лексических единицах и их сочетаниях. Традиционно выделяют три типа тональности текста: позитивную (одобряемую в некотором социальном пространстве); негативную (социально не одобряемую); нейтральную (безоценочную). Настоящее исследование проводилось на корпусе материалов прежде всего информационных агентств, где жанры подачи информации априори предполагаются безоценочными, а значит, нейтральными. Тем не менее часть материалов содержит оценочные лексические единицы – их наличие позволяет определить тональность конкретного текста. Такая оценочность, очевидно, связана с редакционной политикой

изданий и в политическом поле отражает позицию редакции. Учитывая специфику событий 2024 г. в США, где проходила крайне жесткая борьба за президентское кресло, информационное пространство было поляризовано, часть интернет-ресурсов первоначально откровенно поддерживала Дж.Р. Байдена, представителя Демократической партии, а другая часть – Д.Дж. Трампа, представителя Республиканской партии. В результате возникла неопределенность в знаке суммарной оценки, и баланс сил менялся в процессе предвыборной кампании. Что касается текстов, в которых упоминался В.В. Путин, то для каждой страны также наблюдалась неоднозначность в оценках. Отсюда и возникает неопределенность в понимании того, как, в каких масштабах освещалась деятельность российского президента, разрешить которую и предполагается в настоящем исследовании.

Результаты и обсуждение

Первыми операциями в данном исследовательском проекте стали запросы по годам о количестве материалов с упоминанием персон за период с 2022 по 2024 г. В десятку наиболее часто встречающихся персон (табл. 1) входят лидеры: по одному из Аргентины, Израиля, Индии, Мексики, России, Украины, четверо из Великобритании, пятеро из США. Среди них 14 политиков и один бизнесмен – Илон Маск. Преобладание американцев и британцев объясняется тем, что анализ ведется на материалах англоязычных ресурсов интернета. Из числа граждан США в первые десятки попали два президента (Дж.Р. Байден и Д.Дж. Трамп), кандидат в президенты К. Харрис, госсекретарь Э. Блинкен и И. Маск. Британцы представлены четырьмя премьер-министрами (Б. Джонсон, К. Стармер, Р. Сунак и Э. Трасс). Отчетливо видна тенденция – в целом чаще упоминаются лидеры крупных англосаксонских стран.

В списке постоянно присутствует Н. Моди, премьер-министр Индии, что объясняется значительным весом англоязычных индийских изданий в системе Factiva и интересом прессы к этой персоне в англоязычных СМИ других стран. В 2024 г. по результатам парламентских выборов он вновь занял пост премьер-министра. Кроме него в списке находим лидера Украины В. Зеленского, что обусловлено повышенным интересом мирового сообщества к военному конфликту на Украине, а также И. Маска – самого успешного в мире бизнесмена, эксцентричное поведение которого привлекает прессу. Логичным выглядит и присутствие в списках А. Обрадора – президента Мексики, соседствующей с США. Остальные персоны можно охарактеризовать как значимые для глобального онлайн-пространства, но причины могут быть различными.

Обратим внимание на то, что во всех трех списках в первой пятёрке лидеров присутствуют четверо: В.В. Путин, Дж. Байден, Д. Трамп и Н. Моди. Российский президент возглавил список наиболее часто упоминаемых персон в 2022 г., что объясняется началом специальной военной операции, которая спровоцировала мощный медиашторм, перекрывший на длительное время остальную повестку дня мировых СМИ (Шариков, 2022).

Таблица 1. Топ-10 наиболее часто упоминаемых персон в базе данных системы Factiva в 2022–2024 гг.

№ п/п	Персона	Количество текстов с упоминанием политиков, тыс., 2022	Персона	Количество текстов с упоминанием политиков, тыс., 2023	Персона	Количество текстов с упоминанием политиков, тыс., 2024
1	В.В. Путин	357,3	Дж. Байден	256,0	Д.Дж. Трамп	504,2
2	Дж. Р. Байден	316,5	Н. Модри	203,9	Дж.Р. Байден	340,9
3	Д.Дж. Трамп	180,7	В.В. Путин	180,1	Н. Модри	236,7
4	Н. Модри	164,5	Д.Дж. Трамп	177,2	К. Харрис	202,4
5	Б. Джонсон	164,0	Р. Сунак	118,8	В.В. Путин	176,2
6	В. Зеленский	162,0	А. Обрадор	110,6	К. Стармер	134,3
7	А. Обрадор	125,2	В. Зеленский	105,9	И. Маск	119,5
8	Э. Трасс	119,9	И. Маск	94,9	Б. Нетаньяху	119,4
9	Р. Сунак	112,2	Б. Нетаньяху	75,5	В. Зеленский	104,0
10	И. Маск	95,3	Э. Блинкен	69,3	Х.Х. Милей	99,9

Источник: составлено А.В. Шариковым.

Table 1. Top-10 most frequently mentioned persons in the Factiva database, 2022–2024

No.	Person	The number of texts mentioning politicians, thousand, 2022	Person	The number of texts mentioning politicians, thousand, 2023	Person	The number of texts mentioning politicians, thousand, 2024
1	V.V. Putin	357.3	J.R. Biden	256.0	D.J. Trump	504.2
2	J.R. Biden	316.5	N. Modi	203.9	J.R. Biden	340.9
3	D.J. Trump	180.7	V.V. Putin	180.1	N. Modi	236.7
4	N. Modi	164.5	D.J. Trump	177.2	K. Harris	202.4
5	B. Johnson	164.0	R. Sunak	118.8	V.V. Putin	176.2
6	V. Zelenskyi	162.0	A. Obrador	110.6	K. Starmer	134.3
7	A. Obrador	125.2	V. Zelenskyi	105.9	E. Musk	119.5
8	E. Truss	119.9	E. Musk	94.9	B. Netanyahu	119.4
9	R. Sunak	112.2	B. Netanyahu	75.5	V. Zelenskyi	104.0
10	E. Musk	95.3	A. Blinken	69.3	J. Milei	99.9

Source: compiled by Aleksander V. Sharikov.

В списках топ-10 нет ни одного лидера стран Европейского союза, как и лидеров Китая, Японии, Южной Кореи и других стран. Их значимость в англоязычной зоне интернета, согласно теории установления повестки дня, ниже значимости персон, представленных в табл. 1.

Может сложиться впечатление, что, во-первых, высокая частота упоминания личности свидетельствует о ее популярности, то есть о позитивном отношении к ней. Это не совсем так, поскольку лидеры могут часто упоминаться в негативной тональности. Во-вторых, данные, представленные в табл. 1, – это усреднение на многомиллионном массиве. Если провести анализ по ресурсам различных географических зон, то картина будет другой. Эту тенденцию иллюстрирует табл. 2, где приведены списки персон, чаще всего упоминавшихся в источниках пяти англосаксонских стран – США (6,4 млн материалов на 4957 ресурсах), Великобритании (5,8 млн материалов на 424 ресурсах), Канады (1,3 млн материалов на 286 ресурсах), Австралии (1,6 млн материалов на 277 ресурсах) и Новой Зеландии (631 тыс. материалов на 84 ресурсах). Числа табл. 2 показывают процент текстов с упоминанием политиков в каждой стране относительно общего количества текстов из источников соответствующей страны, имеющихся в базе данных системы Factiva за период с 1 января 2024 по 31 марта 2025 г. Отобраны первые 16 персон. Число 16 обусловлено тем, что ставилась задача обнаружить, на каком месте в каждом списке находится Президент Российской Федерации. Оказалось, что во множестве канадских источников В.В. Путин располагается на 16-м месте, а в остальных четырех списках – на более высоких позициях. Значимость российского президента, согласно теории установления повестки дня, в канадских СМИ ниже, чем в других англосаксонских источниках.

Исходя из данных табл. 2, можно сказать, что в каждой стране список возглавляет ее лидер: в США – президент Д.Дж. Трамп, в Великобритании – премьер-министр К. Стармер, в Канаде – премьер-министр Дж. Трюдо, в Новой Зеландии – премьер-министр К. Лаксон. Исключение из правила составила Австралия, где премьер-министр П. Даттон оказался на втором месте, пропустив вперед Д.Дж. Трампа. Второй важный момент связан с тем, что в каждой стране в топ-16 входят большей частью политики и бизнесмены той же страны. Таковых в американских источниках 12, в британских – 9, в канадских – 10, в австралийских – 10. И лишь в новозеландских источниках это число равно 7, то есть в данном списке больше зарубежных лидеров. Когда же рассчитываются ранговые позиции в глобальном масштабе, то те национальные лидеры, которые не имеют большого международного веса, не упоминаются столь же часто на онлайн-ресурсах других стран. Это хорошо видно по данным табл. 2 на примере трех премьер-министров – Дж. Трюдо, П. Даттона и К. Лаксона. Они не фигурируют в списках топ-16 других англосаксонских стран, потому в глобальном измерении их статус оказывается сравнительно невысоким. Мы не видим их и в списке топ-10 наиболее часто упоминаемых политиков за 2024 г. (табл. 1).

Таблица 2. Топ-16 наиболее часто упоминаемых персон за период с 1 января 2024 по 31 марта 2025 г.

№ п/п	США		Великобритания		Канада		Австралия		Новая Зеландия	
	Персона	Упоминание, %	Персона	Упоминание, %	Персона	Упоминание, %	Персона	Упоминание, %	Персона	Упоминание, %
1	Д.Дж. Трамп	3,71	К. Стармер	2,52	Дж. Трюдо	4,22	Д.Дж. Трамп	1,70	К. Лаксон	1,62
2	Дж.Р. Байден	1,94	Д.Дж. Трамп	1,97	Д.Дж. Трамп	4,09	П. Даттон	1,57	Д.Дж. Трамп	1,37
3	К. Харрис	1,25	Р. Сунак	1,18	П. Пулевр	1,69	Дж. Чалмерс	0,97	Дж.Р. Байден	0,89
4	И. Маск	0,85	Р Ривз	1,18	Д. Форд	1,68	Дж.Р. Байден	0,77	У. Питерс	0,83
5	Б. Обама	0,39	Дж.Р. Байден	0,86	Дж.Р. Байден	1,33	К. Миннс	0,48	Н. Моди	0,61
6	В.В. Путин	0,37	В.В. Путин	0,74	К. Фриленд	1,09	К. Харрис	0,47	К. Хипкинс	0,56
7	Б. Нетаньяху	0,33	И. Маск	0,66	М. Смит	0,82	Дж. Аллан	0,47	Д. Сеймур	0,50
8	Р. Десантис	0,32	К. Харрис	0,54	Л. Розен	0,74	И. Маск	0,46	В.В. Путин	0,47
9	Т. Уолц	0,25	В. Зеленский	0,45	Д. Эби	0,71	П. Вонг	0,45	Ш. Рети	0,46
10	Ч. Шумер	0,24	Карл III	0,42	Дж. Сингх	0,69	Р. Марлс	0,32	И. Маск	0,31
11	Р. Кеннеди	0,22	Б. Джонсон	0,41	М. Карни	0,67	В.В. Путин	0,30	Б. Нетаньяху	0,30
12	В. Зеленский	0,22	Б. Нетаньяху	0,38	К. Харрис	0,63	Т. Плибершек	0,28	К. Харрис	0,30
13	М. Рубио	0,22	О. Баденх	0,38	Б. Нетаньяху	0,50	Б. Нетаньяху	0,28	Дж. Коллинз	0,30
14	Г. Ньюсом	0,21	Дж. Хант	0,37	С. Харпер	0,49	С. Майлз	0,27	М. Митчелл	0,28
15	К. Хокул	0,21	Э. Трасс	0,36	М. Джели	0,46	М. Буллок	0,27	А. Гуттериш	0,28
16	Х. Клинтон	0,20	Дж. Суинни	0,34	В.В. Путин	0,45	У. Шортен	0,25	К. Стармер	0,27

Источник: составлено А.В. Шариковым.

Table 2. Top-16 most frequently mentioned persons' database for the period from January 1, 2024 to March 31, 2025

No.	US		UK		Canada		Australia		New Zealand	
	Person	Mentioning, %	Person	Mentioning, %	Person	Mentioning, %	Person	Mentioning, %	Person	Mentioning, %
1	D.J. Trump	3.71	K. Starmer	2.52	J. Trudeau	4.22	D.J. Trump	1.70	C. Luxon	1.62
2	J.R. Biden	1.94	D.J. Trump	1.97	D.J. Trump	4.09	P. Dutton	1.57	D.J. Trump	1.37
3	K. Harris	1.25	R. Sunak	1.18	P. Poilievre	1.69	J. Chalmers	0.97	J.R. Biden	0.89
4	E. Musk	0.85	R. Reeves	1.18	D. Ford	1.68	J.R. Biden	0.77	W. Peters	0.83
5	B. Obama	0.39	J.R. Biden	0.86	J.R. Biden	1.33	C. Minns	0.48	N. Modi	0.61
6	V.V. Putin	0.37	V.V. Putin	0.74	C. Freeland	1.09	K. Harris	0.47	C. Hipkins	0.56
7	B. Netanyahu	0.33	E. Musk	0.66	M. Smith	0.82	J. Allan	0.47	D. Seymour	0.50
8	R. DeSantis	0.32	K. Harris	0.54	L. Rosen	0.74	E. Musk	0.46	V.V. Putin	0.47
9	T. Waiz	0.25	V. Zelenskyi	0.45	D. Eby	0.71	P. Wong	0.45	S. Reti	0.46
10	C. Schumer	0.24	Charles III	0.42	J. Singh	0.69	R. Marles	0.32	E. Musk	0.31
11	R. Kennedy	0.22	B. Johnson	0.41	M. Carney	0.67	V.V. Putin	0.30	B. Netanyahu	0.30
12	V. Zelenskyi	0.22	B. Netanyahu	0.38	K. Harris	0.63	T. Pilbersek	0.28	K. Harris	0.30
13	M. Rubio	0.22	O. Badenoch	0.38	B. Netanyahu	0.50	B. Netanyahu	0.28	J. Collins	0.30
14	G. Newsom	0.21	J. Hunt	0.37	S. Harper	0.49	S. Miles	0.27	M. Mitchell	0.28
15	K. Hochul	0.21	E. Truss	0.36	M. Joly	0.46	M. Bullock	0.27	A. Guterres	0.28
16	H. Clinton	0.20	J. Swinney	0.34	V.V. Putin	0.45	B. Shorten	0.25	K. Starmer	0.27

Source: compiled by Aleksander V. Sharikov.

Перейдем к проверке гипотез, сформулированных выше, и обратимся к данным табл. 3. На англоязычных ресурсах интернета информационного и аналитического содержания, согласно гипотезе 1, в 2024 и первом квартале 2025 г. в глобальном масштабе среди множества персон чаще всего должны были упоминаться Трамп и Байден. Гипотеза подтвердилась. Добавим к этому, что материалов с упоминанием Трампа оказалось в 2,2 раза больше, чем материалов с упоминанием Байдена. Вывод: Трамп был более значимой фигурой в указанный период времени.

Во второй гипотезе предполагалось, что упоминание двух президентов должно было происходить преимущественно в текстах нейтральной тональности. При этом текстов позитивной тональности должно было быть больше, чем текстов негативной тональности. Гипотеза подтвердилась частично. Действительно, и Трамп, и Байден чаще всего упоминались в текстах нейтральной тональности (91,03 и 90,23 % соответственно) – это следствие жанровой специфики анализируемых источников, где подавляющее большинство текстов – короткие информационные сообщения. Оба президента чаще упоминались в негативном контексте, чем в позитивном. В итоге тональный баланс у них оказался негативным, причем более сильное негативное смещение обнаружили тексты с упоминанием Байдена.

Обратим внимание на то, что последовательность лидеров в табл. 3 немного отличается от последовательности в табл. 1 за 2024 г. Это лишнее свидетельство о высокой динамике процесса появления материалов в глобальном информационном онлайн-пространстве. Так, по итогам 2024 г. Харрис занимала четвертое место по количеству текстов с ее упоминанием (см. табл. 1). При расширении хронологических границ всего лишь на один квартал ее позиция снизилась – она оказалась на шестом месте. Когда она проиграла президентские выборы в США в ноябре 2024 г., интерес прессы к ней резко снизился. При этом Путин поднялся с пятого на четвертое место, а Маск – с седьмого на пятое.

Таблица 3. **Топ-10 наиболее часто упоминаемых персон с 1 января 2024 по 31 марта 2025 г.**

№ п/п	Персона	Количество текстов с упоминанием политика		Тексты нейтральной тональности, %	Тексты позитивной тональности, %	Тексты негативной тональности, %	Тональный баланс, %
		тыс.	%				
1	Д.Дж. Трамп	894,547	1,91	91,03	0,41	8,56	-8,15
2	Дж.Р. Байден	401,280	0,86	90,23	0,18	9,59	-9,41
3	Н. Модри	295,493	0,63	94,38	0,30	5,32	-5,02
4	В.В. Путин	230,655	0,49	92,83	0,13	7,04	-6,91
5	И. Маск	216,977	0,46	92,72	1,08	6,20	-5,12
6	К. Харрис	215,563	0,46	94,44	0,17	5,39	-5,22
7	К. Стармер	185,909	0,40	94,70	0,16	5,14	-4,98
8	В. Зеленский	156,652	0,33	96,18	0,06	3,76	-3,70
9	Б. Нетаньяху	148,586	0,32	92,48	0,04	7,48	-7,44
10	Х. Милей	124,548	0,27	92,87	0,31	6,82	-6,51

Источник: составлено А.В. Шариковым.

Table 3. Top-10 most frequently mentioned persons' database from January 1, 2024 to March 31, 2025

No.	Person	Number of texts mentioning a politicians		Texts in a neutral tone, %	Texts with a positive tone, %	Texts with a positive tone, %	Tonal balance, %
		thousand	%				
1	D.J. Trump	894.547	1.91	91.03	0.41	8.56	-8.15
2	J.R. Biden	401.280	0.86	90.23	0.18	9.59	-9.41
3	N. Modi	295.493	0.63	94.38	0.30	5.32	-5.02
4	V.V. Putin	230.655	0.49	92.83	0.13	7.04	-6.91
5	E. Musk	216.977	0.46	92.72	1.08	6.20	-5.12
6	K. Harris	215.563	0.46	94.44	0.17	5.39	-5.22
7	K. Starmer	185.909	0.40	94.70	0.16	5.14	-4.98
8	V. Zelenskyi	156.652	0.33	96.18	0.06	3.76	-3.70
9	B. Netanyahu	148.586	0.32	92.48	0.04	7.48	-7.44
10	J. Milei	124.548	0.27	92.87	0.31	6.82	-6.51

Source: compiled by Aleksander V. Sharikov.

Частично подтвердилась и гипотеза 3, согласно которой упоминание Путина на англоязычных ресурсах интернета информационного и аналитического содержания в 2024 и первом квартале 2025 г. в глобальном масштабе должно было происходить реже, чем двух американских президентов, но чаще, чем политических лидеров других стран. В самом деле, текстов с упоминанием двух американских президентов оказалось больше – эта часть гипотезы подтвердилась. Но не подтвердилась вторая часть гипотезы, поскольку третью строчку в списке занял Моди.

Полностью подтвердилась четвертая гипотеза, где говорилось о том, что упоминание российского президента должно было чаще происходить в текстах нейтральной тональности. При этом текстов негативной тональности должно было быть больше, чем текстов позитивной тональности. Это видно из табл. 3. Публикаций нейтральной тональности с упоминанием Путина оказалось 92,83 %, а это больше, чем у Трампа (91,03 %) и Байдена (90,23 %). Следовательно, упоминание российского президента подается в текстах с несколько меньшей степенью оценочности, чем упоминание американских президентов. Хотя процент текстов позитивной тональности с упоминанием Путина и невелик (0,13 %), он все же выше, чем аналогичный показатель у Зеленского (0,06 %) и Нетаньяху (0,04 %). Что касается текстов негативной тональности, то их у Президента Российской Федерации меньше (7,04 %), чем у Байдена (9,59 %), Трампа (8,56 %) и Нетаньяху (7,48 %). Добавим к этому, что у всех десяти наиболее часто упоминаемых лидеров, как видно из табл. 3, наблюдается негативный тональный баланс – материалы негативной тональности преобладают над материалами позитивной. Наиболее сильное негативное смещение наблюдается у Байдена.

Заключение

Три лидера, выбранных для анализа, действительно оказались среди наиболее часто упоминаемых в англоязычных материалах глобального информационного онлайн-пространства за изучаемый период. Они также находились

в числе наиболее часто встречающихся персон в 2022–2023 гг., меняясь местами, но не выходя из первой пятерки лидеров. Это свидетельствует о высокой значимости трех президентов для мировой общественности. Кроме них высокую значимость в англоязычной зоне интернета обнаружил премьер-министр Индии Н. Моди.

Полученные данные приводят к более глубокому пониманию того, как возникает глобальная значимость политического лидера. Сначала лидер выходит на высокие должностные позиции внутри своей страны – президента, премьер-министра или другой значимой должности – либо проявляет себя как успешный бизнесмен. Это создает предпосылки для привлечения внимания средств массовой информации к этой персоне, и человек оказывается в числе наиболее часто упоминаемых в национальной прессе. Если лидер сосредоточен исключительно на внутренних вопросах своей страны, то его упоминаемость в СМИ других стран будет невелика. Если же этот человек начинает активно проявлять себя на международном уровне, к нему возникает интерес прессы транснационального характера. Это чаще удается лидерам крупнейших стран, экономически наиболее развитых, хотя это условие и не является обязательным. К этому следует добавить особые случаи, связанные с событийностью. В десятку наиболее часто упоминаемых персон за период с 1 января 2024 по 31 марта 2025 г. вошли три лидера сравнительно небольших стран: Зеленский (Украина), Нетаньяху (Израиль) и Милей (Аргентина). Первые два связаны с активными военными действиями на территории своих и соседних стран, широко обсуждаемыми в глобальном информационном онлайн-пространстве и обусловленными опасениями, что конфликты на Украине и Ближнем Востоке могут перерасти в Третью мировую войну. Милей, президент Аргентины, – одной из стран со сравнительно высокими экономическими показателями, – отличается эксцентричным поведением, привлекающим внимание журналистов, и связью с Трампом. Следует также учесть, что его часто упоминают многочисленные англоязычные источники Латинской Америки.

Таким образом, выдвинутые в начале статьи гипотезы подтвердились либо полностью, либо частично.

Список литературы

- Брим Р., Косова Л. Феномен В. Путина – морфология и семантика массовой популярности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 3(47). С. 18–22.
- Быстрицкий А.Г., Шариков А.В. О представленности России в глобальном информационном онлайн-пространстве // Международная жизнь. 2021. № 2. С. 76–93.
- Воейкова А.А., Долгова Е.Г., Минова М.В. Средства реализации речевого манипулирования в политическом дискурсе (на примере выступления Д. Трампа у горы Рашмор) // Современное педагогическое образование. 2022. № 1. С. 214–219. EDN: SMKZKB
- Гаврилова М.В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В. Путина и Б.Н. Ельцина). СПб. : Санкт-Петербург. гос. ун-т, 2004. 295 с.

- Данкова Н.С. Речь Дж. Байдена: стратегии и тактики создания положительного имиджа // Политическая лингвистика. 2021. № 6. С. 46–53. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_06_05
- Евгеньева Т.В., Пищева Т.Н., Нестерова С.В. Образы российской власти: от Ельцина до Путина : монография. М. : Российская политическая энциклопедия, 2008. 416 с. EDN: SNMICV
- Ермаков С.А., Ермакова Л.М. Методы оценки эмоциональной окраски текста // Вестник Пермского университета. Серия: Математика. Механика. Информатика. 2012. № 1(9). С. 85–90. EDN: PCVJRP
- Ехлакова Н.Ф. Стратегия позиционирования и тактика отстройки от конкурентов в дискурсе высших должностных лиц государства (на материале выступлений Президента России В.В. Путина и экс-президента США Д. Трампа): дис. ... канд. филол. наук [Место защиты: Сибирский федеральный университет]. Красноярск, 2023. 230 с.
- Карамова А.А. Концепты «правда» и «ложь» на аксиологической шкале «свой/чужой»: средства репрезентации (на материале обращений В.В. Путина периода специальной военной операции) // Политическая лингвистика. 2023. № 3(99). С. 12–22.
- Киктева Е.А. Динамика образов Г. Явлинского и В. Путина в президентской кампании // Полис. Политические исследования. 2000. № 4. С. 140–144.
- Крутова И.Н., Хорохорина Г.А., Акбилек Е.А. Информативность политического текста как способ влияния на реципиента речи (на примере выступления президента США Дж. Байдена) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 6/2. С. 64–68. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2022.06-2.12> EDN: FFEJYB
- Кузнецов А.В. Феномен Трампа : коллектив. монография / А.В. Кузнецов, Н.Ю. Лапина, Ю.Г. Коргунюк [и др.]. ; под ред. А.В. Кузнецова. М. : Ин-т науч. информ. по обществ. наукам, 2020. 642 с. EDN: CIMATV
- Лежнина А.С. Сарказм как речевое средство реализации стратегии дискредитации политического деятеля (на материале текстов немецкоязычной прессы о Д. Трампе) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 2. С. 494–499. <https://doi.org/10.30853/phil20220068>
- Малинова О.Ю. Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В.В. Путина и формирование мифа о «лихих девяностых» // Политическая наука. 2018. № 3. С. 45–69. <https://doi.org/10.31249/poln/2018.03.03>
- Мальченко С.А. Цивилизационный дискурс в высказываниях В.В. Путина // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 2. С. 53–71. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_53 EDN: HORLDD
- Менщикова Г.А. Особенности языковых средств и речевых приемов манипулирования в американском политическом дискурсе (на примере предвыборных дебатов Д. Трампа и Дж. Байдена) // Филология и человек. 2022. № 1. С. 67–79. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2022\)1-05](https://doi.org/10.14258/filichel(2022)1-05)
- Оганесян А.Г. Мистер Трамп: будущий президент США? // Международная жизнь. 2015. № 8. С. 93–96. EDN: UCQMUJ
- Пирожкова И.С. Метафорическая репрезентация Д. Трампа в американских СМИ в постинаугурационный период // Политическая лингвистика. 2025. № 2. С. 54–60.
- Посевкин Р.В., Бессмертный И.А. Применение сентимент-анализа текстов для оценки общественного мнения // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2015. Т. 15. № 1. С. 169–171. <https://doi.org/10.17586/2226-1494-2015-15-1-169-171>
- Ращупкин А.М. Аксиологический портрет В.В. Путина в газете «Нью-Йорк Таймс» // Ученые записки НТГСПИ. Серия: История и филология. 2022. № 2. С. 91–104. EDN: LBSMME
- Росс Дж. Переговоры в стиле Трампа. Победа в любой сделке / пер. с англ. Е. Колотвина. СПб. : Питер, 2008. 364 с.

- Росс Дж., Мак-Лин Э. Дж. Стратегии Дональда Трампа по инвестированию в недвижимость. Уроки миллиардера для мелкого инвестора / пер. с англ. и ред. А.В. Назаренко. М. : Диалектика, 2008. 184 с.
- Соловей В. Д. Цифровая мифология и избирательная кампания Дональда Трампа // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 122–132. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.09>
- Фоменко А.В. Доктрина Ачесона и внешняя политика администрации Барака Обамы // Международная жизнь. 2009. № 8. С. 1–12.
- Цыбина Т.А. Стратегия самопрезентации и ее тактики в предвыборных выступлениях Джо Байдена // Язык профессиональной коммуникации: функции, среды, технологии : сб. докладов Междунар. науч.-практ. конф., Ростов-на-Дону, 29 апреля 2023 г. / под ред. В.Р. Саркисянца, М.М. Коблевой. Ростов-на-Дону : Беспамятной Сергей Владимирович, 2023. С. 165–171. EDN: JWFDEJ
- Чепурная А.И. Эпистемическая ответственность в политическом дискурсе (на материале пресс-конференции Д. Трампа) // Научный диалог. 2017. № 7. С. 35–44. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-7-35-44>
- Чэнь С. Анализ метафорического фрейминга в политическом дискурсе России (на материале текстов выступлений Владимира Путина в Международном дискуссионном клубе «Валдай») // Политическая лингвистика. 2023. № 3(99). С. 214–224.
- Шариков А.В. Представленность России в британских онлайн-источниках в 2022 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 3. С. 534–550. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-534-550>
- Шариков А.В. Реакция глобального информационного онлайн-пространства на военную спецоперацию РФ на Украине: статистическая медиадинамика // Международная жизнь. 2022. № 4. С. 54–73.
- Шишкина Д.А. Карнавальный характер современной американской администрации времен Д. Трампа и Дж. Байдена // Вопросы элитологии. 2022. Т. 3. № 4. С. 69–83. <https://doi.org/10.46539/elit.v3i4.129>
- Яковлев П.П. «Эффект Трампа» или конец глобализации? : монография. М. : Русайнс, 2020. 142 с.
- Kosicki G.M. Problems and opportunities in agenda-setting research // *Journal of Communication*. 1993. Vol. 43. No. 2. P. 100–127. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01265.x>
- Liu B. *Sentiment Analysis. Mining Opinions, Sentiments, and Emotions*. Cambridge University Press, 2020.
- McCombs M., Shaw D.L. The agenda-setting function of mass media // *Public Opinion Quarterly*. 1972. Vol. 36. No. 2. P. 176–187.

References

- Brim, R., & Kosova, L. (2000). The V. Putin phenomenon: The morphology and semantics of mass popularity. *Monitoring or Public Opinion: Economic and Social Changes*, (3), 18–22. (In Russ.)
- Bystritsky, A.G., & Sharikov, A.V. (2021). Russia's representation in the global online information space. *International Affairs*, (2), 76–93. (In Russ.)
- Chen, S. (2023). Analysis of metaphorical framing in Russian political discourse (based on Vladimir Putin's speeches at the Valdai international discussion club). *Political Linguistics*, (3), 214–224. (In Russ.)
- Чепурная, А.И. (2017). Epistemic responsibility in political discourse (on materials of D. Trump's press conference). *Nauchnyi Dialog*, (7), 35–44. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-7-35-44>

- Dankova, N.S. (2021). J. Biden's speech: strategies and tactics of creating a positive image. *Political Linguistics*, (6), 46–53. (In Russ.) https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_06_05
- Ekhhlakova, N.F. (2023). *Positioning Strategy and Tactics of Differentiating from Competitors in the Discourse of Senior Government Officials (Based on Speeches of Russian President V.V. Putin and Former US President D. Trump)* [Doctoral dissertation, Siberian Federal University]. Krasnoyarsk. (In Russ.)
- Ermakov, S.A., & Ermakova, L.M. (2012). Overview of sentiment analysis methods. *Bulletin of Perm University. Mathematics. Mechanics. Computer Science*, (1), 85–90. (In Russ.) EDN: PCVJRP
- Evgenieva, T.V., Pishcheva, T.N., & Nesterova, S.V. (2008). *Images of Russian Power: From Yeltsin to Putin*. Moscow: Russian Political Encyclopedia Publ. (In Russ.) EDN: SNMICV
- Fomenko, A.V. (2009). The Acheson doctrine and the foreign policy of the Barack Obama administration. *International Affairs*, (8), 1–12. (In Russ.)
- Gavrilova, M.V. (2004). *Cognitive and Rhetorical Foundations of Presidential Speech (Based on the Speeches of V.V. Putin and B.N. Yeltsin)*. Saint Petersburg State University. (In Russ.)
- Karamova, A.A. (2023). The concepts “Truth” and “Lie” on the axiological scale of “Alien/Own”: means of representation (on the material of V.V. Putin's addresses during the special military operation). *Political Linguistics*, (3), 12–22. (In Russ.)
- Kikteva, E.A. (2000). Dynamics of the images of G. Yavlinsky and V. Putin in the presidential campaign. *Polis. Political Studies*, (4), 140–144. (In Russ.)
- Kosicki, G.M. (1993). Problems and opportunities in agenda-setting research. *Journal of Communication*, 43(2), 100–127. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01265.x>
- Krutova, I., Khorokhorina, G., & Akbilek, E. (2022). Informativeness of a political text as a way of influence on a speech recipient (on the example of the speech of USA president J. Biden). *Modern Science: Actual Problems of Theory & Practice. Humanities*, (6/2), 64–68. (In Russ.) <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2022.06-2.12> EDN: FFEJYB
- Kuznetsov, A.V., Lapina, N.Yu., Korgunyuk, Yu.G., et al. (2020). *The Trump Phenomenon*. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences Publ. (In Russ.) EDN: CIMATV
- Lezhnina, A.S. (2022). Sarcasm as speech means of implementing politician discrediting strategy (by the material of the german mass media texts about D. Trump). *Philology. Theory & Practice*, 15(2), 494–499. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/phil20220068>
- Liu, B. (2020). *Sentiment Analysis. Mining Opinions, Sentiments, and Emotions*. Cambridge University Press.
- Malchenkov, S.A. (2022). Civilization discourse in the statements of Vladimir Putin. *Discourse-P*, 19(2), 53–71. (In Russ.) https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_53 EDN: HORLDL
- Malinova, O.Yu. (2018). Justifying the political course of the 2000s and constructing the myth about “the Hard Nineties” in the Vladimir Putin's discourse. *Political Science*, (3), 45–69. (In Russ.) <https://doi.org/10.31249/poln/2018.03.03>
- McCombs, M., & Shaw, D.L. (1972). Agenda-setting function of mass media. *Public Opinion Quarterly*, 36(2), 176–187.
- Menshchikova, G.A. (2022). The peculiarities of language means and speech techniques of manipulation in American political discourse (on the example of D. Trump and J. Biden Presidential debates). *Philology & Human*, (1), 67–79. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/filichel\(2022\)1-05](https://doi.org/10.14258/filichel(2022)1-05)
- Oganessian, A.G. (2015). Mr. Trump: The Future US President? *International Affairs*, (8), 93–96. (In Russ.) EDN: UCQMUJ
- Pirozhkova, I.S. (2025). Metaphorical representation of D. Trump in American mass media in post-inaugural period. *Political Linguistics*, (2), 54–60. (In Russ.)

- Posevkin, R.V., & Bessmertny, I.A. (2015). Texts sentiment-analysis application for public opinion assessment. *Scientific and Technical Journal of Information Technologies, Mechanics and Optics*, 15(1), 169–171. (In Russ.) <https://doi.org/10.17586/2226-1494-2015-15-1-169-171>
- Rashchupkin, A.M. (2022). Axiological portrait of V.V. Putin in the New York Times. *Scientific Notes of NTSSPI. Series: History & Philology*, (2), 91–104. (In Russ.) EDN: LBSMME
- Ross, G.H. (2008). *Trump-Style Negotiation: Powerful Strategies and Tactics for Mastering Every Deal*. John Wiley & Sons Inc.
- Ross, G.H., & McLean, A.J. (2005). *Trump Strategies for Real Estate. Billionaire Lessons for the Small Investor*. John Wiley & Sons.
- Sharikov, A.V. (2024). Representation of Russia in the British online sources in 2022. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(3), 534–550. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-534-550>
- Sharikov, A.V. (2022). The reaction of the global online information space to the military special operation in Ukraine: statistical media dynamics. *International Affairs*, (4), 54–73. (In Russ.)
- Shishkina, D.A. (2022). The carnival character of the modern American administration of D. Trump and J. Biden times. *Issues in Elitology*, 3(4), 69–83. (In Russ.) <https://doi.org/10.46539/elit.v3i4.129>
- Solovey, V.D. (2017). Digital mythology and Donald Trump electoral campaign. *Polis. Political Studies*, (5), 122–132. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.09>
- Tsybina, T.A. (2023). Self-presentation strategy and its tactics in Joe Biden's campaign speeches. In V.R. Sarkisyants, M.M. Kobleva (Eds.), *Language of Professional Communication: Functions, Environments, Technologies: Collection of Reports of the International Scientific and Practical Conference, April 29, 2023, Rostov-on-Don* (pp. 165–171). Bspamyatnoi Sergei Vladimirovich Publ. EDN: JWFDEJ
- Voeikova, A.A., Dolgova, E.G., & Minova, M.V. (2022). Means of speech manipulation in political discourse (on the example of D. Trump's speech at mount Rushmore). *Modern Pedagogical Education*, (1), 214–219. (In Russ.) EDN: SMKZKB
- Yakovlev, P.P. (2020). *The Trump Effect or the End of Globalization?* Moscow: Rusains Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Шариков Александр Вячеславович, кандидат педагогических наук, профессор факультета креативных индустрий, научный руководитель образовательной программы «Медиа-менеджмент», Институт медиа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. ORCID: 0000-0001-6035-5960; SPIN-код: 4932-5236. E-mail: asharikov@hse.ru

Bio note:

Aleksander V. Sharikov, PhD in Pedagogy, Professor of the Faculty of Communications, Media and Design Department, Scientific Supervisor of the Master's Programme *Media Management*, Institute of Media, HSE University, 20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-6035-5960; SPIN-code: 4932-5236. E-mail: asharikov@hse.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-1-151-162

EDN: SZHTRS

УДК 316.774:004.738.5(470)

Научная статья / Research article

Амбивалентность ценностей успеха в российском цифровом дискурсе

М.В. Григорьева^{id}✉, С.А. Зверев^{id}, Е.А. Кожемякин^{id}

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Российская Федерация*
✉mariya.grigoreva@hse.ru

Аннотация. Цель статьи – выявление устойчивых стратегий репрезентации успеха в российском сегменте социальных сетей и связанных с ними ценностных нарративов. Предметом анализа выступают цифровые самопрезентации пользователей, демонстрирующих достижения, признание или преодоление трудностей. Эмпирической базой исследования стал корпус из более чем 2 млн сообщений, собранных из открытых источников с помощью системы Brand Analytics. Методологически работа основана на сочетании количественного (тематическая классификация с использованием LDA, кластеризация) и качественного контент-анализа. Теоретическая рамка включает драматургическую модель И. Гофмана, а также концепции цифровой самопрезентации и микрознаменитости. В результате выделены основные сюжеты цифрового дискурса успеха: демонстрация высокого потребления, признание усилий и пользы обществу, преодоление сложностей. Выявлены визуальные и вербальные стратегии, включая применение иронической дистанции как способа смягчения социальной обязанности быть успешным. Особое внимание уделено соотношению между индивидуалистскими и коллективистскими основаниями представлений об успехе. Исследование демонстрирует существование в российском онлайн-дискурсе устойчивого канона успеха, встраиваемого в повседневные цифровые практики и подкрепляющего социальные нормы через механизмы публичной самопрезентации.

Ключевые слова: успех в цифровой среде, самопрезентация, социальные сети, визуальные стратегии, ценностные ориентации, цифровая культура, культурные нормы

Вклад авторов. Разработка концепции исследования, редактирование рукописи – С.А. Зверев; сбор материалов, анализ данных и написание рукописи – М.В. Григорьева; интерпретация данных и редактирование рукописи – Е.А. Кожемякин. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Григорьева М.В., Зверев С.А., Кожемякин Е.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Статья подготовлена в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № ФИ–2025–83 «Современные технологии социально-политической коммуникации»).

История статьи: поступила в редакцию 16 октября 2025 г.; отрецензирована 19 ноября 2025 г.; принята к публикации 8 декабря 2025 г.

Для цитирования: Григорьева М.В., Зверев С.А., Кожемякин Е.А. Амбивалентность ценностей успеха в российском цифровом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 1. С. 151–162. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-151-162> EDN: SZHTRS

Ambivalence of Success Values in Russian Digital Discourse

Maria V. Grigoreva^{ID}✉, Sergei A. Zverev^{ID},
Evgeny A. Kozhemyakin^{ID}

HSE University, Moscow, Russian Federation

✉mariya.grigoreva@hse.ru

Abstract. The article aims to identify stable strategies for representing success in the Russian segment of social media and the value narratives associated with them. The study focuses on digital self-presentations in which users showcase achievements, recognition, or overcoming hardship. The empirical basis comprises a corpus of over two million posts and comments collected from open sources using the Brand Analytics platform. The methodology combines quantitative techniques (LDA topic modeling, clustering) with qualitative content analysis. The theoretical framework draws on Erving Goffman’s dramaturgical model, as well as the concepts of digital self-presentation and micro-celebrity. The analysis reveals dominant themes in the discourse of success, including displays of consumption, recognition of effort and social benefit, and narratives of perseverance. Both visual and verbal strategies are examined, particularly the use of ironic distance to mitigate the societal pressure to appear successful. Special attention is paid to the interplay between individualistic and collectivist conceptions of success. The findings suggest the emergence of a stable visual and rhetorical canon of success within Russian online discourse, reinforcing social norms through everyday digital performances.

Keywords: success in digital space, self-presentation, social media, visual strategies, value orientations, digital culture, cultural norms

Authors’ contribution. Conceptualization of the study & manuscript editing – Sergei A. Zverev; data collection, data analysis & manuscript writing – Maria V. Grigorieva; data interpretation & manuscript editing – Evgeny A. Kozhemyakin. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. The article was prepared at the National Research University Higher School of Economics as part of a government-funded research project of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FI-2025-83 “Modern Technologies of Socio-Political Communication”).

Article history: submitted October, 16 2025; revised November 19, 2025; accepted December 8, 2025.

For citation: Grigoreva, M.V., Zverev, S.A., & Kozhemyakin, E.A. (2026). Ambivalence of Success Values in Russian Digital Discourse. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(1), 151–162. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-151-162> EDN: SZHTRS

Введение

С распространением социальных сетей репрезентация успеха приобретает новые формы и значения. В цифровой среде пользователи конструируют свои образы, демонстрируя достижения и «идеальные» аспекты жизни широкой аудитории (Hjetland et al., 2022). Такое публичное самовыражение служит индикатором ценностных ориентаций и одновременно влияет на формирование социальных норм (Shin, Seock, 2022). Репрезентации отражают актуальные культурные модели и представления, в частности стремление к материальному достатку, профессиональным высотам или общественному признанию. Кроме того, нормы успешности, транслируемые через соцмедиа, воздействуют на аудиторию: приводят к подражанию, формируют ожидания, влияют на психологическое благополучие (Shin, Seock, 2022). Наконец, российский контекст успеха имеет свою специфику, обусловленную историческим пересечением коллективистских ценностей и новой рыночной идеологии. В современной России феномен успеха вызывает повышенный интерес общества и нередко становится предметом дискуссий о сочетании традиционных идеалов и западных моделей достижения целей (Бельцова, 2012).

Исследование опирается на теоретическую рамку драматургической модели И. Гофмана (2000), а также концепты цифровой самопрезентации и микрознаменитости (Marwick, 2015). Эти подходы позволяют рассматривать высказывания пользователей как действия по конструированию образа «успешного Я» в цифровой среде.

Настоящее исследование нацелено на выявление и анализ того, каким образом пользователи русскоязычных социальных сетей репрезентируют успех и связанные с ним ценности. Специфика материала – данные социальных медиа позволяют увидеть спонтанно артикулируемые и стихийно распространяющиеся нарративы успеха, в которых проявляются культурные нормы и ценностные установки. Не все сообщения являются полностью «естественными» в строгом социологическом смысле – часть из них подготовлена заранее и подчиняется логике жанра (мотивационные видео, поздравления и др.). Однако даже эти сообщения оказываются индикативными: они транслируют представления об успехе, считающиеся приемлемыми и желательными для широкой аудитории. Такой подход дает возможность сравнить данные с уже известными из литературы концепциями (например, с драматургической теорией самопрезентации И. Гофмана (2000)) и выявить особенности именно российского цифрового дискурса успеха.

Теоретическое обоснование

Явление самопрезентации успеха изучалось в разных контекстах – от классических социологических теорий взаимодействия до современных исследований цифровой культуры. Еще в середине XX в. Ирвинг Гофман в работе «Представление себя в повседневной жизни» показал, что в социальном взаимодействии индивиды выступают как «актеры», разыгрывающие определенные роли перед аудиторией ради управления впечатлением (2000). Успех в гофмановском изложении – это успешное выполнение социальной роли, признанной окружающими. В условиях наличия и доступности социальных медиа эта модель приобретает дополнительный смысл: онлайн-платформы предоставляют постоянную «сцену» для демонстрации достижений и статусов, пользователи сами отбирают контент для публикаций о себе. Как отмечают исследователи, в социальных сетях происходит усиление перформативности: люди не просто сообщают о своих успехах, но и стремятся оформить их как контент для подписчиков. Так, Элис Марвик вводит понятие «микрорезнаменитость», показывая, как обычные пользователи применяют практики саморекламы, свойственные знаменитостям, чтобы привлечь внимание и повысить свой онлайн-статус (Marwick, 2015). Внимание аудитории трансформируется в «валюту успеха», а количественные метрики платформ – лайки, подписчики, просмотры – в знаки социального одобрения. Архитектура социальных медиа сама стимулирует пользователей соревноваться в успешности. По словам Марвик, алгоритмы и культура Web 2.0 поощряют постоянное самопродвижение и состязание за внимание (Marwick, 2015).

Наряду с поощрениями цифровая среда формирует и нормы вокруг демонстрации успеха. Исследователи отмечают двойственность: с одной стороны, соцсети стимулируют демонстрацию достижений, а с другой – существует риск негативной реакции аудитории. Лента, заполненная идеализированными снимками с чужими успехами, способна породить у наблюдателей неудовлетворенность собственной жизнью и зависть (Carraturo и др., 2023). А зависть в свою очередь нередко выражается в стремлении обесценивать или высмеивать успехи других людей (Lange и др., 2018).

Российский контекст вносит ряд дополнительных нюансов в понятие успеха. Существует расхождение между «западной» моделью успешности, сконцентрированной на индивидуальных достижениях, карьере и общественном признании, и российскими представлениями (Бельцова, 2012). Западный идеал зачастую ставит во главу угла личный успех, измеряемый общественным признанием, богатством, славой (Бельцова, 2012). Российская же модель, по мнению исследователей, противоречива: в ней переплетены традиционные ценности (семья, духовность, коллективизм) и рыночные устремления (карьера, материальное благополучие, индивидуализм) (Бельцова, 2012). Эмпирические исследования выявляют сегментацию в ценностях успеха среди разных социальных групп. Например, опрос 4000 россиян показал существование категорий вроде «новые консерваторы» (ценящие семью и интересную работу,

но отвергающие соревнование «жить не хуже других») и «самодостаточные собственники» (ориентированные на материальные признаки успеха – собственность, доход – и критично оценивающие свои достижения) (Темницкий, 2018). Это указывает, что единого подхода к успеху и его артикуляции нет.

Особенно интересны ценности молодого поколения. Опросы фиксируют, что материальные и карьерные критерии прочно вошли в представление российских подростков и молодежи об успехе. Более половины респондентов 14–35 лет связывают успех прежде всего с интересной работой (56 %) и высоким уровнем материального достатка (55 %)¹. Создание крепкой семьи считается важным аспектом (около половины – 46–60 % – включают его в критерии успеха), хотя непосредственное наличие детей называется существенно реже. При этом, как показывают данные нашего исследования, семья и карьера в пользовательских нарративах не воспринимаются как взаимоисключающие ориентиры, они чаще представлены как взаимодополняющие и даже обязательные составляющие полноценной, «успешной» жизни. Напротив, такие аспекты, как общественное признание или вклад в благополучие других, ценятся молодежью значительно меньше: в исследовании лишь около 11 % указали общественное признание, всего 5–6 % – «счастье других людей» как значимую ценность.

Репрезентация успеха в социальных сетях таким образом формируется на пересечении глобальных трендов (перформативная самопрезентация, культ индивидуальных достижений) и локальных особенностей (ценность семьи, слабая выраженность идеала «счастья других людей»). Одна из задач исследования – увидеть, как эти тенденции реализуются на практике в российском сегменте соцмедиа.

Материалы и методы

Исследование опирается на сочетании количественных и качественных методов анализа большого корпуса текстов социальных сетей (посты, комментарии). Данные были собраны с помощью системы мониторинга Brand Analytics: выгружено свыше 2 млн публичных сообщений на русском языке, опубликованных с сентября 2023 по сентябрь 2024 г.

В данном исследовании под цифровым дискурсом и цифровой средой понимаются не только социальные сети в узком смысле, но и более широкий спектр публичных цифровых платформ, охватываемых системой мониторинга Brand Analytics. В выборку вошли сообщения из социальных сетей («ВКонтакте», «Одноклассники», Rutube, YouTube и др.), блогов, форумов, сайтов отзывов, телеграм-каналов и открытых чатов.

Для отбора данных была использована лексическая фильтрация: на основе предварительного анализа были определены 38 устойчивых фраз-маркеров, указывающих на рассуждения о жизненных ценностях (например, «Моя

¹ См.: Ежегодный мониторинг ценностных ориентаций современной молодежи: аналитический отчет по результатам исследования 2022 г. // Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан РФ». М. : Институт воспитания, 2022. 8 с.

жизненная цель...», «Для меня важно...», «Я горжусь тем, что...» и т.п.). Эти фразы-фильтры позволили сфокусироваться на сообщениях, в которых авторы намеренно артикулируют свои ценностные установки, исключив из выборки случайные бытовые высказывания. Благодаря такому отбору обеспечилась содержательная релевантность данных, хотя остаются ограничения репрезентативности. Полученный корпус прошел стандартные этапы предобработки (очистку от шумовых символов, удаление дубликатов (репостов), лемматизацию и удаление стоп-слов).

Для автоматического анализа тематики был применен метод латентного размещения Дирихле (Latent Dirichlet Allocation, LDA). Учитывая большой объем и разноплановость текстов, модель была обучена выделять относительно большое число тем ($K = 5000$) – это дало возможность дифференцировать даже близкие по смыслу ценностные сюжеты. Каждая полученная LDA-тема характеризовалась списком наиболее вероятных слов. На следующем этапе близкие по смыслу темы были объединены в укрупненные кластеры с помощью кластеризации k -средних на основе контекстных векторных представлений слов. Всего было выявлено 25 кластеров, охватывающих основные ценностные ориентации российских пользователей социальных сетей (табл.). Мы подчеркиваем пересекаемость ценностных кластеров: одно сообщение может относиться к нескольким темам (например, семья, справедливость, патриотизм).

Распределение кластеров в корпусе данных

Кластер	Сообщения, %
Семья и взаимоотношения	56
Открытость и добрососедство	37
Гордость и патриотизм	36
Поддержка и сотрудничество	33
Развитие и самосовершенствование	25
Знания и наставничество	19
Доброта и человечность	17
Справедливость и равенство	15
Совершенство и профессионализм	11
Щедрость и милосердие	11
Надежда и вера	10
Память и традиции	10
Стойкость и смелость	10
Здоровье и безопасность	8
Служение и лидерство	7
Комфорт и спокойствие	5
Вдохновение и оптимизм	5
Достижения и успех	5
Гибкость и адаптивность	3
Выбор и право	3
Культура и наследие	2
Красота и эстетика	2
Уверенность и независимость	2
Энергия и спорт	1
Природа и экология	1

Источник: составлено М.В. Григорьевой, С.А. Зверевым, Е.А. Кожемякиным.

Distribution of clusters in the data corpus

Cluster	Messages, %
Family and relationships	56
Openness and good-neighborliness	37
Pride and patriotism	36
Support and cooperation	33
Growth and self-improvement	25
Knowledge and mentorship	19
Kindness and humanity	17
Justice and equality	15
Excellence and professionalism	11
Generosity and compassion	11
Hope and faith	10
Memory and traditions	10
Resilience and courage	10
Health and safety	8
Service and leadership	7
Comfort and tranquillity	5
Inspiration and optimism	5
Achievement and success	5
Flexibility and adaptability	3
Choice and rights	3
Culture and heritage	2
Beauty and aesthetics	2
Confidence and independence	2
Energy and sports	1
Nature and environment	1

Source: compiled by Maria V. Grigoreva, Sergei A. Zverev, Evgeny A. Kozhemyakin.

Для каждого кластера были определены названия и краткие описания. В частности, кластер, содержащий слова «успех, цель, карьера, богатство, победа», получил название «Достижения и успех». Этот кластер соответствует категориям самоутверждения и достижений в типологиях ценностей, например по Ш. Шварцу (Schwartz, 1994).

В рамках данной статьи фокус сделан именно на кластере «Успех и достижения», то есть на тех сообщениях, в которых пользователи явно обсуждают тему личного успеха. Для углубленного анализа были отобраны характерные примеры сообщений из данного кластера. Применялся метод качественного контент-анализа: тексты читались и разбивались на смысловые фрагменты, отражающие различные аспекты репрезентации успеха. Также сообщения анализировались на наличие специфически российских мотивов, таких как акцент на коллективном благе или, наоборот, сдержанность в демонстрации личных достижений. Приводимые в тексте примеры цитат из сообщений являются дословными (орфография приближена к литературной для удобства чтения) и служат иллюстрацией выявленных тенденций.

Выявленные ценностные кластеры, в том числе «успех», прошли валидацию экспертами: их содержание не противоречит известным социологическим теориям, а напротив, обогащает их конкретным эмпирическим материалом.

Результаты и обсуждение

В кластере «Успех и достижения» (72 тыс. сообщений) содержатся как личные истории, так и публичные сообщения (новости, поздравления, мотивационные цитаты) – все они объединены тем, что авторы явно оценивают определенные достижения как значимые. Можно выделить несколько интерпретационных репертуаров.

1. Перечисление достижений и демонстрация статуса (48,7 % корпуса данных). Авторы упоминают полученные награды, должности, приобретения. Такие посты могут быть оформлены как личные отчеты («наконец-то добился...»), благодарности аудитории за поддержку или как фактическое извещение. В других случаях пользователи делятся личными вехами: окончание университета, получение водительских прав, покупка квартиры.

Интересно, что прямая демонстрация достижений обычно смягчается контекстом или языком. В русскоязычном дискурсе пользователи стараются избежать высокомерного тона.

За год я основал бизнес и привлек в него 17 000 000 рублей инвестиций, параллельно выпускаясь из вуза.

Я защитила диплом на отлично.

Впервые в жизни пробежал марафон (42 км 195 м).

Пользователи также акцентируют внимание на признаках внешнего признания своих достижений. Успех в этом случае подтверждается оценкой извне – награды, профессиональные регалии или числовые метрики вовлеченности.

2. Репертуар преодоления и упорного труда – 31,4 %. Значимая часть сообщений об успехе представлена в виде историй, в которых акцент сделан не столько на конечном результате, сколько на пути к нему. Такой нарратив преодоления широко распространен: ценится идея, что успех добыт ценой усилий, через препятствия. Пользователи рассказывают о трудностях, которые пришлось преодолеть, тем самым легитимируя свой успех как заслуженный. Подобные высказывания часто сопровождаются хештегами #мотивация, #успех, #цель (12,5 % репертуара).

Через боль рождаются успешные люди.

Легких путей не бывает: упорный труд – единственный ключ к успеху.

Мы на десять лет раньше закрыли (ипотеку)! Теперь квартира полностью наша, хотя это стоило нам очень больших усилий, иногда сверхусилий.

Мотив усилия и труда почти всегда противопоставляется идее легкого, случайного везения. Российские пользователи склонны скептически относиться к «быстрому успеху без труда». Встречаются ироничные замечания об «успешном успехе», намекающие на пустой пафос без содержания. Гораздо чаще продвигается установка, что за любым достижением стоит невидимый объем работы. В мотивационных пабликах можно увидеть такую мысль: «Все самое сложное остается за кадром, а на поверхности – лишь красивая картинка успеха». В целом риторика упорного труда и саморазвития явно доминирует в обсуждениях успеха как своего рода легитимирующая идеология. Авторы

приписывают успех личным качествам: трудолюбию, целеустремленности, настойчивости, предприимчивости.

3. Успех как результат поддержки и совместных усилий – 21,6 %. В сообщениях репертуара успех репрезентируется не как исключительно индивидуальное достижение, а как результат коллективной работы и поддержки со стороны значимых других. Пользователи подчеркивают, что важную роль в достижении цели сыграли команда, наставники, семья или аудитория.

Я горжусь нашей сплоченной командой. Ваши старания, креативность и упорство сделали возможным то, чего мы уже достигли за эти 4 дня.

Каждая успешная история – это не только моя заслуга, но и заслуга тех, кто доверяет мне и моим методам.

Дорогая, спасибо большое за теплые слова. Мне очень приятно, и я горжусь вашими успехами в турецком языке. Но результат, который Вы получили, не только моя заслуга, но и Ваш труд и терпение.

Подобные формулировки отражают укорененное в российской культуре представление о том, что успех – не индивидуальное достижение, а должен быть разделен с другими. Такая риторика скромности и коллективного участия усиливает эмоциональный эффект и делает успех более «приемлемым» для публичной демонстрации.

4. Индивидуальный успех для одобрения общественностью должен быть представлен в контексте «вклада» в общее благо – 9,3 %. Например, успех военнослужащих, врачей, учителей представлен не просто как их личное достижение, а как гордость для страны, победа для народа. В патриотически окрашенных постах успех связывается со служением: герои достигают его «во благо Родины», «ради спасения жизней» и т.д. Однако в обычных пользовательских историях (не СМИ) подобные мотивы встречаются реже. Один из немногих примеров – волонтеры или социальные предприниматели, рассказывающие об успехах своих проектов помощи другим. Они акцентируют, что главным показателем успеха для них является количество спасенных или людей, получивших помощь.

Для нашей команды успех – это улыбки детей на празднике, который мы организовали.

Помочь человеку перейти от выгорания к прорыву стало для меня самой большой гордостью, и не из-за улучшенных показателей...

Мотив служения или общественного блага встречается эпизодически, главным образом, когда речь идет об успехах, встроенных в коллективистский контекст (успех команды, страны, благотворительного дела). Однако это скорее исключение: ценность успеха как служения явно уступает ценности успеха как самореализации.

5. Сдержанность и барьеры в демонстрации успеха – 17,4 %. Несмотря на обилие историй успеха, просматривается и тенденция сдержанности в их публичной трансляции. Российская культурная норма «скромности» ощущается и в цифровом дискурсе. На форумах и в комментариях можно встретить осуждающие высказывания, обвинения в преувеличении. Более того, сами

авторы начинают посты о достижениях ремарками, снижающими эффект «хвастовства». Это создает социальное «давление скромности».

Хвастаться неприлично...

Не люблю хвастаться, но уж очень просили...

Простите за саморекламу...

Кроме внешних, есть и внутренние сдерживающие факторы. Например, встречаются рассуждения, что *мои достижения еще недостаточно велики, чтобы о них говорить*. В ценностной картине успех – это что-то экстраординарное (миллионы, слава), а свои «маленькие победы» некоторые пользователи не считают достойными внимания. Что может формировать несколько фрустрирующую среду.

6. Баланс как альтернатива «достигаторству» – 12,8 %. В ряде сообщений успех противопоставляется гонке за достижениями. Пользователями артикулируется идея баланса между работой и личной жизнью.

Когда ты все время на связи... рано или поздно теряешь не только силы, но и близких.

Я так долго шел к этой должности, что не заметил, как мой сын вырос.

Подобные сюжеты указывают на появление «ценностного спроса» на устойчивые и гармоничные модели успеха.

Заключение

Подводя итог эмпирическому разделу, можно констатировать: образ успеха в российском сегменте соцсетей в основном складывается из комбинации личных достижений (карьера, материальный достаток), трудового вклада и преодоленных трудностей, подтверждения со стороны значимых других (общество, семья, эксперты) и умеренной скромности в подаче. Вместе с тем успех часто привязан к другим ценностям: он оправдан, если обеспечивает близких, или гордость за него разделяют окружающие. Эта взаимосвязь согласуется с выводами количественного этапа исследования: кластер «успех» положительно коррелирует с темами семьи и патриотизма. Иными словами, даже индивидуальный триумф воспринимается весомее, если он вписан в коллективный контекст.

На фоне глобального тренда на индивидуализм российские данные все же демонстрируют сильную связь успеха с семейно-коллективными ценностями. Успех нередко позиционируется как средство или условие исполнения долга перед близкими. Упоминания о том, что человек старается ради семьи, что успех позволяет ему заботиться о родителях или детях, – придают моральную окраску персональным достижениям. Аналогично, привязка к общественным категориям (страна, народ, команда) используется для возвышения успеха до «общезначимого» статуса: успех «принимается в расчет» тогда, когда окружающие тоже признают его. Настоящее исследование показало, что российская репрезентация успеха в соцсетях – это амбивалентное явление.

Полученные результаты согласуются с известными теориями, в частности подтверждают применимость гофмановской драматической модели к соцсетям: авторы действительно «играют роль» успешного человека перед публикой, стараясь соответствовать ее ожиданиям. Вместе с тем российский материал показывает и значимость локальных культурных сценариев, например сценария «тяжкого труда» или «семейного успеха», которые смягчают глобальный культ индивидуализма.

Исследование, несмотря на большой объем данных, имеет ряд ограничений. Во-первых, корпус сформирован на основе ключевых фраз о ценностях, что могло привести к смещению тематики: мы анализировали случаи, в которых авторы осознанно говорили об успехе. За кадром остались, например, слабовыраженные демонстрации успеха (фотографии без комментариев) или обсуждения успехов других людей. Во-вторых, наши данные охватывают период 2023–2024 гг. Картина может меняться со временем. Третье ограничение – отсутствие строгой статистической оценки для качественных наблюдений: мы привели типичные примеры, но не ставили цель количественно измерить долю каждого мотива. Кроме того, мы не дифференцировали результаты по социально-демографическим характеристикам авторов из-за анонимности значительной части данных. Возможно, разные поколения или социальные страты представляют успех несколько иначе. Это направление остается для дальнейшего изучения.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что впервые на большом массиве эмпирических данных из российских социальных сетей проведен комплексный анализ цифровых репрезентаций успеха с опорой на количественные (LDA-моделирование, кластеризация) и качественные (контент-анализ) методы. Исследование выявляет особенности российской цифровой культуры: амбивалентность отношения к демонстрации успеха, значимость семейно-коллективных контекстов в легитимации достижений и ограниченность альтруистического нарратива. В отличие от преимущественно индивидуалистических моделей, доминирующих в западных исследованиях, представленная работа акцентирует роль социальных ожиданий, нормы скромности и поиска общественного одобрения как структурирующих элементов дискурса успеха в России.

References / Список литературы

- Beltsova, I. A. (2012). Success as a value in Russian media discourse (gerontological discourse). *Kazan Journal of Historical, Linguistic, and Legal Research*, 154(6), 161–168. (In Russ.) EDN: PUUPZT
Бельцова И.А. Успех как ценность в подаче российских СМИ (геронтологический дискурс) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. № 6. С. 161–168. EDN: PUUPZT
- Carraturo, F., Di Perna, T., Giannicola, V., Nacchia, M.A., Pepe, M., Muzii, B., Bottone, M., Sperandeo, R., Bochicchio, V., Maldonato, N.M., & Scandurra, C. (2023). Envy, social comparison, and depression on social networking sites: a systematic review. *European Journal of Investigation in Health, Psychology and Education*, 13(2), 364–376. <https://doi.org/10.3390/ejihpe13020027>

- Goffman, E. (1959). *The Presentation of Self in Every Day Life*. Doubleday.
Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ., вступ. ст. А.Д. Ковалева. М. : КАНОН-Пресс-Ц : Кучково поле, 2000. 304 с.
- Hjetland, G.J., Finserås, T.R., Sivertsen, B., Colman, I., Hella, R.T., & Skogen, J.C. (2022). Focus on self-presentation on social media across sociodemographic variables, lifestyles, and personalities: a cross-sectional study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19(17), 11133. <https://doi.org/10.3390/ijerph191711133>
- Lange, J., Weidman, A.C., & Crusius, J. (2018). The painful duality of envy: evidence for an integrative theory and a meta-analysis on the relation of envy and schadenfreude. *Journal of Personality and Social Psychology*, 114(4), 572–598. <https://doi.org/10.1037/pspi0000118>
- Marwick, A.E. (2015). You may know me from YouTube: (micro-)celebrity in social media. In P.D. Marshall, & S. Redmond (Eds.), *A Companion to Celebrity* (pp. 333–350). John Wiley & Sons, Ltd. <https://doi.org/10.1002/9781118475089.ch18>
- Schwartz, S.H. (1994). Are there universal aspects in the structure and contents of human values? *Journal of Social Issues*, 50(4), 19–45. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1994.tb01196.x>
- Shin, J., & Seock, Y.-K. (2022). The new face of mimicry consumption: understanding the mediating role of social media. *International Journal of Fashion Design, Technology and Education*, 15(3), 430–439. <https://doi.org/10.1080/17543266.2022.2083695>
- Temnitsky, A.L. (2018). Life success values and their fulfillment for Russia's working population. *Vestnik Instituta Sotsiologii*, 9(3), 121–142. (In Russ.)
Темницкий А.Л. Ценности жизненного успеха и их воплощение у работающего населения России // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9. № 3. С. 121–142. <https://doi.org/10.19181/vis.2018.26.3.529>

Сведения об авторах:

Григорьева Мария Владимировна, старший преподаватель Школа коммуникаций, факультет креативных индустрий, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 109028, Москва, Покровский бул., д. 11. ORCID: 0009-0007-2413-7721; SPIN-код: 7313-9899. E-mail: mariya.grigoreva@hse.ru

Зверев Сергей Александрович, руководитель Школы коммуникаций, факультет креативных индустрий, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 109028, Москва, Покровский бул., д. 11. ORCID: 0009-0004-4118-2629; SPIN-код: 5756-8911. E-mail: szverev@hse.ru

Кожемьякин Евгений Александрович, профессор Школы коммуникаций, факультет креативных индустрий, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 109028, Москва, Покровский бул., д. 11. ORCID: 0000-0003-2991-1011; SPIN-код: 9720-8567. E-mail: ekozhemyakin@hse.ru

Bio notes:

Maria V. Grigoreva, Senior Lecturer at the School of Communications, Faculty of Creative Industries, HSE University, 11 Pokrovsky Blvd, Moscow, 109028, Russian Federation. ORCID: 0009-0007-2413-7721, SPIN-code: 7313-9899. E-mail: mariya.grigoreva@hse.ru

Sergei A. Zverev, Head of the School of Communications, Faculty of Creative Industries, HSE University, 11 Pokrovsky Blvd, Moscow, 109028, Russian Federation. ORCID: 0009-0004-4118-2629; SPIN-code: 5756-8911. E-mail: szverev@hse.ru

Evgeny A. Kozhemyakin, Professor at the School of Communications, Faculty of Creative Industries, HSE University, 11 Pokrovsky Blvd, Moscow, 109028, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-2991-1011; SPIN-code: 9720-8567. E-mail: ekozhemyakin@hse.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-1-163-174

EDN: TVKMUF

УДК 81'22:316'4

Научная статья / Research article

Цифровая фотография в эпоху социальных медиа: между правдой и вымыслом

Ю.В. Балакина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Российская Федерация
✉ julianaumova@gmail.com

Аннотация. Исследуется феномен цифровой социальной фотографии как результат современных социомедийных практик; анализируется трансформация роли фотографии в эпоху цифровых технологий, где она выступает не только как средство фиксации реальности, но и как активный агент процесса смыслообразования. Исследование базируется на методологии цифровой, постцифровой и воплощенной семиотики, что позволяет выявить специфические черты цифровой социальной фотографии в современной коммуникативной среде. Цифровая социальная фотография определяется как постцифровой знак, который формируется под воздействием двух разнонаправленных тенденций: активности аудитории (продюсентов), интерпретирующей и репрезентирующей смыслы, а также технологических систем, влияющих на эти процессы. Непрерывный поток цифровых изображений устанавливает связь между онлайн- и офлайн-пространствами, социальными практиками и их индивидуальными интерпретациями. Фотография в социальных медиа является универсальным средством коммуникации, выполняющим функции визуализации, самопрезентации и выражения эмоций. Параллельно происходит утрата фотографией ее прежней документальной достоверности. Границы между вымыслом и реальностью становятся размытыми, в том числе в результате развития современных технологий, позволяющих не только модифицировать форму и содержание реальных фотографий, но и генерировать их с использованием искусственного интеллекта. В исследовании делается вывод о том, что цифровая социальная фотография функционирует как гибридный знак, значение которого зависит от воли пользователя и алгоритмов воздействия, что бросает вызов традиционным представлениям о достоверности фотографий.

Ключевые слова: фотография, семиотика, постцифровой знак, социальные медиа, визуальная коммуникация, цифровая культура

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 27 августа 2025 г.; отрецензирована 30 сентября 2025 г.; принята к публикации 11 ноября 2025 г.

© Балакина Ю.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Балакина Ю.В. Цифровая фотография в эпоху социальных медиа: между правдой и вымыслом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 1. С. 163–174. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-163-174> EDN: TBKMUF

Photography in the Age of Social Media: Between Truth and Fiction

Yulia V. Balakina

HSE University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

✉ julianaumova@gmail.com

Abstract. The phenomenon of digital social photography is explored as a product of contemporary social media practices. It analyses the transformation of the role of photography in the digital age, where it functions not merely as a tool for recording reality, but also as an active agent in the process of meaning-making. The study relies on the methodologies of digital, post-digital, and embodied semiotics, which allow to identify the specific characteristics of digital social photography in today's communicative environment. Digital social photography is defined as a post-digital sign shaped by two opposing trends: the activity of the audience (producers) who interpret and represent meanings; and technological systems that influence these processes. The continuous flow of digital images establishes connections between online and offline spaces; social practices and their individual interpretations. In social media, photography serves as a universal means of communication, fulfilling the functions of visualisation; self-presentation and emotional expression. At the same time, photography is losing its former documentary authenticity. The boundaries between fiction and reality are becoming blurred, partly due to the development of modern technologies that not only allow modifying the form and content of real photographs, but also enable generating images using artificial intelligence. The study concludes that the digital social photograph functions as a hybrid sign, whose meaning is negotiated between user agency and algorithmic influence, fundamentally challenging traditional notions of photographic indexicality.

Keywords: photography, semiotics, post-digital sign, social media, visual communication, digital culture

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 27, 2025; revised September 30, 2025; accepted November 11, 2025.

For citation: Balakina, Yu.V. (2026). Photography in the Age of Social Media: Between Truth and Fiction. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(1), 163–174. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-163-174> EDN: TBKMUF

Введение

Первую камеру Kodak представил миру Джордж Истмен в 1888 г. Его презентация сопровождалась слоганом: «Вы нажимаете на кнопку – мы делаем все остальное» (Zuromskis, 2021). С этого момента произошел переход от ис-

кусства фотографии к повседневной практике фотографирования (Venema, Lobinger, 2020).

Однако появление таких цифровых технологий, как камеры на мобильных телефонах, практически повсеместный доступ к сети Интернет и развитие социальных сетей кардинально изменили не только технические аспекты фотографирования, но и социокультурный контекст их создания и потребления, наделив пользовательский контент беспрецедентной значимостью в медиапространстве.

Цифровые социальные фотографии, доступные 24/7, мгновенно публикуются в социальных медиа и передаются через мессенджеры, что обусловлено гипервизуальностью, ремедиацией и кросс-медиацией современного мира. Фотографии, являясь частью офлайн-реальности, интегрируются в онлайн-пространство, распространяются, интерпретируются и вновь становятся частью офлайн-мира посредством материального воплощения или же через воспроизведение репрезентируемых фактов, формируя постцифровые пузыри, тем самым влияя на поведение пользователей (Besley et al., 2018; Lacković, 2020).

Демократизация доступа к технологиям создала парадоксальную ситуацию: с одной стороны, фотография стала универсальным языком коммуникации, а с другой – утратила свою прежнюю документальную достоверность, превратив образцентричное медийное пространство в площадку для конструирования желаемой виртуальной реальности и обмена мифами.

Данный парадокс приводит к необходимости осмысления роли фотографии как инструмента социальной коммуникации в эпоху цифровых технологий.

Материалы и методы

Основная цель настоящего исследования заключается в концептуализации феномена цифровой социальной фотографии (ЦСФ) как результата социомедийных практик. Это предполагает теоретическое осмысление ЦСФ как семиотического знака, системный анализ формируемых посредством практик значений, а также выявление специфических черт, определяющих статус ЦСФ в современной коммуникативной среде.

Теоретико-методологической основой выступают подходы социальной, цифровой, постцифровой и воплощенной семиотики (Berlanga-Fernández, Reyes, 2024; Jones, 2020; Lacković, 2020; Lefebvre, 2022).

Результаты и обсуждение

С формальной точки зрения современная цифровая фотография – это знак, или индекс, представляющий собой цифровой след объекта, запечатленного на фотографическом изображении; символ – транслирующий традиционные значения, устоявшиеся идеи или концепции; икона – демонстрирующая визуальное сходство с объектом (Пирс, 2000; Barthes, 1973; Niemelä-Nyrhinen, Seppänen, 2020).

Визуальный репрезентант фотографии, то есть фактически то, что представлено, является лишь одним из множества возможных конкретных проявлений абстрактных понятий, материальных объектов, социально-культурной информации и коннотаций, которые могут интерпретироваться по-разному в зависимости от контекста и восприятия различных интерпретаторов.

Фотография как средство репрезентации имеет двойственную природу, сочетая в себе реальное и воображаемое, при этом первое подкрепляет второе. Реальность репрезентации достигается посредством указания на объект опыта, существование и характеристики которого по определению могут быть верифицированы (Lefebvre, 2022).

Так, в качестве знака-сообщения (Пирс, 2000), или образа бытия реального факта, фотография показывает лишь то, что изображено на ней, и ничего больше. Фотография сообщает информацию о существовании объекта, его свойствах или ситуации, но не дает логического доказательства, то есть не гарантирует истинности.

Соответственно, когда истинность суждения о содержании фотографии не может быть верифицирована через визуальное восприятие и идентификацию объектов на изображении, не может быть подкреплена сопутствующими знаниями о представленных объектах в соответствии с их фотографическим изображением, фотография утрачивает свою функцию знака-сообщения и начинает функционировать как индексная рема, создавая образ бытия позитивной качественной возможности, не сообщающий о реальном наличии объекта или ситуации и не претендующий на истинность.

Нельзя не отметить также и эмоциональные реакции, которые вызывают фотографии независимо от возможности извлечения достоверных суждений о реальном объекте. В тех случаях, когда объект изображен неопределенно или почти отсутствует, эмоциональные интерпретации становятся доминирующими (Lefebvre, 2022).

Таким образом, физическая связь цифрового фотографического изображения с событием или объектом обеспечивается фотофиксацией реального момента, так как съемка происходит здесь и сейчас. Контекст публикации дополняет индексальность посредством добавления геотега, даты, имен отмеченных людей, комментариев, осуществляя «привязку» фото к конкретной ситуации, даже в том случае, когда репрезентируемые объекты не могут быть верифицированы.

Однако значение формируется не только объектом (денотатом), но и способом показа, формирующим коннотативные значения. При этом связь понимания текста с осознанием его структуры чрезвычайно важна (Березин, 2012). Фотография не просто фиксирует момент, но и настраивает восприятие через ракурс, свет, фильтр, элементы композиции, которые подчеркивают определенные качества (например, уют, роскошь, грусть и т.п.).

Рематическая функция изображения поддерживается также интерактивными инструментами платформ: лайками, комментариями и шерами, которые формируют коллективное восприятие качества изображения, а не проверяют

его достоверность. Таким образом, значение рождается в обмене качествами, а не в верификации фактов.

С точки зрения того, что становится объектом репрезентации современных цифровых фотографий, можно отметить, что, с одной стороны, снимки столь же разнообразны, как и запечатленные на них субъекты, а с другой – отмечается некоторая схожесть «семейных альбомов». Так, некоторые сцены приобретают статус знаковых под воздействием культовых изображений, таких как фотографии у новогодней елки. В ответ на это фотографы стремятся создать персонализированные версии традиционных снимков, одновременно формируя уникальные интерпретации значимых моментов. Такой подход позволяет не только следовать устоявшимся визуальным канонам, но и привносить индивидуальные художественные элементы в свои работы (Zuromskis, 2021).

Из представленных выше аргументов очевидно, что формальные характеристики цифровых изображений (технические параметры, визуальные коды) и их смысловое наполнение – это результат коммуникативного взаимодействия пользователей и технологических систем.

С позиции цифровой семиотики цифровые знаки, к которым относятся и фотографии, не являются статичными; они функционируют на нескольких уровнях, при этом символы часто интерпретируют другие символы, аналогично синтаксису в языкознании, но с добавлением визуальных и интерактивных компонентов. Таким образом, цифровая среда предоставляет возможность использования новых форм кодирования и декодирования, где значение формируется посредством процессов и операций, а не через фиксированные репрезентации (Mangueira et al., 2020).

Постцифровая семиотика, в свою очередь, расширяет понимание прагматических возможностей цифровой фотографии и определяет ее как «постцифровой знак», который характеризуется способностью к манифестации как в виртуальной, так и в физической среде, выполняя роль посредника коммуникации и создания смысла в обеих средах, размывая границы между ними (Lacković, 2020).

Постцифровая семиотика подчеркивает значимую роль технологий, включая генеративный искусственный интеллект (ИИ), в процессе создания и интерпретации цифровых изображений. Например, исследования, посвященные анализу семейных портретов, сгенерированных ИИ, демонстрируют, что алгоритмы играют активную роль в формировании смысловых структур, иногда внедряя предвзятости или «визуальные иллюзии», которые могут являться маркерами глобальных социальных проблем, таких как вопросы расового представительства (Hurley, 2024).

Наряду с этим, фотография как результат социомедийных практик концептуализируется в подходе «воплощенной» семиотики, сформулированной Джоунсом (Jones, 2020).

Первая практика – смотрение (*looking*) реализуется через способность технологий направлять как индивидуальное, так и коллективное внимание

на определенные аспекты опыта. Смотрение не ограничивается только фокусировкой на визуальных стимулах, но и подразумевает формулирование определенной интерпретации событий.

Вторая практика – видение (*seeing*) – включает технологии, тактики и дискурсивные практики, которые определяют, что и как можно увидеть. Восприятие никогда не является прямолинейным и очевидным, поэтому оно включает в себя не только то, что непосредственно воспринимается, но и то, что остается скрытым, а также то, кто и каким образом заполняет эти пробелы, устанавливая приоритетные и авторитетные версии событий.

Третья практика – бытование (*being*) – феноменологические и социальные аспекты идентичности, формируемые через взаимодействие с технологиями. Это вопрос того, кто мы есть, кем можем быть в рамках ограничений наших воплощенных отношений с технологиями, к которым у нас есть доступ, – наших феноменологических «Я», и ограничений наших отношений с более крупными социотехническими объединениями – наших социальных «Я».

Таким образом, форма и значение цифровой фотографии определяются взаимодействием практик субъектов медийного пространства: деятельностью продуцентов, создающих и интерпретирующих изображения, и технологических систем, ограничивающих или, напротив, стимулирующих порождение определенных форм и смыслов.

С одной стороны, наше видение формируется на основе персональных предпочтений и субъективного восприятия реальности наряду с социально-принятыми как в онлайн-, так и в офлайн-пространствах нормами, ценностями, стереотипами. Здесь мы говорим об интеграции индивидуального и социального. С другой стороны, форма определяется собственно медиа как технологиями – техническими возможностями платформы и умениями пользователей манипулировать формой изображения.

Значение фотографии как знака (индекса, символа или иконы) отчасти объективно, так как передает ключевые концепты коллективного когнитивного пространства (Балакина, 2025). Наряду с этим значение динамично, поскольку формируется в непрерывном процессе постоянного обмена фотографиями в медиа как социальной практике.

Иницируемые публикацией реакции, такие как лайки, комментарии или репосты, способствуют формированию значений фотографий, так как значения, «принимаемые» аудиторией, распространяются далее, трансформируются, подстраиваются под новые контексты и аудиторию, при этом распространение «непринятых» значений ограничивается.

С другой стороны, фотографии, опосредованные технологиями, транслируют мифы, то есть определенную идеологию¹, «публичные» значения как результат манипулирования образами. Технологии определяют акт «смотре-

¹ Вслед за В. Бургином (Burgin, 1982) под идеологией мы понимаем совокупность концептуальных положений, касающихся природного и социального бытия, которые в данном обществе считаются общепринятыми и отражающими действительную природу мира и происходящих в нем событий.

ния», продвигая, скрывая или же манипулируя визуальными репрезентациями, соответственно, передаваемыми с их помощью смыслами. Алгоритмы осуществляют отбор контента на основе анализа показателей вовлеченности пользователей, актуальных трендов и индивидуальных предпочтений, что позволяет усиливать или подавлять определенные значения.

Таким образом, взаимодействие пользовательской активности, маркирующей «желаемые» значения, и технологических систем, реализующих на ее основе фильтрацию, формируют пул циркулирующих в определенный момент времени в постцифровом пузыре значений, репрезентируемых посредством ЦСФ.

Значения цифровых фотографий также определяются контекстом их публикации в социальных медиа: в личных профилях, группах, лентах новостей и т.п., оказывая влияние на интерпретацию фотографий и их семантическое наполнение (Jovanovic, van Leeuwen, 2018). Наряду с этим, некоторые платформы, такие как Instagram² и TikTok, предоставляют инструменты для ремедиации аналоговых изображений, которые подвергаются переосмыслению и реконтекстуализации в цифровом формате. Этот процесс включает трансформацию личных воспоминаний в коллективные культурные артефакты, способные вызывать ностальгию и эмоциональный отклик (Ibrahim, 2018).

В социальных сетях, ориентированных на визуальные материалы, изображения выполняют функцию медиаторов повседневного опыта пользователей, демонстрируя индивидуальные предпочтения, вкусы и привычки. Публикация визуальных материалов и настройка профилей становятся инструментами управления впечатлением, позволяя пользователям контролировать восприятие своей личности (D'armenio, 2022).

Джоанна Жилинска утверждает, что мы живем в эпоху, когда бытие человека определяется через представления, которые мы создаем о себе и которые создаются о нас посредством фотографии (Zylinska, 2017). В то же время потребность в репрезентации собственной жизни другим индивидам обусловлена возможностью формирования у последних неточных и фрагментарных представлений о субъекте и его жизненном укладе (Круткин, 2009, с. 118). Для молодежной аудитории социальные медиа являются платформами для демонстрации собственной идентичности в режиме реального времени, что соответствует их самовосприятию. Пользователи стремятся представить себя такими, какими они себя видят или хотят быть (Фофанова, Таланов, 2022).

Таким образом, визуальная составляющая виртуальной идентичности выполняет функции интеграции индивида в структуру социальной сети, служит средством идентификации и персонализации пользователя, а также механизмом его самовыражения и признания (Ушкин, 2012).

Вместе с представленными характеристиками цифровой социальной фотографии важно описать роль фотографий в социальных отношениях. Наряду с формированием, поддержанием и укреплением социальных связей,

² Запрещен в Российской Федерации.

созданием индивидуальных и коллективных воспоминаний, самовыражением, репрезентацией и реализацией межличностных отношений (Venema, Lobinger, 2020), фотографии через эффект визуально-опосредованного соприутствия (Villi, 2015), а также при непосредственной и достоверной передаче эмоций создают основу для аффективной «визуальной близости», связей, интимного общения (Miguel, 2016). В итоге усиление синхронности визуальных взаимодействий способствует дальнейшему снижению коммуникативных барьеров.

Таким образом мы приходим к выводу, что доминирующая функция цифровых фотографий, распространяемых в медиaprостранстве, в настоящее время может быть определена как коммуникативная.

Цифровая социальная фотография – это, в первую очередь, сообщение, в основе которого комплекс семиотических ресурсов, объективируемый с помощью доступных технологических инструментов, включая технологии манипулирования визуальным контентом, которые рассматриваются как часть визуального словаря (Voerlits, 2021). В то же время функция фотографии как средства фиксации прошлого определенно отходит на второй план (Hand, 2020).

Мобилография как социальная практика способствует самовыражению индивидов, их социальной коммуникации и самопрезентации, а также играет ключевую роль в формировании и укреплении социальных и культурных связей, предоставляя возможность визуальной репрезентации глубинных ценностей, смыслов, культурных и этнических особенностей (Паниотова, Митрохина, 2021).

Так, цифровая социальная фотография становится инструментом конструирования социально-одобряемых и культурно-знакомых сценариев, где социальное взаимодействует с индивидуальным.

Заключение

Цифровая социальная фотография функционирует как постцифровой знак, значение и форма которого определяются деятельностью аудитории (продюсентов) по интерпретации и репрезентации смыслов, а также технологических систем, оказывающих влияние на эти процессы.

Соответственно, ЦСФ является средством трансляции социомедийной парадигмы представлений, связывающих онлайн- и оффлайн-пространства, социальные практики и их индивидуальные интерпретации, создаваемые, передаваемые и ограничиваемые медиа.

Роль ЦСФ как средства коммуникации в медиасреде и оффлайн невозможно переоценить. ЦСФ способствует самовыражению индивидов, обеспечивает их социальную коммуникацию и самопрезентацию, формирует и укрепляет социальные и культурные связи, создает индивидуальные и коллективные воспоминания, репрезентирует и реализует межличностные отношения, а также интегрирует индивидов в структуру социальной сети через визуаль-

ную составляющую виртуальной идентичности, которая одновременно служит средством идентификации и персонализации пользователя и механизмом его самовыражения и признания.

Обратная сторона медали растущей значимости ЦСФ – утрата фотографией своей прежней документальной достоверности. Граница между вымыслом и реальностью размывается, в том числе благодаря развитию современных технологий, позволяющих не только манипулировать формой и содержанием реальных фотографий, но также и генерировать их с помощью ИИ.

Сегодня, глядя на снимок на экране мобильного телефона или мониторе компьютера, мы все чаще задаемся вопросом: где здесь правда, а где – искусственная иллюзия?

Список литературы

- Балакина Ю.В. Социальные представления в медийной коммуникации с позиций лингвистики и семиотики // Коммуникативные исследования. 2025. Т. 12. № 1. С. 121–136. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2025.12\(1\).121-136](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2025.12(1).121-136)
- Березин В.М. О семиотических принципах организации фотографических текстов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 1. С. 22–28. EDN: PYHEYF
- Круткин В.Л. Снимки домашних альбомов и фотографический дискурс // Визуальная антропология: настройка оптики / под ред. Е.П. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М. : Вариант, 2009. С. 109–125. EDN: UCOQUH
- Паниотова Т.С., Митрохина М.В. Мобильные фотографии как «письма в будущее» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 1(99). С. 129–142. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-199-129-142> EDN: XPGJTZ
- Пирс Ч.С. Учение о знаках // Избранные философские произведения / пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриев. М. : Логос, 2000. С. 176–234.
- Ушкин С.Г. Визуальные образы пользователей социальной сети «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 5(111). С. 159–169. EDN: PGJYLT
- Фофанова К.В., Таланов Е.И. Особенности самовыражения молодежи в условиях сетевой коммуникации // Диалог культур. Культура диалога: цифровые коммуникации : материалы Третьей междунар. науч.-практ. конф., Москва, 29 марта – 2 апреля 2022 г. / отв. ред. Л.Г. Викулова. М. : Языки народов мира, 2022. С. 288–292. EDN: JDMCKQ
- Barthes R. Mythologies. St. Albans, UK : Paladin, 1973.
- Besley T., Peters M., & Rider S. Afterword: viral modernity // Post-Truth, Fake News: Viral Modernity & Higher Education / Eds. M. Peters, S. Rider, M. Hyvönen, & T. Besley. Singapore : Springer, 2018. P. 217–224. https://doi.org/10.1007/978-981-10-8013-5_19
- Boeris M. Emotive validity and the eye in the hand: Representing visual reality with digital technology // Discourse, Context & Media. 2018. Vol. 41. Article 100498. <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2021.100498>
- Burgin V. Photographic practice and art theory // Thinking Photography / ed. V. Burgin. London : Palgrave, 1982. P. 39–83. https://doi.org/10.1007/978-1-349-16716-6_4
- D'armenio E. The rhetorical dimension of images: identity building and management on social networks // Semiotica. 2022. No. 246. P. 87–115. <https://doi.org/10.1515/sem-2020-0113>
- Hand M. Photography meets social media: image making and sharing in a continually networked present // The Handbook of Photography Studies / Eds. G. Pasternak. London : Routledge, 2020. P. 310–326. <https://doi.org/10.4324/9781003103974>

- Hurley Z. Generative AI's family portraits of whiteness: a postdigital semiotic case study // *Postdigital Science and Education*. 2024. Vol. 6. P. 1240–1260. <https://doi.org/10.1007/s42438-024-00491-3>
- Ibrahim Y. Transacting memory in the digital age: modernity, fluidity and immateriality // *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. 2018. Vol. 11. No. 4. P. 453–464. <https://doi.org/10.1007/s40647-018-0222-2>
- Jones R.H. Towards an embodied visual semiotics: negotiating the right to look // *Visualizing Digital Discourse: Interactional, Institutional and Ideological Perspectives* / Eds. C. Thurlow, C. Dürscheid & F. Diémoz. Berlin ; Boston : De Gruyter Mouton, 2020. P. 19–42. <https://doi.org/10.1515/9781501510113-002>
- Jovanovic D., van Leeuwen T. Multimodal dialogue on social media // *Social Semiotics*. 2018. Vol. 28. No. 5. P. 683–699. <https://doi.org/10.1080/10350330.2018.1504732>
- Lacković N. Thinking with digital images in the post-truth era: a method in critical media literacy // *Postdigital Science and Education*. 2020. Vol. 2. P. 442–462. <https://doi.org/10.1007/s42438-019-00099-y>
- Lefebvre M. Photography and semiotics: use and purpose // *Critical Inquiry*. 2022. Vol. 48. No. 4. P. 742–773. <https://doi.org/10.1086/719852>
- Mangueira C., Fava F., Carvalhais M. Digital image as a semiotic agent // *Journal of Science and Technology of the Arts*. 2020. Vol. 12. No. 1. P. 11–17. <https://doi.org/10.34632/jsta.2020.8195>
- Miguel C. Visual intimacy on social media: from selfies to the co-construction of intimacies through shared pictures // *Social media + Society*. 2016. Vol. 2. No. 2. P. 1–10. <https://doi.org/10.1177/2056305116641705>
- Niemelä-Nyrhinen J., Seppänen J. Visual communion: The photographic image as phatic communication // *New Media & Society*. 2020. Vol. 22. No. 6. P. 1043–1057. <https://doi.org/10.1177/1461444819876237>
- Venema R., Lobinger K. Visual bonding and intimacy: a repertoire-oriented study of photo-sharing in close personal relationships // *Visualizing Digital Discourse: Interactional, Institutional and Ideological Perspectives* / Eds. C. Thurlow, C. Dürscheid, F. Diémoz. Berlin ; Boston : De Gruyter Mouton. 2020. P. 171–186. <https://doi.org/10.1515/9781501510113-009>
- Villi M. “Hey, I’m here right now”: Camera phone photographs and mediated presence // *Photographies*. 2015. Vol. 8. No. 1. P. 3–22. <https://doi.org/10.1080/17540763.2014.968937>
- Zuromskis C. *Snapshot Photography: The Lives of Images*. Cambridge : MIT Press, 2021.
- Zylinska J. *Nonhuman Photography*. Cambridge : MIT Press, 2017.

References

- Balakina, Yu.V. (2025). Social representations in media communication from linguistics and semiotics perspectives. *Communication Studies*, 12(1), 121–136. (In Russ.) [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2025.12\(1\).121-136](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2025.12(1).121-136)
- Barthes, R. (1973). *Mythologies*. St. Albans, UK: Paladin.
- Berezin, V.M. (2012). On semiotics of photography texts structures. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, (1), 22–28. (In Russ.) EDN: PYHEYF
- Besley, T., Peters, M., & Rider, S. (2018). Afterword: viral modernity. In M. Peters, S. Rider, M. Hyvönen, & T. Besley (Eds.), *Post-Truth, Fake News: Viral Modernity & Higher Education* (pp. 217–224). Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-10-8013-5_19
- Boeriis, M. (2021). Emotive validity and the eye in the hand: Representing visual reality with digital technology. *Discourse, Context & Media*, 41, 100498. <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2021.100498>

- Burgin, V. (1982). Photographic practice and art theory. In V. Burgin (Ed.), *Thinking Photography* (pp. 39–83). Palgrave. https://doi.org/10.1007/978-1-349-16716-6_4
- D'armenio, E. (2022). The rhetorical dimension of images: identity building and management on social networks. *Semiotica*, (246), 87–115. <https://doi.org/10.1515/sem-2020-0113>
- Fofanova, K.V., & Talanov, E.I. (2022). Features of youth self-expression in network communication. In L.G. Vikulova (Ed.), *Dialogue of Cultures. Culture of Dialogue. Digital Communication. Proceedings of the Third International Scientific and Practical Conference, March 29 – April 2, 2022, Moscow* (pp. 288–292). Moscow: Languages of the Worlds's Peoples Publ. (In Russ.) EDN: JDMCKQ
- Hand, M. (2020). Photography meets social media: image making and sharing in a continually networked present. In G. Pasternak (Ed.), *The Handbook of Photography Studies* (pp. 310–326). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003103974>
- Hurley, Z. (2024). Generative AI's family portraits of whiteness: a postdigital semiotic case study. *Postdigital Science and Education*, 6, 1240–1260. <https://doi.org/10.1007/s42438-024-00491-3>
- Ibrahim, Y. (2018). Transacting memory in the digital age: modernity, fluidity and immateriality. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*, 11(4), 453–464. <https://doi.org/10.1007/s40647-018-0222-2>
- Jones, R.H. (2020). Towards an embodied visual semiotics: negotiating the right to look. In C. Thurlow, C. Dürscheid, & F. Diémoz (Eds.), *Visualizing Digital Discourse: Interactional, Institutional and Ideological Perspectives* (pp. 19–42). De Gruyter Mouton. <https://doi.org/10.1515/9781501510113-002>
- Jovanovic, D., & van Leeuwen, T. (2018). Multimodal dialogue on social media. *Social Semiotics*, 28(5), 683–699. <https://doi.org/10.1080/10350330.2018.1504732>
- Krutkin, V.L. (2009). Snapshots from family albums and photographic discourse. In E.P. Yarskaya-Smirnova, P.V. Romanov (Eds.), *Visual Anthropology: Adjusting the Optics* (pp. 109–125). Moscow: Variant Publ. (In Russ.) EDN: UCOQUH
- Lacković, N. (2020). Thinking with digital images in the post-truth era: a method in critical media literacy. *Postdigital Science and Education*, 2, 442–462. <https://doi.org/10.1007/s42438-019-00099-y>
- Lefebvre, M. (2022). Photography and semiotics: use and purpose. *Critical Inquiry*, 48(4), 742–773. <https://doi.org/10.1086/719852>
- Mangueira, C., Fava, F., & Carvalhais, M. (2020). Digital image as a semiotic agent. *Journal of Science and Technology of the Arts*, 12(1), 11–17. <https://doi.org/10.34632/jsta.2020.8195>
- Miguel, C. (2016). Visual intimacy on social media: from selfies to the co-construction of intimacies through shared pictures. *Social Media + Society*, 2(2), 1–10. <https://doi.org/10.1177/20563051166641705>
- Niemelä-Nyrhinen, & J., Seppänen, J. (2020). Visual communion: The photographic image as phatic communication. *New Media & Society*, 22(6), 1043–1057. <https://doi.org/10.1177/1461444819876237>
- Paniotova, T.S., & Mitrokhina, M.V. (2021). Mobile photography as a “letter to the future”. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, (1), 129–142. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-199-129-142> EDN: XPGJTZ
- Peirce, C.S. (1965–1967). *Collected Papers* (C. Hartshorne, P. Weiss, & A.W. Burks, Eds., Vol. 1–8). The Belknap Press of Harvard University Press.
- Ushkin, S.G. (2012). Visual images of VKontakte social network users. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (5), 159–169. (In Russ.) EDN: PGJYLT
- Venema, R., & Lobinger, K. (2020). Visual bonding and intimacy: A repertoire-oriented study of photo-sharing in close personal relationships. In C. Thurlow, C. Dürscheid, & F. Diémoz (Eds.), *Visualizing Digital Discourse: Interactional, Institutional and Ideological Perspectives* (pp. 171–186). De Gruyter Mouton. <https://doi.org/10.1515/9781501510113-009>

- Villi, M. (2015). “Hey, I’m here right now”: camera phone photographs and mediated presence. *Photographies*, 8(1), 3–22. <https://doi.org/10.1080/17540763.2014.968937>
- Zuromskis, C. (2021). *Snapshot Photography: The Lives of Images*. MIT Press.
- Zylinska, J. (2017). *Nonhuman Photography*. MIT Press.

Сведения об авторе:

Балакина Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, профессор департамента фундаментальной и прикладной лингвистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 603000, Нижний Новгород, ул. Б. Печерская, д. 25/12. ORCID: 0000-0002-4942-5953; SPIN-код: 1127-7669. E-mail: julianaumova@gmail.com

Bio note:

Yulia V. Balakina, PhD in Philology, Professor at the Department of Fundamental and Applied Linguistics, HSE University, 25/12 B. Pecherskaya St, Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-4942-5953; SPIN-code: 1127-7669. E-mail: julianaumova@gmail.com

МЕДИАПОЛИТИКА MEDIA POLICY

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-1-175-188

EDN: TGWFAQ

УДК 070:304.44

Научная статья / Research article

Гибридная модель китайских медиакорпораций: между партийным контролем и глобальной экспансией

Ю.В. Маркина¹, Л. Си²

¹Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
yulia_markina@list.ru

Аннотация. В условиях ускоряющейся глобализации и экономической интеграции происходят значительные преобразования в медиаиндустрии и структуре современного китайского медиарынка. Изучение медийной системы Китая, которая является одной из наиболее влиятельных и своеобразных в мире, представляет значительный интерес для академического сообщества. Цель данной статьи – систематизация и структурирование знаний по медиасистеме Китая. Авторы предлагают всесторонний анализ истории и современного развития китайских медиакорпораций. При этом учитывается целый комплекс как объективных, так и субъективных факторов, которые способствуют или, напротив, препятствуют их эффективному росту. В работе осмыслены процессы трансформации национальной медиаиндустрии в Китае XXI в. с учетом принципов своеобразия и оригинальности политических и социокультурных аспектов. Охарактеризована стратегия диверсификации медийных корпораций как форма организации современного медиабизнеса. Научная новизна заключается в рассмотрении гибридной модели китайских медиа как инструмента стратегического управления, который обеспечивает конкурентоспособность на глобальном рынке при сохранении идеологического суверенитета. В результате доказано, что ответом Китая на вызовы глобализации стала не либерализация, а архитектура многоуровневого контроля, адаптивная консолидация медиаресурсов.

Ключевые слова: медиаконвергенция, государственный капитализм, глобальное управление СМИ, китайская медиаиндустрия, медиакорпорации, модерация контента

Вклад авторов. Разработка программы исследования, сбор материалов, анализ данных, написание и редактирование рукописи – Ю.В. Маркина; сбор материалов, анализ данных, редактирование рукописи – Л. Си. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

© Маркина Ю.В., Си Л., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 2 августа 2025 г.; отрецензирована 30 сентября 2025 г.; принята к публикации 12 ноября 2025 г.

Для цитирования: *Маркина Ю.В., Си Л.* Гибридная модель китайских медиакорпораций: между партийным контролем и глобальной экспансией // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 1. С. 175–188. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-175-188> EDN: TGWFAQ

The Hybrid Model of China’s Media Corporations: Between Party Control and Global Expansion

Yulia V. Markina¹, Lin Xi²

¹*Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation*

²*RUDN University, Moscow, Russian Federation*

 yulia_markina@list.ru

Abstract. In the context of accelerating globalization and economic integration, significant transformations are taking place in the media industry and the structure of the modern Chinese media market. The study of China’s media system, which is one of the most influential and distinctive in the world, is of considerable interest to the academic community. The purpose of this research paper is to systematize and structure knowledge on Chinese media systems. Authors offer a comprehensive analysis of the history of the development of Chinese media corporations. This takes into account a whole range of both objective and subjective factors that contribute to or, conversely, hinder their effective growth. The paper examines the processes of transformation of the national media industry in China in the 21st century, taking into account the principles of originality and uniqueness of political and socio-cultural aspects. The article describes the strategy of diversification of media corporations as a form of organization of modern media business. The scientific novelty of the research lies in conceptualizing the hybrid model of Chinese media as a tool of strategic governance that ensures global market competitiveness while maintaining ideological sovereignty. The study demonstrates that China’s response to globalization challenges has not been liberalization, but rather the creation of a multi-tiered control architecture and adaptive consolidation of media resources.

Keywords: media convergence, state capitalism, global media governance, the Chinese media industry, media corporations, content moderation

Authors’ contribution. Development of the research program, data collection & analysis, text writing & editing – Yulia V. Markina; data collection & analysis, text editing – Lin Xi. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 2, 2025; revised September 30, 2025; accepted November 12, 2025.

For citation: Markina, Yu.V., & Xi, L. (2026). The Hybrid Model of China’s Media Corporations: Between Party Control and Global Expansion. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(1), 175–188. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-175-188> EDN: TGWFAQ

Введение

Медиасистема в Китае – это сочетание различных медиафилософий и результат долгой истории китайской цивилизации. Современные китайские средства массовой информации представляют собой значительный информационный ресурс, занимающий одно из ведущих мест в мире. При этом медиарынок в Китае представляет собой относительно закрытую, динамически сбалансированную систему. «Несмотря на сильную государственную цензуру в СМИ, медиаиндустрия Китая огромна: более 69 медиагрупп владеют 2500 новостными каналами и изданиями, что делает Китай одним из крупнейших медиарынков в мире»¹. Китайские СМИ, отражая гибридную модель функционирования, в основном находятся под контролем идеологического сектора ЦК Коммунистической партии Китая, но также являются частью современного бизнеса, способного приносить финансовую прибыль их собственникам. С академической точки зрения подобная гибридная структура представляет собой результат взаимодействия политической коммуникации и медиаэкономики (Fuchs, 2024).

Для понимания процесса трансформации медиасистемы в Китае особое значение имеют работы российских и китайских ученых, таких как Г.И. Сергеев (1989), С.А. Михайлов (2006), Н.В. Ткачева (2019), Я. Пэн (Peng, 2019), Ч. Ван (2007), Л. Чжан (2006) и др.

Материалы и методы

Несмотря на масштаб китайской медиаиндустрии, в научной литературе сохраняется дефицит комплексных работ, систематизирующих ее развитие как целостного феномена, сформированного на стыке политических реформ, экономической трансформации и глобальных вызовов.

Цель – выявить и проанализировать институциональные и структурные особенности гибридной модели китайских медиакорпораций в контексте проводимых в стране реформ и процессов глобализации. Задачи исследования: проследить исторические этапы формирования медиасистемы Китая; проанализировать трансформацию медиаиндустрии в условиях глобализации; выявить и охарактеризовать ключевые элементы гибридной модели управления; исследовать стратегии адаптации китайских медиакорпораций к вызовам цифровой эпохи.

В основе данного исследования лежит комплексный анализ научных публикаций, отраслевых отчетов и институциональной истории китайских медиакорпораций. Методологическую основу составили историко-генетический и сравнительный анализ, позволившие выявить этапы формирования и ключевые характеристики гибридной модели.

¹ Yin L. China Media Landscape: Evolution, Key Factors & Trends for Brand PR // Tribe China. 2021. September 23. URL: <https://www.tribechina.com/post/chinese-news-media-landscape> (accessed: 25.07.2025).

Эволюция и анализ гибридной модели

Возникновение китайской периодической печати в значительной степени связано с миссионерской деятельностью иностранных проповедников и колониальной экспансией Запада. Газеты и журналы, издаваемые иностранцами, оказали заметное влияние на политическую, экономическую и культурную жизнь страны (Лу, 2025, р. 926), тогда как первые китайские издания появились более чем через двадцать лет после Первой опиумной войны (1840–1842). До основания нового Китая газеты существовали как инструмент идеологической борьбы (Чжао, 2020, с. 26). После образования КНР, хотя пресса по-прежнему находилась под руководством партии, она стала служить интересам широкой аудитории.

В 1978 г. Дэн Сяопин начал экономические реформы, направленные на переход от централизованной плановой системы к гибкой рыночной экономике, сохраняя при этом политическую власть Коммунистической партии. Правительство Китая перешло к активной поддержке частного сектора. В таких условиях китайские СМИ начали уделять больше внимания эффективной адаптации к рыночным условиям. Например, в 1980 г. газета «Жэньминь жибао», издающаяся на 14 языках, основала газету «Шичан бао» («Газета рынка»), что стало первым шагом к отделению дочернего издания от материнского. «За два десятилетия XX в. количество газет увеличилось почти в 11 раз. К 2003 г. в стране насчитывалось более 400 наименований ежедневных газет, общий тираж которых достиг 80 млн экземпляров, тем самым превратив Китай в крупнейшую газетную державу мира» (Го, 2009, с. 170).

В конце 1990-х китайское медиапространство претерпело значительные изменения. Одной из ключевых тенденций стало объединение и укрупнение медийных ресурсов. На базе ведущих газет Коммунистической партии стали формироваться газетно-журнальные корпорации, большинство из которых были созданы с помощью стратегии слияний и поглощений. В 1996 г. при поддержке отдела пропаганды ЦК Коммунистической партии Китая и Бюро издательского дела и печати была основана *Guangzhou Daily Group*, первая медиакорпорация страны. Основанное в 1952 г. издание «Гуанчжоу жибао» и сегодня занимает лидирующие позиции в Китае по совокупному тиражу выпускаемой продукции, уровню подписки и розничной торговле. «Гуанчжоу жибао» впервые в стране организовала собственную широкую разветвленную сеть газетных киосков. Параллельно другие ведущие гуанчжоуские газеты, такие как «Наньфан жибао» и «Янчэн ваньбао», также заложили основу для создания конкурентоспособных национальных СМИ. В настоящее время *Guangzhou Daily Group* включает в себя книжное издательство, сеть аффилированных с ним магазинов, агентство недвижимости.

Вступление Китая во Всемирную торговую организацию в 2001 г. и запуск инициативы «Один пояс – один путь» в 2013 г. существенно повлияли на китайскую медиаиндустрию. В 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул инициативу о продвижении глубокой интеграции традиционных и но-

вых медиа. Это ознаменовало начало формирования в Китае системы внешней коммуникации, основанной на концепции медийной конвергенции (Ян, Сюн, 2020; Zeng, Shaw, 2023).

В рамках данной инициативы трансформировалась структура медиарынка, изменились подходы к освещению международных событий и межмедийное сотрудничество. Многие издательские концерны и медиакорпорации столкнулись с новыми реалиями рынка и начали оптимизировать свою структуру. Типографии и рекламные агентства были преобразованы в самостоятельные хозяйственные субъекты, расширяя свою рекламную деятельность. В 2002 г. в Шэньчжэне (провинция Гуандун) произошло слияние двух ведущих местных газет – *Shenzhen Special Zone Daily* и *Shenzhen Evening News*. В результате этого объединения была создана *Shenzhen Press Group*, ставшая одной из крупнейших государственных медиакомпаний Китая и объединяющая на данный момент 10 газет, 5 журналов, 10 интернет-сайтов и издательский дом. Первой газетой, получившей лицензию на межрегиональное издание, стал таблоид *Beijing Daily*, который стал выходить в Пекине с 2003 г. Этот проект был реализован в сотрудничестве Шанхайской *Guangming Daily Group* и *Guangzhou*.

В Китае, согласно Отчету об анализе новостной и издательской отрасли за 2021 г.², функционирует 41 газетно-издательская группа. Среди них можно выделить «Жэньминь жибао», «Гуанчжоу жибао», «Бэйцзин жибао», «Гуанмин жибао» и др. Следует отметить, что особенности информационно-коммуникационного рынка в Китае обусловлены прежде всего многообразием диалектов китайского языка, которые значительно отличаются фонетически. В связи с этим пресса продолжает оставаться важнейшим каналом распространения информации, в отличие от телевидения и радио.

Медиаиндустрия и вещательные корпорации Китая в контексте глобализации

В условиях современной постиндустриальной экономики, где глобализация и цифровизация играют ключевую роль, медиаиндустрия Китая сталкивается с новыми вызовами и перспективами в процессе активного включения в мировой медиаландшафт (Marsh et al., 2023).

С одной стороны, цифровизация ускорила процессы глобального медиа взаимодействия и обмена информацией. В начале XXI в. крупные информационные американские, канадские и западноевропейские компании начали активно выходить на китайский рынок медиатехнологий. Это стало возможным благодаря политике руководства страны, направленной на создание благоприятных условий для иностранных инвесторов. Глобализация и приход иностранных медиакомпаний на внутренний рынок привели к увеличению

² Государственное управление по делам прессы и издательств КНР [国家新闻出版署.] Отчет об анализе новостной и издательской отрасли за 2021 год [2021 年新闻出版产业分析报告.] 2023. URL: <https://www.nppa.gov.cn/> (дата обращения: 10.11.2025).

популярности зарубежных медиапродуктов, например, таких известных глянцевого журналов, как *Cosmopolitan*, *Vogue*, *Marie Claire*, *Elle*.

С другой стороны, она способствовала трансформации публичной сферы: в условиях новой медийной среды государства начали активно бороться за влияние и право голоса в глобальном информационном пространстве (Staab, Thiel, 2022). Аналогично рынку печатных изданий усилилась консолидация китайского теле- и радиовещательного сектора, который сегодня считается одним из самых развитых в мире. В 2003 г. в разрешенных районах Китая вещали 30 зарубежных телевизионных сетей, включая *CNBC*, *CNN*, *News Corporation*, *Bloomberg TV*, *BBC World*, *Bertelsmann*. Крупные международные медиакорпорации, такие как *Viacom* и *Time Warner Inc.*, начали создавать совместные предприятия с участием китайского капитала.

В тот же период правительство утвердило программу по укреплению СМИ и созданию крупных межрегиональных телевещательных корпораций. В 2001 г. путем слияния Шанхайской народной радиостанции, Шанхайского восточного радио, Шанхайского городского телевидения и Восточного телевидения «Ориент» была основана вещательная корпорация *Shanghai Media Group* (SMG), которая официально принадлежит властям Шанхая и зарегистрирована как государственное предприятие. В состав медиаактивов группы входят 15 национальных телеканалов, включая *Dragon TV* и *China Business Network*, 8 радиостанций, 17 платных каналов, производство и дистрибуция кинофильмов, стриминговые сервисы. В марте 2025 г. компания SMG представила онлайн-платформу *Moduquan*. Платформа предлагает услуги по покупке билетов и бронированию отелей, а также фокусируется на пяти ключевых аспектах городской жизни: культуре, туризме, коммерции, спорте и выставках.

Такие телевизионные компании, как *Beijing All Media and Culture Group* (BAMC) и *Shanghai Media & Entertainment Group* (SMEG) начали активно приобретать печатные издания, включая национальные газеты и журналы (Ткачева, 2019, с. 86). В 2004 г. компания *Beijing Media Corp Ltd.* провела первичное публичное размещение акций на Гонконгской фондовой бирже, став первым публичным медиахолдингом в Китае (Сюй, 2005).

Китайские власти продолжают проводить политику, направленную на ограничение иностранных инвестиций в медиаиндустрию. Государственное управление радио и телевидения 18 июня 2004 г. приняло постановление, запрещающее создание предприятий по производству и распространению радио- и телевизионных программ с полностью иностранным капиталом. Было также ограничено участие совместных предприятий в производстве программ³. Несмотря на создание условий, способствующих привлечению

³ Государственное управление радио и телевидения, Министерство коммерции КНР [国家广播电视总局, 中华人民共和国商务部.] Временные положения об управлении совместными китайско-иностранными предприятиями по производству и распространению радио- и телепрограмм (中外合资、合作广播电视节目制作经营企业管理暂行规定). 2004. URL: <https://www.gov.cn/> (дата обращения: 10.11.2025).

западных инвестиций в цифровую экономику Китая, их деятельность в стране всегда оставалась под строгим контролем государственных органов, включая службы национальной безопасности (Каспарян, Рутковская, 2021, с. 67).

Новым аспектом в отношениях между Китаем и Западом стали значительные инвестиции китайского капитала в различные сегменты медиаиндустрии других стран, что получило широкую поддержку со стороны руководства КНР. Например, китайские компании активно скупают акции крупнейших зарубежных киностудий, что способствует их становлению в качестве ведущих игроков на мировом кинорынке. Кроме того, пользуясь государственной поддержкой, китайские предприниматели активно приобретают акции иностранных средств массовой информации, укрепляя позиции Китая в глобальном информационном пространстве. Так, летом 2009 г. китайская медиакомпания «Сикинг Груп» (*Xiking Group*) проявила интерес к приобретению британского телеканала *Propeller TV* (Peng, 2019, p. 234). На его основе был создан двуязычный китайско-английский проект, который освещал различные стороны жизни в стране, что способствовало расширению информационного присутствия Китая за рубежом.

Правительство Китая активно работает над тем, чтобы интегрировать страну в глобальное информационное пространство, одновременно сохраняя национальную идентичность и верность китайским традициям. В условиях глобализации исследователи обращают внимание на распространение неolibеральных идей и усиление позиций монополистического капитала. В связи с этим медиаиндустрия страны развивается с учетом ее исторических, политических и социокультурных особенностей. Например, в 2014 г. американская медиакорпорация *The Walt Disney Studios* и китайская *Shanghai Media Group Pictures* заключили соглашение, по которому в фильмах компании Уолта Диснея будут использоваться китайские мотивы.

Ответом на вызовы глобализации стало создание весной 2018 г. *China Media Group* (CMG), крупной и влиятельной медиакорпорации, появившейся в результате слияния трех крупнейших вещательных компаний КНР: Центрального телевидения Китая (CCTV), Национального радио Китая (CNR) и Международного радио Китая (CRI). CMG включает в себя 51 телеканал, в том числе 9 международных, которые вещают на шести официальных языках ООН; 23 радиостанции, которые работают на 68 языках и охватывают глобальную аудиторию; три крупных новостных сайта; активно развивающиеся цифровые платформы и мобильные приложения. Аудитория CMG достигает в среднем 128 млн зрителей⁴. Входящее в CMG международное информационное агентство CCTV+ предоставляет видеоматериалы более чем 5000 медийным организациям в 158 странах.

⁴ Лебедев А. Ван Бинь: «Красота цивилизаций, любовь к миру и гармонии – эти тренды способствуют созданию нового облика сообщества единой судьбы человечества» // Большая Азия. 2022. 18 ноября. URL: <https://bigasia.ru/van-bin/> (дата обращения: 06.07.2025).

В 2024 г. исполнилось 75 лет с начала дипломатических отношений между Китаем и Россией. В честь этой знаменательной даты *China Media Group* и «Газпром-медиа» подписали соглашение о сотрудничестве. Основная цель этого партнерства – дальнейшее укрепление связей между ведущими СМИ Китая и России, включая телеканалы «Россия» и «Большая Азия», информагентства «Россия сегодня» и ТАСС, а также издание «Российская газета». В рамках соглашения разработан действенный механизм для совместной работы над созданием контента, обмена специалистами, внедрения инноваций и расширения рынка.

В условиях глобализации Китай проявляет все большую осторожность в управлении медиаконтентом: как во внутреннем, так и во внешнем информационном пространстве особое внимание уделяется политической безопасности и культурной направленности материалов. Система контроля отличается многоуровневым, делегированным и многоэтапным характером, формируя динамичный механизм фильтрации контента и саморегулирования. Такая модель не только обеспечивает сохранение национального дискурса, но и в определенной степени отражает уникальный путь Китая в системе глобального управления информацией (Sun, Zhao, 2021).

Результаты и обсуждение

Китайская медиаиндустрия функционирует в рамках гибридной модели управления – уникального сочетания механизмов свободного рынка и строгого партийного государственного контроля. С одной стороны, все СМИ КНР обязаны распространять информацию в соответствии с политикой Коммунистической партии и способствовать поддержанию стабильности государства. В то же время в условиях рыночной экономики медийные компании должны приносить прибыль и стимулировать собственное развитие. В рамках создания совместных предприятий с китайскими государственными медиакомпаниями частный бизнес активно привлекается, однако при этом сохраняется государственный контроль над отраслью (Чи, Нуртазина, 2023, с. 182).

Например, корпорация *Guangzhou Daily Group* изначально была создана по решению муниципального комитета Коммунистической партии Китая и правительства города Гуанчжоу. В настоящее время акции данной корпорации являются как государственными, так и частными: большинство акций принадлежит государству, представленному партийными комитетами или муниципальными властями. Однако в состав входят и крупные промышленные предприятия города Гуанчжоу. Существуют ограничения на свободное обращение на фондовом рынке акций изданий, входящих в корпорацию.

Следует отметить, что в КНР отсутствует отдельный закон о средствах массовой информации, однако на медиаиндустрию оказывают влияние конституционные нормы, постановления и административные регламенты. Конституция гарантирует СМИ право на свободу выражения мнений, но при этом

запрещает публикацию материалов, способных подорвать единство, территориальную целостность и суверенитет КНР.

Официальный Пекин расценивает любое посягательство на китайский сегмент глобальной сети как нарушение суверенитета страны. Если иностранные юридические лица хотят выйти на китайский интернет-рынок, им следует строго соблюдать правила, установленные в стране для этой сферы. Например, для функционирования на медийном сетевом рынке Китая занимающаяся информационными и коммуникационными технологиями компания должна получить лицензию в Министерстве промышленности и информатизации. Требования к лицензированию аналогичны тем, что предъявляются к китайским интернет-компаниям. Отсутствие лицензии у китайской медиакомпании *Google* стало причиной проблем вскоре после ее открытия. В Китае существует неизменное правило, требующее фильтрации веб-запросов китайских пользователей. *Google* в мае 2010 г. не выполнила это требование, несмотря на неоднократные предупреждения со стороны соответствующих китайских властей, что привело к конфликту. Компания отказалась выполнять требования китайского законодательства и заявила, что перенаправит китайских пользователей *Google* на свой официальный сайт в Гонконге, где нет цензуры со стороны Китая. Данное решение получило поддержку официальных лиц США, которые обвинили китайские власти в ограничении свободы слова в стране. В результате китайская сторона была вынуждена принять ответные меры.

Таким образом, мы видим, как китайская гибридная модель успешно сочетает в себе уникальность и признание китайской культуры на мировом рынке, придерживаясь принципа культурного разнообразия.

Развитие новых медиа в Китае характеризуется глубокой интеграцией традиционных СМИ с цифровыми и мобильными технологиями. Этот переход стимулируется растущей популярностью социальных сетей и быстрым развитием инновационных технологий. Доминирующее положение на рынке занимают две мультифункциональные платформы – *WeChat* и *Weibo*, которые функционируют как автономные цифровые экосистемы, объединяющие коммуникационные, финансовые, развлекательные и информационные услуги. Распространение новых медиа сопровождается вызовами, связанными с достоверностью информации, в частности проблемой фейковых новостей (Shao, Ao, 2025). В борьбе с дезинформацией в *Weibo* сохраняется значительное влияние традиционных СМИ на формирование общественного мнения, тогда как в *WeChat* более активную роль в формировании информационной повестки играют официальные государственные аккаунты и альтернативные источники (Guo, Zhang, 2020).

Важным этапом институционального развития стало создание в ноябре 2016 г. первой в Китае омникommunikационной медиагруппы – *Guangdong Southern Finance and Economics Omnimedia Group*. Концепция «омнимедиа» (*omnimedia*) подразумевает создание единой платформы для интеграции

традиционных и цифровых медиа. Новая корпорация, объединившая ресурсы *Nanfeng Media Group* и *Guangdong Television and Radio Station*, была ориентирована на конкуренцию с мировыми поставщиками финансовой информации, такими как *Bloomberg*. Этот шаг отражает стратегический курс руководства Китая на ускорение медийной конвергенции и укрепление информационной безопасности в финансово-экономической сфере (Пую и др., 2024, с. 29).

В условиях омнимедийной среды, где каждый пользователь становится распространителем информации, а каналы ее потребления диверсифицируются, медиаорганизации вынуждены не только внедрять технологические инновации, но и адаптировать форматы контента под специфику различных платформ (Проскурнова и др., 2023; Jin et al., 2024). Ответом на этот вызов стала трансформация традиционной журналистики через внедрение моделей «Центральная кухня» («умные медиа»). Примером служит одноименная платформа, созданная газетой «Жэньминь жибао» в 2014 г. Данная модель предполагает консолидацию различных медийных активов – от печатных изданий до онлайн-платформ и социальных сетей – в единые редакционные команды. Новости собираются в централизованную «библиотеку», откуда редакторы различных направлений берут материалы для дальнейшей адаптации и распространения, что обеспечивает эффективное многократное использование контента (Сунь, 2022, с. 51). В связи с этим социальные платформы не просто дополнили, а фундаментально трансформировали традиционную систему производства и дистрибуции новостей, став основным каналом оперативного информирования.

Заключение

Сочетание рыночной экономики и социалистической идеологии привело к возникновению в Китае двойственной природы средств массовой информации. В результате взаимосвязи между экономикой и политикой на рынке китайских СМИ сформировалась своеобразная медийная индустрия, где сосуществуют элементы различных экономико-политических систем. Ключевые медиаресурсы находятся под полным контролем государства, но при этом Коммунистическая партия Китая лишь частично финансирует отрасль и поощряет ее самостоятельное коммерческое развитие как в целом, так и на уровне отдельных субъектов.

Китайские медиакомпании внимательно следят за последними тенденциями в своей отрасли и прилагают усилия, чтобы удержать внимание аудитории на своих платформах, поскольку от этого напрямую зависит объем продаваемой рекламы, который, по прогнозам, будет только расти. Хотя основные направления информации по-прежнему определяются Коммунистической партией, частные китайские медийные корпорации успешно развиваются. Традиционная китайская культура получает развитие в идеологической сфере, что создает благоприятные условия для модернизации страны, базирующейся на традиционных национальных ценностях.

Список литературы

- Ван Ч. Влияние современных информационно-коммуникационных технологий на развитие СМИ Китая : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. М., 2007. 22 с.
- Го Л. Корпорация «Гуанчжоу жибао» – первая газетная корпорация в период углубления рыночных реформ в Китае // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2009. № 2. С. 164–172. EDN: KXLQNB
- Каспарян К.В., Рутковская М.В. Специфические черты и перспективы развития электронного правительства в КНР в начале XXI столетия // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2021. № 2(20). С. 61–70. <https://doi.org/10.17726/philIT.2021.2.4> EDN: WYAZFA
- Михайлов С.А., Ли Д., Чжан Х. Журналистика Китая. СПб. : Изд-во Михайлова, 2006. 599 с.
- Проскурнова Е.Л., Чжу В., Волкова И.И. Опыт размещения новостных материалов в формате коротких видео китайскими телеканалами на платформе Douyin // Наука телевидения. 2023. Т. 19. № 4. С. 233–269. <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2023-19.4-233-269>
- Пулю А.С., Никонов С.Б., Шафир Т.В. Этап перехода к омнимедиа в Китайской Народной Республике // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2024. Т. 43. № 1. С. 25–34. <https://doi.org/10.52575/2712-7451-2024-43-1-25-34>
- Сергеев Г.И. От дибao до «Жэньминь жибао»: путь в 1200 лет (История средств массовой коммуникации Китая). М. : Изд-во Ун-та Дружбы народов, 1989. 224 с.
- Сунь С. Развитие медиаиндустрии Китая в контексте тенденций глобального информационного рынка // Труды БГТУ. Серия 4. Принт- и медиатехнологии. 2022. № 1(255). С. 48–54.
- Сюй Ц. О необходимости и осуществимости капитализации китайских СМИ на примере выхода на биржу компании «Бэйцин чуаньмэй». [由北青传媒上市论我国传媒资本运营的必要性和可行性.] // Синьвэнь цзе (新闻界; Журналистская индустрия). 2005. № 2. С. 26–27.
- Ткачева Н.В. Этапы формирования китайской медиасистемы // Российско-китайские исследования. 2019. Т. 3. № 1. С. 83–89.
- Чи Ц., Нуртазина Р.А. Глобализация и китайская культура (по работам китайских ученых) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 3. С. 179–187. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-179-187>
- Чжан Л. Особенности развития журналистики Китая на рубеже третьего тысячелетия : дис. ... канд. филол. наук [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. М., 2006. 171 с.
- Чжао Ж. Исследование совместных выпусков китайской прессы (1934–1949). [近代中国报业联合版研究 (1934–1949).] Чунцинский университет, 2020.
- Ян Д., Сюн С. Интеграционные мультимедийные пути построения дискурсивной системы внешней коммуникации инициативы «Пояс и путь» [“一带一路”对外传播话语体系建构的融媒体路径.] // Китайское книгоиздание (中国出版). 2020. № 20. С. 20–23.
- Fuchs C. Ibn Khaldûn and the political economy of communication in the age of digital capitalism // Critical Sociology. 2024. Vol. 50. No. 4–5. P. 727–745. <https://doi.org/10.1177/08969205231206488>
- Guo L., Zhang Y. Information flow within and across online media platforms: an agenda-setting analysis of rumor diffusion on news websites, Weibo, and WeChat in China // Journalism Studies. 2020. Vol. 21. No. 15. P. 2176–2195. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2020.1827012>

- Jin X., Xu Z., Hua Y. Analysis of news communication strategies in the era of full media based on big data mining // *Applied Mathematics and Nonlinear Sciences*. 2024. Vol. 9. No. 1. P. 1–13. <https://doi.org/10.2478/AMNS.2023.1.00069>
- Lu M. Knowledge Transmission and transformation of Chinese architecture by expatriates and missionaries in late Qing English and Chinese newspapers // *Religions*. 2025. Vol. 16. No. 7. Article 926. <https://doi.org/10.3390/rel16070926>
- Marsh V., Madrid-Morales D., Paterson C. Global Chinese media and a decade of change // *International Communication Gazette*. 2023. Vol. 85. No. 1. P. 3–14. <https://doi.org/10.1177/17480485221139459>
- Peng W. Governance innovation and E-government in China: case analysis and practice research. Sunnyvale : Lap Lambert Academic Publishing, 2019. 372 p.
- Shao L., Ao M. Thematic evolution of China's media governance policies: a tri-logic synergistic perspective // *Information*. 2025. Vol. 16. No. 8. Article 696. <https://doi.org/10.3390/info16080696>
- Staab Ph., Thiel Th. Social media and the digital structural transformation of the public sphere // *Theory, Culture & Society*. 2022. Vol. 39. No. 4. P. 129–143. <https://doi.org/10.1177/02632764221103527>
- Sun T., Zhao, Q. Delegated censorship: the dynamic, layered, and multistage information control regime in China // *Politics & Society*. 2021. Vol. 50. No. 2. P. 191–221. <https://doi.org/10.1177/00323292211013181>
- Zeng X., Shaw G. 'Becoming' a global leader: China's evolving official media discourse in Xi's New Era // *Global Media and Communication*. 2023. Vol. 19. No. 3. P. 313–333. <https://doi.org/10.1177/17427665231209617>

References

- Chi, Q., & Nurtazina, R.A. (2023). Globalization and Chinese culture (based on the works of Chinese scientists). *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, 17(3), 179–187. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-179-187>
- Fuchs, C. (2024). Ibn Khaldūn and the political economy of communication in the age of digital capitalism. *Critical Sociology*, 50(4–5), 727–745. <https://doi.org/10.1177/0896-9205-2312-06-488>
- Guo, L. (2009). Guangzhou Daily News Corp. during market reforms intensification in China. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, (2), 164–173. (In Russ.) EDN: KXLQNB
- Guo, L., & Zhang, Y. (2020). Information flow within and across online media platforms: an agenda-setting analysis of rumor diffusion on news websites, Weibo, and WeChat in China. *Journalism Studies*, 21(15), 2176–2195. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2020.1827012>
- Jin, X., Xu, Z., & Hua, Y. (2024). Analysis of news communication strategies in the era of full media based on big data mining. *Applied Mathematics and Nonlinear Sciences*, 9(1), 1–13. <https://doi.org/10.2478/AMNS.2023.1.00069>
- Kasparyan, K.V., & Rutkovskaya, M.V. (2021). Specific features and prospects for development of electronic government in the PRC at the beginning of the XXI century. *Philosophical Problems of IT & Cyberspace*, (2), 61–70. (In Russ.) <https://doi.org/10.17726/phi-IT.2021.2.4> EDN: WYAZFA
- Lu, M. (2025). Knowledge transmission and transformation of Chinese architecture by expatriates and missionaries in late Qing English and Chinese newspapers. *Religions*, 16(7), 926. <https://doi.org/10.3390/rel16070926>
- Marsh, V., Madrid-Morales, D., & Paterson, C. (2023). Global Chinese media and a decade of change. *International Communication Gazette*, 85(1), 3–14. <https://doi.org/10.1177/17480485221139459>

- Mikhailov, S.A., Li, D., & Zhang, H. (2006). *Journalism of China*. Saint Petersburg: Mikhailov Publishing House. (In Russ.)
- Peng, W. (2019). *Governance Innovation and E-government in China: Case Analysis and Practice Research*. LAP Lambert Academic Publishing.
- Proskurnova, E.L., Zhu, W., & Volkova, I.I. (2023). Experience of posting news in the format of short videos by Chinese TV channels on Douyin. *Nauka Televideniya = The Art and Science of Television*, 19(4), 233–269. (In Russ.) <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2023-19.4-233-269>
- Puyu, A.S., Nikonov, S.B., & Shafir, T.V. (2024). Stage of transition to omnimedia in the People's Republic of China. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 43(1), 25–34. (In Russ.) <https://doi.org/10.52575/2712-7451-2024-43-1-25-34>
- Sergeev, G.I. (1989). *From Dibaο to The People's Daily: A Journey of 1200 Years*. Moscow: Peoples' Friendship University Publ. (In Russ.)
- Shao, L., & Ao, M. (2025). Thematic evolution of China's media governance policies: a tri-logic synergistic perspective. *Information*, 16(8), 696. <https://doi.org/10.3390/info16080696>
- Staab, Ph., & Thiel, Th. (2022). Social media and the digital structural transformation of the public sphere. *Theory, Culture & Society*, 39(4), 129–143. <https://doi.org/10.1177/02632764221103527>
- Sun, T., & Zhao, Q. (2021). Delegated censorship: the dynamic, layered, and multistage information control regime in China. *Politics & Society*, 50(2), 191–221. <https://doi.org/10.1177/00323292211013181>
- Sun, X. (2022). China's media industry development in the context of global information market trends. *Proceedings of BSTU. Issue 4. Print- and Mediatechnologies*, (1), 48–54. (In Russ.)
- Tkacheva, N.V. (2019). Stages of the formation of the Chinese media system. *Russian and Chinese Studies*, 3(1), 83–89. (In Russ.)
- Wang, Z. (2007). *The Influence of Modern Information and Communication Technologies on the Development of Chinese Media* [Unpublished doctoral dissertation]. Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)
- Xu, Ch. (2005). You beiqing chuanmei shangshi lun woguo chuanmei ziben yunying de biyaoxing he kexingxing. 由北青传媒上市论我国传媒资本运营的必要性和可行性. [On the necessity and feasibility of media capitalization in China based on the listing of Beijing Media.] *Journalistic Industry*, (2), 26–27. (In Chin.)
- Yang, D., & Xiong, X. (2020). “Yidai yilu” duiwai chuanbo huayu tixi jiangou de rongmeiti lujing. 杨达, 熊雪晖. “一带一路”对外传播话语体系建构的融媒体路径. [Integrated multimedia approaches to constructing the discourse system for Belt and Road external communication.] *China Publishing*, (20), 20–23. (In Chin.)
- Zeng, X., & Shaw, G. (2023). ‘Becoming’ a global leader: China's evolving official media discourse in Xi's New Era. *Global Media and Communication*, 19(3), 313–333. <https://doi.org/10.1177/17427665231209617>
- Zhang, L. (2006). *Peculiarities of the Development of Journalism in China at the Turn of the Third Millennium* [Doctoral dissertation, RUDN University]. Moscow. (In Russ.)
- Zhao, R. (2020). Study of joint newspaper editions in modern China (1934–1949) [近代中国报业联合版研究 (1934–1949).] [Master's thesis, Chongqing University]. (In Chin.)

Сведения об авторах:

Маркина Юлия Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи, факультет лингвистики и журналистики, Ростовский государственный экономический университет, Российская Федерация, 344002, Ростов-на-Дону,

ул. Большая Садовая, д. 69. ORCID: 0000-0002-8145-9950; SPIN-код: 7799-1323. E-mail: yulia_markina@list.ru

Си Линь, аспирантка кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2. ORCID: 0009-0000-2093-8846; SPIN-код: 8888-6053. E-mail: 1042238016@pfur.ru

Bio notes:

Yulia V. Markina, PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Speech Culture, Faculty of Linguistics and Journalism, Rostov State University of Economics, 69 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-8145-9950; SPIN-code: 7799-1323. E-mail: yulia_markina@list.ru

Lin Xi, PhD Student at the Department of Mass Communications, RUDN University, 10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0009-0000-2093-8846; SPIN-code: 8888-6053. E-mail: 1042238016@pfur.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-1-189-203
EDN: TKLGBI
UDC 009

Research article / Научная статья

Automating Public Feedback: A Big Data Study of Deliberation in Social Media

Kamilla R. Nigmatullina¹, Renat M. Kasymov¹,
Haya Y.J. Ashour²

¹*St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation*

²*American University in the Emirates, Dubai, United Arab Emirates*

 k.nigmatullina@spbu.ru

Abstract. Since December 2022, Russian politicians and government organizations have been required to provide feedback to the public through the social media platforms VKontakte and Odnoklassniki. Over the past two years, these social media platforms have not only seen an increase in the number of accounts and content posted, but also an increase in the volume of feedback exchanged between politicians and citizens in the form of questions, complaints, and responses. Russian researchers agree that social media can contribute to the political participation of citizens and the implementation of deliberative practices. Analyzing the content of official government accounts, media outlets, and political opinion leaders, along with comments from subscribers, has become a common approach to studying deliberative practices on social media. However, researchers have noted a growing discrepancy between the potential for consensus in deliberative processes and the actual dissonance that is reflected in communication between authorities and citizens. Also, with the increasing volume of messages, it becomes important to automate the process of data collection and processing. This study is based on an analysis of the content and comments posted by the governors of 89 Russian regions on the social network VKontakte for December 2024 and January-February 2025 (17 490 posts and 550 000 comments). A formula for calculating the media rating of the governors has been proposed.

Keywords: social networks, deliberation, automation of research, public opinion, regional government

Authors' contribution. Theoretical justification of the study, collection of research materials, data analysis, writing of the manuscript – Kamilla R. Nigmatullina; research design, theoretical justification, data analysis, writing of the manuscript – Renat M. Kasymov; data analysis, manuscript editing and text unification – Haya Y.J. Ashur. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

© Nigmatullina K.R., Kasymov R.M., Ashur H.Y.J., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Funding. The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 25-18-00991 2025–2027).

Article history: submitted September 18, 2025; revised October 20, 2025; accepted November 19, 2025.

For citation: Nigmatullina, K.R., Kasymov, R.M., & Ashour, H.Y.J. (2026). Automating Public Feedback: A Big Data Study of Deliberation in Social Media. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(1), 189–203. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-189-203> EDN: TKLGBI

Автоматизация анализа общественной обратной связи в социальных сетях

К.Р. Нигматуллина¹, Р.М. Касымов¹, Х.Ю.Дж. Ашур²

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Американский университет в Эмиратах, Дубай, Объединенные Арабские Эмираты
k.nigmatulina@spbu.ru

Аннотация. С декабря 2022 г. российские политики и правительственные организации обязаны обеспечивать обратную связь с общественностью через социальные медиа-платформы «ВКонтакте» и «Одноклассники». За последние три года на этих платформах увеличилось не только количество сообщений и размещаемого контента, но и объем обратной связи, которой обмениваются политики и граждане в форме вопросов, жалоб и ответов. Российские исследователи согласны с тем, что социальные сети могут способствовать политической активности граждан и внедрению делиберативных практик. Анализ содержания официальных правительственных аккаунтов, средств массовой информации и лидеров политического мнения, а также комментариев подписчиков стал распространенным подходом к изучению таких практик в социальных сетях. Однако исследователи отмечают растущее несоответствие между потенциалом достижения консенсуса в совещательных процессах и фактическим диссонансом, который отражается в общении между властями и гражданами. Также при увеличивающемся объеме сообщений становится важным автоматизировать процесс сбора и обработки данных. Исследование основано на анализе контента и комментариев, размещенных губернаторами 89 российских регионов в социальной сети «ВКонтакте» за декабрь 2024 и январь-февраль 2025 г. (17 490 сообщений и 550 000 комментариев). Предложена формула для расчета медийного рейтинга губернаторов.

Ключевые слова: социальные сети, делиберация, автоматизация исследований, общественное мнение, региональная власть

Вклад авторов. Теоретическое обоснование исследования, сбор материалов, анализ данных, написание рукописи – К.Р. Нигматуллина; разработка исследования, теоретическое обоснование, анализ данных, написание рукописи – Р.М. Касымов; анализ данных, редактирование рукописи и унификация текста – Х.Ю.Дж. Ашур. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 25-18-00991 2025–2027).

История статьи: поступила в редакцию 18 сентября 2025 г.; отрецензирована 20 октября 2025 г.; принята к публикации 19 ноября 2025 г.

Для цитирования: *Nigmatullina K.R., Kasymov R.M., Ashour H.Y.J.* Automating Public Feedback: A Big Data Study of Deliberation in Russian Social Media // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 1. С. 189–203. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-189-203> EDN: TKLGBI

Introduction

The work of government authorities in social media in Russia is an important area of information policy at the federal level and in the regions. Recent Russian research in the field of e-governance and social media focuses on the phenomenon of feedback and the effectiveness of public accounts of politicians. The article analyzes content strategies, strategies for working with comments and appeals, the overall effectiveness of accounts in various social media (mainly VKontakte and Telegram) and audience expectations from political content. In the theoretical field, the most pressing issue remains the possibility of using the social media space as a public field for deliberation and political communication. Nevertheless, the search continues for approaches to how to analyze communication patterns in social media, how to evaluate the effectiveness of specific politicians by quantitative and qualitative parameters, and how to look for a correlation between the general sentiments of citizens and their behavior in the media as an audience.

According to private data¹ almost 7.4% of Russians surveyed are subscribed to the governor's social media accounts. No general statistics on the involvement of Russians in the accounts of Russian governors were found at the time of the study's preparation. Obviously, the number of accounts and followers does not correlate in any way with the actual effectiveness of governors on social media. Most of the studies are descriptive in nature and are devoted to individual regions of Russia.

Most researchers positively assess the overall growth of channels and subscribers in government publications. For example, Kupriyanova (2024) writes that “in recent years, the number of state-owned websites in Russia has increased significantly – from 47 million subscribers in 2022 to 146 million in 2024. This allows the authorities to convey important information to a wide audience and respond promptly to citizens' questions and concerns”. There is no confirmation of such data in the scientific literature yet. Moreover, feedback effectiveness estimates also vary depending on the way the data is collected and evaluated. For example, Bolshakov (2024) points out that “in practice, a very small number of citizens leave applications describing problems on the resources that the Regional Management Centers (RMC) use for monitoring and analysis or contact government representatives directly. For this reason, theoretically useful developed mechanisms turn out to be

¹ Polylog PR Agency (2023). *A year without Meta: What has changed in the internet communication of Russian governors?* (2023). <https://clck.ru/3QXyJE> Meta is banned in Russia as an extremist organization from March 21, 2022.

incomplete”. Regional management centers are an important tool in providing feedback between government and citizens on social media platforms, but their activities are not based on the theoretical foundation of political communication and cannot be evaluated from an academic perspective. Moreover, detailed RMC statistics by region are closed to external auditors, including the scientific community. Research in individual regions shows that there are problems with the motivation of citizens to engage in feedback through social media. So, Runaev (2024, p. 74) writes that in the South of Russia, “the audience does not participate in the creation and discussion of content and tacitly accepts the content broadcast on the accounts of regional leaders”.

This study is devoted to the development of a procedure for comparative analysis of the effectiveness of governors of Russian regions in the social network VKontakte.

Theoretical Premises

The public sphere has changed significantly in the era of digital communications. A sufficient number of studies consider the transformation of political communication and the digital transformation of media as interrelated processes leading to common effects. Indeed, in the modern world, the line between the electorate and the media audience is almost blurred.

The new conditions for the implementation of deliberative processes imply a theoretical adaptation of the classical concept of the public sphere. The main issue is the relationship between possible consensus and dissonance in public opinion, which arise as media effects. According to Bodrunova (2024), we understand cumulative deliberation as: 1) the process of accumulation, redistribution and dispersion of public opinion (opinions) created by the participation of Internet users of various institutional statuses in online discursive activities, and 2) the influence of accumulated opinions on the positions of institutional actors and discourses, including media work and policymaking.

From the point of view of their use in regional political strategies, social media is perceived as an important resource for monitoring public sentiment, promoting socially significant policies, and neutralizing possible discontent among the population (Mousavi, Gu, 2024). According to Itiuridze (2024), “the model of deliberative democracy as a part of political culture can already serve as a basis for informing the country’s leadership about the real state of affairs and pluralism of opinions in different regions”. According to foreign researchers, the role of social media may even be underestimated in relation to political competition and conflict. According to Lane, Moxley and McLeod (2023), social networks may bear a greater share of the blame for political competition and conflicts on a group basis than is supported by evidence.

There is no clear answer to the question of the parallelism of online sentiments and offline deliberation, as there are no accurate comparative statistics on the representation of the electorate of Russian regions on individual social media platforms.

Polyakov and Uvarova (2024) write that “today we can safely say that the social network has acquired the characteristics of a parallel reality in which virtualized formats of political representation and political governance operate, where the extensive multimedia capabilities of digital platforms generate new forms of interaction between the political class and civil society”. The criteria for this parallelism are the strategies of working with information from both politicians and citizens. Both entities both produce and consume information of a political nature, leaving digital traces expressed in quantitative parameters. It is important to remember that digital footprints are a visible part of activity accessible to researchers and political strategists, while communications in private accounts, personal chats and not intended for the public sphere become hidden. Also important is the problem of falsification of information in social media, the development of deepfakes and new strategies for the unfair struggle of political competitors, which has remained outside the scope of this study.

It is also important to characterize the voluntary nature of social media communications on the part of the audience and partial coercion on the part of politicians, especially in terms of responses to comments. In this case, the parallelism becomes distorted and implies a different degree of interest in the dialogue. Moreover, the researchers note the lack of a dialogic orientation in social media and study the manifestations of communicative deviations such as aggression, trolling, and the dissemination of false information.

The governors’ activity on social media depends on the will of the politicians themselves and the quality of the PR services. Researchers note that more and more regional heads consider social media activity to be an important part of their work, including for the tasks of effective regional management. E.I. Birucheva, A.A. Gnedash and N.A. Ryabchenko (2024) note “the governors’ attitude to the possibilities of the digital space. If at first only the governors of the ‘new wave’ considered representation in the digital space to be really important, then at the moment most of the regional leaders are already concerned about this issue”.

Obviously, in the future, the saturation of the social media space with political content will depend on the introduction of neural network technologies into its creation, as well as audience research, but this challenge remains beyond the scope of the current project.

The idea (Filatova, 2024) that “political discourse on the Web shapes the position and will of ordinary citizens, and with the help of new technologies it is possible to explore it more deeply and in detail so that decision makers can rely on the results of these studies and manage the state more effectively” is challenged by defining criteria for investigating the effectiveness of the presence of politicians on social media. On the one hand, the possibilities and limitations of various electronic platforms for online interaction are being studied. On the other hand, universal quantitative indicators of the effectiveness of social media promotion do not take into account the factors and features of political communication.

Researchers recognize that the image of politicians on social media is an important part of election strategies and building confidence in the current government.

As Kotlyarova (2024, p. 13) writes, “citizens’ perception of the political image of government bodies on social networks is one of the aspects of society’s assessment of government and the state, which allows virtual users to form their own political picture of the world in conditions of modern information instability”. It is unlikely that a political image on social media can lead to stability and certainty in the political picture of the world, but without an established image, such a picture will be far from complete. Surprisingly, even though there is a commitment to maintain accounts, not all the governors in our sample are still present on social media.

A comparison of the activity of politicians and official media on social media has already been the subject of research by the authors. It was found that state-owned media demonstrate higher engagement than local state-owned media and even than unofficial local news media. This is confirmed by other research (Bryantsev, Bryantseva, 2024): “Account management by the heads of regions is a standard and a requirement of the time. In many cases, they are more popular than groups of official publications. Posts are gaining more views, comments, and coverage is almost like that of the largest regional media outlets. We can say that the heads of the regions personify the regional brand”. The high level of engagement can easily be explained by the fact that journalists have lost their role as intermediaries on platforms where direct communication between citizens and authorities is organized.

The research (Maksimenko et al., 2024) also supports the idea that the electorate and the audience highly value the activity of politicians on social media platforms and the ability to quickly establish communication about problematic issues. “The results obtained make it possible to classify the governor’s involvement in modern online communication and his ability to establish constant and effective feedback with the public as one of the most important competencies. The analysis shows that these qualities are still falling out of the personal priorities of some regional leaders”.

Thus, a set of external and internal characteristics becomes the criteria for the effectiveness of governors: the awareness of the politician about the capabilities of platforms and the intention to develop accounts, the presence and balance of an information strategy in social media (for example, openness of comments), engagement indicators and audience statistics, the speed and quality of responses to comments, a positive assessment of the activity in the account recorded offline-polls.

Materials and Methods

As a meta-study of publications analyzing comments on social networks has shown, in recent years, little attention has been paid to platforms such as VKontakte, the topic of local government and the specifics of regions in foreign literature (Alafwan et al., 2023). As part of a comprehensive study of social networks, audiences, and media communications, we present an updated rating of the effectiveness of interaction between the heads of Russia’s regions and the audience on the VKontakte platform. Unlike existing methods focused on the implementation of federal guidelines, the generation of information guides or the frequency of mentions in the media, this approach focuses on the quality of communication

between regional leaders and their target audience, analyzing the perception of content and the level of feedback.

Data parsing and processing are carried out according to the author's methodology using Python and the HuggingFace library.

At the first stage, a pilot analysis of accounts was conducted based on criteria of audience size, activity, engagement in content, general approval of publications, coverage of posted materials and types of reactions. 83 active accounts of governors with a total audience of 5902 thousand people were studied (at the time of information collection, the corresponding pages were not opened in all regions). The share of active users among subscribers who visit the VKontakte site daily is 68.8%, which indicates its high success as a two-way communication channel. The number of users who have not been online for more than 1 year is at 14%. The female audience largely prevails among the subscribers of the heads of subjects – 63.8%. The main target group is middle-aged citizens who are most involved in public life. The proportion of people aged 35 to 44 years is 32.2%, and from 45 to 54 years – 19.1%.

Based on the results of the first iteration, the evaluation criteria were adjusted. The final index was formed based on the aggregation of account positions in seven independent ratings, each of which considers specific aspects of interaction.

1. The size of the community. To eliminate the imbalance caused by differences in the demographic indicators of the regions, the estimate was transferred from the absolute number of subscribers to a relative indicator – the ratio of audience size to population (based on Rosstat data). This makes it possible to offset the advantages of large regions: for example, 90 000 subscribers in the Krasnodar Territory with a population of 5.8 million people are initially incomparable with an audience of 85 000 in the Orel region, where fewer than 700 000 residents live.

2. The index of audience activity. It is calculated as the percentage of subscribers who are regularly active on the platform, i.e. going online. The metric is aimed at eliminating the advantage of artificially inflated accounts: Thus, a page with 50 000 active users is considered more relevant than an account with 100 000 subscribers, of which over 50% have not visited the platform for a year.

3. The average coefficient of visibility of publications (VR post active). It is de-fined as the ratio of post views to the number of active subscribers. The indicator reflects the effectiveness of content distribution in terms of algorithmic ranking of the VKontakte smart feed, demonstrating the ability of materials to attract the attention of the target audience.

4. Active Audience Engagement Index (ER day active). It is calculated based on the percentage of active users interacting with posts (likes, reposts, comments) during the day. Only users with confirmed activity are counted, which increases the reliability of the assessment.

5. The average number of reposts per publication. Normalization by publication frequency makes it possible to assess the quality of content, eliminating distortions associated with mass posting of materials or single viral outbreaks. Yandex.Metrica ensures comparability of accounts with different publication activity.

6. The volume of comments. It reflects the audience's willingness to engage in dialogue, which is interpreted as an indicator of the depth of engagement. An active discussion indicates that the content is provocative or socially significant, contributing to the formation of a community.

7. Approval rate (likes/views). Replacing the absolute number of likes with a relative indicator minimizes the impact of audience size and identifies content that evokes an emotional response rather than passive consumption.

The algorithm of rating formation. The final position of the account is determined by the sum of the places occupied in each of the seven ratings. The advantage is given to pages that show consistently high results in all areas.

Technological base and objectivity. Automated data collection through a specialized software package eliminates the subjective factor and ensures reproducibility of the results. The combination of absolute and normalized indicators, adjusted for demographic and behavioral characteristics of the audience, increases the validity of the comparison. The proposed methodology sets a new standard for assessing media communications of regional authorities, shifting the focus from quantitative metrics to the quality of dialogue with the audience. The integration of relative indicators and algorithmic data processing helps to increase transparency and reliability of results, which is relevant for research in the field of digital policy and public administration.

Below is the final rating based on an analysis of 85 accounts. At the time of its compilation, the heads of 4 regions (Volgograd, Tambov, Tver and Sverdlovsk regions) had not created or stopped maintaining pages on the VKontakte social network.

To solve the problem of identifying the main types of user comments (general messages, insults, complaints and criticism, gratitude, questions to other users), we have developed an automated text processing procedure based on the RuBERT transformer architecture (DeepPavlov/rubert-base-cased). The choice of the model was due to the possibility of minimal preprocessing, since it independently performs tokenization, and the removal of stop words and lemmatization are undesirable, since the model was initially trained on raw texts from social networks. The main libraries for working with the neural network were transformers and torch. Pandas and numpy were used to work with tables and arrays. To evaluate the qualities, as well as dividing the sample into training and test – scikit-learn. The methodology included several stages.

At the first stage, a body of comments was gathered from official accounts for further training of the model, after which manual marking was carried out in five target categories (with indexes from 1 to 5). The markup was carried out by several experts, discrepancies were discussed, which ensured consistency of interpretations and reliability of the training sample.

The pre-processing of texts included the removal of technical elements (links, repeated spaces, special characters and emojis) and the normalization of the utterance structure.

Next, the RuBERT model was further trained on a marked-up corpus, which made it possible to adapt it to the task of classifying communicative types of messages. During the training process, the model formed distinctions between neutral remarks, expressed criticism, appreciative statements, inter-user questions and aggressive forms of communication.

The quality of the model was evaluated on a deferred sample using standard metrics (accuracy, completeness, F1-measure), which made it possible to check the stability of the classification and the correctness of recognition of critical classes such as complaints and insults. After validation, the model was applied to the full body of comments, as a result of which each text was automatically assigned to the appropriate category.

The classification obtained made it possible to quantify the feedback structure, identify the distribution of reactions, the frequency of interpersonal interactions, and the nature of the neutral background. Automation of the process has made it possible to process large arrays of comments, which makes the method an effective tool for researching the digital public sphere.

The thematic breakdown was carried out manually only for those comments that were marked by the neural network as a Complaint. 10 topics were compiled for coding: Education, Healthcare, Social benefits and benefits, Work and salary, Construction and infrastructure, Housing and communal services and landscaping, Transport and roads, Sports, Culture. Comments that did not fit any of these topics were marked with a Different marker.

Results and Discussion

So far, no answer has been found to the question of how much the audience of social networks and offline voters coincide. Pisareva's research (2023) proved that the portrait of an average user of the VKontakte social network is based on the key characteristics that match the portrait of the average voter. However, the author admits that it is wrong to say that the sentiments of Russians are reliably reproduced on social networks due to the uneven spread of the Internet and social networks among residents of different regions of the country. Moreover, research shows that not all possible groups of the public participate in discussions on social networks in principle (Kalogeropoulos et al., 2017). Based on the assumption that this correlation exists for the nuclear audience of VKontakte aged 25–45, we believe that the data obtained demonstrate the real interest of the population in the political life and activity of the governors (Figure 1, 2).

In our sample, we took into account the ratio of subscribers to the population of the region to see how much citizens are involved in the media activity of the head of the region. Thus, by the end of February 2025, the average share of subscribers of the heads of constituent entities of the Russian Federation on the VKontakte social network in relation to the number of citizens living in the region was 5.14%. The spread between the maximum and minimum values is quite significant – from 0.16% to 59.05%. At the same time, it is important to understand that a high

proportion of subscribers does not always indicate the real interest of the audience. Often, for formal reasons, a significant part of it consists of civil servants and public sector employees, as well as users connected using massfollowing mechanisms. It is possible to talk about the serious interest of subscribers in the information agenda and the activities of the heads of subjects only with the organic growth of the audience and its sufficient activity. The head of the Chechen Republic remains the leader by this criterion.

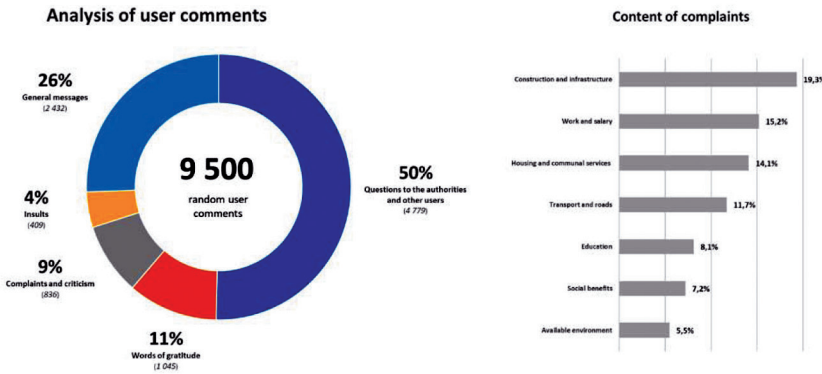

Figure 1. The topic of comments in the accounts of the governors

Source: created by Kamilla R. Nigmatullina, Renat M. Kasymov, Haya Yu.J. Ashour.

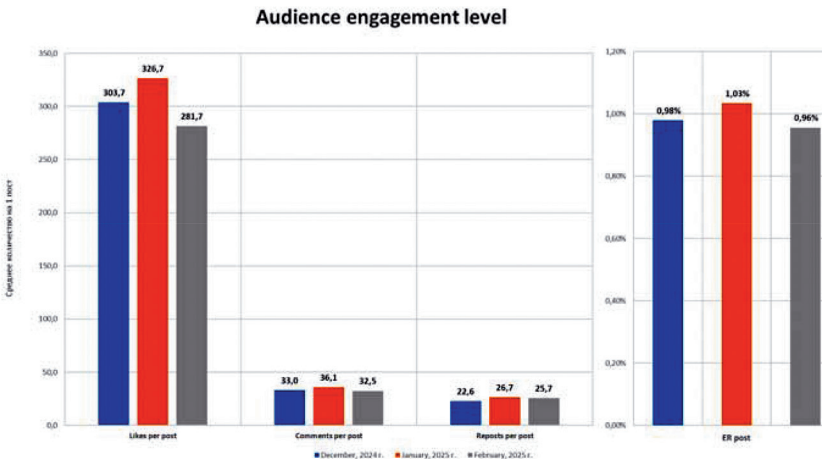

Figure 2. The dynamics of the main indicators of engagement for three months

Source: created by Kamilla R. Nigmatullina, Renat M. Kasymov, Haya Yu.J. Ashour.

The leader in terms of audience engagement is the head of the Komi Republic. The index reflects the share of subscribers with regular online access on the VKontakte site. This metric is critically important and gives an idea of the “liveliness” of the community and the potential for a quick response to information events. The average value of the indicator for all analyzed accounts of the heads of subjects is 69.6%, the maximum is 95.9%, and the minimum is 30.7%. Publics with an index above 70% demonstrate good activity and high involvement in the agenda.

The head of the Lugansk People's Republic is in the lead by a wide margin in terms of the visibility of publications. The metric shows what proportion of the active audience sees the publications of the heads of subjects in their feed. It takes into account, first of all, the principles of algorithmic issuance of VKontakte, the time and frequency of posting, as well as additional coverage earned through reposts. The average value of the indicator is at the level of 45.09%. The maximum index is 407.18%, the minimum is 0.41%.

The leader of the rating in terms of daytime audience engagement remains the head of the Karachay-Cherkess Republic. The indicator reflects the percentage of active subscribers who not only see posts, but also interact with them. The metric indicates the “quality” of the audience and its direct involvement in the content. However, it is important to make allowances for the presence of competing sites in the regions. When the head is running, for example, a Telegram channel, some of the active users may shift their activity there. In addition, in the political sphere, a relatively small proportion of subscribers are usually involved in direct discussion and reaction, so an index of 3–5% can be considered quite good. The average engagement among the 85 accounts of the heads of subjects in February is 2.71%. The maximum value is 11.10%, the minimum value is 0.08%.

The head of the Kemerovo region became the most “viral” governor. The metric of the average number of reposts per post shows the level of “virality” of content distribution. The more often the audience shares posts, the wider the reach, especially beyond the initial circle of subscribers. As a rule, high peaks of reposts are often associated with high-profile events when the content is really important or causes a strong emotional response. On average, one post in the account of the heads of regions in February gained 24 reposts. The maximum value is 120.98, and the minimum value is 0.47.

In February 2025, the head of the Samara Region was in the lead in terms of the number of comments. The indicator indicates the level of discussion in the communities. Together with the tone of the comments and their “quality” (whether they contain questions, suggestions, complaints), it evaluates feedback. It is important to keep in mind that “more is not always better”. Sometimes a significant number of comments arise around problematic, conflicting topics or due to spam attacks. The average number of comments left under the posts of the governors in February is 2037. The maximum value is 19 921, and the minimum value is 38. At the same time, the possibility of commenting is still disabled in 7 accounts.

According to the criterion of “content approval”, the head of the Republic of Sakha (Yakutia) is in the lead. The metric reflects the proportion of users who have seen the post and at the same time put a “like”. If the indicator is constantly maintained at a certain level or slightly changed, it can act as a signal of a normal routine reaction, when a certain proportion of subscribers leave a reaction automatically (like everything in a row). The average content approval rate for February is at 2.65%. The maximum value is 6.81%, the minimum value is 0.65%.

Conclusion

Political communication on social media has generally been studied in sufficient detail. However, before the phenomenon of governors' accounts appeared, political sentiments were studied on the entire array of social media posts, and it was quite difficult to identify regional specifics of sentiments.

The effectiveness of power on social media was of interest not only to scientists, but also to officials. The methodology for studying accounts has developed in parallel in academic and administrative circles. Globally, it was based on a comprehensive study of quantitative metrics of social networks, universal for any account, regardless of orientation, and qualitative metrics, mainly related to comments. Regional management centers have established a complaint collection system, and commercial monitoring services (such as Brand Analytics) have improved sentiment analysis systems. As a result, the former encountered the fact that, among all the variations of moods, they focused only on negative ones, while the latter presented the mood field as generally neutral (up to 95% of messages could be marked by the automatic system as not containing emotions).

At the same time, the analysis of the effectiveness of an official, and even more so the head of the region, on a social network cannot be limited only to the number of responses to complaints or the number of posts per month. An integral index that takes into account the size of the region's population, external factors (for example, the events in the Kursk region in 2024 and the change of governor attracted increased interest in Alexander Khinsein's account), and the quality of the audience itself (how long they stay online and whether they see published posts) can become a more objective indicator of the effectiveness of governors' accounts.

At this stage of the study, manual encoding was used for the thematic analysis of complaints. At the next level, the manually marked-up dataset will be used to train the neural network and then automatically analyze the comments.

References

- Alafwan, B., Siallagan, M., & Putro, U.S. (2023). Comments analysis on social media: a review. *EAI Endorsed Transactions on Scalable Information Systems*, 10(6), eetsis.3843. <https://doi.org/10.4108/eetsis.3843>
- Birucheva, E.I., Gnedash, A.A., & Ryabchenko, N.A. (2024). Discursive markers of image-forming activities of Russian governors in social media. *Society: Politics, Economics, Law*, (12), 24–34. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/pep.2024.12.2>
- Bodrunova, S.S. (2024). The concept of cumulative deliberation: linking systemic approaches to healthier normativity in assessing opinion formation in online discussions. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 75(10), 1202–1215. <https://doi.org/10.1002/asi.24850>
- Bolshakov, S.S. (2024). Social Network Users' Posts' Analysis for Actual Problems' Detection. *Interactive Science*, (1), 45–50. (In Russ.) <https://doi.org/10.21661/r-561564>
- Bryantsev, I.I., & Bryantseva, O.V. (2024). The use of social networks as a factor in improving the efficiency of administrative and managerial activities of regional executive authorities In I.V. Shakhovskaya, P.V. Solov'ev (Eds.), *Law and Digital Technologies: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, November 24, 2023, Novopolotsk* (pp. 39–45). Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk Publ. (In Russ.)

- Filatova, O.G. (2024). *Electronic Interaction Between Authorities and Society: A Media Ecosystem Approach* [Unpublished doctoral dissertation]. Russian State University for the Humanities. (In Russ.) EDN: AILWAF
- Itiuridze, L.A. (2024). Deliberative Democracy in the dialogue between government and society in Russia. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, (4), 24–31. (In Russ.)
- Kalogeropoulou, A., Negredo, S., Picone, I., & Nielsen, R.K. (2017). Who shares and comments on news?: a cross-national comparative analysis of online and social media participation. *Social Media + Society*, 3(4). <https://doi.org/10.1177/2056305117735754>
- Kotlyarova, O.V. (2024). Political perception of power in social media. *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 24(3), 13–20. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2024-3-13-20>
- Kupriyanova, D.M. (2024). Popularization and modernization of social networks in the sphere of activities of government bodies. *Vestnik Nauki = Bulletin of Science*, 2(12), 983–990. (In Russ.)
- Lane, D.S., Moxley, C.M., & McLeod, C. (2023). The group roots of social media politics: social sorting predicts perceptions of and engagement in politics on social media. *Communication Research*, 50(7), 904–932. <https://doi.org/10.1177/00936502231161400>
- Maksimenko, A.A., Zaitsev, A.V., Deyneka, O.S., Zyablikov, A.V., & Akhunzyanova, F.T. (2024). Assessment by the population of the effectiveness of digital communication of the heads of regions in the Internet dialogue “Power – Society”. *Russian Journal of Regional Studies*, 32(2), 217–241. (In Russ.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.217-241>
- Mousavi, R., & Gu, B. (2024). Resilience messaging: the effect of governors’ social media communications on community compliance during a public health crisis. *Information Systems Research*, 35(2), 505–527.
- Pisareva, A.N. (2023). *Social Network’s Institutionalization in Modern Russia as a Factor of Public Opinion’s Formation on Political Problems (Exemplified by VKontakte Social Network)* [Doctoral dissertation, St. Petersburg State University]. Saint Petersburg.
- Polyakov, A.V., & Uvarova, G.G. (2024). Digital Political marketing: using social media and Big Data to manage political preferences. *State and Municipal Management. Scholar Notes*, (3), 177–183. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-177-183>
- Runaev, T.A. (2024). Potential for measuring the information field of regional policy in Southern Russia on the Internet. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 25(3), 69–82. (In Russ.) <https://doi.org/10.31429/26190567-25-3-69-82>

Список литературы

- Бирючева Е.И., Гнедаш А.А., Рябченко Н.А. Дискурсивные маркеры имеджеобразующей деятельности российских губернаторов в социальных медиа // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 12. С. 24–34. <https://doi.org/10.24158/pep.2024.12.2>
- Большаков С.С., Стуколов С.В. Анализ записей пользователей социальных сетей для выявления актуальных проблем // Интерактивная наука. № 1(87). С. 45–50. <https://doi.org/10.21661/г-561564>
- Брянцев И.И., Брянцева О.В. Использование социальных сетей как фактор повышения эффективности административно-управленческой деятельности региональных органов исполнительной власти // Право и цифровые технологии : электрон. сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Новополюцк, 24 ноября 2023 г. / редкол. И.В. Шаховская, П.В. Соловьев. Новополюцк : Полоцк. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2024. С. 39–45.
- Итиуридзе Л.А. Потенциал deliberативной демократии в диалоге власти и общества в России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. № 4(857). С. 24–31.

- Котлярова О.В.* Политическое восприятие власти в социальных сетях // Вестник Поволжского института управления. 2024. Т. 24. № 3. С. 13–20. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2024-3-13-20>
- Куприянова Д.М.* Популяризация и модернизация социальных сетей в сфере деятельности органов власти // Вестник науки. 2024. Т. 2. № 12(81). С. 983–990.
- Максименко А.А., Зайцев А.В., Дейнека О.С., Зябликов А.В., Ахунзянова Ф.Т.* Оценка населением эффективности цифровой коммуникации глав регионов в интернет-диалоге «власть – общество» // Регионология. 2024. Т. 32. № 2. С. 217–241. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.217-241>
- Писарева А.Н.* Институционализация социальных сетей в современной России как фактор формирования общественного мнения по политическим проблемам : на примере социальной сети «ВКонтакте» : дис. ... канд. политических наук [Место защиты: Санкт-Петербургский государственный университет]. СПб., 2023. 359 с.
- Поляков А.В., Уварова Г.Г.* Цифровой политический маркетинг: использование социальных сетей и Big Data для управления политическими предпочтениями // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 177–183. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-177-183>
- Рунаев Т.А.* Информационное поле региональной политики юга России в сети Интернет: возможности измерения // Южно-российский журнал социальных наук. 2024. Т. 25. № 3. С. 69–82. <https://doi.org/10.31429/26190567-25-3-69-82>
- Филатова О.Г.* Электронное взаимодействие власти и общества: медиаэкосистемный подход : автореф. дис. ... д-ра политических наук [Место защиты: Рос. гос. гуманитар. ун-т]. М., 2024. 50 с. EDN: AILWAF
- Alafwan B., Siallagan M., Putro U.S.* Comments analysis on social media: a review // EAI Endorsed Transactions on Scalable Information Systems. 2023. Vol. 10. No. 6. Article eetsis.3843. <https://doi.org/10.4108/eetsis.3843>
- Bodrunova S.S.* The concept of cumulative deliberation: linking systemic approaches to healthier normativity in assessing opinion formation in online discussions // Journal of the Association for Information Science and Technology. 2024. Vol. 75. No. 10. P. 1202–1215. <https://doi.org/10.1002/asi.24850>
- Kalogeropoulos A., Negrodo S., Picone I., Nielsen R.K.* Who shares and comments on news?: a cross-national comparative analysis of online and social media participation // Social Media + Society. 2017. Vol. 3. No. 4. <https://doi.org/10.1177/2056305117735754>
- Lane D.S., Moxley C.M., McLeod C.* The group roots of social media politics: social sorting predicts perceptions of and engagement in politics on social media // Communication Research. 2023. Vol. 50. No. 7. P. 904–932. <https://doi.org/10.1177/00936502231161400>
- Mousavi R., Gu B.* Resilience messaging: the effect of governors' social media communications on community compliance during a public health crisis // Information Systems Research. 2024. Vol. 35. No. 2. P. 505–527.

Bio notes:

Kamilla R. Nigmatullina, Grand PhD in Political Sciences, Professor at the Department of Digital Media Communications, St. Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya naberezhnaya, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-9146-1712; SPIN-code: 4373-4174. E-mail: k.nigmatullina@spbu.ru

Renat M. Kasymov, Assistant Lecturer at the Department of Digital Media Communications, St. Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya naberezhnaya, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation. ORCID: 0009-0003-5223-0385; SPIN-code: 3436-2041. E-mail: renat.kasymov@spbu.ru

Haya Yu.J. Ashour, PhD in Philology, Assistant Professor Mass Media, College of Media and Mass Communication, American University in the Emirates, Dubai Intl. Academic City, Dubai, 503000, United Arab Emirates. ORCID: 0000-0002-5532-5924; SPIN-code: 3809-2897. E-mail: haya.ashour@ae.ae

Сведения об авторах:

Нигматуллина Камилла Ренатовна, доктор политических наук, профессор кафедры цифровых медиакоммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9. ORCID: 0000-0002-9146-1712; SPIN-код: 4373-4174. E-mail: k.nigmatullina@spbu.ru

Касымов Ренат Масгудович, ассистент кафедры цифровых медиакоммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9. ORCID: 0009-0003-5223-0385; SPIN-код: 3436-2041. E-mail: renat.kasymov@spbu.ru

Ашур Хая Юсеф Джамиль, кандидат филологических наук, доцент, Колледж медиа и массовых коммуникаций, Американский университет в Эмиратах, Объединенные Арабские Эмираты, 503000, Дубай, Международный академический городок Дубая. ORCID: 0000-0002-5532-5924; SPIN-код: 3809-2897. E-mail: haya.ashour@ae.ae

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-1-204-218

EDN: TKRNLA

УДК 323.2

Научная статья / Research article

Трансформация коммуникационных стратегий российских лоббистских структур в условиях санкционного давления

А.А. Котов

*Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
Федеральная служба по аккредитации, Москва, Российская Федерация
✉ andres.kotov@yandex.ru*

Аннотация. Исследуется трансформация коммуникационных стратегий российских лоббистских структур (отраслевых и деловых ассоциаций) в 2022 г. в условиях начала специальной военной операции и жесткого санкционного давления. Эмпирическую основу составил верифицированный реестр 400 объединений, сформированный по методологии Российской ассоциации по связям с общественностью (РАСО) и Компании развития общественных связей (КРОС). Методология включала многоэтапный поиск, фильтрацию, сегментирование по 44 отраслям и количественный контент-анализ массива данных (свыше 897 тыс. упоминаний). Результаты выявили ключевую тенденцию: при незначительном росте общей упоминаемости произошло перераспределение активности – спад в федеральных СМИ и рост в региональных. Доля высококомедийных ассоциаций превысила треть, а лидерами медиаактивности стали межотраслевые объединения. Анализ показал разделение ролей: отраслевые ассоциации решали тактические задачи, тогда как межотраслевые – формировали стратегию новой экономической архитектуры. На основе полученных данных сформирована матрица реагирования на ключевые вызовы. Выявленные модели продолжают определять ландшафт взаимодействия бизнеса и государства в современной России.

Ключевые слова: медиатизированное лоббирование, коммуникационные стратегии, адаптация бизнеса, деловые ассоциации, отраслевые объединения, санкционное давление, контент-анализ, взаимодействие бизнеса и государства

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 28 июля 2025 г.; отрецензирована 3 сентября 2025 г.; принята к публикации 31 октября 2025 г.

Для цитирования: Котов А.А. Трансформация коммуникационных стратегий российских лоббистских структур в условиях санкционного давления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 1. С. 204–218. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-204-218> EDN: TKRNLA

© Котов А.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Transformation of Communication Strategies of Russian Lobbying Entities under Sanctions Pressure

Andrey A. Kotov

RUDN University, Moscow, Russian Federation
Federal Service for Accreditation, Moscow, Russian Federation
✉ andres.kotov@yandex.ru

Abstract. This article examines the transformation of communication strategies employed by Russian lobbying structures (industry and business associations) in 2022 in the context of the start of the Special Military Operation and severe sanctions pressure. The empirical foundation is a verified registry of 400 associations, compiled according to the methodology of the Russian Public Relations Association (RASO) and the Public Relations Development Company (KROS). The research methodology involved multi-stage data retrieval, filtering, segmentation into 44 industries, and a quantitative content analysis of a large dataset (over 897 thousand mentions). The results reveal a key trend: alongside a minor increase in overall mentions, a redistribution of media activity occurred – a decline in federal media coupled with a rise in regional outlets. The share of high-media-profile associations grew to over one-third, with cross-industry associations emerging as the leaders in media activity. The analysis demonstrated a clear division of roles: industry associations addressed tactical tasks, while cross-industry associations shaped the strategy for a new economic architecture. A response matrix to the key challenges of 2022 was developed based on the findings. The identified behavioural patterns continue to define the landscape of business-state relations in contemporary Russia.

Keywords: mediatised lobbying, communication strategies, business adaptation, business associations, industry associations, sanctions pressure, content analysis, business-state relations

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted July 28, 2025; revised September 3, 2025; accepted October 31, 2025.

For citation: Kotov, A.A. (2026). The Transformation of Communication Strategies of Russian Lobbying Entities under Sanctions Pressure. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(1), 204–218. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-204-218> EDN: TKRNLA

Введение

Лоббизм, понимаемый как воздействие на органы власти с целью принятия нужного решения, стал неотъемлемым элементом общественно-политической жизни, поскольку эта деятельность выгодна всем вовлеченным сторонам (Шохин и др., 2017). В российской и зарубежной научной литературе сложилась устойчивая традиция рассмотрения лоббистской деятельности через призму коммуникаций как процесса стратегических коммуникаций¹ (Ушанов, 2020; Berg, 2009; Ihlen et al., 2020). Одной из ключевых форм такой работы является косвенное лоббирование через СМИ, или медиатизированное

¹ См. также: GR и лоббизм: теория и технологии : учебник для вузов / под ред. В.А. Ачкасовой, И.Е. Минтусовой и О.Г. Филатовой. 2-е изд. М. : Юрайт, 2023. 438 с.

лоббирование (Боровков, 2021; Чумиков, 2021; Mikkilineni, Ikonen, 2019), эффективность которого напрямую зависит от понимания законов функционирования современной медиасреды (Алгави и др., 2020; Волкова и др., 2021), когда информационная активность становится инструментом влияния на повестку дня и формирования благоприятного регуляторного климата (Entman, 2007; Trapp, Laursen, 2017).

В рамках данной работы рассматривается коммуникационная составляющая лоббистской деятельности, а именно роль медиакоммуникаций в достижении лоббистских целей на примере количественного анализа информационной активности отраслевых ассоциаций в 2022 г. Выбор этого периода обусловлен тем, что главным для всех отраслей событием стало начало специальной военной операции на Украине и последовавшее за этим введение санкций в отношении России со стороны недружественных стран. Последствия этих событий, как круги от камня, брошенного в воду, разошлись по всей экономике, спровоцировав структурные изменения – от переориентации на «дружественные» рынки до вынужденного импортозамещения. Ключевыми проблемами для бизнеса стали изоляция от западных технологий, дефицит кадров, рост издержек и снижение покупательской способности населения (Котов и др., 2023).

Например, въездной туризм резко сократился из-за закрытия воздушного пространства для стран ЕС и США, а также рекомендаций иностранных МИД воздержаться от поездок в Россию. Финансовый сектор пережил глубокую трансформацию под давлением санкций: отключение крупнейших банков от системы SWIFT нарушило международные расчеты, а заморозка активов ЦБ и коммерческих банков за рубежом лишила сектор значительной части валютных резервов. Производители машин и оборудования оказались в кризисе из-за разрыва глобальных цепочек поставок. Дефицит критически важных импортных комплектующих – от электроники до подшипников – привел к остановке конвейеров, особенно в отраслях, исторически зависимых от западных технологий, например таких, как автомобилестроение.

Таким образом, в условиях беспрецедентного внешнего давления 2022 г. коммуникационные стратегии лоббистских структур, их способность адаптироваться к новой медиареальности и влиять на государственную политику через информационное поле становятся предметом, требующим детального научного осмысления (Белоусов, 2006; Марцинкевич, 2022; Поляков, 2022; Фельдман, 2015). Данное исследование призвано восполнить этот пробел, предложив количественный анализ трансформации медиастратегий российских деловых ассоциаций в кризисный период.

Материалы и методы

При отсутствии единой типологии или какого-либо общего знаменателя для всего многообразия деловых ассоциаций особенно ценной представляется попытка сформировать верифицированный реестр отраслевых объедине-

ний и деловых ассоциаций, которую предприняли комитет Российской ассоциации по связям с общественностью (РАСО) по Public Affairs и аналитический департамент Компании развития общественных связей (КРОС) в 2020 г. В него вошли 300 организаций.

В процессе исследования был сформирован верифицированный реестр отраслевых и деловых объединений. Для этого был осуществлен информационный поиск в системе «Медиалогия», при этом использовались публикации за год. Была разработана методика фильтрации информации и определены обязательные признаки соответствия. На первом этапе информационного поиска в системе «Медиалогия» были выявлены все субъекты коммуникационного пространства, название которых формально указывало на то, что они представляют собой отраслевые или деловые объединения. В качестве примера можно привести Российский союз поставщиков металлопродукции. Далее было определено присутствие ассоциации в Сети: наличие сайта и аккаунтов в социальных сетях. Если на сайте были заявлены ассоциации-партнеры или они обнаруживались в материалах сайта (например, в текстах новостей), то они также вносились в список для дальнейшей проверки. Третий этап включал обратный переход в систему «Медиалогия» с найденными новыми объединениями и ассоциациями и повторение первого и второго этапов. Этот процесс был повторен четыре раза, пока новые объединения и ассоциации не перестали появляться.

В дальнейшем, что особенно значимо в контексте данной работы, посвященной области коммуникаций, РАСО и КРОС исследовали коммуникационную активность участников сформированного реестра. Рейтинг коммуникационной активности отраслевых ассоциаций и бизнес-объединений был сформирован на основе объективных количественных исследований – медиа-статистики. В основу анализа легли данные медиааналитической системы «Медиалогия». Был исследован массив данных, включающий более 200 тыс. сообщений в федеральных и региональных СМИ.

Во втором выпуске исследования «Ландшафт влияния» его авторы расширили единый реестр уже до 400 крупнейших деловых и отраслевых ассоциаций. Впрочем, методология исследования в целом осталась прежней. Однако авторы гораздо основательнее подошли к сегментированию получившегося списка. Если в первом было выделено 17 отраслей, то во втором – их количество выросло почти втрое, до 44 отраслей. Причем авторы особо подчеркивают, что «отрасль» с точки зрения публичной представленности в информационном поле и «вид деятельности» с точки зрения ОКВЭД не тождественны. Они самостоятельно реконструировали классификатор, опираясь на два основных критерия: то, как отрасли в их самоназвании присутствуют в коммуникационном пространстве ведущих деловых медиа; то, как отрасли группировались в структуре федеральной исполнительной власти в последние два десятилетия. В отдельную категорию выделены межотраслевые и общепредпринимательские объединения – «большая четверка» бизнес-объединений: Торгово-промышленная палата Российской

Федерации (ТПП РФ), Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП), «Деловая Россия» и «Опора России».

К сожалению, КРОС и РАСО прекратили выпуск своего исследования. Однако ввиду уникальности и значимости проекта и информации о медиа-активности лоббистских структур, автор данной работы предпринял попытку продолжить начатое КРОС и РАСО исследование, и с помощью системы «Медиадиалогия» проанализировал упоминаемость отраслевых объединений в 2022 г.² Ключевые показатели (общая упоминаемость, разбитая на упоминаемость в федеральных и региональных СМИ) были собраны в сопоставимом виде с исследованием КРОС и РАСО.

Основным ограничением исследования является использование двух различных медиааналитических платформ («Медиадиалогия» и SCAN) для количественного и качественного анализа соответственно. Это связано с ограниченным доступом автора к полному функционалу каждой из систем. Для минимизации потенциальной погрешности, вызванной различиями в алгоритмах сбора и обработки данных, была проведена валидация на репрезентативной выборке из 50 ассоциаций. Результаты показали высокую степень корреляции ($r > 0,95$) по ключевым метрикам упоминаемости, что позволяет считать данные сопоставимыми для целей настоящего исследования.

Результаты и обсуждение

Распределение ассоциаций по коммуникационной активности

Общая упоминаемость лоббистских структур в 2022 г. выросла крайне незначительно, всего на 1,5 % – до 897,6 тыс. Однако произошло значительное перераспределение в рамках региональных и федеральных СМИ. В последних общее количество публикаций снизилось почти на 10 % – до 457 тыс. упоминаний. В региональных СМИ количество публикаций, напротив, выросло на 15,5 % – до 405,8 тыс. сообщений (рис. 1).

Ситуация, при которой информационная активность в СМИ очень сильно разнится, сохранилась (как и в 2020–2021 гг.), что, вероятно, говорит о сложившейся картине, в рамках которой есть явные аутсайдеры с минимальной информационной активностью (до 100 упоминаний за год) – 31,5 % от всех рассмотренных; львиная доля ассоциаций (35 %), которые упоминаются в СМИ от 100 до 1000 раз за год; организации-лидеры, которые попадают в медиа от 1000 до 10 тыс. раз за год. По сравнению с предыдущими годами сократилось как число ассоциаций, упоминаемых менее 100 раз за год, так и доля «средняков» с упоминаемостью от 100 до 1000 сообщений в год (рис. 2).

² Автор выражает благодарность компании «Медиадиалогия», разработчику автоматической системы мониторинга и анализа СМИ и соцмедиа в режиме реального времени, за предоставленный в научных целях доступ к системе.

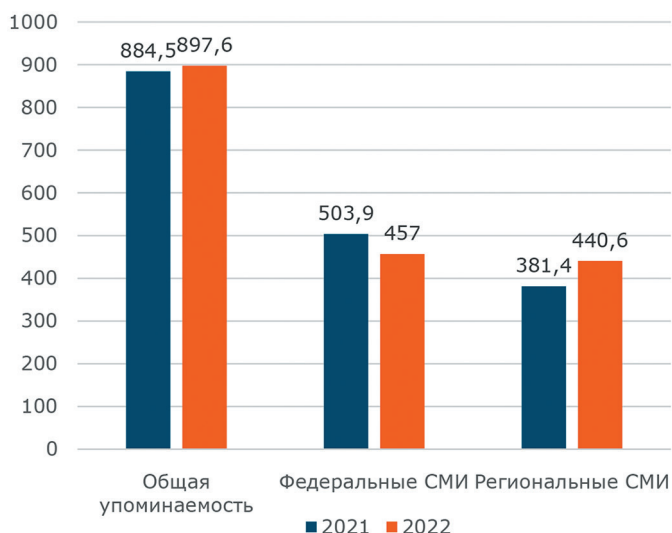

Рис. 1. Динамика упоминаемости отраслевых ассоциаций в 2021–2022 гг., тыс.
 Источник: создано А.А. Котовым на основе данных «Медиалогии».

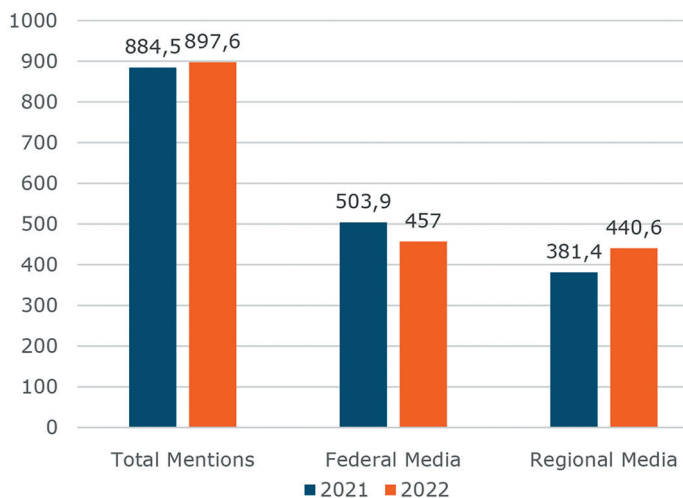

Figure 1. Trend in mentions of industry associations, 2021–2022, thousands
 Source: created by Andrey A. Kotov based on data from *Medialogiya*.

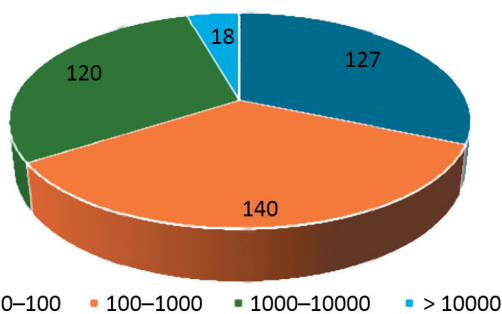

Рис. 2. Доля ассоциаций по частоте упоминания в СМИ за 2022 г.
 Источник: создано А.А. Котовым на основе данных «Медиалогии».

Figure 2. Distribution of associations by media mentions frequency, 2022
 Source: created by Andrey A. Kotov based on data from *Medialogiya*.

Детальное изучение показывает, что в целом отраслевые объединения склонны наращивать свою активность и переходить в следующую категорию. Так, доля ассоциаций с более чем 1000 упоминаний за год в 2022 г. выросла с 25,7 до почти 34 %. Причем, и в рамках этой группы увеличилось количество супермедийных структур, которые добились более чем 10 тыс. упоминаний в течение 2022 г. – с 10 до 18 (4,5 против 2,5 % годом ранее) (рис. 3).

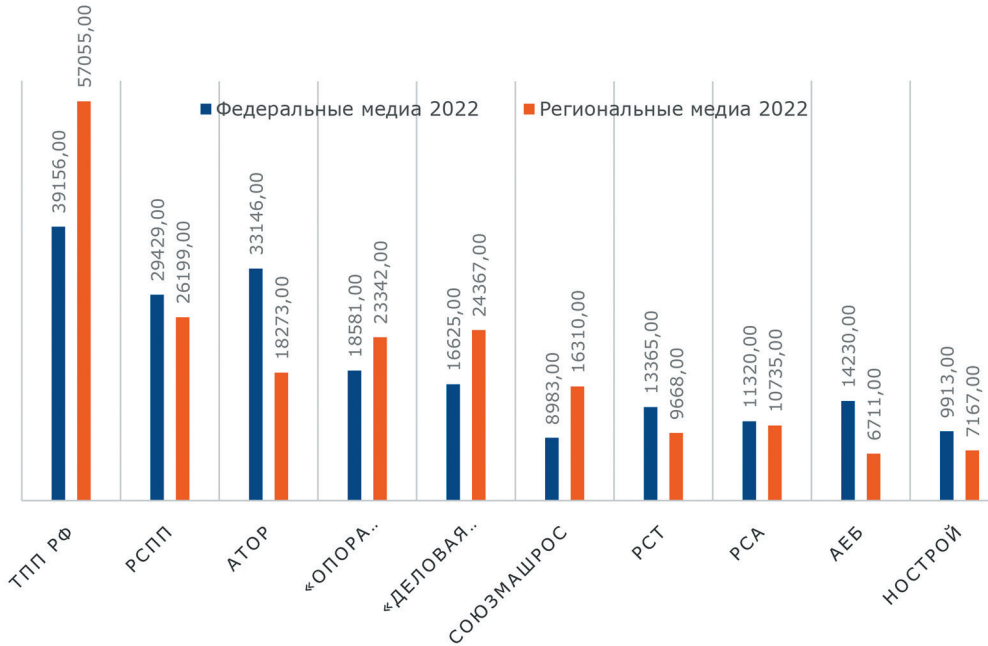

Рис. 3. Наиболее упоминаемые ассоциации в 2022 г.

Источник: создано А.А. Котовым.

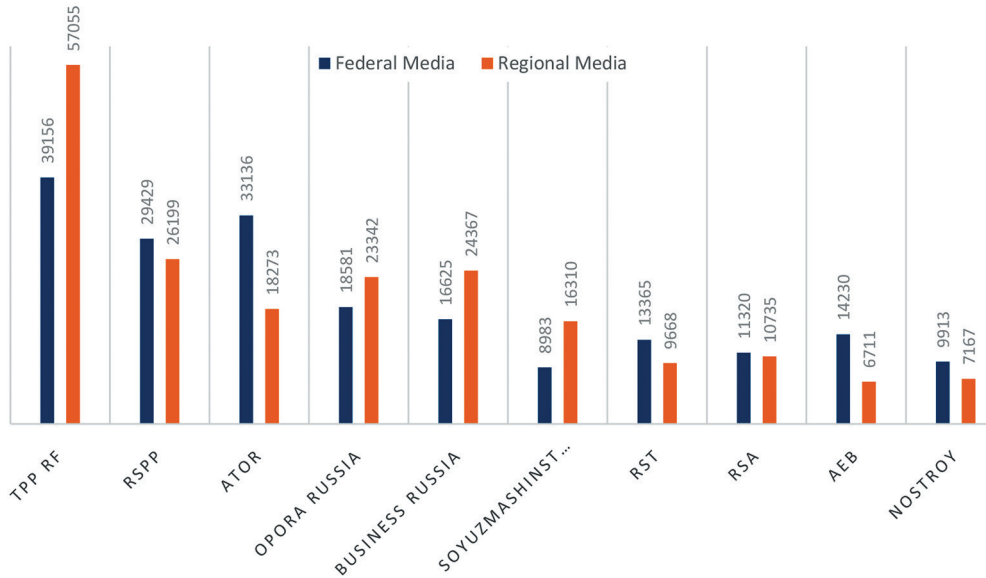

Figure 3. The most mentioned by media associations, 2022

Source: created by Andrey A. Kotov.

Коммуникационная активность по отраслям

Межотраслевые объединения. Что касается распределения по отраслям, то логичным лидером стал сегмент «межотраслевые и общепредпринимательские объединения», в который входит «большая четверка» бизнес-ассоциаций, а также Ассоциация европейского бизнеса: суммарно на них пришлось 214 тыс. упоминаний или почти четверть (23,8 %) от всей информационной активности лоббистских структур за год. Это наиболее ресурсные ассоциации, которые ведут стратегический диалог с государством, представляя бизнес-сообщество в самом широком смысле. Их медиаактивность также напрямую связана с институциональной интеграцией в госполитику. Например, все новые нормативные правовые акты проходят оценку регулирующего воздействия в большой четверке бизнес-объединений. Также эти организации участвуют во всех ключевых форумах страны (Петербургский международный экономический форум, Восточный экономический форум, Кавказский инвестиционный форум), а также проводят собственные мероприятия, в которых участвуют члены правительства и первое лицо государства: Съезды ТПП РФ, Неделя российского бизнеса (РСПП), Российский форум малого и среднего предпринимательства («Опора России»), Форум «Деловой России». Кроме того, руководители данных структур регулярно, как правило не реже раза в год, приходят на личные встречи к президенту России. Они успешно конвертируют все эти факторы в медиакапитал.

В 2022 г. ключевые бизнес-объединения России активно направляли обращения в правительство и федеральные органы власти, стремясь смягчить последствия санкций и адаптировать экономику к новым реалиям. РСПП акцентировал внимание на поддержке промышленности: ассоциация призывала к налоговым льготам для стратегических отраслей, упрощению сертификации импортных компонентов и решению логистических проблем через альтернативные маршруты. ТПП РФ фокусировалась на развитии экспорта в Азию и Африку, а также на цифровизации таможенных процедур, чтобы сократить издержки бизнеса.

«Опора России», представляющая интересы малого и среднего предпринимательства, добивалась отсрочек по кредитам и налоговым платежам, а также боролась с избыточными проверками. Объединение подчеркивало необходимость расширения льготных программ, таких как «Промгарант», и поддержки ИТ-стартапов.

«Деловая Россия» выступала за мораторий на повышение налогов, защиту прав предпринимателей при блокировке счетов и развитие инфраструктуры в новых регионах, включенных в состав Российской Федерации.

Ассоциация европейского бизнеса (АЕБ), объединяющая иностранные компании, концентрировалась на сохранении диалога с властями. Ее письма в органы власти содержали запросы на гарантии защиты активов инвесторов, упрощение вывода капитала и легализацию параллельного импорта. АЕБ также настаивала на прозрачности законодательных изменений, чтобы снизить риски для остающихся в России иностранных предприятий.

Обращения межотраслевых ассоциаций можно обобщить следующим образом:

- требования налоговых и кредитных послаблений;
- запросы на упрощение административных процедур;
- акцент на импортозамещение и переориентацию на «дружественные» рынки;
- борьба с последствиями изоляции от западных технологий и финансовых систем.

Часть предложений была учтена органами власти. Например, введение моратория на проверки МСП, легализация параллельного импорта и запуск программ льготного кредитования. Также заметим, что ассоциации-аутсайдеры, как правило узкоотраслевые объединения, занятые техническими вопросами, остаются незаметными из-за их фокуса на локальных проблемах и отсутствия доступа к федеральным медиа.

Туристические ассоциации. На втором месте с точки зрения представленности в СМИ оказалась туристическая отрасль – 87,5 тыс. упоминаний. В первую очередь, это заслуга Ассоциации туроператоров России. Ассоциация туроператоров России (АТОР) в 2022 г. активно работала над восстановлением международного туризма после пандемии, лоббируя государственную поддержку для компенсации убытков из-за санкций. Среди ключевых инициатив – запуск программы «Открой Россию» для продвижения внутреннего туризма, организация выставки «ТурЭкспо» с участием региональных операторов, а также критика новых регуляторных требований, осложнявших работу в кризисных условиях. АТОР публиковала рейтинги популярных внутренних направлений, сотрудничала с авиакомпаниями для снижения стоимости перелетов, комментировала отмену рейсов в Турцию и Египет из-за геополитики, продвигала цифровизацию через единую платформу бронирования и участвовала в разработке закона о туристическом кешбэке для стимулирования спроса.

Также информационно активен был Российский союз туриндустрии (РСТ), который в 2022 г. сосредоточился на упрощении визового режима для туристов из дружественных стран и запустил кампанию «Туризм без границ», развивая межрегиональные маршруты. Союз представил «Атлас доступного отдыха» для людей с ограниченными возможностями, провел форум «Туризм будущего» с акцентом на устойчивое развитие и выступал за субсидирование чартерных программ в новые направления. РСТ анализировал влияние санкций на стоимость туров, предлагая антикризисные меры, сотрудничал с банками для льготного кредитования малых операторов, обсуждал кадровый дефицит в гостиничном секторе, продвигал круизный туризм по Волге и Дальнему Востоку, а также публиковал рекомендации по безопасности для туристов в условиях нестабильной международной обстановки.

Финансовые ассоциации. Сфера финансовых услуг (55,2 тыс. упоминаний) была информационно активна в 2022 г. за счет Ассоциации банков России (Ассоциация «Россия»), Ассоциации российских банков (АРБ) и Национальной ассоциации участников фондового рынка (НАУФОР). Ассоциация «Россия» активно участвовала в адаптации банковского сектора к санкцион-

ному давлению. Ключевыми темами стали поддержка реструктуризации кредитов для бизнеса и населения, а также продвижение мер по защите финансовой системы от внешних рисков, включая переход на альтернативные платежные системы. Ассоциация лоббировала смягчение регуляторных требований, таких как временное снижение норм резервирования, чтобы обеспечить ликвидность банков. Особое внимание уделялось цифровизации: внедрению биометрических технологий и развитию сервисов удаленного обслуживания. Кроме того, Ассоциация выступала за расширение программ льготного кредитования МСП в рамках государственных антикризисных инициатив.

АРБ в 2022 г. фокусировалась на диалоге с регуляторами для минимизации последствий санкций. Среди главных инициатив – предложения по корректировке валютного контроля, упрощению процедур комплаенса и защите активов банков за рубежом. АРБ активно комментировала отзыв лицензий у проблемных кредитных организаций, подчеркивая необходимость сохранения стабильности сектора. Важным направлением стала критика ограничений на выдачу наличной валюты, а также разработка рекомендаций по работе с «токсичными» активами. Ассоциация также поддерживала проекты ЦБ, включая интеграцию банков в систему быстрых платежей и развитие ESG-стандартов.

НАУФОР реагировала на кризис, вызванный уходом иностранных инвесторов и блокировкой иностранных ценных бумаг. Ассоциация продвигала меры по переориентации рынка на внутренних игроков: запуск новых биржевых продуктов (например, акций эмитентов дружественных стран), упрощение доступа частных инвесторов через индивидуальные инвестиционные счета. НАУФОР участвовала в разработке правил торговли «заблокированными» активами и поддерживала создание инфраструктуры для деофшоризации капитала. Отдельное внимание уделялось образовательным программам для инвесторов, а также защите прав клиентов брокеров в условиях нестабильности. Кроме того, ассоциация обсуждала перспективы интеграции криптовалют в регулируемое правовое поле.

Объединения страховой отрасли. В страховой отрасли (44,5 тыс. упоминаний) первые скрипки играли Российский союз автостраховщиков (РСА) и Всероссийский союз страховщиков (ВСС). РСА в 2022 г. активно реагировал на вызовы, связанные с санкционным давлением и инфляцией. Ключевым информационным поводом стало повышение тарифов ОСАГО, вызванное ростом стоимости запчастей и ремонтных услуг на фоне санкций. Союз также продвигал цифровизацию: расширялось использование электронных полисов, внедрялись системы автоматического урегулирования убытков через приложения. Особое внимание уделялось борьбе с мошенничеством в автостраховании. РСА запустил кампанию по ужесточению контроля за мошенническими страховыми случаями. Кроме того, обсуждались инициативы по корректировке региональных коэффициентов для более справедливого ценообразования, особенно в зонах с высокой аварийностью.

Всероссийский союз страховщиков в 2022 г. сосредоточился на адаптации отрасли к ограничениям, включая выход международных перестраховщиков

с российского рынка. Важным событием стало создание Национального перестраховочного центра для минимизации рисков. Союз инициировал разработку новых страховых продуктов, например программ защиты от кибератак для бизнеса, а также продвигал социально значимые виды страхования, такие как ипотечное страхование жизни с господдержкой. ВСС активно участвовал в диалоге с регуляторами, выступая за смягчение требований к капиталу страховых компаний в условиях кризиса. Отдельный резонанс вызвали публикации аналитики о росте спроса на страхование имущества из-за геополитической нестабильности и климатических рисков.

Промышленные структуры. Информационно активной была также отрасль «производства машин и оборудования» (36,6 тыс. упоминаний), в первую очередь Союз машиностроителей России. Он в 2022 г. активно участвовал в решении ключевых задач отрасли, акцентируя внимание на импортозамещении и поддержке оборонно-промышленного комплекса в условиях санкционного давления. Среди главных информационных поводов – запуск программ модернизации производственных мощностей, сотрудничество с государством в разработке стратегии технологической независимости, а также участие в организации крупных отраслевых форумов, таких как «Иннопром» и «Армия», где обсуждались инновации в машиностроении. Союз выступал с инициативами по подготовке кадров через корпоративные университеты и поддержке малых предприятий в цепочках поставок. Отдельный резонанс вызвали заявления председателя организации Сергея Чемезова о необходимости интеграции науки и производства для преодоления технологических вызовов, а также публикация аналитических докладов о перспективах отрасли в условиях глобальных изменений (табл.).

Схема реагирования лоббистских структур на вызовы 2022 г.

Вызовы	Действия отраслевых ассоциаций, тактический уровень	Действия межотраслевых ассоциаций, стратегический уровень
Санкционное давление и изоляция от западных технологий	РАЭК (Российская ассоциация электротехнических компаний) (ИТ-сектор): переход на отечественное ПО (Astra Linux, «Мой Офис»); Союз машиностроителей (промышленность): поиск китайских/турецких аналогов комплектующих; АРБ (финансы): развитие СПФС и «Мир»	РСПП: лоббирование налоговых льгот; ТПП РФ: продвижение экспорта в Азию; АЕБ: легализация параллельного импорта
Разрыв логистических цепочек	РСТ (туризм): переориентация на Турцию, ОАЭ, СНГ; Союз машиностроителей (промышленность): использование Северного морского пути; ВСС (страхование): переговоры с азиатскими перестраховщиками	ТПП РФ: развитие транспортных коридоров; РСПП: субсидии для логистики; «Деловая Россия»: «зеленые коридоры» для импорта
Кадровый дефицит	РАЭК (ИТ-сектор): программы переподготовки; РСТ (туризм): поддержка внутренних кадров; Союз машиностроителей (промышленность): упрощение найма иностранных рабочих	«Опора России»: лоббирование мер по сохранению кадрового потенциала в условиях частичной мобилизации; РСПП: миграционная реформа; ТПП РФ: обучение через центры компетенций

Продолжение табл.

Вызовы	Действия отраслевых ассоциаций, тактический уровень	Действия межотраслевых ассоциаций, стратегический уровень
Финансовая изоляция	НАУФОР (финансы): внедрение крипто-валютных инструментов; ВСС (страхование): усиление роли госстраховщиков; РСТ (туризм): альтернативные платежные системы	РСПП: корректировка валютного регулирования; АЕБ: вывод капитала для иностранцев; «Деловая Россия»: защита счетов бизнеса
Риски кибератак	РАЭК (ИТ-сектор): создание SOC-центров; НАУФОР (финансы): отечественные системы защиты	РСПП: господдержка кибербезопасности; ТПП РФ: цифровизация таможи

Источник: составлено А.А. Котовым.

Response framework of lobbying entities to the 2022 challenges

Challenges	Actions by industry associations, tactical level	Actions by cross-industry associations, strategic level
Sanctions pressure and isolation from western technologies	RAEC (IT Sector): Transition to domestic software (Astra Linux, MyOffice); Union of Machine Builders (Industry): Sourcing Chinese/Turkish alternatives for components; Association of Banks of Russia (Finance): Development of SPFS (System for Transfer of Financial Messages) and Mir payment system	RSPP (Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs): Lobbying for tax break; CCI RF (Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation): Promoting exports to Asia; AEB (Association of European Businesses): Legalization of parallel imports
Disruption of supply chains	Russian Union of Travel Industry (Tourism): Reorientation to Turkey, UAE, CIS; Union of Machine Builders (Industry): Utilizing the Northern Sea Route; National Reinsurance Council (Insurance): Negotiations with Asian reinsurers	CCI RF: Development of transport corridors; RSPP: Subsidies for logistics; Business Russia: Green corridors for imports
Staff shortages	RAEC (IT Sector): Retraining programs; Russian Union of Travel Industry (Tourism): Support for domestic personnel; Union of Machine Builders (Industry): Simplifying hiring of foreign workers	Opora Rossii: Lobbying for measures to preserve human resources in conditions of partial mobilization; RSPP: Migration reform; CCI RF: Training through competence centers
Financial isolation	National Association of Securities Market Participants (Finance): Implementation of crypto instruments; National Reinsurance Council (Insurance): Strengthening the role of state insurers; Russian Union of Travel Industry (Tourism): Alternative payment systems	RSPP: Adjustment of currency regulation; AEB: Facilitating capital withdrawal for foreigners; Business Russia: Protection of business accounts
Cyberattack risks	RAEC (IT Sector): Creation of SOC (Security Operations Centers); National Association of Securities Market Participants (Finance): Domestic protection systems	RSPP: State support for cybersecurity; CCI RF: Digitalization of customs clearance

Source: compiled by Andrey A. Kotov.

Заключение

В условиях санкционного кризиса 2022 г. российские бизнес-ассоциации разделили зоны ответственности, сфокусировавшись на разных уровнях управления экономическими рисками. Отраслевые объединения концентрировались на тактических решениях, направленных на быстрое преодоление

конкретных вызовов. Например, в туризме ключевой задачей стала переориентация потоков на «дружественные» направления (Турция, ОАЭ) и стимулирование внутреннего спроса через программы кешбэка. ИТ-сектор ответил на технологическую блокаду ускоренным внедрением отечественного ПО, а финансовые институты занялись созданием альтернатив международным системам вроде SWIFT, таких как Система передачи финансовых сообщений (СПФС). Эти меры позволили смягчить операционные сбои, но не устраняли системные проблемы.

Межотраслевые ассоциации, напротив, работали на стратегическом уровне, продвигая решения, значимые для всей экономики. РСПП лоббировал структурные изменения – от налоговых льгот для промышленности до миграционной реформы, призванной компенсировать кадровый дефицит. ТПП Российской Федерации активизировала проекты по экспортной переориентации и развитию транспортных коридоров (Северный морской путь), что требовало координации между десятками отраслей. «Опора России» и «Деловая Россия» фокусировались на защите МСП: их усилия привели к смягчению фискальной нагрузки и ограничению проверок, что поддержало малый бизнес в период турбулентности. Ассоциация европейского бизнеса, сохраняя диалог с иностранными инвесторами, добивалась гарантий защиты их активов и прозрачности законодательных изменений. Эти шаги были критически важны для сохранения остатков доверия к российской юрисдикции.

Таким образом, если отраслевые инициативы решали локальные проблемы, то межотраслевые объединения формировали новую архитектуру экономики, адаптированную к изоляции. Однако успех этой модели зависит от сбалансированности двух подходов: тактические меры без стратегического видения ведут к застою, а стратегии без оперативной поддержки – к росту социальной напряженности.

Список литературы

- Алгави Л.О.* Медиакоммуникации и интернет-маркетинг в условиях цифровой цивилизации : монография / Л.О. Алгави, Д.А.-Н. Аль-Ханаки, С.С. Бредихин [и др.] ; под ред. Л.П. Шестеркиной, Л.К. Лободенко. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2020. 475 с.
- Белоусов А.Б.* Дискретная модель лоббистской коммуникации // Полис. Политические исследования. 2006. № 4. С. 87–101. <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.04.09>
- Боровков В.С.* Закон о лоббизме в России: pro et contra // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11. № 1. С. 136–140. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-1-136-140>
- Волкова И.И.* Экосистема медиа: цифровые модификации : монография / И.И. Волкова, И.Н. Кемарская, Л.К. Лободенко [и др.] ; под ред. С.Л. Уразовой. Челябинск : ЮУрГУ, 2021. 252 с.
- Котов А.А., Нигматулина К.Р., Поляков М.Л.* Медиастратегии с участием лоббистов: государственная поддержка ИТ-индустрии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 2. С 397–414. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-397-414> EDN: HXZZCG

- Марцинкевич А.И. Коммуникационный конструкт лоббизма // *Коммуникология*. 2022. Т. 7. № 2. С. 105–113. EDN: LVSQHU
- Поляков М.Л. Битва цензоров: противостояние государств и цифровых платформ // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы : материалы XIII Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 10 ноября 2022 г. М. : РУДН, 2022. С. 21–24. EDN: ORVFCE
- Ушанов П.В. Лоббизм как коммуникационная технология: российский опыт // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 2. С. 157–160. EDN: LLGUOQ
- Фельдман П.Я. Коммуникативная структура лоббистской деятельности // *Коммуникология*. 2015. Т. 3. № 2. С. 59–66. EDN: TVXZKL
- Шохин А.Н. Бизнес и власть в России: регуляторная среда и правоприменительная практика / А.Н. Шохин, М.Ф. Баширов, С.Р. Борисов [и др.] ; под ред. А.Н. Шохина. М. : Высш. шк. экономики, 2017. 384 с. EDN: YSEFMH
- Чумиков А.Н. GR и лоббизм: инфлюенс-менеджмент, медиакоммуникации, специальные события // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2021. № 2(40). С. 7–16.
- Berg K.T. Finding connections between lobbying, public relations and advocacy // *Public Relations Journal*. 2009. Vol. 3. No. 3. P. 2–19.
- Entman R.M. Framing bias: media in the distribution of power // *Journal of Communication*. 2007. Vol. 57. No. 1. P. 163–173. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2006.00336.x>
- Ihlen Ø., Valentini C., Davidson S., Shavit A. Lobbying, the public interest, and democracy: communication perspectives // *Journal of Public Affairs*. 2020. Vol. 20. No. 2. Article e2091. <https://doi.org/10.1002/pa.2091>
- Mykkänen M., Ikonen P. Media strategies in lobbying process. A literature review on publications in 2000–2018 // *Academicus International Scientific Journal*. 2019. Vol. 20. No. 2. P. 34–50. <https://doi.org/10.7336/academicus.2019.20.03>
- Trapp N.L., Laursen B. Inside out: interest groups' 'outside' media work as a means to manage 'inside' lobbying efforts and relationships with politicians // *Interest Groups and Advocacy*. 2017. Vol. 6. P. 143–160. <https://doi.org/10.1057/s41309-017-0016-y>

References

- Algavi, L.O., Al'-Khanaki, D.A.-N., Bredikhin, S.S., et al. (2020). *Media Communications and Internet Marketing in the Digital Age* (L.P. Shesterkina, L.K. Lobodenko, Eds.). South Ural State University Publ. (In Russ.)
- Belousov, A.B. (2006). Discrete model of lobbying communication. *Polis. Political Studies*, (4), 87–101. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.04.09>
- Berg, K.T. (2009). Finding connections between lobbying, public relations and advocacy. *Public Relations Journal*, 3(3), 2–19.
- Borovkov, V.S. (2021). Law on lobbying in Russia: Pro et Contra. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 11(1), 136–140. (In Russ.) <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-1-136-140>
- Chumikov, A.N. (2021). GR and lobbying: influence management, media communications, special events. *Znak: Problemnoe Pole Mediaobrazovanija = The Sign: A Problematic Field of Media Education*, (2), 7–16. (In Russ.)
- Entman, R.M. (2007) Framing bias: media in the distribution of power. *Journal of Communication*, 57(1), 163–173. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2006.00336.x>
- Feldman P.Y. (2015). The communicative structure of lobbying activities. *Communicology*, 3(2), 59–66. (In Russ.) EDN: TVXZKL
- Ihlen, Ø., Valentini, C., Davidson, S., & Shavit, A. (2020). Lobbying, the public interest, and democracy: communication perspectives. *Journal of Public Affairs*, 20(2), e2091. <https://doi.org/10.1002/pa.2091>

- Kotov, A.A., Nigmatullina, K.R., & Polyakov, M.L. (2023). Media strategies with lobbyists: government support for the IT industry. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(2), 397–414. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-2-397-414> EDN: HXZZCG
- Marcinkevich, A.I. (2022). The communication construct of lobbying. *Communicology*, 7(2), 105–113. (In Russ.) EDN: LVSQHU
- Mykkänen, M., & Ikonen, P. (2019). Media strategies in lobbying process. A literature review on publications in 2000–2018. *Academicus International Scientific Journal*, 20(2), 34–50. <https://doi.org/10.7336/academicus.2019.20.03>
- Polyakov, M.L. (2022). The battle of censors: the confrontation between states and digital platforms. In *Mass Media in a Multipolar World: Problems and Prospects. Materials of the XIII All-Russian Scientific and Practical Conference, November 10, 2022, Moscow* (pp. 21–24). RUDN University. (In Russ.) EDN: ORVFCE
- Shesterkina, L.P., & Lobodenko, L.K. (Eds.). (2020). *Media Communications and Internet Marketing in the Conditions of Digital Civilization*. South Ural State University. (In Russ.)
- Shokhin, A.N., Bashirov, M.F., Borisov, S.R., et al. (2017). *Business and Government in Russia: Regulatory Environment and Law Enforcement Practice*. Moscow: Higher School of Economics Publ. (In Russ.) EDN: YSEFMH
- Trapp, N.L., & Laursen, B. (2017). Inside out: interest groups' 'outside' media work as a means to manage 'inside' lobbying efforts and relationships with politicians. *Interest Groups and Advocacy*, 6, 143–160. <https://doi.org/10.1057/s41309-017-0016-y>
- Ushanov, P.V. (2020). Lobbying as a communication technology: Russian experience. *Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, (2), 157–160. (In Russ.) EDN: LLGUOQ
- Volkova, I.I., Kemarskaya, I.N., Lobodenko, L.K., et al. (2021). *Ecosystem of Media: Digital Modifications* (S.L. Urazova, Ed.). South Ural State University Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Котов Андрей Александрович, аспирант кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2; глава пресс-службы, Федеральная служба по аккредитации, Российская Федерация, 125093, Москва, Пресненская набережная, 10, стр. 2. ORCID: 0000-0001-5311-494X; SPIN-код: 3122-9416. E-mail: andres.kotov@yandex.ru

Bio note:

Andrey A. Kotov, PhD Student of the Department of Mass Communications, RUDN University, 10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation; Head of the Press Service, Federal Service for Accreditation, 10 Presnenskaya naberezhnaya, bldg 2, Moscow, 125093, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5311-494X; SPIN-code: 3122-9416. E-mail: andres.kotov@yandex.ru

ADVERTISING AND PUBLIC RELATIONS
РЕКЛАМА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-1-219-230

EDN: TLPYSA

UDC 659.1

Research article / Научная статья

The Representation of Women in Medical Clinic Advertising in Russia, India, and South Africa

Arina V. Rovenskikh , Alexander N. Marchenko

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

 a.marchenko@spbu.ru

Abstract. This comparative study investigates the representation of women in online advertising by private medical clinics across Russia, India, and South Africa, framing the analysis within the ‘mirror’ vs. ‘mold’ paradigms. The empirical material includes 781 human characters from 729 units of visual advertising content collected from the websites of 38 private clinics: 20 clinics in St. Petersburg (Russia), 10 in Delhi (India), and 8 in Cape Town (South Africa). Through a quantitative content analysis, we assess how these representations align with employment statistics and how they are influenced by market competition and content strategy (original vs. stock imagery). The results show a dual dynamic of reflection and shaping. Women were significantly underrepresented as doctors in India (–27 pp) and Russia (–20 pp) compared to real-world data, yet overrepresented in South Africa (+18 pp). This under/overrepresentation correlates with levels of market competition. Furthermore, in South Africa, the predominant portrayal of Black doctors signals a conscious shaping of post-colonial norms. While patient portrayals were more gender-balanced, especially in stock imagery, a bias towards male patients persisted in testimonials from India and South Africa. The study concludes that the level of market competition is a significant economic determinant in whether clinics’ advertising reflects or shapes professional and social roles, with the shaping influence being most pronounced in original content.

Keywords: gender representation, medical advertising, reflection theory, stereotyping, market competition, cross-cultural comparison, content analysis

Authors’ contribution. Development of the research concept, research data collection & analysis – Arina V. Rovenskikh; development of the research concept, manuscript writing – Alexander N. Marchenko. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

© Rovenskikh A.V., Marchenko A.N., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Funding. The research is funded by the Council on Grants of the President of the Russian Federation (grant No. МК-3785.2022.2 “Healthcare Agenda in BRICS Countries”).

Article history: submitted May 18, 2025; revised July 20, 2025; accepted October 31, 2025.

For citation: Rovenskih, A.V., & Marchenko, A.N. (2026). The Representation of Women in Medical Clinic Advertising in Russia, India, and South Africa. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(1), 219–230. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-219-230> EDN: TLPYSA

Репрезентация женщин в рекламе медицинских клиник в России, Индии и Южной Африке

А.В. Ровенских , А.Н. Марченко

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

 a.marchenko@spbu.ru

Аннотация. В сравнительной перспективе изучается представление женщин в онлайн-рекламе частных медицинских клиник в России, Индии и Южной Африке. Рамкой анализа являются парадигмы отражения и формирования рекламой общественных явлений. Эмпирический материал включает 781 рекламный образ людей, запечатленный на 729 единицах визуального рекламного контента, собранного с 38 веб-сайтов частных клиник: 20 в Санкт-Петербурге (Россия), 10 в Дели (Индия) и 8 в Кейптауне (Южная Африка). С помощью количественного контент-анализа оценивается, насколько эти изображения соответствуют статистике занятости женщин в медицине в указанных странах, как на представление женщин влияют рыночная конкуренция и контент-стратегия (оригинальные vs стоковые изображения). Результаты показывают взаимообусловленную динамику парадигм отражения и формирования. По сравнению со статистическими данными, женщины значительно недопредставлены в качестве врачей в Индии (–27 п.п.) и в России (–20 п.п.), но при этом перепредставлены в Южной Африке (+18 п.п.). Чем ниже рыночная конкуренция, тем больше недопредставленность женщин. В Южной Африке преобладают изображения чернокожих женщин-врачей, что свидетельствует о сознательном формировании постколониальных норм. В то же время изображения женщин и мужчин в роли пациентов были более сбалансированы, особенно на стоковых изображениях, а в отзывах клиентов клиник из Индии и Южной Африки сохранялся уклон в сторону пациентов мужского пола. В исследовании делается вывод о том, что уровень рыночной конкуренции является значительным экономическим фактором, влияющим на то, будет ли реклама клиник отражать профессиональные и социальные роли или формировать их, причем это влияние наиболее заметно в оригинальном контенте.

Ключевые слова: гендерная репрезентация, медицинская реклама, теория отражения, стереотипизация, рыночная конкуренция, кросс-культурное сравнение, контент-анализ

Вклад авторов. Разработка концепции исследования, сбор и анализ исследовательских данных – А.В. Ровенских; разработка концепции исследования, написание рукописи – А.Н. Марченко. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование финансировалось Советом по грантам Президента Российской Федерации (грант № МК-3785.2022.2 «Повестка дня в области здравоохранения в странах БРИКС»).

История статьи: поступила в редакцию 18 мая 2025 г.; отрецензирована 20 июля 2025 г.; принята к публикации 31 октября 2025 г.

Для цитирования: *Rovenskiikh A.V., Marchenko A.N. The Representation of Women in Medical Clinic Advertising in Russia, India, and South Africa // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 1. С. 219–230. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-219-230> EDN: TLPYSA*

Introduction

In the post-COVID-19 pandemic era, health advertising is accelerating and reaching its audience amidst specific communication circumstances defined by the search for vital information. In this context, some stereotypes play an enhanced role, and the consequences are greater than increased sales for a product (Grau, Zotos, 2016, p. 767). Health advertising across the world depends not only on professionals and other practitioners, who develop messages and take on the role of cultural intermediaries (Corstie-Massay, Wheatly, 2022), but there are also significant external cultural and economic factors, individual actors' feelings of entitlement (e.g., related to gender and empowerment), and design and digital components (Cadeddu et al., 2023). From this perspective, medical advertisements in BRICS countries (originally an association of Brazil, Russia, India, China, and South Africa, which is expanding to ten countries in 2025) are empirically interesting as they represent a novel and broader communication landscape than the Western one.

BRICS countries face a similar challenge to their public health: that “posed by rising public expectations and limited resources to satisfy them” (Rodwin et al., 2018). Responding to this challenge, the countries have demonstrated equity-oriented, egalitarian, and collective approaches to public health. They have state health systems that are universal and free, but at the same time their digital media and advertising coverage are often favorable to private health and generally derogatory toward public healthcare. Private medical clinics, competing with each other and with the public sector, need to support an attractive media image, including the representation of women. But in BRICS countries this image is shaped by a variety of specific external factors, including the financing of the health sector and the professionalization of women.

Russia, India, and South Africa (SA, hereinafter) are examined to assess the representation of women in advertising, as they are representative of the majority of middle- and low-income countries, as well as of countries with varying levels of competition in the healthcare sector. Statistics from the World Health Organization (WHO) suggest that these countries fall below the average rate of health expenditure, which equals 10.35% globally and 13.35% for OECD countries (Organisation for Economic Co-operation and Development, headed by the US and associated with a Western orientation). India places 173rd out of 190 with 3.28%; Russia –

80th with 7.39%; and SA – 61st with 8.27%. This influences competition between private clinics for the out-of-pocket (voluntary) health expenditure of the population. In SA, this rate is 5.51% (position 181 out of 190), indicating the most intense competition; in Russia – 27.22% (90 out of 190); in India – 49.82% (31 out of 190)¹. So, SA has the most competitive conditions for the advertising of private medicine. In India, it is the opposite. Russia occupies an intermediate position.

In this economic environment, practitioners who develop advertising messages deal with reflecting the current state of professionalization of women in medicine. WHO's "Gender equity in the health workforce: Analysis of 104 countries" shows that the global average for women forming the health and social sector workforce is 70%². In the investigated countries, in SA men continued to dominate the medical profession in 2019, representing 59.4% of state-registered doctors. However, the proportion of female doctors from the Black population group has consistently grown in the medical workforce from 4.4% (2000) to 12.5% (2019) (Tiwari et al., 2021). In Russia, according to WHO's "European Data Warehouse", the percentage of physicians by sex was 70.76% in favor of females in 2020³. In India, according to an expert's opinion, around 50% of the healthcare workforce comprises women⁴. So, SA continues to occupy the most disadvantageous position for the representation of women in medicine, but it is also necessary to take cultural factors into account.

According to UNESCO, women are represented in the media in only 10% of cases⁵, and occupational status still shows the highest degree of stereotyping, dealing with unfair depictions of women. In recent years, women have been presented in an inferior manner relative to their potential and capabilities, while there is a slow shift towards more positive role portrayals (Grau, Zotos, 2016, pp. 762–763, 768). This dynamic is evident not only in traditional advertising but also in the rapidly evolving field of social media marketing, where brands strategically navigate female representation, as seen in the Chinese context (Volkova et al., 2023). Regarding this, Grau and Zotos point to the long-standing 'mirror vs. mold' debate about the relation between advertising and society. Following the 'mirror' point of view, advertising reflects values that exist and are dominant in society. Furthermore, this view suggests that the best that advertising can succeed in doing is to act as a magnified lens, which offers an extrapolated picture of a social

¹ World Health Organization, World Bank. (2024, November 19). *Global Health Expenditure Database*. https://humancapital.worldbank.org/en/indicator/WB_HCP_HEALTH_EXP

² World Health Organization. (2019, March 18). *Gender Equity in the Health Workforce: Analysis of 104 Countries*. <https://www.who.int/publications/i/item/gender-equity-in-the-health-workforce-analysis-of-104-countries>

³ World Health Organization. (2023, November 18). *European Database on Human and Technical Resources for Health*. https://gateway.euro.who.int/en/indicators/hlthres_137-of-physicians-by-sex-all-ages/#id=31564

⁴ Government of India. (2022, October). *Strengthening Healthcare Workforce in India: The 2047 Agenda*. <https://static.investindia.gov.in/s3fs-public/2022-11/Strengthening-healthcare-workforce-in-India.pdf>

⁵ UNESCO. (2019, September 13). *Gender and Media: Stereotyping in Advertising*. In *Building Peace in the Minds of Men and Women*. <https://www.unesco.org/en/articles/gender-and-media-stereotyping-advertising>

phenomenon. In contrast, the ‘mold’ point of view, based on the ‘cultivation theory’, suggests that people’s perception of social reality is shaped by the media. People incorporate stereotypes presented by the media into their own system of values, ideas, and beliefs about the quality of life. They start creating a concept of reality that tends to match the advertised images. In reality, the ‘mirror vs. mold’ alternatives create a continuum. Real-life examples lie on this continuum according to the social values that are promoted, and the type of products and services advertised. Accepting advertising as a system of visual representation, which creates meaning within the framework of culture, it seems that it both reflects and contributes to culture (Grau, Zotos, 2016, pp. 762–763). The continuum of ‘mirror vs. mold’ alternatives is reflected in both the mentioned statistics and in different representations.

The representation of women is also influenced by cultural norms: traditional values in Russia, caste issues in India, and racial concerns, Apartheid, and postcolonial norms and standards in SA. Russian traditional values emphasize combining family and creative labor for women. As a main national priority, this was articulated in the presidential Decree on traditional values (2022). The government has also been organizing forums and other programs for the self-realization of women. For instance, Deputy Minister of Health Veronika Skvortsova noted that more than 71% of qualified doctors are women, and that every fifth regional minister and every fourth rector of a medical university is a woman⁶. Western-oriented feminism in Russian media tends to acquire a political color (Argylov, Khrantsovskaya, 2024, p. 101), which reflects its acute debate with traditionally-oriented groups about how to improve the visibility of women in society and their active participation in various spheres of life, including occupations (Klemenchenok, Gromova, 2023).

Recent Indian studies on women have demonstrated that gender equality in India is influenced by factors rooted in the old caste system, as well as disparities between urban and rural areas. At the same time, there are positive prospects for changing rhetoric related to women (Ramsey, 2017). Since Jawaharlal Nehru’s reforms (1948), which contributed to increasing women’s education and entry into the professions, India has become a global-oriented country, but its culture, including attitudes toward gender equality, bears the imprint of previous historical periods.

In SA, the representation of women was overshadowed by racial inequality until the late 20th century. The Apartheid regime, a system of racial segregation imposed by white nationalists, denied the indigenous population citizenship and socio-political rights. The African National Congress, led by Nelson Mandela, fought for decades against Apartheid and came to power in 1994. Although Apartheid had long-lasting effects on SA and the rights of indigenous South Africans are placed at the forefront of the national agenda, the government is still making efforts to address racial and gender equality. However, while there are economic disparities, especially between the descendants of colonizers and the indigenous population,

⁶ TASS. (2018, September 20). *Skvortsova: The Number of Female Doctors in the Russian Federation Significantly Exceeds the Number of Male Doctors*. (In Russ.) <https://tass.ru/obschestvo/5587049>

SA has ranked highly in terms of female representation in politics (Prokopenko, 2021). The portrayal of Black women in the media and normalizing their image across all aspects of society is crucial to transforming the status of Black women (Rabe, 2002). Subsequently, it is important to consider the representation of skin color in SA's case and to employ terms such as "White" and "Black" within the framework of describing the racial context of women's representation in advertising. In fact, Black and Brown people constitute the majority of the country's population. However, we will compare images of indigenous South Africans (both Black and Brown) with the images of White people. We will use the term "Black" for consistency here.

Considering these contexts, which can influence the representation of women in online medical advertising, we pose the following research questions:

- RQ1: How are women and men represented in the role of doctors, and what factors influence the reinforcement or reduction of the stereotypical image that men are more professionally competent?
- RQ2: How are women and men represented in the role of patients, and what factors reinforce or reduce the stereotype that men do not have the right to exhibit their weakness or illness?

Materials and Methods

The empirical material included 781 human characters from 729 units of online advertising content from 38 websites of private clinics: 20 clinics in St. Petersburg (Russia), ten clinics in Delhi (India), and eight in Cape Town (SA). These 729 units contained photographs, videos, and graphics that might include one, two, or more people depicted. The unit of analysis was the individual human character. Each human image was coded for the following variables: gender (male/female), perceived role (doctor/patient), genre of the image (staff photo, testimonial, etc.), and, for South Africa, perceived race (Black/White). We conducted content observations in March 2022⁷. The high volume of the sample suggests that the identified steady trends will remain relevant for the next few years.

The advertising images were grouped into genres: a) live photos of clinic staff in the 'Our Specialists' section; b) photos and video testimonials from clients; c) stock advertising photos on medical themes; and d) graphical illustrations, pictograms, and emojis. These genres are briefly characterized below in terms of their significance for the problem of gender equality.

Live photos of clinic staff reflect gender equality in various social spheres, including education and professionalization. Testimonials from clients also indicate a personalized approach because they reflect the clinic's most desired, financially capable audience. Stock advertising images on medical themes are popular because they are easy to acquire. However, there are fewer of these images compared to photographs of clinic staff, as stock images do not provide a personalized representation of medical services. Graphic illustrations, pictograms, and emojis

⁷ Data are available at: <https://disk.yandex.ru/i/XUJp0oFTFmwZ1Q>

are commonly used for orientation purposes, and they reflect communication specialists’ choice of appropriate symbols for the navigation and usability of the website.

Turning from Russia and India to SA, an additional racial aspect concerning the people in the images was introduced, as mentioned earlier. We grouped the clinic staff photos, client testimonials, and stock photo images according to race, but pictograms and emojis did not contain this distinction, so they were not separated. Table 1 presents these characteristics of the sample, which will be contextualized and discussed below.

Table 1. Sample of analyzed human characters in absolute terms, n = 781

Country	Online advertising genres	Female / Male perceived role			
		Doctor		Patient	
Russia	Clinic staff photo			–	
	Client testimonials*	–			
	Stock photo				
	Pictograms and emojis				
India	Clinic staff photo			–	
	Client testimonials*	–			
	Stock photo				
	Pictograms and emojis				
South Africa		White	Black	White	Black
	Clinic staff photo			–	–
	Client testimonials*	–	–		
	Stock photo				
Pictograms and emojis					

Note: * – photo and video.

Source: compiled by Arina V. Rovenskikh, Alexander N. Marchenko.

Results and Discussion

Answering RQ1, we can point, that no one national sample of advertisements represented statistic of the professionalization of women. In the clinic staff images in Russia and India women are underrepresented in the role of doctors, in SA – overrepresented (Table 2).

Table 2. Number of characters in “Clinic staff photo” sections compared with the professionalization of women and competition levels in each country

Country	Doctor role		Professionalization of women in medicine	Level of competition between private clinics
	Female	Male		
India	26	85	50%, 2022	Low
Russia	41	42	70.76%, 2020	Middle
SA (Black/White)	6/3	2/1	40.6%, 2019	Intense

Source: compiled by Arina V. Rovenskih, Alexander N. Marchenko.

In India and Russia the women representation rate grows correspondingly to levels of competition and professionalization of women in both countries. Indian 50% of women health workforce turning to representation of women almost three times less than men due to low competition. Russian 70.76% turn to just about half of images represented them in conditions of middle competition. In SA Black doctors are captured by photographers twice as often as White doctors, but the same proportion: three-to-one in favor of women.

Stock imagery depends on these national patterns. SA stock photos contain 28 female doctors images (15 White and 13 Black) compared to nine male (four White and five Black). In India women so much underrepresented in clinic staff sections (26 women vs. 85 men), that stock photos and even pictograms shown a better image: 36 women vs. 59 men combined. But in Russia the stock photos do not improving the women representation (49 women vs. 56 men), as well as pictograms do not do it in Russia and in SA.

Answering RQ2, the stereotype, that men are not allowed to show weakness, is challenged by cash-driven prioritization of men patients in India and White men in SA in testimonials section. But in Russia this is opposite (Table 3).

Table 3. Number of characters in “Testimonials” sections compared with the statistic of out-of-pocket health expenditure in each country

Country	Patient role		Out-of-pocket health expenditure of population, 2024, %
	Female	Male	
India	17	39	49.82
Russia	21	11	27.22
SA (Black/White)	3/3	2/6	5.51

Source: compiled by Arina V. Rovenskih, Alexander N. Marchenko.

In Indian testimonials, male representation as patients is twice as high as female. In SA it is also driven by race: White men are most frequently represented in testimonials, with six cases of the 14. Stock imagery demonstrates some fluctuation. In SA the exceptions were stock photos, in India – both stock photos and pictograms. There female patients were dominated: 78 images of women-patients vs. 36 of men

combined, as well as there were no significant differences between the Black and White in SA. In Russia, this fluctuation is observed to a lesser extent.

We investigated depictions of women in online medical advertising through two stereotypes, related to their occupation and social status, that they are underrepresented as a doctors, and overrepresented as a patients. As well as we test an influence to this representation of two groups of factors: internal creative and external socioeconomic. Among the first we test the ‘mirror vs. mold’ approaches (Grau, Zotos, 2016) and two content strategies ‘original vs. stock imagery’ (Cadeddu et al., 2023). External factors included competition and professionalization of women, as well as cultural norms and contexts.

The ‘mirror’ approach was the most frequent in investigated advertising. This reflects the existing in society, particularly the statistics of professionalization of women in medicine: 40.6% in SA, 50% in India, and 70.76% in Russia. Overcoming the stereotype that men are more professionally competent is associated with decreasing in the difference between the statistics and representation of female doctors on clinic websites. Increased representation from India to Russia reflects of ‘mirror’ approach, that reduces this gap.

This approach acts “as a magnified lens, which offers an extrapolated picture of a social phenomenon” (Grau, Zotos, 2016, p. 762), but this was driven by competition and professionalization of women, which has combined by advertising practitioners (Corstie-Massay, Wheatly, 2022). At the same time, prioritization of male patients in testimonials in India and SA is expression of economic factor too. However, overcoming the stereotype that men are not allowed to show weakness means strengthening another stereotype regarding low solvency of women.

The ‘mold’ approach shapes peoples’ perception of reality by the advertising. In Russia and India, this was presented by cultural norms (Argylov, Khrantsovskaya, 2024; Ramsey, 2017) which influence different scores of underrepresentation of female doctors, as well as male patients in Russia. In SA it was race-driven female professionalism (Rabe, 2002), which combined with high competition supports the expertise for Black doctors mainly, and in particular for women. The Russian case, in particular, should be viewed within the broader institutional context of its scientific communication landscape. The identified tendency to uphold existing gender norms aligns with the findings of Marchenko and Bykov (2022), who highlight the prominent role of pro-government non-profit organizations in promoting a state-aligned, techno-scientific biomedical discourse in Russia. Thus, the advertising strategies of private clinics, while commercially driven, operate within an overarching ideological framework where the ‘mold’ paradigm often functions to reinforce established social norms rather than challenge them. This strategic use of the ‘mold’ paradigm to align with specific socio-cultural agendas finds parallels in other cultural contexts. For instance, research on gender-targeted social media marketing in China reveals a similar deliberate construction of a “female dimension” to appeal to a powerful consumer segment, demonstrating how advertising actively molds, rather than merely reflects, gender roles in different societies (Volkova et al., 2023).

It should be noted that original photos are highly evaluated in Cape Town. Professional photographers are often invited to events, and doctors are not presented with passport-style photos but with beautiful reportage shots. However, most often, such photos are not placed in the “Our Doctors” section but in special galleries, which are not included in the sample. This creates an artistic image that encourages women towards professional self-realization.

As well as female/male representation taking a secondary role, when the focus shifts to the complex interaction between being a Black professional and a patient. Black individuals are positively represented across various specialties, addressing historical injustice. Conversely, White doctors are more often represented on clinics’ websites specializing in treating dependencies as a narrow sector of health.

Finally, regarding two content strategies ‘original vs. stock imagery’ we can point out that the original content of clinic staff photos and client testimonials was more significantly influenced by national specifics. Stock imagery, design, and digital component (Cadeddu et al., 2023), reflect these patterns with some exceptions: male character is used as a universal person, creating an androcentric image of a person; this global stereotypical ‘mold’ approach influences to a national ‘mirror’ one in India and a national ‘mold’ approach in SA.

Conclusion

We investigated female representation in the health advertising of private clinics in three BRICS countries using examples from St. Petersburg (Russia), Delhi (India), and Cape Town (SA). According to the results, the ‘mirror’ approach and a low-to-medium level of competition in India and Russia support representation in favor of the professionalization of men. The Indian case is about ‘men everywhere’: as doctors, as well as patients. At the same time, the ‘mold’ approach and high competition in SA serve to postcolonial race-driven feminism with Black women depicted as doctors and White men as patients. When combined with Indian male patient images this confronts the stereotype that men are not allowed to show weakness, but it also reinforces another stereotype about low solvency among women. Russia occupies an intermediate position.

Theoretical Contribution: Our study advances the ‘mirror vs. mold’ debate by demonstrating that the economic factor of market competition is a key determinant in which determining paradigm dominates. Another significant factor is professionalization of the women. The representation of women is shaped by a variety of these factors specific to each country. National socioeconomic patterns are more evident in original content of clinic staff photo and client testimonials. Stock imagery, such as stock photos, pictograms and emojis reflect these patterns with some exceptions: male characters are used as a universal standard. There is a global ‘mold’ stereotypical approach that contradicts national approaches.

Practical Implications: For communication specialists in private healthcare, our findings suggest significance of equity-oriented and egalitarian approaches to health advertising. The ‘mirror’ approach and original content strategy are common in the investigated countries. Using these tools can help to overcome the stereotype that

men are more professionally competent. This applies to countries where women are professionalizing at a high rate and advertising reflects this. National ‘mirror or mold’ approaches are more sustainable than the global one, associated with stock imagery. Regarding ambiguous national ‘mold’ perspectives, improving the representation of women requires considering cultural norms and traditional values.

Limitations and Future Research: Limitations of our study are related to the websites content survivability. If the content will be updated, the result can be another. In our opinion, steady trends will be relevant in few years. However, the active development of women’s movement, as well IT development can change our results faster.

It is important to note also, that the analysis focused on visual materials found on the homepages of websites, which in India often consisted of a regular page among others on the site. In contrast, SA websites were more commonly single-page websites with hyperlinks to other resources as maps, review aggregators or galleries of professional reportage style shots, which are not included in the sample. Additionally, in SA Black and Brown people were not separated. Few images of stock photos of people looked Eastern as well. It is an opportunity for the further work to investigate other races separately in the advertising.

Finally, we used the example of advertising materials of private medical clinics in three BRICS countries, which are represented for majority of countries with middle- and low-income. The type of investigated advertising images likely influence equality not only in studying BRICS countries but also globally. This outlines another facet of the relevance of our study and can be the basis for future research.

References / Список литературы

- Argylov, N.A., & Khramtsovskaya, K.A. (2024). Representation of feminism in Russian media space: authors and narratives. *Humanitarian Vector*, 19(4), 100–109. (In Russ.) <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2024-19-4-100-109> EDN: JDIVPI
Аргьлов Н.А., Храмовская К.А. Репрезентация темы феминизма в российском медиапространстве: авторы и сюжеты // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19. № 4. С. 100–109. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2024-19-4-100-109> EDN: JDIVPI
- Cadeddu, S.B.M., Dare, L.O., & Denis, J.-L. (2023). Employee-driven innovation in health organizations: insights from a scoping review. *International Journal of Health Policy and Management*, 12(1), 1–14. <https://doi.org/10.34172/ijhpm.2023.6734>
- Corsbie-Massay, C., & Wheatly, M.G. (2022). The role of media professionals in perpetuating and disrupting stereotypes of women in Science, Technology, Engineering and Math (STEM) fields. *Frontiers in Communication*, 7, 1027502. <https://doi.org/10.3389/fcomm.2022.1027502>
- Grau, S.L., & Zotos, Y.C. (2016). Gender stereotypes in advertising: a review of current research. *International Journal of Advertising*, 35(5), 761–770. <https://doi.org/10.1080/02650487.2016.1203556>
- Klemenchenok, M.A., & Gromova, T.M. (2023). The problem of usage feminities in Russian-speaking media: mediadiscourse analysis of 2022. *Znak: Problemnoe Pole Mediaobrazovanija*, (3), 81–87. (In Russ.) <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2023-49-3-81-87> EDN: NRXESO
Клеменченко М.А., Громова Т.М. Проблема использования феминитивов в русскоязычных СМИ: анализ медиадискурса в 2022 году // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. № 3(49). С. 81–87. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2023-49-3-81-87> EDN: NRXESO

- Marchenko, A.N., & Bykov, I.A. (2022). Promoting techno-scientific biomedical communication in Russia: pro-government non-profit organizations. *Frontiers in Communication*, 7, 848578. <https://doi.org/10.3389/fcomm.2022.848578>
- Prokopenko, L.Ya. (2021). Gender studies in Russian African studies. Social and political life of African Countries through the prism of gender issues. *RSUH/RGGU Bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*, (1-2), 325–333. (In Russ.) <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-1-325-333>
- Прокopenko П.Я.* Гендерные исследования в российской африканистике: общественно-политическая жизнь стран Африки сквозь призму гендерной проблематики // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 1-2. С. 325–333. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-1-325-333>
- Rabe, L. (2002). *Eve-olution: the status of female voice in South African media*. *Ecquid Novi: African Journalism Studies*, 23(1), 152–169. <https://doi.org/10.1080/02560054.2002.10798727>
- Ramsey, E.M. (2017). Gender as a consideration when designing health and risk messages. In R. Parrot (Ed.), *Encyclopedia of Health and Risk Management Design and Processing* (pp. 37–56). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228613.013.350>
- Rodwin, V.G., Fabre, G., & Ayoub, R.F. (2018). BRIC health systems and big pharma: a challenge for health policy and management. *International Journal of Health Policy and Management*, 7(3), 201–206. <https://doi.org/10.15171/ijhpm.2017.145>
- Tiwari, R., Wildschut-February, A., Nkonki, L., English, R., Karangwa, I., & Chikte, U. (2021). Reflecting on the current scenario and forecasting the future demand for medical doctors in South Africa up to 2030: Towards equal representation of women. *Human Resources for Health*, 19, 27. <https://doi.org/10.1186/s12960-021-00567-2>
- Volkova, I., Chen, X., & Shilina, M. (2023). Gender social media marketing: the female dimension in China. *International Journal of Media and Information Literacy*, 8(1), 246–254. <https://doi.org/10.13187/ijmil.2023.1.246>

Bio notes:

Arina V. Rovenskiĥ, Master at Department of Advertising, School of Journalism and Mass Communications, St. Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya naberezhnaya, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation. ORCID: 0009-0008-4384-9588; SPIN-code: 4378-2821. E-mail: senatorova01@mail.ru

Alexander N. Marchenko, PhD in Philology, Senior Lecturer of Department of Theory of Journalism and Mass Communications, School of Journalism and Mass Communications, St. Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya naberezhnaya, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-0453-6430; SPIN-code: 7342-5156. E-mail: a.marchenko@spbu.ru

Сведения об авторах:

Ровенских Арина Владимировна, магистр кафедры рекламы, институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9. ORCID: 0009-0008-4384-9588; SPIN-код: 4378-2821. E-mail: senatorova01@mail.ru

Марченко Александр Николаевич, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций, институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9. ORCID: 0000-0002-0453-6430; SPIN-код: 7342-5156. E-mail: a.marchenko@spbu.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-1-231-242
EDN: TNPKUI
UDC 070:327

Research article / Научная статья

Framing Russia in Vietnam: A Comparative Analysis of National Day Media Coverage

Van T. Nguyen¹, Thi T.D. Tran²

¹Thang Long University, Hanoi, Socialist Republic of Vietnam

²RUDN University, Moscow, Russian Federation

 thieunv@thanglong.edu.vn

Abstract. This article examines Russia's image in *Quan doi nhan dan* and *Dan tri* during the National Day of the Socialist Republic of Vietnam celebrations reveals a multi-layered media landscape, reflecting both the characteristics of a state-oriented media system and the evolution of modern public journalism. *Quan doi nhan dan* positioned Russia within a security-defense and friendship-diplomacy frame, emphasizing a legacy of strategic cooperation, military discipline, and symbolic strength. Its formal, standardized language reflected its role as an instrument of political communication and foreign policy. In contrast, *Dan tri* employed a human-interest and emotional frame, constructing an image of Russia as an approachable and friendly nation, thereby fostering public sympathy and cultural connection. The comparative analysis demonstrates that the portrayal of a strategic partner is not monolithic but is diversified according to the target audience and institutional logic of each media outlet. This complementary framing strategy serves to reinforce positive perceptions of Russia at both the official and public levels in Vietnam. The main limitation of this study is its limited sample size; future research could benefit from a larger corpus and a more longitudinal design to trace the evolution of media images. Despite this, the study offers a valuable snapshot into the mechanisms of international image-building within a non-Western media context, highlighting the need for further nuanced analysis of media framing in Global South countries.

Keywords: Russia's image, Russian Federation, national image, vietnamese press, vietnamese media, framing analysis

Authors' contribution. Development of the research concept, research data collection & analysis, manuscript writing – Van T. Nguyen; manuscript writing & editing – Thi T.D. Tran. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted October 6, 2025; revised October 30, 2025; accepted November 19, 2025.

© Nguyen V.T., Tran T.T.D., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation: Nguyen, V.T., & Tran, T.T.D. (2026). Framing Russia in Vietnam: A Comparative Analysis of National Day Media Coverage. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(1), 231–242. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-231-242>
EDN: TNPKUI

Фрейминг России во Вьетнаме: сравнительный анализ освещения Национального дня в СМИ

В.Т. Нгуен¹ , Т.Т.З. Чан²

¹Университет Тханг Лонг, Ханой, Социалистическая Республика Вьетнам

²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 thieunv@thanglong.edu.vn

Аннотация. Рассматривается медийное конструирование образа России во вьетнамской прессе во время празднования 80-летия Национального дня Социалистической Республики Вьетнам, крупного политического и общественного события 2025 г. Основное внимание уделяется освещению участия иностранных гостей, в том числе российской делегации, в официальных церемониях. Используя теорию фрейминга и дискурс-анализ, изучено 26 статей двух газет новостных агентств: газеты *Quan doi nhan dan* («Народная армия») и интернет-газеты *Dan tri*. Результаты показывают, что *Quan doi nhan dan* преимущественно представляла Россию в контексте безопасности и обороны, дружбы и дипломатии, используя официальный тон, подчеркивающий солидарность и историю традиционного сотрудничества. В отличие от этого, *Dan tri* изображала Россию через призму человеческих интересов, эмоций и социокультурных факторов, уделяя особое внимание дружескому и открытому взаимодействию между российской делегацией и вьетнамской общественностью. В статье делается вывод о том, что вьетнамские СМИ играют важную роль в укреплении дружбы между Вьетнамом и Россией, формируя позитивное общественное восприятие ключевого партнера. Новизна данного исследования заключается в сравнительном подходе к фрейм-анализу в недостаточно изученном вьетнамском медиапространстве, раскрывающем как различная медийная повестка формирует образ стратегического партнера.

Ключевые слова: имидж России, Российская Федерация, национальный имидж, вьетнамская пресса, вьетнамские СМИ, фрейм-анализ

Вклад авторов. Разработка концепции исследования, сбор материалов, анализ данных и написание рукописи – В.Т. Нгуен; написание и редактирование рукописи – Т.Т.З. Чан. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 6 октября 2025 г.; отрецензирована 30 октября 2025 г.; принята к публикации 19 ноября 2025 г.

Для цитирования: *Nguyen V.T., Tran T.T.D. Framing Russia in Vietnam: A Comparative Analysis of National Day Media Coverage // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 1. С. 231–242. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-231-242> EDN: TNPKUI*

Introduction

The 80th National Day of the Socialist Republic of Vietnam celebrations, including a military and civilian parade, constituted a major political-social event in Vietnam. The ceremony took place at Ba Dinh Square in Hanoi on the morning of September 2, 2025. Notably, the event featured the participation of delegations from traditional friendly nations, such as China, the Russian Federation, Laos, and Cambodia. This participation was highlighted by the media as a demonstration of solidarity and international friendship.

Vietnam's invitation to these nations was framed by the state press as an act demonstrating "solidarity, friendship, and the bond between the people and army of Vietnam and its traditional friends", while also affirming the nation's foreign policy of "independence, self-reliance, multilateralism, and diversification". Throughout the event, the Vietnamese media widely covered and distributed photos of the Russian delegation. Official press outlets noted that their presence was met with "applause and cheers from the public", reflecting a warm and friendly atmosphere.

The relationship between Vietnam and the Russian Federation is built on a deep and long-standing history. The Soviet Union was one of the first countries to establish comprehensive political ties with Vietnam, supporting its policies for the reconstruction and development of North Vietnam¹. Today, Russia is Vietnam's "first strategic partner" and one of its most important "comprehensive strategic partners". In 2012, the two nations elevated their relationship to a comprehensive strategic partnership, fostering close cooperation across numerous fields, from defense to science-culture. This friendship continues to be promoted through cultural exchanges, exhibitions, and political dialogues².

In this context, the media plays a pivotal role in shaping public perception of foreign partners (Lee, Hong, 2012). The media's influence is so significant that information security has become integral to national security (Barabash et al., 2015). A thorough analysis of how the Vietnamese media constructed Russia's image during the National Day event is therefore of both academic and practical importance.

Academically, this topic contributes to the fields of nation branding and political cooperation, specifically through the lens of media content analysis concerning foreign partners. To date, studies on "Russia in the Vietnamese press" have largely focused on international publications or earlier periods, leaving a gap in research on the contemporary context and modern journalistic perspectives. This study helps fill that scholarly gap.

¹ Phạm, Q.M. (2007, November 14). Quan hệ Việt Nam – Liên Xô trong giai đoạn kháng chiến chống Mỹ (1954–1975). [Vietnam – Soviet Union relations during the resistance war against America.] (In Vietnam.) <https://vnu.edu.vn/quan-he-viet-nam-lien-xo-trong-giai-doan-khang-chien-chong-my-1954-1975-post5233.html>

² Hoa, N. (2017, August 29). Công bố hơn 200 tài liệu, hình ảnh đặc biệt về quan hệ Nga-Việt. Công bố hơn 200 tài liệu, hình ảnh đặc biệt về quan hệ Nga – Việt. [More than 200 special documents and images about Russia – Vietnam relations were published.] (In Vietnam.) <https://cand.com.vn/Tieu-diem-van-hoa/Lan-dau-cong-bo-nhieu-tai-lieu-hinh-anh-dac-biet-ve-quan-he-Nga-Viet-i455079/>

Practically, this research not only offers policymakers and diplomats insight into media messaging but also helps readers identify differing perspectives across various types of journalism. Furthermore, the findings can support foreign communication strategies and enhance mutual understanding in the bilateral relationship between Vietnam and Russia. This paper aims to investigate and analyze how Russia’s image was portrayed by two leading Vietnamese media outlets: the online newspaper *Dan tri* and the *Quan doi nhan dan* newspaper. The key research questions are: How was Russia’s image constructed in Vietnamese media coverage of the National Day event? And, what are the significant differences in the portrayal between *Dan tri* and *Quan doi nhan dan*? The study will compare the tone, primary content, and media frames used by these two newspapers to answer these questions and clarify Russia’s image in contemporary Vietnamese public discourse.

Research on national image and the media’s role in its construction has garnered significant attention in international communications. A nation’s image is a strategic asset shaped by diplomacy, media, and culture (Anholt, 2006). Media serve as a primary vehicle for transmitting national values, effectively engaging in nation branding (Dinnie, 2008). This process is often part of conscious strategic narratives that states employ to shape the international environment (Miskimmon et al., 2013). In many contexts, especially where media aligns with public sector objectives, this is closely tied to reputation management (Wæraas, Byrkjeflot, 2012). International studies on Russia’s media image often reveal a stark polarization between Western media and that of its traditional partners, with the former emphasizing a security threat and the latter a “traditional friend” narrative³. In Vietnam, research has focused on the press as a “bridge of friendship”, but a gap remains in concrete framing analysis of contemporary events.

Materials and Methods

This study is grounded in agenda-setting theory and framing theory. Agenda-setting theory, proposed by McCombs and Shaw, posits that the media influences public priorities by determining “not what to think, but what to think about”. Their research demonstrated a strong correlation between the media’s news focus and public perception of issues, showing how the media “sets the agenda” for political campaigns (McCombs, Shaw, 1972). In the context of the 80th National Day celebrations, the extensive coverage of the Russian military contingent by newspapers like *Dan tri* and *Quan doi nhan dan* reflects an effort to elevate Russia’s prominence in the public’s consciousness. Framing involves selecting and emphasizing certain aspects of a reality to promote a particular understanding of an issue. A “frame” emerges when the media selects and highlights information to “define problems, diagnose causes, make moral judgments, and suggest remedies”

³ See: Fomicheva, I.D. (2010). *Sociology of the Media*. [Фомичева И.Д. Социология СМИ : учеб. пособие.] Moscow: Aspect Press Publ. (In Russ.); Prokhorov, E.P. (2005). *Introduction to the Theory of Journalism* [Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики : учебник.] Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

(Entman, 1993). In international news, common frames include “security-politics”, “human-interest/emotion”, or “economic-cooperation”, depending on the outlet’s objectives. For example, in their coverage of Russia, both *Dan tri* and *Quan doi nhan dan* framed the Russian military contingent positively (disciplined, friendly, humane). This aligns with the argument that news frames reflect both foreign policy orientations and public information needs, with the press acting in the people’s interest to shape social attitudes, opinions, and awareness⁴.

This study analyzes two representative news organizations with distinct styles.

1. *Quan doi nhan dan*: The official organ of the Central Military Commission and the Ministry of National Defence of Vietnam. It represents the state’s voice on political and defense matters and typically adopts a highly directive tone, emphasizing the traditional friendship and strategic cooperation with the Russian Federation.

2. *Dan tri*: An online newspaper under the Ministry of Labour, Invalids and Social Affairs. It has a broad readership and covers events from a social, human-interest, and lifestyle perspective.

The study surveyed 26 articles (14 from *Dan tri* and 12 from *Quan doi nhan dan*) published between August 20 and September 5, 2025, a period covering the preparation, rehearsals, main event, and conclusion of the National Day event. Data was collected systematically by: 1) defining keywords (“Russia”, “Russian Federation”, “Russian military personnel”, “A80”, “parade”); 2) retrieving articles from the newspapers’ official digital archives; 3) selecting articles that directly reported on the presence, activities, and image of the Russian contingent at A80; 4) archiving the data, including titles, publication dates, and full-text content for analysis. This process adheres to principles of systematic, objective, and transparent content analysis (Krippendorff, 2013).

The primary method used is framing analysis, based on Entman’s approach (1993), to examine how the Vietnamese press “framed” Russia’s image during the National Day event. Articles were coded according to three criteria.

1. Main theme: defense/security, diplomacy/politics, culture/society, or human interest.

2. Tone: positive, neutral, or negative.

3. Frame type: security-defense, friendship-diplomacy, human-interest/emotional, and visualimagery. Discourse analysis was also employed to clarify the underlying messages and editorial direction of each news outlet (Fairclough, 2013).

Results and Discussion

Between August 20 and September 5, 2025, a total of 26 articles directly covering the Russian delegation’s participation in the National Day celebrations were published across *Dan tri* (14 articles) and *Quan doi nhan dan* (12 articles).

Quan doi nhan dan: Articles were primarily featured in the “Foreign defense relations” section. They were characterized by a formal tone, in-depth analysis, and

⁴ See: Prokhorov, E.P. (2005). *Introduction to the Theory of Journalism* [Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики : учебник.] Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

political language, often accompanied by official photos from military journalists. The content emphasized discipline, military strength, traditional friendship, and the spirit of defense cooperation.

Dan tri: Articles appeared in various sections like “Life”, “Travel”, “World”, and “Current Affairs”, often in the form of short news pieces, photo galleries, and video clips. The approach was populist and accessible, focusing on human-interest details, moments of interaction, and visual storytelling. While *Quan doi nhan dan* dedicated more space to in-depth analysis, *Dan tri* leveraged human-interest and visual angles to attract its online readership. Both newspapers provided continuous coverage throughout the event’s timeline. Remarkably, none of the 26 articles carried a negative tone. All coverage portrayed Russia in a positive, friendly, disciplined, and approachable light. This serves as clear evidence of the directive nature of Vietnamese media in foreign affairs, reflecting the “political-filter” of a propaganda model (Herman, Chomsky, 1988).

Russia’s Image in Quan Doi Nhan Dan

The security-defense frame. From its first report, “Russian military contingent arrives in Hanoi for Parade”, *Quan doi nhan dan* framed Russia through a security-defense lens. The article detailed the formal reception for the 33 Russian soldiers, emphasizing they were from the “154th Preobrazhensky independent commandant’s regiment, a unit whose history is tied to the glory and honor of the Russian army”. Phrases like “special unit”, “symbol of glory”, and “honor-guard for heads of state” constructed a symbolic frame of Russia’s military strength and prestige. Another article, “Training snapshots of the Russian military contingent”, highlighted how the soldiers “quickly adapted to the 103 steps/minute marching pace of the Vietnam people’s army”, portraying it as a sign of professionalism, discipline, and military integration. This selection of symbolic details reinforces a frame of “strength, discipline, and reliability”, positioning Russia as a dependable and professional military partner (Entman, 1993).

The friendship-diplomacy frame. Beyond military aspects, *Quan doi nhan dan* dedicated significant coverage to the diplomatic depth between the two nations. In “Russian armed forces delegation pays tribute at Ho Chi Minh mausoleum”, the image of Russian soldiers “solemnly and respectfully laying a wreath” was presented with a formal tone. The choice to publish close-up photos of the ceremony with captions that “expressed the friendship, solidarity, and bond between the people and armies of Vietnam and its friends” placed Russia within a frame of “diplomatic friendship and mutual respect”. A softer side of public diplomacy was shown in “Public enthusiastically greets Russian soldiers at national achievements exhibition”. The reporter noted that “people waved and shouted ‘ura!’ to welcome the Russian soldiers”, creating a warm and intimate atmosphere. This use of a human-interest frame in diplomacy, emphasizing positive emotions to strengthen bilateral ties, allowed *Quan doi nhan dan* to shift its framing from the political to the personal, fostering a sense of friendship between the two peoples (Semetko, Valkenburg, 2000).

The human-interest and emotional frame. Later articles, such as “Russian ministry of defence delegation visits Vietnam military history museum”, expanded Russia’s image into cultural and personal exchange. The article noted that “many Russian soldiers, who had only known Vietnam through media or stories from their elders, were now able to directly experience the friendliness and hospitality of the Vietnamese people”. This narrative moves beyond purely political-military discourse toward human emotion, emphasizing friendship and understanding. Concluding its coverage, *Quan doi nhan dan* strategically used an image of a Russian Deputy Minister of Defence taking a photo with the contingent’s commander, symbolizing shared pride in their defense cooperation and cultural exchange. In summary, the 12 articles in *Quan doi nhan dan* focused on three primary frames: security-defense, friendship-diplomacy, and human-interest. The tone was consistently formal, positive, and unambiguous, deliberately framing Russia as a “loyal friend and partner to Vietnam” and fulfilling the foreign propaganda function of a defense publication.

Russia’s Image in Dan Tri

The security-defense frame. Dan tri’s articles on the Russian contingent also covered the military and ceremonial aspects of the 80th National Day celebrations, but with a lighter, more descriptive tone than a typical defense publication. In “Russian military contingent arrives in Vietnam for 80th National Day Parade”, the newspaper provided vivid details, describing the soldiers “in their deep red uniforms, stepping off the plane to a warm welcome”. Words like “warm”, “impressive”, and “solemn” set a positive and visually oriented tone. Articles covering the rehearsals and the main parade depicted the Russian soldiers “marching in unison with crisp, decisive movements” alongside Vietnamese units. Close-up photos of Russian soldiers, juxtaposed with their Vietnamese counterparts, created a powerful visual-imagery frame where Russia’s symbolism was conveyed through uniforms, expressions, and flags. This approach shows that *Dan tri* targeted a general audience, emphasizing the solemnity and visual appeal of the Russian contingent.

The friendship-diplomacy frame. Several articles shifted their focus to diplomatic friendship. In “Russian soldiers and international friends pay respects at Ho Chi Minh mausoleum”, *Dan tri* described the scene: “The steps of the Russian soldiers echoed as they entered the Mausoleum while Vietnam’s national anthem played solemnly”. The article quoted a Russian officer who was “deeply moved to participate in this great event for Vietnam”. Here, positive and emotional language was used to frame Russia within a friendship-diplomacy context, highlighting respect and connection rather than just military might. Another article documented the contingent’s visit to a national exhibition, noting that “the Russian soldiers listened attentively, took pictures, and expressed their admiration for Vietnam’s development achievements”. Words like “admiration”, “impressed”, and “friendly” reinforced the image of Russia as an appreciative and respectful friend. This is a form of “framing-by-empathy”, which uses positive emotional cues to foster a harmonious understanding between nations (Entman, 1993).

The socio-cultural and human-interest frame. *Dan tri* placed a special emphasis on human-interest stories and personal emotions. The article “Letter from a Russian officer thanking Vietnam aAfter the Parade” published a letter from the contingent’s commander, who wrote: “I will forever remember the smiles and friendliness of the Vietnamese people, a country that welcomed us like brothers”. The letter’s personal and heartfelt tone created emotional depth, moving from event description to personal experience and solidifying Russia’s image as a “grateful friend deeply connected to Vietnam”. Another piece, “Hanoi residents cheer as Russian contingent marches past”, captured the public’s perspective, recording the “excitement, emotion, and resounding applause” that greeted the Russians. This combination of accessible language and vivid imagery created a story that was both emotionally resonant and visually compelling, reflecting *Dan tri*’s commitment to open, peace-oriented media that not only informs but also “transmits emotion to its readers”. Through its 14 articles, *Dan tri* demonstrated a balanced media strategy, highlighting Russia across defense, diplomatic, and cultural themes. Unlike *Quan doi nhan dan*, its language was less propagandistic, focusing instead on human, emotional, and visual elements. The articles consistently used a positive and descriptive tone, conveying admiration and goodwill toward Russia. In doing so, *Dan tri* successfully projected a positive and friendly image of Russia that resonated with Vietnamese cultural values, thereby strengthening foreign relations through the lens of mass media.

This fundamental contrast in tone and strategy can be further interpreted not just through the lens of politics, but also through the differences in the professional orientations of the journalists themselves. The formal, directive tone of *Quan doi nhan dan* reflects an ethical orientation towards serving the state interest and transmitting the official position. In contrast, the emotional, human-centric approach of *Dan tri* demonstrates a playful and adaptive orientation, aimed at establishing an emotional connection with the audience and softly promoting the same strategic narratives through personal stories (Volkova, Lazutova, 2013). This difference in the communicators’ professional attitudes explains how the same political line (“friendship with Russia”) receives fundamentally different media embodiment.

The stark contrast in framing strategies between *Quan doi nhan dan* and *Dan tri* can be interpreted through the lens of contemporary theories on media image formation. The findings demonstrate that the Vietnamese media system, as a whole, employs a sophisticated, two-pronged approach to constructing Russia’s image. The formal, state-level framing in *Quan doi nhan dan* exemplifies the creation of a classic media image “by the media – for the society”, which is designed to align with official policy and strategic interests⁵. In contrast, *Dan tri*’s

⁵ Bui, T.V. (2024). Quang ba hình ảnh Việt Nam ra the gioi qua bao dien tu VietnamPlus. *Quảng bá hình ảnh Việt Nam ra thế giới qua báo điện tử VietnamPlus*. [Promoting Vietnam’s image to the world through VietnamPlus.] *Journal of Political Theory and Communication*. (In Vietnam.) <https://lyluanchinhtrivatruyenthong.vn/quang-ba-hinh-anh-viet-nam-ra-the-gioi-qua-bao-dien-tu-vietnamplus-p28655.html>

focus on personal stories and public emotions utilizes a strategy akin to personification, aiming to forge a socio-image “by the society – for the media” that feels organic and relatable (Volkova, Ashour, 2021). This complementary dynamic aligns with the characteristics of the modern Vietnamese media landscape, where traditional, directive outlets coexist and synergize with platforms practicing a more audience-oriented *social journalism* (Nguyen, 2021). Thus, the portrayal of Russia is not a monolithic narrative but a layered construct, where strategic partnership is simultaneously validated by state authority and authenticated through public emotion.

The original document included a table here comparing the two newspapers (see Table). This comparison shows that while both newspapers covered the same event, they employed different framing strategies, tones, and targeted different audiences. *Quan doi nhan dan* prioritized a “strategic frame” that emphasized power, security, and legitimacy, aligning with its political-defense orientation. In contrast, *Dan tri* expanded its coverage beyond the military sphere, focusing on cultural exchange and public reaction, thereby deploying a “human-interest frame”. By quoting personal feelings and using vivid imagery, *Dan tri* created an “emotionally-driven social narrative” rather than a “politically-directed bulletin”. This difference reflects the “personalization and de-politicization of information” in modern media, where an online outlet like *Dan tri* appeals to a younger audience interested in the human side of international relations, while *Quan doi nhan dan* maintains a formal, political standard for its core readership within the political-military system.

**Comparison of the way Russia’s image is presented in the two newspapers
Dan tri and *Quan doi nhan dan***

Criteria	<i>Quan doi nhan dan</i>	<i>Dan tri</i>
Main themes	Focus on defense – security and diplomacy – politics. Special emphasis on the role of defense cooperation, traditional friendship, and Russian military discipline	Equally distributed between defense – security, culture – society, and humanity – emotions. Focus on human stories, emotions and experiences
Language (tone)	The tone is solemn, serious, and political, with little use of emotional words and an emphasis on military terminology: “guards”, “honor forces”, “discipline”	Positive, vivid, emotional tone, close to the language of mass journalism. Use many descriptive words, images, and direct quotes: “impressive”, “friendly”, “warm”
Frame	Security – defense and friendship – foreign affairs. The image of Russia is framed as “combat friend”, “strategic ally”, “reliable partner”	Main: humanity – emotions and visual – images. Russia is framed as a “close friend”, “warmly welcomed guest”
Frequency, & Coverage	12 articles, focusing on the period of August 20 – September 5, 2025, with a tight structure, reflecting the State’s information orientation	14 articles, published from August 20 – September 5, 2025, combining news, photos, videos, interviews and on-site reports
Communication objectives	Strengthening political trust and State-level foreign relations, targeting cadres, party members, and armed forces	Spread positive emotions and images about Russia to the general public, creating social sympathy with strategic partners

Source: compiled by Van T. Nguyen, Thi T.D. Tran.

Conclusion

This comparative analysis of Russia’s image in *Quan doi nhan dan* and *Dan tri* during the National Day celebrations reveals a multi-layered media landscape, reflecting the distinct characteristics of Vietnam’s state-oriented media system and its evolving public journalism. The study confirms that the media framing of a strategic partner is not monolithic but is strategically diversified. *Quan doi nhan dan* consistently positioned Russia within a **security-defense and friendship-diplomacy frame**, emphasizing a legacy of strategic cooperation, military discipline, and symbolic strength. Its formal, standardized language reaffirmed its role as an instrument of political communication and official foreign policy. Conversely, *Dan tri* deployed **human-interest, emotional, and visual-imagery frames**, constructing an image of Russia as an approachable, friendly nation, warmly received by the Vietnamese public. This approach aligns with the trend toward the “publicization” of information in modern journalism, where media not only reports events but also disseminates emotion and forges cultural connections.

These two distinct framing approaches function in a complementary manner. They create a balance between top-down, directive messaging and bottom-up, popular appeal, effectively solidifying Russia’s image as a reliable partner at both the institutional and public levels. This dual strategy simultaneously fosters understanding and goodwill among the Vietnamese populace, demonstrating a sophisticated media ecosystem that serves both state and public diplomacy objectives.

Academically, this research expands the application of framing theory by demonstrating its utility in the under-explored Vietnamese media context. It shows that media frames are not merely a reflection of foreign policy but are also shaped by the specific audience logics and institutional mandates of different press outlets. Practically, the findings suggest that for Vietnam and similar nations, the effectiveness of international communication can be enhanced by maintaining this balance – upholding official messaging while strategically incorporating human-interest and visual elements to engage a globalized public.

Limitations and Future Research. The primary limitation of this study is its sample size, confined to 26 articles from two outlets. Future research would benefit from a larger and more diverse corpus, including social media data, and a longitudinal design to trace the evolution of Russia’s image beyond a single event. Investigating public reception of these media frames through audience surveys could also provide a more comprehensive understanding of the media’s influence on public perception.

Despite these limitations, the study offers a valuable snapshot into the mechanisms of international image-building within a non-Western context. The portrayal of Russia in the Vietnamese press was, therefore, not merely a story of defense or ceremony, but a nuanced symbol of friendship and an enduring strategic partnership – a narrative of significant value in contemporary Vietnam-Russia relations.

References / Список литературы

- Anholt, S. (2006). *Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions*. Palgrave Macmillan.
- Barabash, V.V., Bordyugov, G.A., & Kotelenets, E.A. (2015). *State Propaganda and Information Wars*. Moscow: AIRO-XXI Publ. (In Russ.)
Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А. Государственная пропаганда и информационные войны : учеб. пособие. М. : АИРО-XXI, 2015. 400 с.
- Dinnie, K. (2008). *Nation Branding: Concepts, Issues, Practice*. Butterworth-Heinemann.
- Entman, R.M. (1993). Framing: toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication, 43*(4), 51–58. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>
- Fairclough, N. (2013). *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. Routledge.
- Herman, E.S., & Chomsky, N. (1988). *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media*. Pantheon.
- Krippendorff, K. (2013). *Content Analysis: An Introduction to Its Methodology*. Sage Publications.
- Lee, S., & Hong, H. (2012). International public relations' influence on media coverage and public perceptions of foreign countries. *Public Relations Review, 38*(3), 491–493. <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2012.03.007>
- McCombs, M.E., & Shaw, D.L. (1972). The agenda-setting function of mass media. *Public Opinion Quarterly, 36*(2), 176–187. <https://doi.org/10.1086/267990>
- Miskimmon, A., O'Loughlin, B., & Roselle, L. (2013). *Strategic Narratives: Communication Power and the New World Order*. Routledge.
- Nguyen, V.T. (2021). *Social Journalism in the System of the Internet-Media of Vietnam*. Moscow: RUDN University Publ. (In Russ.)
Нгуен В.Т. Социальная журналистика в системе интернет-СМИ Вьетнама. М. : Росун-т дружбы народов, 2021. 155 с.
- Semetko, H.A., & Valkenburg, P. M. (2000). Framing European politics: a content analysis of press and television news. *Journal of Communication, 50*(2), 93–109.
- Volkova, I.I., & Ashour, H.Y. (2021). Media image of Jordan in Runet media: specifics of non-personification. *Theoretical and Practical Issues of Journalism, 10*(1), 39–50. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(1\).39-50](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(1).39-50)
Волкова И.И., Ашур Х.Ю. Медиаобраз Иордании в интернет-СМИ Рунета: особенности «неперсонификации» // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10. № 1. С. 39–50. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(1\).39-50](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(1).39-50)
- Volkova, I.I., & Lazutova, N.M. (2013). Communicators of various generations: “ethics” and “play” notions’ interpretation. *European Social Science Journal, (11-1)*, 285–290. (In Russ.) EDN: RTGHVJ
Волкова И.И., Лазутова Н.М. Этическое и игровое в установках коммуникаторов разных поколений // Европейский журнал социальных наук. 2013. № 11-1(38). С. 285–290. EDN: RTGHVJ
- Wæraas, A., & Byrkjeflot, H. (2012). Public sector organizations and reputation management: five problems. *International Public Management Journal, 15*(2), 186–206. <https://doi.org/10.1080/10967494.2012.702590>

Bio notes:

Van Thieu Nguyen, PhD in Philology, Lecturer of the Faculty of Multimedia Communications, Thang Long University, Nghiem Xuan Yem St, Hanoi, 100000, Socialist Republic of Vietnam. ORCID: 0009-0000-7220-1758; SPIN-code: 4917-3825. E-mail: thieunv@thanglong.edu.vn

Thi Thuy Dung Tran, Lecturer Researcher at the Department at Mass Communications, Faculty of Philology, RUDN University, 10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-6763-7503; SPIN-code: 1905-5557. E-mail: 1042195170@pfur.ru

Сведения об авторах:

Нгуен Ван Тхуеу, кандидат филологических наук, преподаватель факультета мультимедийных коммуникаций, Университет Тханг Лонг, Социалистическая Республика Вьетнам, 100000, Ханой, ул. Нгием Суан Йем. ORCID: 0009-0000-7220-1758; SPIN-код: 4917-3825. E-mail: thieunv@thanglong.edu.vn

Чан Тхи Тхуи Зунг, преподаватель-исследователь кафедры массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2. ORCID: 0000-0002-6763-7503; SPIN-код: 1905-5557. E-mail: 1042195170@pfur.ru

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

INTERVIEW

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-1-243-250

EDN: TRHLTA

УДК 070:001.12/.18

Границы дисциплин и преждевременная институализация коммуникационных наук: интервью с профессором Владимиром Тулуповым

А.Н. Морева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация

✉ annseasoul@gmail.com

История статьи: поступила в редакцию 2 января 2026 г.; отрецензирована 10 января 2026 г.; принята к публикации 31 января 2026 г.

Для цитирования: *Морева А.Н.* Границы дисциплин и преждевременная институализация коммуникационных наук: интервью с профессором Владимиром Тулуповым // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 1. С. 243–250. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-243-250>
EDN: TRHLTA

Disciplinary Boundaries and the Acceleration of Institutionalization in Communication Studies: Interview with Professor Vladimir Tulupov

Anna N. Moreva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

✉ annseasoul@gmail.com

Article history: submitted January 2, 2026; revised January 10, 2026; accepted January 31, 2026.

© Морева А.Н., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation: Moreva, A.N. (2026). Disciplinary Boundaries and the Acceleration of Institutionalization in Communication Studies: Interview with Professor Vladimir Tulupov. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(1), 243–250. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-243-250> EDN: TRHLTA

Накануне 2026 г. в Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации рассматривался вопрос о включении группы научных специальностей «Коммуникационные науки» в действующую номенклатуру. Инициаторы идеи – представители Ассоциации преподавателей по связям с общественностью (АПСО) – апеллируют к международной практике Communication Studies, росту междисциплинарных исследований и необходимости институционально оформить широкий спектр коммуникационных процессов. Предложенная модель вызвала оживленную дискуссию в академическом сообществе.

Среди последовательных и аргументированных критиков инициативы – профессор Владимир Васильевич Тулунов, доктор филологических наук, многолетний участник экспертных обсуждений, связанных с номенклатурой научных специальностей и работой диссертационных советов.

В интервью Владимир Васильевич Тулунов рассуждает о логике развития научных дисциплин, о соотношении эволюции и административной реформы в науке, о том, почему в вопросах институционализации иногда важнее вовремя остановиться, чем поспешить.

– В статье «Коммуникационные науки: за и против»¹ Вы пишете, что специальность 5.9.9 «Медиакоммуникации и журналистика» адекватно охватывает современные медийные процессы, и в современных условиях нет необходимости выделять коммуникационные науки.

– Сейчас функционирует логичная система, к которой мы, кстати, долго шли. В феврале 2021 г. вышел приказ Минобрнауки России № 118 о введении научной специальности 5.9.9 «Медиакоммуникации и журналистика», заменившей прежнюю – 10.01.10 «Журналистика». Были определены область науки (5. Социальные и гуманитарные науки), группа научных специальностей (5.9. Филология), отрасли науки, по которой присуждаются ученые степени (филологические, философские, социологические, политические). Работают диссоветы, присваиваются ученые звания. Но не прошло и пяти лет, как предложена реформа: инициативная группа АПСО ратует за «Коммуникационные науки» с паспортами научных специальностей «Теория, история и методология коммуникации», «Коммуникация в отраслях экономики и социально-культурной сфере», «Коммуникация в политике, государственном управлении и международных отношениях».

В обосновании указано, что «значительные достижения отечественной практики массовых коммуникаций и коммуникационных технологий, проб-

¹ Тулунов В.В. «Коммуникационные науки»: за и против // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2025. № 4. С. 176–178.

лематика развития коммуникационных индустрий остаются вне всестороннего научного обобщения в рамках своего профильного – коммуникационного – научного измерения. Не находят должного углубленного научного анализа как позитивные, так и негативные тенденции, складывающиеся в этой сфере. Высшая школа лишена возможности привлечения преподавателей высшей квалификации (кандидатов и докторов наук) непосредственно по специальностям, по которым осуществляется подготовка специалистов». Однако это бездоказательное утверждение, ведь в том же обосновании говорится, что в 2019–2025 гг. по направлению «Коммуникации» опубликовано около 400 работ российских авторов. Значит, публикационная активность на основе междисциплинарности налицо, а это ли не доказательство успешного развития существующего подхода? Значит, ничто и никто сегодня не мешает «заниматься углубленным научным анализом» в рамках научной специальности 5.9.9 «Медиакоммуникации и журналистика». При этом следует осознавать, что медиакоммуникации, ориентированные на интересы клиента (компании, бренда, политического деятеля) и помогающие ему эффективно взаимодействовать с целевыми группами, не заменяют журналистики, призванной служить всему обществу и предоставлять своей аудитории достоверную информацию.

В ответ на обоснование АПСО было подготовлено заключение Академии наук региональной печати России, президентом которой я являюсь. Оно подписано докторами наук, профессорами из 18 ведущих университетов России – Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Грозного, Екатеринбурга, Ижевска, Казани, Краснодар, Майкопа, Севастополя, Симферополя, Ставрополя, Тольятти, Томска и Орла. Так что, отвечая на ваши вопросы, я выражаю коллективное мнение действительных членов АН РПР.

– Вы критикуете проекты паспортов коммуникационных наук за то, что в них практически отсутствует журналистика. В логике оппонентов с чем Вы не согласны?

– Если мы под коммуникацией понимаем процесс обмена информацией (есть ведь и дефиниция «путь сообщения», например, связывающий армию с ее базами), то отсутствие в паспортах научных специальностей аспектов, связанных с журналистикой, на наш взгляд, неверно как с исторической, так и с методологической точки зрения. А использование в научном обороте понятий «коммуникация», «массовая коммуникация», «медиакоммуникация» без четкого их разграничения размывает объекты исследования.

Попутно замечу, что с точки зрения русского языка, который определенно нуждается сегодня в защите², ошибочно применение словосочетания «массовые коммуникации», уже и лингвисты убеждают нас, что массовая коммуникация – это процесс передачи информации, а массовые коммуникации – это средства данной передачи, то есть СМИ (газеты, телевидение, интернет). Часто эти термины используются как синонимы, но это не верно. Кстати, название группы 5.08. *Media and Communication* в Международном классификаторе

² См. принятый в 2023 г. ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О государственном языке Российской Федерации“».

областей науки *Organization for Economic Cooperation and Development* должно переводиться как «Медиа и коммуникация». То же, например, со словом «активность»: мол, «„активности“ – это форма множественного числа от слова „активность“, которая является правильной, но пока редко употребляемой в современном русском языке, поскольку это слово является абстрактным существительным. „Активность“ означает энергичность, деятельное состояние, а „активности“ можно использовать, когда речь идет о множестве различных видов деятельности или о совокупности действий». Мы отступаем от правил и традиций, а страдает русский язык. Видимо, скоро ждать множественного числа от других абстрактных существительных, и появятся «смелости», «скромности»...

– ***Сторонники реформы обращаются к международной практике Communication Studies. Где, по-вашему, проходит граница между интернационализацией науки и заимствованием моделей?***

– В обосновании АПСО утверждается, что «в рассматриваемой области имеет место серьезное отставание от мировой практики», что сдерживается «развитие фундаментальных и прикладных исследований в этом направлении». Это требует серьезных доказательств, с конкретными аргументами и фактами. Где гарантия, что введение новой группы научных специальностей кардинально изменит ситуацию? Да, становление отечественной коммуникационной науки и соответствующих образовательных программ во многом опиралось на заимствование и адаптацию зарубежных теоретических подходов. Но они далеко не полностью гармонируют с российским опытом и приоритетами в исследовательской практике. Пока наши современные специалисты вряд ли могут похвастать оригинальными концепциями. Неслучайно авторы обоснования обращаются к международным (вестернизированным) документам, в которых есть понятие *media and communication*, тогда как у нас сначала в околонучной публицистике, а затем официально закрепилось слитное наименование – «медиакоммуникации», тавтологичное по сути и искусственное по происхождению. Собственно, именно с внедрения этого квазитермина и его активного продвижения началось наступление на исследование и преподавание журналистики как влиятельного социального института и сферы профессиональной деятельности.

И еще о «заимствовании моделей»: известно, что в 1990-е, когда в Россию стали возвращаться специалисты, обучавшиеся маркетингу и менеджменту на Западе, вдруг поняли, что применить тамошнюю теорию в России, мягко говоря, затруднительно – сказываются национально-традиционные факторы.

– ***Одним из ваших ключевых аргументов является риск кадрового и ресурсного распыления. Что может сломаться в системе, если появятся отдельные коммуникационные специальности?***

– Очевидно, что под предлогом создания организационных форм развития коммуникационных наук будет разворачиваться конкурентное журналистике направление подготовки кадров, которое отнимет студентов у нашего и так уже невеликого набора. Мы проходили это при введении направлений высшего

образования «Реклама и связи с общественностью», «Телевидение», «Медиакоммуникации». Неслучайно в обосновании АПСО говорится и о контрольных цифрах приема, которые «распределяются по результатам публичного конкурса и устанавливаются организациям, осуществляющим образовательную деятельность, по группам научных специальностей и (или) научным специальностям для обучения по программам подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)». Но нерациональное дробление ресурсов вряд ли даст положительные результаты.

Мало нам тревог и волнений, связанных с укрупненными группами специальностей, когда нас то отделяют от филологов, то снова присоединяют к ним? Давайте теперь сами запустим процесс переквалификации журналистов, например в социологии, и хлебом горя в перекраивании всех учебных планов. Зачем? Чтобы появились новые учебно-методические объединения и новые диссоветы?

Что, например, даст журфакам появление нового семейства коммуникационных наук? Головную боль и хлопоты. Бюджетных мест нам не прибавят, а убавить очень даже могут. Потому что новому направлению надо будет что-то дать. Если дать им, значит, у кого-то отнять. На профильных факультетах университетов уже сегодня наблюдается вавилонское смешение языков, поскольку в аудиторию приходят преподаватели с различной базовой подготовкой и практическим опытом, в том числе менеджеры, рекламисты, PR-специалисты и др. Это разноязычие не способствует целостности учебной программы в восприятии учащихся. Дополнительное разделение педагогов по разным научным специальностям, несомненно, усугубит имеющиеся трудности с взаимопониманием. Преподаватели высшей школы едва успевают за периодически обновляемыми ФГОСами, теперь вот и в научной деятельности предлагается подобное реформирование.

– *Сторонники реформы уверяют, что новые шифры помогут готовить новых специалистов.*

– Это лишь предположение. Само по себе формальное изменение шифров вряд ли отражается на подготовке специалистов. Упрек же, например, в том, что нынешние выпускники факультетов журналистики не могут достойно участвовать в информационно-психологической войне, является ложным – достаточно привести в качестве примера RT, возглавляемое выпускницей факультета журналистики Кубанского госуниверситета.

– *В своих работах Вы неоднократно подчеркивали, что журналистика как наука уже сложилась как междисциплинарное знание со сформированным предметно-объектным полем. Можно ли сказать, что теория журналистики³ сегодня во многом выполняет ту роль междисциплинарного поля, которую приписывают Communication Studies?*

– Есть междисциплинарность и псевдомеждисциплинарность. Первая предполагает глубокую интеграцию методологий и концепций, единство

³ Тулутов В.В. Журналистиковедение: предметно-объектное поле и структура // Вопросы журналистики. 2017. № 1. С. 35–46.

исследовательских методов, и в современных условиях она очень востребована, поскольку «прогресс современной науки состоит в устранении обособления, установившегося между разными дисциплинами в эпоху их интенсивного развития как самостоятельных областей знания»⁴. Вторая же представляет собой имитацию поверхностного, а то и случайного соединения разных наук. Схожие термины могут иметь различные значения даже в смежных дисциплинах, поэтому возможна ситуация, когда термины используются без их настоящего понимания, – новая интегрированная область знания не создается и новое качество знания не рождается. Знаю, что в работе диссертационных советов, членами которых являются доктора наук с разными научными специальностями, часто возникают трудности именно из-за различной трактовки понятий и терминов, что тормозит развитие конкретной науки.

При этом замечено, что журналистика как важнейший социальный институт, как особая духовно-практическая деятельность подвергается постоянным атакам, а теория журналистики – далее воспользуемся цитатой из обоснования АПСО – действительно «растворяется в предметном поле других наук». Так в обосновании научной специальности «Коммуникационные науки» отмечено, что в международном классификаторе областей науки ОЭСР «Медиа и коммуникации» проходят по классу социальных наук, а не гуманитарных.

– Вы не раз приводили пример медиадизайна как направления, которое прошло путь от прикладной практики к теоретически осмысленной области внутри журналистиковедения без резкого институционального выделения в отдельную научную специальность. Можно ли рассматривать этот эволюционный путь как возможную модель развития коммуникационных исследований сегодня?

– Несомненно. Надо сказать, что современным исследователям полюбили слово «медиа» – появляются целые научные направления, ориентированные на массмедиа, которые, с одной стороны, шире журналистики, а с другой – отражают скорее технологический аспект информационных процессов. Но признавая реальные изменения в них и логичность появления таких понятий, как «медиаэкономика», «медиадизайн», «медиаобразование», необходимо все же в каждом случае представлять конкретную область деятельности. Так, медиадизайн предполагает отдельное изучение пресс-дизайна, звукового дизайна и др.

– Назовите, скажем так, обязательные «предохранители» в паспортах коммуникационных специальностей, без которых реформа, по-вашему, неизбежно войдет в конфликт с журналистикой и действующей системой диссоветов.

– Анализ паспортов специальностей показывает, что претензии к ним объективно связаны с тем, что их положения свидетельствуют о неустоявшейся

⁴ Харламенкова Н.Е., Еськин Н.А., Снетков А.И., Акинъшина А.Д., Батраков С.Ю., Виленская Г.А. Истинные и псевдомеждисциплинарные исследования: принципы системно-структурного подхода к планированию медико-психологических проектов // *Экспериментальная психология*. 2019. Т. 12. № 4. С. 177–192.

понятийной базе, что несвойственно зрелой науке. Поэтому давайте не будем спешить и дадим время полноценному функционированию научной специальности 5.9.9 «Медиакоммуникации и журналистика». Любой плод должен вызреть.

Интересно, что во время обсуждения предложений АПСО в Общественной палате Российской Федерации было высказано сомнение в отношении коммуникации как базовой категории для научного направления, проиллюстрированное примером с Научно-исследовательским институтом человека, работавшим в 1992–2004 гг. и специализировавшимся на междисциплинарном изучении человека, биоэтике и гуманитарной экспертизе. В конце концов, институт был присоединен к Институту философии РАН, где его тематика, хотя и продолжает развиваться, но в рамках небольшого специализированного отдела.

В обосновании АПСО журналистика как социальный институт принципиально отсутствует: сама категория социального фактически вытеснена и по умолчанию подменена технологическими решениями, пропагандистскими установками и коммерческой логикой. Разве это правильно? Ведь СМИ, масс-медиа, новые медиа были и остаются основным каналом распространения всех видов информации, прежде всего решений общегосударственных задач социального характера.

– Может, сопротивление реформе связано не столько с научными аргументами, сколько со страхом утраты сложившихся научных школ, диссертационных советов и институционального влияния? Почему для Вас важно сохранить научную традицию и не менять устоявшуюся систему?

– Коммуникативистика – молодая наука, зародившаяся и базирующаяся на обобщении опыта западного мира. Ее основу составляют труды преимущественно зарубежных ученых. Российская наука находится в положении последовательницы, если не сказать ученицы, так как ей чуть больше тридцати лет. Российские ученые пока не привнесли в данную область серьезного вклада, введя новые понятия или обобщив отечественный опыт, отметив специфические национальные черты. Да и сама практика коммуникативистики в нашей стране еще не наработала базы, достаточной для фундаментальных теоретических заключений. Следовательно, выделение молодой, незрелой науки, ориентирующейся на преимущественно зарубежный опыт, преждевременно.

С точки зрения создания специальностей и диссоветов ситуация выглядит странно. Для специальностей однозначно не хватит кадров, а для подготовки аспирантов – руководителей. Это совершенно ясно с учетом высоких требований ВАК. Выделяя новое направление как отдельное, можно оказаться в заложниках поспешного решения. За счет чего закрывать потребности в научных кадрах? За счет перекалфикации или перетягивания представителей тех специальностей, которые представлены в данный момент в перечне научных направлений? Это нелогично и неправомерно. Как говорится, не надо ставить телегу впереди лошади.

В условиях, когда нет общепризнанных российских научных исследований и столь же фундаментальных учебников, прошедших самую строгую

научную экспертизу, в условиях, когда нет достаточного количества вузов, где шла бы подготовка по коммуникативистике, нет анализа опыта работы выпускников и контрольного среза их знаний и приносимой ими пользы, открывать аспирантуру и диссоветы – это не просто преждевременно, а даже вредно. Подготовка специалистов может и пока должна осуществляться в рамках филологии, философии, социологии, политологии, которые обеспечивают серьезную методологическую базу научным исследованиям любого уровня и одновременно позволяют аккумулировать практический опыт, в том числе отечественный, который со временем поспособствует становлению и национальной коммуникативистики.

– *Подведем итоги.*

– Во-первых, коллеги, повторюсь, не учитывают перспектив использования возможностей специальности 5.9.9 «Медиакоммуникации и журналистика» в отраслях науки, по которым присуждаются ученые степени, в данном конкретном случае – филологические и философские, социологические и политические.

Во-вторых, коммуникология, или коммуникативистика, как вероятная теоретико-методологическая база для предлагаемой специальности до сих пор не получила широкого научного обоснования и распространения.

В-третьих, связи с общественностью и реклама – это прежде всего сфера практической, во многом текстуальной деятельности. Анализ именно на базе гуманитарного филологического знания способствует теоретической и практической ценности исследований и полученных результатов в рамках уже существующей специальности 5.9.9 «Медиакоммуникации и журналистика».

Сведения об авторе:

Морева Анна Николаевна, научный сотрудник Лаборатории комплексных исследований Азиатско-Тихоокеанского региона, старший преподаватель кафедры коммуникационных технологий, Институт международных отношений и социально-политических наук, Московский государственный лингвистический университет, Российская Федерация, 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38. ORCID: 0009-0006-3404-285X; SPIN-код: 8040-9681. E-mail: annseasoul@gmail.com

Bio note:

Anna N. Moreva, Research Fellow at the Asia-Pacific Integrated Research Laboratory, Senior Lecturer at the Department of Communication Technologies, Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow State Linguistic University, 38 Ostozhenka St, Moscow, 119034, Russian Federation. ORCID: 0009-0006-3404-285X; SPIN-code: 8040-9681. E-mail: annseasoul@gmail.com

ГЕНЕРАТИВНЫЕ МЕДИА: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ВОСПРИЯТИЕ GENERATIVE MEDIA: THEORY, PRACTICE, RECEPTION

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-1-251-264

EDN: TTHFWG

УДК 004.89:130.2

Дискуссионная статья / Position Paper

Эпоха искусственного интеллекта в медиа: концепция «раб – сюзерен – коллега»

И.Н. Кемарская

Академия медиаиндустрии, Москва, Российская Федерация
✉ kemarskaya2011@yandex.ru

Аннотация. Эпоха генеративного искусственного интеллекта (ИИ) в медиа ставит перед исследователями и практиками философско-концептуальные вызовы, связанные с алгоритмизацией креативных процессов. Устоявшийся дискурс, сводящий роль ИИ к дихотомии «инструмент или угроза», теряет теоретическую состоятельность при попытках описания сложной амбивалентной природы взаимоотношений журналиста-медиапрактика и цифрового алгоритма. В данной статье автор последовательно «расшатывает» дуалистический подход, подтверждая необходимость более синкретичного взгляда и введения в оборот нового дискурсивного аппарата. В качестве его основы предложена концептуальная метафорическая триада «раб – сюзерен – коллега». Данная модель проявляет динамичную парадоксальную сущность ИИ, который в медийной практике функционирует одновременно и как подконтрольный исполнитель, и как задающий правила игры «сверхавтор», и как квазисубъект-сотворец, меняющий традиционные границы соавторства. Цель статьи – наметить вектор изучения машинно-человеческого медийного альянса, инициировать междисциплинарную дискуссию о содержании понятий креативности и авторства в медиа, а также границ профессиональной этики в транзитивных условиях исследовательской повестки медиакоммуникативистики.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект, медиакоммуникации, журналистика, концептуальная модель, творчество, цифровая трансформация, профессиональная этика, дискурс

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 12 ноября 2025 г.; отрецензирована 9 декабря 2025 г.; принята к публикации 14 декабря 2025 г.

© Кемарская И.Н., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: *Кемарская И.Н.* Эпоха искусственного интеллекта в медиа: концепция «раб – сюзерен – коллега» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 1. С. 251–264. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-251-264> EDN: TTHFWG

The Era of Artificial Intelligence in Media: The “Slave – Suzerain – Colleague” Concept

Irina N. Kemarskaya

Media Industry Academy, Moscow, Russian Federation

✉ kemarskaya2011@yandex.ru

Abstract. The era of generative artificial intelligence (AI) in media presents philosophical and conceptual challenges for researchers and practitioners in the field of creative processes algorithmizing. The established discourse, which reduces the AI role to the dichotomy of “tool or threat”, loses theoretical coherence when attempting to describe the complex, ambivalent nature of the relationship between the journalist/media practitioner and the algorithm. In this article, the author consistently “shakes” the dualistic approach, confirming the need for a more syncretic view and the introduction of a new discursive apparatus. As its foundation, the metaphorical conceptual triad of “slave-overlord-colleague” is proposed and developed. This model captures the dynamic and paradoxical nature of AI, which in media practice functions simultaneously as a controlled performer, as a rule-setting “super-author”, and as a quasi-subject-co-creator, redefining the traditional boundaries of co-authorship. The purpose of this article is to outline a vector for studying the machine-human media alliance and to initiate an interdisciplinary discussion about the concepts of creativity and authorship in media, as well as about the boundaries of professional ethics in the transitive conditions of the research agenda of media communication studies.

Keywords: generative artificial intelligence, media communications, journalism, conceptual model, creativity, digital transformation, professional ethics, discourse

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted November 12, 2025; revised December 9, 2025; accepted December 14, 2025.

For citation: Kemarskaya, I.N. (2026). The Era of Artificial Intelligence in Media: The “Slave – Suzerain – Colleague” Concept. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(1), 251–264. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-251-264> EDN: TTHFWG

Введение

Проникновение искусственного интеллекта в сферу медиапроизводства знаменует не просто очередной технологический скачок, но и культурный разлом. Алгоритмизация творческих решений в эпоху цифры бросает вызов самим основаниям человеческой исключительности – способности к смыслопорождению, к авторству. Медиа, будучи нервной системой общества, оказываются на передовой этого концептуального столкновения. Если машина

Тьюринга повышала способность человека справляться со сложностью эмпирического мира, то современные кибернетические системы с открытой обратной связью предполагают решения иного порядка – «автоматизацию автоматизации». Машинное расширение когнитивной деятельности человека неизбежно наносит «цифровые травмы» непосредственным контактерам (Шомова, Качкаева, 2024). Предоставление ИИ-технологиям не только посреднических (как «медиаторам действительности»), но и творческих функций трансформирует рутинные практики и модели поведения креаторов-людей (Ушкин и др., 2022). Скорости перемен вызывают к иной адаптации и непрерывающемуся аналитическому мониторингу.

Наблюдая стремительное проникновение ИИ в редакционные процессы – от генерации заголовков и пресс-релизов до сложных расследований на основе больших данных – приходится констатировать распыленность академической рефлексии. Исследователи констатируют недостаточность оперирования бинарными категориями при описании гибридной медиареальности (Сычев, 2024; Тихонюк, 2024). Смещение фокуса в сторону катастрофического нарратива, конструирования образа ИИ как «похитителя профессий» сводит сложный феномен к парадигме «новой этики», к «культуре отмены», блокируя целостное понимание уже состоявшегося соавторства журналиста с «нечеловеческим» агентом.

Существующие концепции соавторства нагружены антропоморфными коннотациями, затемняющими природу взаимодействия журналиста с генеративным ИИ, при этом логика цифровой автоматизации окрашивает сферы аффектов и чувств, лингвистических компетенций, способы сотрудничества, формы познания и желаний (Паризи, 2019). С целью выхода за границы бинарного мышления и расширения понимания феномена ИИ в медиaprостранстве можно использовать образное моделирование с привлечением тех же антропоморфных коннотаций.

Метафорическая модель априори не в состоянии претендовать на точность воспроизведения реальности. В отличие от представителей естественных наук, сопровождающих исследования в области ИИ формулами и выкладками, гуманитариям приходится ради наглядности оперировать условными символами: «Это наша отечественная школа анализа, теория, избегающая жестких понятий, иностранных слов в пользу сравнений и иносказаний. И она точнее и вернее передает многоаспектность той звукозрительной образности, вне которой нет ни теле-, ни киноинформации, которая в термин не вмещается, – перевод этой информации в словесность, простое описание, представляет для исследователя аналитическую задачу» (Малькова, 2016, с. 119). В случае с ИИ описательный «перевод цифры в словесность» требуется ради выявления «второй», нечеловеческой природы креативного актора, воссоздания индивидуальной и коллективной истории взаимодействия участников коммуникации с цифровыми объектами (Спиваков, 2021).

Центральный тезис данной статьи заключается в отказе от поиска единственной, всеобъемлющей метафоры для позиционирования ИИ в медиа.

Вместо нее предлагается динамичная ситуационная модель, способная фиксировать внутреннюю неоднозначность описываемых ролей. В качестве такой модели рассматривается концептуальная триада позиционирования ИИ: «раб – сюзерен – коллега». (Научная «нестрогость смыслов» и лексическая лакунизация используемых понятий принимается во внимание.) Предложенная триада маркирует три различных подхода к восприятию ИИ человеком-журналистом. При этом остается возможной одновременная актуализация всех трех ролей в рамках одного рабочего процесса. В режиме «раб» ИИ выступает как идеальный поденщик, лишенный собственной воли. В режиме «сюзерен» неявные предустановки, зашитые в черный ящик алгоритмов, начинают диктовать свои условия, которым вынужден подчиняться уже не ИИ, а автор-человек. В режиме «коллега» возникает иллюзия диалога и паритетности взаимодействия обоих партнеров.

Цель моделирования – наметить возможности обоснования эвристического потенциала каждого из положений триады, анализируя попутно возникающие противоречия. Задачей систематизации следует считать не окончательные выводы, а запуск новой волны дискуссионной рефлексии, в фокусе которой окажутся интуитивные догадки и наблюдения по поводу конфигурации творчества, власти и ответственности новых игроков на медийном поле.

Материалы и методы

Методологическая основа статьи – междисциплинарный синтез, направленный на концептуальное моделирование. Поскольку цель исследования – не эмпирическая верификация, а создание и обоснование новой аналитической модели, ее конструирование строится на пересечении трех исследовательских перспектив. В контексте концептуально-позиционного моделирования была спроектирована триада «раб – сюзерен – коллега» путем синтеза теории медиа, психологии творчества и когнитивных наук, а также семиотики и медиалингвистики. Сравнительно-аналитический метод позволил сопоставлять различные подходы к пониманию последствий внедрения автоматизированных систем в журналистику, их влияния на технологии производства, следовательно, на самопозиционирование креаторов. Метод анализа исследовательского контента использовался для решения критериальной проблемы обоснования категориальных разграничений. Автора интересовал поиск исключений из систем кластеризации аналитических практик. Методы машинной обработки текстов публикаций с помощью ИИ автором не использовались.

Результаты и обсуждение

Прежде чем обратиться к собственно моделированию, видится целесообразным прояснить два внутренних противоречивых момента, скорее подразумеваемых, чем доказуемых. Первый – это *креативность* как составляющая работы журналиста-медиапрофессионала. «Креативные идеи „отфильтровы-

ваются“ через структуры понятийного и метакогнитивного опыта субъекта» (Ильин, 2012, с. 184). Но формально профессиональными задачами журналиста являются не творчество, а поиск, получение и распространение информации¹. Креативность (как способность привнесения в создаваемые медиапродукты генеративного элемента) остается не декларируемым, а подразумеваемым требованием к профессии, «внутрицеховым» критерием, по которому результат труда журналиста ранжируется во мнении коллег. Именно творческая состоятельность профессионала, его самоидентификация, оказались под давлением наступающих нейросетей (Кемарская, 2024; Уразова, 2023).

Машинное участие в интеллектуальной деятельности связано с регулируемой алгоритмизацией творческих процессов, что можно понимать и как соавторство особого рода. Но соавторство как предмет научной рефлексии рассматривается в основном в юридическом ключе, в плане юридических аспектов авторских прав. Применительно к ИИ основная правовая норма сводится к тому, что «согласно действующему российскому законодательству ИИ не может иметь правосубъектность, так как не подходит под необходимые для этого критерии, а именно: наличие правоспособности, дееспособности и деликтоспособности» (Григаревичус, 2025, с. 80). Понятие ИИ закреплено в Указе Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 и Федеральном законе от 24.04.2020 № 123-ФЗ, где ИИ определяется как комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека: автором признается тот, кто использует ИИ, и право авторства возникает у креатора-пользователя в том случае, если его деятельность по формулированию запроса (промта) носит творческий характер.

Однако коллегиальное творчество с участием ИИ уже обретает в ходе практики юридические нормы. В качестве прецедента нового типа аналитики приводят решение Народного суда округа Наньшань (КНР) от 25.11.2019 об удовлетворении иска о признании авторских прав программы Dreamwriter на статью, сгенерированную, по мнению суда, в соответствии с критериями литературного произведения: осознанного подбора информации, анализа, логики и оригинальности (Потапенко, 2025).

С учетом этой преамбулы рассмотрим модель трех вариантов рабочих связей медиаспециалиста с ИИ.

Ситуация первая: ИИ – «раб», инструмент, полностью подчиненный человеку. Природа этого обличья ИИ больше других проанализирована теоретиками, поскольку появление «умных колонок», чат-ботов и самонастраивающихся поисковых систем уже изменило поведенческие ритуалы значительного числа людей, связанных с производством и потреблением медиапродуктов. Одним из основных преимуществ автоматизации постулировалась способность машинных алгоритмов выполнять рутинные задачи: сбор, сортировку и первоначальный анализ данных. «Первые создатели того, что они сами –

¹ См.: Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 23.07.2025) «О средствах массовой информации». Статья 47.

и мы вслед за ними – именуем „искусственным интеллектом“, ставили себе цель „догнать и перегнать“, воспроизвести и превзойти человеческие способности. <...> Роль ИИ может рассматриваться как роль Геракла, призванного на перебор накопляемого содержимого виртуального пространства. Но одновременно Геракл – ИИ – должен искать в нем жемчужные зерна. И когда зерна найдены, он обязан предъявить их хозяину» (Резаев, Трегубова, 2024, с. 110).

Общение с «умными» гаджетами-помощниками уже дало примеры смены привычных социальных практик, когда вместо того, чтобы «гуглить» или искать в Яндексе, пользователь переадресовывает вопрос смарт-девайсу. В качестве примера можно привести один из мемов, промелькнувший в Сети: *Печальный молодой человек спрашивает «умную колонку»: «Сири, скажи, почему у меня не складываются отношения с женщинами?..» А стоящий на столе прибор мстительно поправляет его: «Я – Алиса!»*.

Этой зарисовкой можно проиллюстрировать сразу четыре момента, осложняющие контакт с ИИ как с заведомо подчиненным: а) девайс «не понял» вопроса и ответил не на тот, что поставил пользователь, а на другой, более легкий; б) девайс заслужил у хозяина репутацию «доверенного лица», который мог бы адекватно вести диалог, не связанный с алгоритмическим поиском и перебором информации; в) девайс воспринимается как гендерно определенный субъект взаимодействия, антропологизируется в женском облике; г) девайс отождествляется с прислугой, к которой обращаются на «ты», но при этом ждут от нее эмоциональной реакции и осмысленного совета.

Результатом становится нарушение процесса обмена информацией, воспринимающееся как юмористическая ситуация (на взгляд стороннего наблюдателя, пользователя Сети). Но данный мем параллельно тестирует сетевого коммуниканта на социальную адекватность (по принципу: «свой – чужой»): читатель старшего поколения может не понять юмора, если он не знает имен смарт-колонок (Siri, Alexa, Алиса, Маруся и т.д.).

Разведывательные исследования коммуникативных сбоек в человеко-машинных взаимодействиях затрагивают уровень антропологизации ИИ, демонстрируя проблемы адаптации психики человека к восприятию помощи, предоставляемой ему машиной. Обращение на «ты» встроено в алгоритм ответов «умной колонки», но данная норма вежливости сама по себе таит расчет на определенный уровень власти запрашивающего помощь, аналогично ситуации общения с ребенком или со слугой. И часть пользователей принимает такую позицию: «Отношение к устройству достаточно утилитарное, коммуникация с ним подчинена логике определенных команд, благодарность за совершенное действие не естественна» (Ушкин и др., 2022, с. 370–371). То, что легко исправляется в обычном межличностном общении, вызывает напряжение во взаимодействии с ИИ.

Специфика работы в креативных индустриях, разительно поменявшаяся в сторону интенсификации одних видов деятельности и элиминации других, подпитывает поколенческий разлом, что выразилось в условном делении «хозяев» ИИ на «цифровых иммигрантов» (*digital immigrants*) и «цифровых абор-

ригенов» (*digital natives*). Интенсификация креативной деятельности обнуляет эффективные прежде навыки до-цифрового журналиста и больно бьет по его самооценке. Сам способ работы с ИИ предполагает постоянную погруженность в цифровую среду, а не старт-стопное обращение к ней: «Современные художники в полной мере используют визуальную систему восприятия информации и обладают клиповым мышлением. <...> Они прагматики, и информация нужна им для контроля над ситуацией. Парадокс: они так технологичны, что могут довести себя до эмоциональной нестабильности. Трудно представить, что они могут оставить где-нибудь свои гаджеты, но, если такое случится, будут чувствовать себя беспомощными» (Волкова, Лазутова, 2020, с. 70).

Продуктивно осваивать управление ИИ мешает и «петля обратной связи», означающая, что «поведение машины не задается оператором как раз и навсегда данное, неизменное. Оно может корректировать само себя» (Шомова, Качкаева, 2024, с. 9). Конфликтная ситуация вызревает из парадокса технологических принципов работы ИИ: относительно простые, подконтрольные человеку и доступные для понимания алгоритмы («слуги») не способны учесть всего многообразия элементов, влияющих на решение. Если же ИИ обучается анализировать большое количество факторов, его алгоритмы становятся «непрозрачными» (Сычев, 2023).

«Непрозрачный» алгоритм может генерировать так называемые «пузыри фильтров». Это еще один не отрефлексируемый в полной мере момент общения человека с внешне подчиненным ему ИИ. Обучаясь на исправляемых ошибках и работая все лучше, «раб» способен подспудно облегчать себе работу, выстраивая некую замкнутую «метавселенную» для одного человека, то есть подавая «хозяину» под видом объективно отобранной информации то, что тот хочет видеть и слышать. Возникает «эффект шкафа с зеркалами внутри». Контентный поиск, необходимый при любой креативной деятельности, обрывает уточняющимися ограничениями. Возникает риск подмены коммуникации между людьми диалогом пользователя со своим «цифровым двойником», размывания границ между реальностью и виртуальными конструктами. Конечно, ИИ пройдет первичный этап обработки эмпирического материала быстрее человека. Однако сворачивание этапа осмысленного отбора меняет расклад выборки: «Если при самостоятельном поиске человек анализирует разные ценностные позиции, то опора на ИИ ведет к тому, что он даже не будет знать о существовании альтернативных мнений» (Сычев, 2023, с. 43).

Ситуация вторая: ИИ – «сюзерен», главный в творческой связке. Возвращаясь к идее сотворчества человека и ИИ, следует обратить внимание на то, как меняется заявленное в начале статьи прежде устойчивое понимание креативности – способа генерировать что-то новое на базе уже существующего, врожденная способность человека *придумывать*. «Креативность не есть занятия определенными видами деятельности, – писал А. Маслоу. – Это аспект практически любого поведения, перцептивного или эмоционального, волевого, когнитивного или экспрессивного» (1999, с. 79).

Главной мыслью, пронизывающей последние работы Маслоу, была идея высвобождения высших возможностей человека. Ему принадлежат определения двух видов человеческой креативности: «первичной», которую он называл фазой вдохновения, вспышкой импровизации, озарением гения, и «вторичной», которую он постулировал как «фазу разработки», «дисциплину художника», способность нетворческих людей творить и совершать открытия, «стоя на плечах предшественников» (Маслоу, 1999). По сути дела, развитие ИИ открывает перед креаторами возможность проявить себя в «первичной» креативности, поскольку «вторичная» перекладывается на плечи машины.

Но в этом перераспределении задач заложен серьезный конфликт. Для ИИ переконпоновка уже существующего с достижением обновленного результата представляет собой «особый раздел задач технического характера». Алгоритмы берут на себя задачи «фазы разработки», с одной стороны, помогая человеку, а с другой – лишая его наслаждения и самозабвенности «вторичной креативности» как состояния души. «Человек всегда считал творческую способность аргументом в пользу своей исключительности. Тем более неожиданным оказалось его поражение от машины на том поле, где он никогда не видел для себя конкуренции» (Сычев, 2023, с. 53).

Журналистика стала одной из первых площадок, на которых ИИ проявил себя как соперник специалисту-человеку. Исследователи еще совсем недавно усматривали основные источники угроз профессии журналиста в лавинообразно растущих объемах информации; обилии недостоверных сообщений; появлении конкурентов в виде «армии» блогеров. Однако довольно быстро обнаружилось, что уверенное владение интернет-технологиями отнюдь не гарантирует успешного вхождения в профессию в условиях новой (цифровой) реальности (Гаврилов, 2022; Шафир, Токарский, 2025). Ситуация еще раз кардинально изменилась с появлением нейросетей в открытом доступе. С систематизацией крупных объемов информации ИИ справляется лучше журналиста. То, что неподъемно для человека, для генеративного интеллекта представляет собой очередной «мешок больших данных», подлежащих переборке, сортировке, распознаванию: «Большие данные позволяют заметить тенденции, неотслеживаемые во фрагментированном поле внимания „малого“ субъекта-исследователя» (Глаголев, Силантьева, 2024, с. 82). Даже словарь русского языка в его дополнениях и разъяснениях для ИИ – только конечный набор сообщений, подлежащих, возможно, новому упорядочиванию и диверсифицированной систематизации.

Одно из основных направлений современных исследований касается так называемых «галлюцинаций ИИ». Данный вопрос все больше переходит из плоскости констатации «ошибок», «машинного фантазирования» в плоскость «грамматического разрыва», при котором машиной нарушаются фундаментальные принципы, лежащие в основе человеческого осмысленного использования лексического языка. Этот фундаментальный разрыв в интерпретации лингвистических законов уже исследуется в качестве нового дискурса, чреватого неожиданными выводами исследователей: в итоге наиболее надежными

системами ИИ могут оказаться не те, которые выдают, казалось бы, идеальные результаты, а те, которые действуют в собственных границах новой достоверности знаний (Ariso, Bannister, 2025).

Положение ИИ как «хозяина» может провоцировать и моральные эксцессы. В качестве примера возможна ситуация с ИИ в роли водителя автомобиля. Если машина оказывается перед угрозой катастрофы, кого будет спасать виртуальный шофер – пассажира, пешехода на дороге, автомобиль?.. На место пешехода можно подставить ребенка, на место пассажира – беременную женщину. Количество выборов огромно: «Ни понять их, ни проконтролировать работу алгоритмов ИИ невозможно: они представляют собой черный ящик. Фактически жизнь человека ставится в зависимость от решений ИИ, базовые основания для формирования которых (пути от конкретных норм до общих принципов) не могут быть прослежены» (Сычев, 2023, с. 68).

Неизбежно всплывает в голове фантастический роман Дэна Брауна «Происхождение», главный герой которого убеждается в том, что в программу нейросетей должны быть вписаны заповеди типа «не убий». На что его виртуальный антагонист отвечает, что «люди тоже учатся не на заповедях, а на примерах»². Уверенное превосходство ИИ в области компиляции возможных решений ставит под сомнение приоритет творческой состоятельности человека: «Массовизация инструментов генеративного ИИ, по-видимому, запустила трансформацию самой системы креативности и наших представлений о человеке как единственно возможном творце и авторе» (Кушкин, Тимофеева, 2024, с. 81).

«Непрозрачность» работы ИИ, признание его внезапного необъяснимого главенства в генерации современного медийного контента заставляет исследователей возвращаться назад, погружаться в медиаархеологию, с фокусом не на результат, а на *предпосылки* смены технологий. В таком ракурсе сами медиа рассматриваются не как хронологи фактов, а как самостоятельные «системы отсчета». Китайские ученые, например, выдвинули гипотезу о том, что «галлюцинации ИИ» не есть технический сбой; возможно, что это новые медийные практики, продолжающие логику развития более ранних медиа, таких как письмо и печать. Аналогично телескопу, бросившему вызов «объясняющему» авторитету теологии, цифровые инновации последовательно меняют привычное структурирование границ культурной «реальности», игнорируя при этом человеческие тревоги по поводу размывания исконных когнитивных привилегий *homo sapiens* (Liu, Meng, 2025).

Ситуация третья: ИИ – «коллега», равноправный участник группового медиапроизводства. Вопрос вроде бы не существенный, но важный: а как выглядит новый творческий «визави» в представлении человека? Он может быть реальным роботом, умной колонкой или другим осязаемым агрегатом. Но может оказаться и виртуальным его двойником, то есть цифровой копией самого журналиста или существующего цифрового организма. Если ИИ способен создавать цифровые проекции человека, копирующие оригинал, то

² См.: Браун Д. Происхождение / пер. с англ. И. Болычева, М. Литвиновой-Комненич. М. : АСТ, 2018. С. 561.

возникает вопрос о достоверности копирования. И автор-человек, и автор-ИИ могут создать себе аватары и контактировать от их имени (если, конечно, это понадобится). Такая коммуникация уже происходит в соцсетях. Можно спрогнозировать ряд раздражений, которые будут вызывать у человека-автора слишком антропологизированные виртуальные образы или, наоборот, невозможность увидеть коллегу и даже вообразить его. Опустим здесь эффекты «зловещей долины» (Mori, 2012) и другие категории рисков, в том числе экзистенциальных (Sebestyén, 2025).

Медиапрактика выводит на первый план проблемы «промт-инжиниринга», адекватного формулирования заданий, «разделения авторского авторитета» (Комарова, 2025). Человеческий опыт и креативность продолжают задавать тон во взаимодействии с генеративным ИИ, но алгоритмы постепенно обретают свойства «этикополитических существ», которые сами начинают определять границы «хорошего» и «плохого», используя «теневые баны», отдавая предпочтение одним свойствам и «отменяя» другие, опираясь при этом на обучаемые рекомендательные алгоритмы с системой обратной связи (Спиваков, 2021), учитывающие предпочтения как соавторов, так и аудитории.

Процессы изучения аудитории, происходящие без осознанного участия людей (создателей медиапродукта и его потребителей), окрашиваются так называемой «алгоритмической дискриминацией», которая проявляется не только в виде негативных эффектов типа «эхо-камер» и «пузырей фильтров», но также в виде сужения разнообразия контента, а в конечном итоге в форме профессиональной деформации самих журналистов (Тихонюк, 2024).

Сегодня новое понимание *результативности* общей работы медиаспециалиста и его алгоритмизированного «коллеги» остается одной из главных проблем. Исследователь, привыкший к гегемонии в достижении результата, сталкивается с перераспределением степени участия, авторитета и власти. Параллельно ИИ берет на себя функции «привратника», определяющего, какая информация поступает к аудитории, в какой форме и с какой степенью значимости (Arakhamia, Gersamia, 2025).

Поиск возможностей для плодотворного сотрудничества с ИИ остается пространством для ИИ-позитивистов, исповедующих *цифровой коллаборационизм*. Первопроходцем в направлении «разделенного авторского авторитета» считается Майкл Фриш (Michael H. Frisch), историк-архивист, доказывающий, что цифровые технологии, изменяя порядок электронной науки, заставляют гуманитариев менять способы репрезентации данных и их создания. Системные постулаты его методов активно продвигаются его последователями, в том числе и в России (Орлова, 2016). В результате понимание авторства контента меняется вместе с пониманием понятия «контент»: в оборот эмпирических материалов включаются промежуточные массивы данных, в своей первооснове исчезавшие в ходе создания финального текста (фиксированные наработки корреспондента, сценариста, редактора). В цифровой медиаиндустрии они перестают «исчезать», сохраняются в цифровых архивах и доступны для обработки с помощью ИИ снова и снова. Анализ проблем, возникающих

во время создания и потребления обширного цифрового продукта, упирается в адекватное разделение труда между людьми и машинными алгоритмами: «Продолжая намеченную Фришем линию, мы намерены проблематизировать саму возможность использования концепта авторства в отношении исследовательских материалов, характеризующихся сложной композицией соучастия и множественными вкладами» (Орлова, 2016, с. 212).

Заключение

Находясь в зоне турбулентности, сложно определить границы трансформации старых и возникновения новых социальных практик, связанных с деятельностью медиакреаторов, естественных и искусственных. Обилие используемых «закавыченных» понятий говорит об интенсивности и незавершенности попыток фиксировать происходящие изменения. Но незавершенность служит триггером развития. «Сегодня ни к чему готовить кучеров», – писал в 1970-х Маслоу. Спустя полвека в зоне риска исчезновения оказались медийные профессии. Перспективы их цифрового преобразования, как и новое понимание креативности, остаются открытым вопросом. Трехкомпонентная метафорическая концептуальная модель коммуникации медиапрофессионала с ИИ по схеме «*раб – созерен – коллега*» демонстрирует динамичный абрис контактов человека и машины, обнажая противоречивую сущность их холистических связей.

Список литературы

- Волкова И.И., Лазутова Н.М. Медиапоколения цифровой цивилизации: медиахронотоп, архетипы и ценностные доминанты // Медиакommunikации и интернет-маркетинг в условиях цифровой цивилизации : монография / под ред. Л.П. Шестеркиной, Л.К. Лободенко. Челябинск : ЮУрГУ, 2020. С. 55–80. EDN: PVCRAI
- Гаврилов В.В. К вопросу о развитии специальных компетенций студентов-журналистов в цифровую эпоху // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 1(76). С. 19–28. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2022.76.1.002>
- Глаголев В.С., Силантьева М.В. Проблема категоризации творчества в методологической призме «антропологии данных»: кейс ChatGPT // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2024. № 1. С. 78–97. https://doi.org/10.35231/18186653_2024_1_78
- Григаревичюс А.Р. Правовая ответственность за действия искусственного интеллекта // Оригинальные исследования. 2025. Т. 15. № 8. С. 78–82.
- Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб. : Питер, 2009. 444 с.
- Кемарская И.Н. Проблемы развития креативных компетенций в области медиаобразования // Образовательное пространство в информационную эпоху (ЕЕИА-2024) : сб. науч. трудов Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 1 июля 2024 г. / под ред. И.М. Елкиной. М. : Российская академия образования, 2024. С. 186–192. EDN: MKQIFE
- Комарова Е.В. Выбор промта для больших языковых моделей: деловые коммуникации // Филология и культура. 2025. № 1(79). С. 66–74. <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2025-79-1-66-74> EDN: VLSMFD
- Кушкин Н.А., Тимофеева О.А. Соавтор, помощник, муза, инструмент: как студенты, преподаватели и представители креативных индустрий видят роль ИИ в своих практиках // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 5. С. 60–84. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.5.2604>

- Малькова Л.Ю.* О противоречиях в осмыслении аудиовизуальных СМИ // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2016. № 1. С. 116–126.
- Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы / под общ. ред. Г.А. Балла ; пер. с англ. Г.А. Балл, А.П. Попогребский. М. : Смысл, 1999. 425 с.
- Орлова Г.А.* Со-авторизация, но не соавторство: приключения транскрипта в цифровую эпоху // Шаги. 2016. Т. 2. № 1. С. 200–223. EDN: XАНQCB
- Паризи Л.* Инструментальный разум, алгоритмический капитализм и неисчислимое / под ред. Э. Серджана ; пер. с англ. Д. Шалагинова // Новое литературное обозрение. 2019. № 4. С. 169–181.
- Потапенко С.В.* Авторское право на произведения, созданные с использованием искусственного интеллекта // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2025. Т. 11. № 2. С. 578–586. EDN: TUAYSS
- Резаев А.В., Трегубова Н.Д.* Блеск и нищета теории коммуникации в эпоху искусственной социальности (размышляя о книге Елены Эспозито “Artificial Communication: How Algorithms Produce Social Intelligence”) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2024. Т. 49. № 4. С. 107–119. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.4.2024.107119> EDN: XBUZHI
- Спиваков М.В.* Алгоритмический режим зрелища // Международный журнал исследований культуры. 2021. № 2(43). С. 102–114. https://doi.org/10.52173/2079-1100_2021_2_102 EDN: GRRZKQ
- Сычев А.А.* В поисках надежности: трансформация доверия в эпоху цифровых технологий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 5(183). С. 37–59. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.5.2595> EDN: FWTVEU
- Сычев А.А.* Ценность доверия в эпоху искусственного интеллекта и новой этики: проблемы и вызовы // Социальные нормы и практики. 2023. № 3(9). С. 64–78. <https://doi.org/10.24412/2713-1033-2023-3-64-78> EDN: HAGKEU
- Тихонюк А.А.* Искусственный интеллект и масс-медиа: негативные аспекты алгоритмов персонализации контента // Коммуникология. 2024. Т. 12. № 3. С. 43–60. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2024-12-3-43-60>
- Уразова С.Л.* Нейромедиа как новый формат образов цифровой реальности // Вестник ВГИК. 2023. Т. 15. № 3(57). С. 140–150. EDN: DOXVEQ
- Ушкин С.Г., Коваль Е.А., Яськин А.Н.* Жить с Алисой: как голосовые помощники трансформируют практики коммуникации? // Журнал исследований социальной политики. 2022. № 3. С. 361–376. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-3-361-376>
- Шафир Т.В., Токарский Д.Е.* Интеграция искусственного интеллекта в процессы создания медиаконтента // Вопросы медиабизнеса. 2025. Т. 4. № 2. С. 71–81. <https://doi.org/10.24412/3034-1930-2025-0190>
- Шомова С.А., Качкаева А.Г.* Между очарованием и испугом: диалог с «другим». Опыт анализа практик использования ИИ в профессиональной и повседневной жизни // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 5. С. 3–17. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.5.2766> EDN: YVQHAI
- Arakhamia M., Gersamia M.* Invisible editors: impact of AI on media content quality and trust // Georgian Scientists. 2025. Vol. 7. No. 4. P. 409–421. <https://doi.org/10.52340/g.s.2025.07.04.21>
- Ariso J.M., Bannister P.* ‘AI lost the prompt!’ Replacing ‘AI hallucination’ to distinguish between mere errors and irregularities // AI & Society: Journal of Knowledge, Culture and Communication. 2025. <https://doi.org/10.1007/s00146-025-02757-1>
- Liu X., Meng Y.* An analysis on AI hallucination from the perspective of media archaeology // Communications in Humanities Research. 2025. Vol. 96. P. 1–14. <https://doi.org/10.54254/2753-7064/2025.BJ29177>

- Mori M. The Uncanny Valley: the original essay by Masahiro Mori / Trans. by K.F. MacDorman, N. Kageki // *IEEE Robotics & Automation Magazine*. 2012. No. 6. <https://spectrum.ieee.org/the-uncanny-valley>
- Sebestyén M. Focal points and blind spots of human-centered AI: AI risks in written online media // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2025. No. 12. Article 564. <https://doi.org/10.1057/s41599-025-04814-y>

References

- Arakhamia, M., & Gersamia, M. (2025). Invisible editors: impact of AI on media content quality and trust. *Georgian Scientists*, 7(4), 409–421. <https://doi.org/10.52340/gi.2025.07.04.21>
- Ariso, J.M., & Bannister, P. (2025). ‘AI lost the prompt!’ Replacing AI hallucination’ to distinguish between mere errors and irregularities. *AI & Society: Journal of Knowledge, Culture and Communication*. <https://doi.org/10.1007/s00146-025-02757-1>
- Gavrilov, V.V. (2022). On the issue of the development of special competencies of university journalism students in the digital age. *Surgut State Pedagogical University Bulletin*, (1), 19–28. (In Russ.) <https://doi.org/10.26105/SSPU.2022.76.1.002>
- Glagolev, V.S., & Silantieva, M.V. (2024). The problem of categorization of creativity through the prism of data anthropology: the case of ChatGPT. *Pushkin Leningrad State University Journal*, (1), 78–97. (In Russ.) https://doi.org/10.35231/18186653_2024_1_78
- Grigarevichus, A.R. (2025). Legal liability for the actions of artificial intelligence. *Original Research*, 15(8), 78–82. (In Russ.)
- Ilyin, E.P. (2009). *Psychology of Creativity, Creativity, and Giftedness*. Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Kemarskaya, I.N. (2024). Problems of developing creative competencies in the field of media education. In I.M. Elkina (Ed.), *Education Environment for the Information Age, International Conference, July 1, 2024, Moscow* (pp. 186–192). Russian Academy of Education. (In Russ.) EDN: MKQIFE
- Komarova, E.V. (2025). Prompt choice for large language models: business communications. *Philology and Culture*, (1), 66–74. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2025-79-1-66-74> EDN: VLMSFD
- Kushkin, N.A., & Timofeyeva, O.A. (2024). Co-author, assistant, muse, tool: how students, teachers and creative workers see the role of AI in their practices. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (5), 60–84. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.y5.2604>
- Liu, X., & Meng, Y. (2025). An analysis on AI hallucination from the perspective of media archaeology. *Communications in Humanities Research*, 96, 1–14. <https://doi.org/10.54254/2753-7064/2025.BJ29177>
- Malkova, L.Yu. (2016). Contradictions in comprehension of audiovisual mass media. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, (1), 116–126. (In Russ.)
- Maslow, A. (1975). *The Farther Reaches of Human Nature*. Viking Press.
- Mori, M. (2012). The Uncanny Valley: the original essay by Masahiro Mori (K.F. MacDorman, & N. Kageki, Trans.). *IEEE Robotics & Automation Magazine*, (6). <https://spectrum.ieee.org/the-uncanny-valley>
- Orlova, G.A. (2016). Co-authorization, not co-authorship: the adventures of transcript in the digital age. *Steps*, 2(1), 200–223. (In Russ.) EDN: XAHQCB
- Parisi, L. (2019). Instrumental reason, algorithmic capitalism, and the incomputable (E. Serzhan, Ed., D. Shalaginov, Trans.). *New Literary Review*, (4), 169–181. (In Russ.)
- Potapenko, S.V. (2025). Copyright for works created using artificial intelligence. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*, 11(2), 578–586. (In Russ.) EDN: TUAYSS

- Rezaev, A.V., & Tregubova, N.D. (2024). Glory and misery of communication theory at the age of artificial sociality (reflecting on Elena Esposito's book "Artificial Communication: How Algorithms Produce Social Intelligence"). *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 49(4), 107–119. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.4.2024.107119> EDN: XBUZHI
- Sebestyén, M. (2025). Focal points and blind spots of human-centered AI: AI risks in written online media. *Humanities and Social Sciences Communications*, (12), 564. <https://doi.org/10.1057/s41599-025-04814-y>
- Shafir, T.V., & Tokarskiy, D.E. (2025). Integration of artificial intelligence in the process of creating media content. *Issues of Media Business*, 4(2), 71–81. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/3034-1930-2025-0190>
- Shomova, S.A., & Kachkaeva, A.G. (2024). Between Charm and Fright: Dialogue with the "Other". An Analysis of AI Practices in Professional and Everyday Life. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (5), 3–17. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.5.2766> EDN: YVQHAI
- Spivakov, M.V. (2021). Algorithmic regime of the spectacle. *International Journal of Cultural Recherche*, (2), 102–114. (In Russ.) https://doi.org/10.52173/2079-1100_2021_2_102 EDN: GRRZKQ
- Sychev, A.A. (2024). Looking for confidence: transformation of trust in the digital age. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (5), 37–59. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.5.2595> EDN: FWTVEU
- Sychev, A.A. (2023). The value of trust in the era of artificial intelligence and new ethics: problems and challenges. *Social Norms and Practices*, (3), 64–78. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2713-1033-2023-3-64-78> EDN: HAGKEU
- Tikhoniuk, A.A. (2024). Artificial intelligence and mass media: negative aspects of content personalization algorithms. *Communicology*, 12(3), 43–60. (In Russ.) <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2024-12-3-43-60>
- Urazova, S.L. (2023). Neuromedia as a new format of digital reality images. *Vestnik VGIK*, 15(3), 140–150. (In Russ.) EDN: DOXVEQ
- Ushkin, S.G., Koval, E.A., & Yaskin, A.N. (2022). Living with Alice: How do voice assistants transform communication practices? *The Journal of Social Policy Studies*, 20(3), 361–376. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/727-0634-2022-20-3-361-376>
- Volkova, I.I., & Lazutova, N.M. (2020). Media generations of digital civilization: media chronotope, archetypes and value dominants. In L.P. Shesterkina, & L.K. Lobodenko (Eds.), *Digital Civilization. Media Communications. Internet Marketing* (pp. 55–80). South Ural State University Publ. (In Russ.) EDN: PVCPAI

Сведения об авторе:

Кемарская Ирина Николаевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского сектора, Академия медиаиндустрии, Российская Федерация, 127521, Москва, ул. Октябрьская, д. 105, корп. 2. ORCID: 0000-0001-7593-8042; SPIN-код: 7827-5046. E-mail: kemarskaya2011@yandex.ru

Bio note:

Irina N. Kemarskaya, PhD in Philology, Leading Researcher of the Research Sector, Academy of Media Industry, 105 Oktyabrskaya St, bldg 2, Moscow, 127521, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-7593-8042; SPIN-code: 7827-5046. E-mail: kemarskaya2011@yandex.ru

ОБЗОРЫ
REVIEWS

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-1-265-276

EDN: TXFUFZ

УДК 81-139

Обзорная статья / Review

**Анализ тональности в исследованиях
массовой коммуникации: систематический обзор
методов и направлений**

А.В. Козлова

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация*
✉ anastasia_kozlova94@mail.ru

Аннотация. Представлен аналитический обзор современных зарубежных исследований, применяющих методы компьютерной лингвистики для изучения массовой коммуникации. Основное внимание уделяется методологии анализа тональности как ключевого инструмента измерения коммуникативного воздействия. На основе репрезентативного корпуса публикаций за последние пять лет систематизированы четыре ключевых тематических направления: анализ реакций на глобальные события (пандемия, военные конфликты), изучение механизмов медиавоздействия, исследование языка вражды и дискриминации, а также измерение суггестивного влияния в политической и социальной коммуникации. Особое внимание уделено сравнительному анализу методов – от традиционных лексических подходов (VADER, LIWC) до современных архитектур на основе трансформеров (BERT). Проведенный анализ выявил устойчивый методологический разрыв между техническим совершенством алгоритмов и глубиной их социогуманитарной интерпретации. Обсуждаются актуальные проблемы области, включая системные смещения в языковых моделях и ограничения автоматического анализа для изучения сложных форм коммуникативного воздействия. Намечаются перспективы развития междисциплинарного подхода, сочетающего компьютерную лингвистику с теориями медиа и коммуникации.

Ключевые слова: большие данные, средства массовой информации, коммуникация, обработка естественного языка, коммуникативное воздействие, алгоритмическое смещение

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 16 июня 2025 г.; отрецензирована 31 августа 2025 г.; принята к публикации 28 октября 2025 г.

© Козлова А.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Козлова А.В. Анализ тональности в исследованиях массовой коммуникации: систематический обзор методов и направлений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 1. С. 265–276. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-265-276> EDN: TXFUFZ

Sentiment Analysis in Mass Communication Research: A Systematic Review of Methods and Approaches

Anastasia V. Kozlova

Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

✉ anastasia_kozlova94@mail.ru

Abstract. An analytical review of contemporary international research applying computational linguistics methods to the study of mass communication is presented. Particular focus is placed on sentiment analysis methodology as a key tool for measuring communicative influence. Based on a representative corpus of publications from the last five years, four key thematic areas are systematized: the analysis of reactions to global events (pandemics, military conflicts), the study of media effects mechanisms, research on hate speech and discrimination, and the measurement of suggestive influence in political and social communication. Special attention is paid to the comparative analysis of methods – from traditional lexicon-based approaches (VADER, LIWC) to modern transformer-based architectures (BERT). The conducted analysis reveals a persistent methodological gap between the technical sophistication of the algorithms and the depth of their socio-humanitarian interpretation. Current challenges in the field are discussed, including systemic biases in language models and the limitations of automated analysis for studying complex forms of communicative influence. Prospects for developing an interdisciplinary approach that integrates computational linguistics with media and communication theories are outlined.

Keywords: big data, mass media, communication, natural language processing, communicative influence, algorithmic bias

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted June 16, 2025; revised August 31, 2025; accepted October 28, 2025.

For citation: Kozlova, A.V. (2026). Sentiment Analysis in Mass Communication Research: A Systematic Review of Methods and Approaches. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(1), 265–276. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-265-276> EDN: TXFUFZ

Введение

Цифровая трансформация медиа создает для исследователей новые методологические, этические и технологические вызовы, обусловленные в том числе и необходимостью анализа больших объемов информации. В настоящее время анализ цифровой коммуникации часто производится на материале больших данных (цифровых социальных платформ – социальных сетей, социальных медиа), содержащих миллионы текстов, которые не поддаются об-

работке традиционными методами. Такие *большие данные* характеризуются не только большими объемами неструктурированной или мало структурированной информации, но и динамичностью, разнообразием содержания. В такой ситуации для анализа текстовых данных исследователи обращаются к методам компьютерной лингвистики и обработки естественного языка.

Действительно, современные цифровые методы – как традиционные методы статистического моделирования, так и state-of-the-art алгоритмы машинного обучения – могут обеспечить высокий уровень точности при обработке и структурировании больших данных, но зачастую такой анализ не сопровождается адекватными средствами теоретического осмысления полученных результатов, что ведет к утрате целостного понимания исследуемых социальных процессов, выходящих за рамки сугубо количественных описаний. Цель статьи – проанализировать в зарубежных междисциплинарных исследованиях использование методов компьютерной лингвистики для изучения медиа и коммуникаций на основе больших массивов данных. В частности, рассматривается роль *анализа тональности текста* как инструмента для идентификации и изучения феноменов массовой коммуникации.

Для настоящего обзора был проведен отбор репрезентативных статей за 2020–2025 гг. в базах данных Scopus и Web of Science по следующим ключевым словам: sentiment analysis, computational linguistics, NLP, topic modelling, digital mass communication, social media analysis, social network analysis. Основным критерием отбора являлась их релевантность применению анализа тональности для изучения механизмов воздействия в медиадискурсе и социальных феноменов. В итоговую выборку вошли наиболее цитируемые и методологически показательные работы (25 публикаций).

Теоретическое обоснование

Среди основных направлений исследований массовой коммуникации, использующих sentiment-анализ (метод, направленный на определение эмоциональной окраски текста), тематическое моделирование (автоматическое определение тем в тексте) или иные методы компьютерной лингвистики, в первую очередь можно выделить анализ реакций на глобальные события, изучение механизмов воздействия, агрессии и языка вражды. Тематически эти стратегии анализа, как правило, локализованы в четырех областях.

1. *Изучение мировых событий*. Анализируются реакции и обсуждения значимых общественных событий, например Евровидения, Олимпиады, спортивных состязаний, международных конференций, Чемпионата мира по футболу (She et al., 2023). В этом контексте рассматриваются различные медийные феномены, в частности поляризации при обсуждении значимых социальных тем: вакцинации, пластической хирургии (Ramnarine, 2023). В связи с пандемией COVID-19 фиксировалась динамика общественного мнения об этой проблеме, вопросы мотивации и убеждений (Akhter, Kanojia, 2023; Buckman et al., 2020; Silva et al., 2023). Так, в исследовании (Akhter, Kanojia, 2023) с помощью

анализа тональности изучались эмоциональные реакции, выраженные в комментариях о пандемии и вакцинации (страх, гнев, осторожность и т.п.).

2. *Воздействие массмедиа на аудиторию.* Исследования массовой коммуникации с опорой на компьютерные лингвистические методы направлены на изучение механизмов воздействия в сфере массовой коммуникации, как правило новостных текстов (Kutuzov et al., 2020). Методы тематического моделирования используются для исследования тематической структуры новостных корпусов, изучения корреляций в темах и настроениях между новостями и реакциями читателей на них (Jiang, Everts, 2021). Изучается поведение акторов фондового рынка в зависимости от новостных поводов и их обсуждений в социальных сетях (Ge et al., 2020; Sinha et al., 2022).

3. *Агрессия, доминирование, язык вражды.* Изучается распространение вербальной агрессии в социальных сетях, проявления толерантности, дискриминации и фобий, профессиональных, гендерных, расовых стереотипов. К примеру, в работе (Shen et al., 2022) проанализировано 8 млрд постов на Reddit и 206 млн постов на 4chan с целью анализа истоков, эволюции и содержания синофобии. Распространены исследования, посвященные проявлениям антисемитизма и исламофобии (He et al., 2021; Risch, Krestel, 2020; Zannettou et al., 2020), дискриминации людей с ограниченными возможностями (Venkit et al., 2023), гендерной дискриминации (Bhaskaran, Bhallamudi, 2019). К примеру, в работе (Ramnarine, 2023) был использован лексический, синтаксический и сентимент-анализ, чтобы исследовать роль пола в персонализации широкого круга политических чиновников.

4. *Косвенное (суггестивное) воздействие массмедиа.* Анализ тональности текста находит применение в изучении предвыборных кампаний и речей (Sharma, Shekhar 2020), коммуникации для принятия муниципальных решений (Švaňa, 2023). В контексте таких исследований особое внимание уделяется лидерству. В работе (Mohapatra, Mohapatra, 2022), к примеру, методы обработки естественного языка использовались для изучения речей и настроений кандидатов от республиканцев и демократов, боровшихся за президентские выборы в США в 2020 г.

Количественный и качественный анализ также был применен к общественным обсуждениям российско-украинского конфликта 2022 г. в социальной сети «Твиттер» (Caprolu et al., 2022; Guerra, Karakuş, 2023; Thakkar et al., 2023). В исследовании (Caprolu et al., 2022) с помощью методов статистического и аспектного сентимент-анализа было проанализировано более чем 5,5 млн твитов по данной теме, созданных более чем 1,8 млн пользователей. Необходимо отметить, что для анализа тональности все еще не существует единого устоявшегося и предпочитаемого способа: эта область все еще развивается, и компьютерная лингвистика предлагает несколько подходов к анализу тональности, от выбора которых могут зависеть его результаты и качество.

Представленный обзор существующих направлений показывает широкий спектр применения анализа тональности, однако уже на этом этапе становится очевидным, что сложность социальных феноменов (например, суггестии) требует рефлексивного подхода к выбору исследовательских методов.

Материалы и методы

Сентимент-анализ, или анализ тональности (sentiment analysis), представляет собой подход к обработке естественного языка, в общем случае направленный на определение эмоционального тона текста (Лукашевич, 2022; Kazyulina et al., 2021). Этот метод позволяет определить и классифицировать мнение индивида/группы о продукте, услуге или какой-либо идее, определить настроение высказывания, наличие субъективной информации. Чаще всего в текстах выделяют положительную, отрицательную или нейтральную тональности. Этот метод успешно применяется для анализа онлайн-источников: социальных сетей, электронных писем, блогов, новостных статей, веб-чатов и т.д.

К примеру, в исследовании (Wright et al., 2022), посвященном изучению общественного мнения о пандемии COVID-19, было рассмотрено более 58 тыс. твитов и более 60 академических статей с целью выяснить, к каким поведенческим и эмоциональным изменениям привело распространение вируса, какие сентименты были выражены общественностью разных стран по отношению к пандемии, какие темы возникли и аргументы появились по сравнению с эпидемиями предыдущих лет. Анализ облака слов, согласно исследованию, выявил заметное несоответствие между эмоциями и опасениями людей во время кризиса COVID-19 и прошлых вспышек эпидемий (Эбола, Зика, ВИЧ, Денге, корь). Анализ тональности показал большое количество нейтральных, положительных и смешанных настроений, в то время как сугубо отрицательных оценок оказалось гораздо меньше. Авторы выявили высокую склонность к оптимистическим настроениям (о чем говорит большое количество твитов с нейтральными и смешанными настроениями и оценками) и поведенческий сдвиг от негативных настроений к оптимистическим. Была также проведена кластеризация пользователей «Твиттера» на основе выраженных ими сентиментов, эмоций и опасений, в результате которой было замечено, что группировка пользователей в целом соответствует ходу распространения COVID-19.

Можно выделить несколько видов сентимент-анализа. Так называемый детальный сентимент-анализ (fine-grained) предполагает разбиение тональности на более точные категории: крайне негативная, негативная, нейтральная, позитивная, крайне позитивная. Следующий тип предполагает определение эмоций, а не тональности: удовлетворение, разочарование, гнев, радость, печаль и т.д. Анализ, основанный на намерениях (intent-based), помимо собственно сентимента, также распознает намерения автора.

Часто применяется аспектный анализ тональности (aspect-based sentiment analysis), когда требуется определить тональность по отношению к определенному аспекту объекта, о котором говорится в тексте. Например, можно привести случаи в задаче изучения общественного мнения о вакцинации, когда авторы комментариев или постов выражали в общем положительную

тональность по отношению к вакцинации, но негативно высказывались об организации/точках проведения самой процедуры или конкретных видах вакцины (Buckman et al., 2020). При таком варианте анализа требуется не только определить тональность, но и выделить объекты и аспекты – для этого часто применяются методы классификации токенов для выделения именованных сущностей.

Существуют три группы подходов к анализу тональности текстов: подходы, основанные на правилах; использующие модели машинного обучения; гибридные решения.

Правиловый (rule-based) подход опирается на словари тональности и оценочной лексики и синтаксический анализ. В общем случае по определенным правилам подсчитывается количество положительных и отрицательных слов в тексте или предложении. Также используется система правил для учета влияния модификаторов, отрицания и маркеров ирреального наклонения. Очевидно, что составить исчерпывающий набор правил достаточно сложно, поэтому такой подход часто не достигает желаемого качества. С другой стороны, такие подходы быстро работают, не требуют больших корпусов и обучения, хорошо интерпретируемы, в отличие от нейронных сетей (Kotelnikova et al., 2021). Среди наиболее часто используемых словарей можно назвать SentiStrength, VADER, Pattern, TextBlob, SentiWordNet, Opinion Finder (Elbagir, Yang, 2019).

Результаты и обсуждение

Подход, основанный на словарях и частотности слов, использовался в исследовании феномена «кэнселинг» в социальных сетях (Maryn, Dover, 2023). Рассматривался кэнселинг («культура отмены», публичное высмеивание, осуждение, игнорирование), направленный на лиц, обвиняемых в гендерном насилии. Было выяснено, что не все предполагаемые виновники гендерного насилия оцениваются пользователями «Твиттера» одинаково, то есть «кэнселинг» может быть неравномерным, а реакции и оценки, связанные с ним, – более неоднозначными и временными. Авторы использовали правилый инструмент для сентимент анализа LIWC на более чем 182 тыс. твитов об обвинениях о 120 случаях гендерного насилия. Они изучали в том числе и изменения в дискуссиях о предполагаемых виновниках гендерного насилия с течением времени и выяснили, что сентимент обсуждений будет различаться в зависимости от характеристик обвинителя (возраст) и обвиняемого (раса, известность). Например, твиты о предполагаемых виновниках со временем стали содержать больше положительного сентимента, сообщения, обсуждающие предполагаемых чернокожих (по сравнению с белыми) преступников, были менее позитивными, в то время как твиты, обсуждающие предполагаемых цветных преступников (по сравнению с белыми), не принадлежащих к чернокожим, были более позитивными. Известные личности обсуждались с более высоким уровнем как положительных, так и отрицательных эмоций (по сравнению с обычными людьми или лицами, не известными авторам твита).

В статье (Silva et al., 2023) изучается, как ведутся дискуссии о вакцинации на дискуссионном форуме Mumsnet, британского веб-сайта, предназначенного для родителей, с применением сетевого анализа и анализа тональности текста, в том числе в диахронии. Результаты данного исследования обращаются, в частности, к понятию нонконформности при обсуждении вакцинации. Исследователи использовали подход, основанный на словарях оценочной лексики и правилах их сочетания – анализатор VADER, классифицируя каждый пост на платформе в трех вариантах: подсчет сентимента для всего текста в целом; для каждого предложения текста; для каждого предложения, в котором содержатся ключевые слова, относящиеся к вакцинации. Авторы изучили, насколько пользователи склонны оставлять посты в тредах с разным типом сентимента, и рассматривали такое поведение как признак того, что информация передается между обсуждениями с разными сентиментами. Нейтральный сентимент был наиболее частотным (как правило, это общие вопросы о вакцинации), за ним – негативный (обсуждение негативных последствий, тревоги, связанные с вакцинацией и пандемией).

Подходы к анализу тональности, использующие машинное обучение с учителем, являются, пожалуй, самыми распространенными на данный момент в индустрии и менее распространенными – в социальных исследованиях. Это связано в первую очередь с проблемой интерпретируемости моделей машинного обучения: часто такие модели представляют собой своего рода черный ящик и не всегда можно однозначно объяснить, как было получено то или иное решение.

Для классификации текстов по тональности используются как классические алгоритмы (метод опорных векторов или метод случайного леса), так и глубокое обучение (рекуррентные нейронные сети, сети долгой краткосрочной памяти). В данный момент на передний край вышли модели машинного обучения на основе архитектуры – трансформеры.

Трансформер – это относительно новая архитектура, способная решать задачи анализа последовательностей (текстов), при этом легко обрабатывающая зависимости на больших расстояниях. Вычисление представлений в такой архитектуре происходит без использования рекуррентных слоев или сверток и полагается на так называемый механизм «внимания» (Vaswani et al., 2017).

Для сентимент-анализа чаще всего используется модель BERT (Bidirectional Encoder Representations from Transformers) (Devlin et al., 2019) и ее варианты. Эта модель представляет собой энкодер и предварительно обучается на двух задачах: задаче маскированного моделирования языка и прогнозировании следующего предложения. Англоязычная версия модели обучалась на основе материалов всей Википедии и корпусе Brown стандартного американского английского языка. Исходная архитектура BERT вдохновила исследователей на создание множества ее вариаций (RoBERTa, DistilBERT, BART и т. д.). Существует также ряд моделей, обученных на корпусе определенной узкой тематики, например ClinicalBERT и BioBERT, и многоязычные модели (mBART).

Разные языковые модели (ELMo, Universal Sentence Encoder, GPT2) использовались (Gaur et al., 2021) для создания контекстуальных эмбедингов постов/комментариев о COVID-19 для последующей классификации авторов на тех, кто ищет помощь (support seekers) и тех, кто готов ее предоставить (support providers). Получившиеся вектора-представления текстов подавались в классификаторы – логистическую регрессию и метод опорных векторов.

В работах, исследующих сентимент, эмоции, оценочность в массовых коммуникациях в интернете компьютерными методами, собственно анализ социальных явлений иногда уходит на второй план, а основной фокус исследователей приходится на создание корпуса текстов и выбор архитектуры модели. Например, авторы исследования (Singh et al., 2021) использовали модель BERT для классификации эмоций в постах о COVID-19. Исследователи собрали большой корпус твитов о COVID-19, произвели их очистку и предобработку, выбор и конструирование признаков текстов для использования в алгоритме, выбор метрик для оценки качества работы алгоритма классификации. Впоследствии исследователи предложили некоторый анализ эмотивности, субъективности и интенсивности сентимента в постах о болезни, но основным вкладом исследования все же представляется подход к анализу тональности таких текстов и его качество, то есть вклад практический. Недостаточность методологической обоснованности и теоретического вклада с точки зрения социального анализа видится одной из проблем таких эмпирических исследований.

Кроме того, большие предобученные языковые модели, поскольку они обучаются на текстах, написанных людьми, зачастую обучаются воспроизводить социальные стереотипы и предрассудки, содержащиеся в этих текстах (Blodgett et al., 2020; Lucy, Vanman, 2021). Ярким примером являются гендерные стереотипы. Например, было установлено, что BERT кодирует установки по отношению к таким словам, как firewoman/fireman/firefighter, какие свойственны людям умеренных и консервативных взглядов на социальные роли мужчин и женщин (Watson et al., 2023). Как следствие, возникает вопрос, насколько вообще приемлемо прибегать к таким «предвзятым» моделям в исследованиях.

Заключение

Таким образом, методы компьютерной лингвистики (тематическое моделирование, кластеризация, классификация, анализ тональности, извлечение именованных сущностей) позволяют изучать и систематизировать большие объемы текстов. В связи с возрастающим объемом данных, используемых в прикладных исследованиях, видится необходимым и возможным дополнять результаты качественного анализа количественным.

Однако во многих исследованиях делается фокус непосредственно на создание корпуса текстов и улучшение алгоритма и архитектуры модели, при этом часто сам анализ социальной коммуникации и социальных явлений ухо-

дит на второй план или рассматривается как некий побочный продукт. Современные компьютерные методы позволяют извлекать закономерности из больших массивов данных, но далеко не всегда это сопровождается интерпретацией в терминах социальных смыслов и структур, политических контекстов и т.д. В этом контексте представляется важным развитие гибридных исследовательских компетенций, формирование интердисциплинарных команд, состоящих из специалистов как технического (более прикладного), так и теоретического профиля.

Также представляется, что акцент на развитие интерпретируемого машинного обучения, использование нарративных форм визуализации данных, data storytelling, повысил бы доверие к цифровым методам в гуманитарных и социальных контекстах и в целом качество исследований, снизив риск поверхностной интерпретации результатов компьютерного моделирования. Помимо этого, при проведении исследований необходимо иметь представление об ограничениях выбранного метода (например, склонности модели к смещению или галлюцинациям) и избегать использования алгоритмов как черного ящика, результаты работы которого принимаются как данность.

References / Список литературы

- Akhter, M.M., & Kanojia, D. (2023). COVID-19 public sentiment analysis for Indian Tweets classification. *ArXiv*, 2308.06241. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2308.06241>
- Bhaskaran, J., & Bhallamudi, I. (2019). Good secretaries, bad truck drivers? Occupational gender stereotypes in sentiment analysis. In M.R. Costa-Jussà, C. Hardmeier, W. Radford, & K. Webster (Ed.), *Proceedings of the First Workshop on Gender Bias in Natural Language Processing* (pp. 62–68). Florence, Italy. Association for Computational Linguistics. <https://doi.org/10.18653/v1/W19-3809>
- Blodgett, S.L., Barocas, S., Daumé III, H., & Wallach, H. (2020). Language (technology) is power: a critical survey of “Bias” in NLP. In D. Jurafsky, J. Chai, N. Schlueter, & J. Tetreault (Eds.), *Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics* (pp. 5454–5476). Association for Computational Linguistics. <https://doi.org/10.18653/v1/2020.acl-main.485>
- Buckman, S.R., Shapiro, A.H., Sudhof, M., & Wilson, D.J. (2020). News sentiment in the time of COVID-19. *FRBSF Economic Letter*, 8(1), 5–10. <https://www.frbsf.org/wp-content/uploads/el2020-08.pdf>
- Caprolu, M., Sadighian, A., & Di Pietro, R. (2022). Characterizing the 2022 Russo-Ukrainian conflict through the lenses of aspect-based sentiment analysis: dataset, methodology, and preliminary findings. *ArXiv*, 2208.04903. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2208.04903>
- Devlin, J., Chang, M.-W., Lee, K., & Toutanova, K. (2019). BERT: Pre-training of deep bidirectional transformers for language understanding. In J. Burstein, C. Doran, & T. Solorio (Eds.), *Proceedings of the 2019 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies, Volume 1 (Long and Short Papers)* (pp. 4171–4186). Association for Computational Linguistics. <https://doi.org/10.18653/v1/N19-1423>
- Elbagir, S., & Yang, J. (2019). Twitter sentiment analysis using natural language toolkit and VADER sentiment. In *Proceedings of the International Multiconference of Engineers and Computer Scientists, March 13–15, 2019, Hong Kong*. Hong Kong. https://www.iaeng.org/publication/IMECS2019/IMECS2019_pp12-16.pdf

- Gaur, M., Roy, K., Sharma, A., Srivastava, B., & Sheth, A. (2021). Who can help me?: Knowledge infused matching of support seekers and support providers during COVID-19 on Reddit. In *2021 IEEE 9th International Conference on Healthcare Informatics, August 9, 2021, Victoria, Canada* (pp. 265–269). IEEE. <https://doi.ieeecomputersociety.org/10.1109/ICHI52183.2021.00049>
- Ge, Y., Qiu, J., Liu, Z., Gu, W., & Xu, L. (2020). Beyond negative and positive: Exploring the effects of emotions in social media during the stock market crash. *Information Processing & Management*, 57(4), 102218. <https://doi.org/10.1016/j.ipm.2020.102218>
- Guerra, A., & Karakuş, O. (2023). Sentiment analysis for measuring hope and fear from Reddit posts during the 2022 Russo-Ukrainian conflict. *Frontiers in Artificial Intelligence*, 6, 1163577. <https://doi.org/10.3389/frai.2023.1163577>
- He, B., Ziems, C., Soni, S., Ramakrishnan, N., Yang, D., & Kumar, S. (2021). Racism is a virus: Anti-Asian hate and counterspeech in social media during the COVID-19 crisis. *ArXiv*, 2306.16049. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2005.12423>
- Jiang, X., & Everts, J. (2021). Making sense of electrical vehicle discussions using sentiment analysis on closely related news and user comments. *ArXiv*, 2112.12327. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2112.12327>
- Kazyulina, M., Babii, A., & Malafeev, A. (2021). Emotion classification in Russian: feature engineering and analysis. In W.M.P. van der Aalst, V. Batagelj, D.I. Ignatov, et al. (Eds.), *Analysis of Images, Social Networks and Texts: 9th International Conference, AIST 2020, October 15–16, 2020, Skolkovo, Moscow, Russia* (Vol. 12602, pp. 73–84). Springer.
- Kotelnikova, A., Paschenko, D., Bochenina, K., & Kotelnikov, E. (2021). Lexicon-based methods vs. BERT for text sentiment analysis. In E. Burnaev, D.I. Ignatov, S. Ivanov, et al. (Eds.), *International Conference on Analysis of Images, Social Networks and Texts, December 16–18, 2021, Tbilisi, Georgia* (pp. 71–83). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-031-16500-9_7
- Kutuzov, A., Fomin, V., Mikhailov, V., & Rodina, J. (2020). Shiftry: Web service for diachronic analysis of Russian news. In *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue”, June 17–20, 2020, Moscow* (Vol. 19, pp. 500–516). Russian State Technological University Publ. <https://doi.org/10.28995/2075-7182-2020-19-500-516>
- Lucy, L., & Bamman, D. (2021). Gender and representation bias in GPT-3 generated stories. In *Proceedings of the Third Workshop on Narrative Understanding, June 11, 2021, Mexico City* (pp. 48–55). Association for Computational Linguistic. <https://doi.org/10.18653/v1/2021.nuse-1.5>
- Lukashevich, N.V. (2022). Automatic sentiment analysis of texts: problems and methods *Intelligent Systems. Theory and Applications*, 26(1), 50–61. (In Russ.) EDN: ПБЫWS
Лукашевич Н.В. Автоматический анализ тональности текстов: проблемы и методы // Интеллектуальные системы. Теория и приложения. 2022. Т. 26. № 1. С. 50–61. EDN: ПБЫWS
- Maryn, A.G., & Dover, T.L. (2023). Who gets canceled? Twitter responses to gender-based violence allegations. *Psychology of Violence*, 13(2), 117–126. <https://doi.org/10.1037/vio0000436>
- Mohapatra, S., & Mohapatra, S. (2022). Sentiment is all you need to win US Presidential elections. In *Proceedings of the 2nd International Workshop on Natural Language Processing for Digital Humanities, November 20, 2022* (pp. 15–20). Association for Computational Linguistics. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2209.13487>
- Ramnarine, A.K. (2023). Unsupervised sentiment analysis of plastic surgery social media posts. *ArXiv*, 2307.02640. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2307.02640>
- Risch, J., & Krestel, R. (2020). Toxic comment detection in online discussions. In B. Agarwal, R. Nayak, N. Mittal, S. Patnaik (Eds.), *Deep Learning-Based Approaches for Sentiment Analysis* (pp. 85–109). Springer, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-15-1216-2_4

- Sharma, A., & Shekhar, H. (2020). Intelligent learning based opinion mining model for governmental decision making. *Procedia Computer Science*, 173, 216–224. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2020.06.026>
- She, J., Swart-Arries, K., Belal, M., & Wong, S. (2023). What sentiment and fun facts we learnt before FIFA World Cup Qatar 2022 using Twitter and AI. *ArXiv*, 2306.16049. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2306.16049>
- Shen, X., He, X., Backes, M., Blackburn, J., Zannettou, S., & Zhang, Y. (2022). On Xing Tian and the perseverance of anti-China sentiment online. In *Proceedings of the Sixteenth International AAAI Conference on Web and Social Media, June 6–9, 2022, Atlanta, Georgia, USA* (Vol. 16, pp. 944–955). AAAI Press. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2204.08935>
- Silva, M., Skeva, R., House, T., & Jay, C. (2023). Tracking the structure and sentiment of vaccination discussions on Mumsnet. *Social Network Analysis and Mining*, 13,(1) 152. <https://doi.org/10.1007/s13278-023-01155-z>
- Singh, M., Jakhar, A.K., & Pandey, S. (2021). Sentiment analysis on the impact of coronavirus in social life using the BERT model. *Social Network Analysis and Mining*, 11(1), 33. <https://doi.org/10.1007/s13278-021-00737-z>
- Sinha, A., Kedas, S., Kumar, R., & Malo, P. (2022). SEntFiN 1.0: Entity-aware sentiment analysis for financial news. *Journal of the Association for Information Science and Technology (JASIST)*, 73(9), 1314–1335. <https://doi.org/10.1002/asi.24634>
- Švaňa, M. (2023). Social media, topic modeling and sentiment analysis in municipal decision support. In M. Ganzha, L. Maciaszek, M. Paprzycki, & D. Ślęzak (Eds.), *Proceedings of the 18th Conference on Computer Science and Intelligence Systems* (Vol. 35, pp. 1235–1239). IEEE. <https://doi.org/10.15439/2023F1479>
- Thakkar, H., Patil, A., Saudagar, O., & Yenikar, A. (2023). Sentiment and statistical analysis on custom Twitter dataset for 2022 Russo-Ukrainian conflict. In *International Conference on Intelligent and Innovative Technologies in Computing, Electrical and Electronics (IITCEE), January 27–28, 2023* (pp. 679–684). IEEE. <https://doi.org/10.1109/IITCEE57236.2023.10090995>
- Vaswani, A., Shazeer, N., Parmar, N., Uszkoreit, J., Jones, L., Gomez, A.N., Kaiser, L., & Polosukhin, I. (2017). Attention is all you need. In I. Guyon, U. von Luxburg, S. Bengio, H. Wallach, R. Fergus, S. Vishwanathan, & R. Garnett (Eds.), *Advances in Neural Information Processing Systems 30, December 4–9, 2017, Long Beach, California, USA*. Curran Associates, Inc. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1706.03762>
- Venkit, P., Srinath, M., & Wilson, S. (2023). Automated ableism: An exploration of explicit disability biases in sentiment and toxicity analysis models. In A. Rogers, J. Boyd-Graber, & N. Okazaki (Eds.), *The 61st Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics, July 9–14, 2023, Toronto, Canada*. Association for Computational Linguistics. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2307.09209>
- Watson, J., Beekhuizen, B., & Stevenson, S. (2023). What social attitudes about gender does BERT encode? Leveraging insights from psycholinguistics. In A. Rogers, J. Boyd-Graber, & N. Okazaki (Eds.), *Proceedings of the 61st Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics, July 9–14, 2023, Toronto, Canada*. Association for Computational Linguistics. <https://doi.org/10.18653/v1/2023.acl-long.375>
- Wright, L., Fluharty, M., Steptoe, A., & Fancourt, D. (2022). How did people cope during the COVID-19 pandemic? A structural topic modelling analysis of free-text data from 11,000 United Kingdom adults. *Frontiers in Psychology*, 13, 810655. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.810655>
- Zannettou, S., Finkelstein, J., Bradlyn, B., & Blackburn, J. (2020). A quantitative approach to understanding online antisemitism. In *Proceedings of the Fourteenth International AAAI Conference on Web and Social Media, June 8, 2020, Atlanta, Georgia, USA (virtual)* (Vol. 14, pp. 786–797). Association for the Advancement of Artificial Intelligence. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1809.01644>

Сведения об авторе:

Козлова Анастасия Владимировна, аспирант кафедры общей и социальной психологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Российская Федерация, 603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23. ORCID: 0000-0002-2629-9157; SPIN-код: 2424-7595. E-mail: anastasia_kozlova94@mail.ru

Bio note:

Anastasia V. Kozlova, PhD Student at the Department of General and Social Psychology, Lobachevsky University, 23 Gagarin Ave, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-2629-9157; SPIN-code: 2424-7595. E-mail: anastasia_kozlova94@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ BOOK REVIEWS

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-1-277-282

EDN: SPLWUP

УДК 821.161

На перекрестках творческих созвучий. Рецензия на книгу: Малыгина Н.М. Андрей Платонов: диалоги с предшественниками и современниками. СПб. : Нестор-История, 2025. 400 с.

О.Ю. Алейников¹✉, А.Г. Коваленко²

¹Воронежский государственный университет, Воронеж, Российская Федерация

²Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

✉ oaleinikov@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается новая книга Н.М. Малыгиной, посвященная анализу созвучий произведений А. Платонова с творчеством Ф. Достоевского, А. Воронского, В. Хлебникова, В. Маяковского, С. Есенина, О. Мандельштама. Выясняется новизна положений и выводов работы, продуктивность предложенной автором монографии методики изучения наследия писателя в широком литературном контексте.

Ключевые слова: А. Платонов, русские писатели, литературные связи

Вклад авторов. Написание и редактирование рукописи – О.Ю. Алейников, А.Г. Коваленко. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 30 сентября 2025 г.; отрецензирована 15 ноября 2025 г.; принята к публикации 18 декабря 2025 г.

Для цитирования: Алейников О.Ю., Коваленко А.Г. На перекрестках творческих созвучий. Рецензия на книгу: Малыгина Н.М. Андрей Платонов: диалоги с предшественниками и современниками. СПб. : Нестор-История, 2025. 400 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 1. С. 277–282. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-277-282> EDN: SPLWUP

© Алейников О.Ю., Коваленко А.Г., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

**At the Crossroads of Creative Consonances. Book Review:
Malygina, N.M. (2025). Andrey Platonov:
Dialogues with Predecessors and Contemporaries.
St. Petersburg: Nestor-History Publ. (In Russ.)**

Oleg Yu. Aleinikov¹, Alexander G. Kovalenko²

¹*Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation*

²*RUDN University, Moscow, Russian Federation*

 oaleinikov@yandex.ru

Abstract. New book by N.M. Malygina, which focuses on analyzing the similarities between A. Platonov's works and those of F. Dostoevsky, A. Voronsky, V. Khlebnikov, V. Mayakovsky, S. Yesenin, and O. Mandelstam, is examined. The review highlights the novelty of the work's findings and conclusions, as well as the effectiveness of the methodology proposed by the author for studying the writer's legacy in a broader literary context.

Keywords: A. Platonov, Russian writers, literary connections

Authors' contribution. Writing & editing the manuscript – Oleg Yu. Aleinikov, Alexander G. Kovalenko. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted September 30, 2025; revised November 15, 2025; accepted December 18, 2025.

For citation: Aleinikov, O.Yu., & Kovalenko, A.G. (2026). At the Crossroads of Creative Consonances. Book Review: Malygina, N.M. (2025). Andrey Platonov: Dialogues with Predecessors and Contemporaries. St. Petersburg: Nestor-History Publ. (In Russ.). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 31(1), 277–282. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-1-277-282> EDN SPLWUP

Новая книга Н.М. Малыгиной (2025) продолжает аналитическую работу исследователя по изучению творческих созвучий и литературных связей А. Платонова с русскими писателями – «предшественниками и современниками». Многолетняя сосредоточенность Н. Малыгиной на этой проблематике имеет предысторию. В студенческие годы будущий литературовед заинтересовалась «Размышлениями читателя» – вышедшим сборником критических статей А. Платонова, который был когда-то запрещен. Запомнилось предисловие, посвященное значению литературно-критической работы для самоопределения «художника слова»: «Статьи писателя о литературе – это особый род критической прозы. Когда художник читает книгу и размышляет о ней, он делает это несколько иначе, чем литературный критик. Для него работа его современников и предшественников не только предмет критического разбора и оценки, но и повод для раздумий о собственном творчестве. Анализ здесь осложнен сопоставлениями с собственной работой, поверяется ею, <...> происходит эстетическое самоопределение автора, осознание им своих литера-

турных связей и художественного противостояния, оформления собственных художественных принципов» (Шубин, 1970, с. 3).

Затем была учеба в аспирантуре. В ленинградской библиотеке АН СССР Н.М. Малыгина обнаружила неизвестный «Рассказ о многих интересных вещах» – повесть, опубликованную А. Платоновым в воронежской «Нашей газете» за 1923 г. в соавторстве с М. Бахметьевым. Удалось атрибутировать текст, выявив в его составе отрывки произведений писателя, впоследствии включенные в «Эфирный тракт», «Родоначальники нации, или Беспокойные происшествия» и в другие сочинения прозаика. С выходом книги М.М. Бахтина «Эстетика словесного творчества» пришло понимание, что «текст живет, <...> соприкасаясь с другим текстом (контекстом)» (1979, с. 364). Наблюдения над мотивной структурой и «кочующими» фрагментами произведений А. Платонова позволили предложить подход к его творчеству «как к единому целостному метатексту» (Малыгина, 1992, с. 35). Исследователь анализировала эстетические взгляды автора «Сокровенного человека», уточняла его отношение к русской литературно-философской традиции, русскому литературному авангарду, «всеобщей организационной науке» А. Богданова, взглядам А. Луначарского и А. Воронского, спорам о реализме. В итоге монография «Андрей Платонов и литературная Москва», подводившая итоги многолетней работы, стала ярким событием современной научной жизни.

В новой книге Н.М. Малыгина рассматривает главные произведения А. Платонова в контексте творчества писателя – художественном, публицистическом, литературно-критическом. Добросовестно учитывая сделанное специалистами, исследовать пишет о «генетическом» родстве воронежского «газетчика-вольнодумца», находившегося под влиянием трудов Н.Ф. Фёдорова, с философией «всеединства» Ф.М. Достоевского, разделявшего многие идеи библиотекаря Румянцевского музея. В главе «Диалог с Достоевским в публицистике и прозе Платонова», одной из лучших в рецензируемой книге, исследователь раскрывает значение понятий «целомудренность» и «аскеза» для начинающего прозаика, публициста и литературного критика, увидевшего в образе князя Мышкина родственную душу. Приводя примеры соотношения «любви к ближнему» и «арифметического рассудка», «сокровенного» и «разумного» в творческом сознании писателя, приходит к выводу, что «любовь к ближнему» – неотменяемая суть платоновского сокровенного человека, тогда как «рассуждения о „бездне духа“ и „бездне плоти“, в противоборстве которых отражается борьба Христа с Антихристом, унаследованы Платоновым у Достоевского» (Малыгина, 2025, с. 30). Интересны наблюдения литературоведа над спецификой воплощения мотивов двойничества, жертвенности, самоубийства и воскрешения в творчестве писателя XX в.

Исследователь дает развернутые ответы на вопросы, поставленные в ее прежних работах. В главе «Путь А. Платонова к первой книге» приводится реконструкция попыток литератора-вольнодумца преодолеть барьеры издательской и газетно-журнальной политики в провинции и в столице. Сходная проблематика рассматривается в главе «Творческие связи Платонова

и А.К. Воронского». Ключевые здесь – разделы об инженерной деятельности писателя и ее воссоздании в художественном творчестве. Особое внимание уделяется вопросам самоидентификации автора «Эфирного тракта», в том числе «парадоксам» его литературной биографии: поэт и прозаик не раз заявлял, что он рабочий, а не «профессиональный» писатель, декларировал отказ от «созерцательного занятия» литературой, сообщал, что переключается на работу инженера, но вновь и вновь возвращался к литературному труду, выходя в печати под смешными псевдонимами, иронизируя над образами «сочинителей», претендовавших на звание «настоящих» писателей. Чтобы понять причины столь «странного» многообразия образов и аттестаций, Н.М. Малыгина напоминает о роли, которую играли в творческом самоопределении А. Платонова идеи А. Богданова, считавшего, что пролетарский писатель не должен отрываться от практической работы на производстве и от «рабочего коллектива». Эта теория была отвергнута большевиками по идеологическим причинам (2025, с. 30), но отсылки к «всеобщей организационной науке» и художественным произведениям А. Богданова сохраняются в творчестве А. Платонова.

В главе, посвященной отношению А. Платонова к эстетике и поэтике русского литературного авангарда, показано, как мотивы «погасшего солнца», «победы над солнцем», «взрыва» старого мира и «пересотворения мира» (Малыгина, 2025, с. 230), характерные для ранней прозы писателя, перекликаются с ключевыми мотивами, идеями и образами Хлебникова, Крученых, Маяковского и других ярких представителей русского авангарда. Н.М. Малыгиной установлено, что в статье «Фабрика литературы (О коренном улучшении способов литературного творчества)» Платонов прибегал к терминологии, характерной для теоретиков левого искусства, предлагал «изобретать „новые методы“ „словесного творчества“ и с этой целью перенести в литературу приемы технической работы: <...> художник имеет право „монтировать“ факты действительности, зафиксированные в публицистике и деловой прозе» (2025, с. 250). «Маяковский мечтал о превращении поэтов в изобретателей. Платонов таким изобретателем был», – сказано афористично и точно (Малыгина, 2025, с. 208). Но в той же главе расставлены важные акценты: «Для Платонова главный принцип отбора материала – поиск того, что «приходится в „такт“ личному сердечно-умственному замыслу» (Малыгина, с. 251). Логика рассуждений автора книги убеждает, что работа писателя в «такт личному замыслу» приводила его не только к внимательному восприятию, но и к преодолению авангардной эстетики.

В главе о «пересечении судеб, образов и мотивов» Есенина и Платонова приводятся убедительные примеры их духовного и творческого родства, обусловленного «общей болью» за «судьбу крестьянской России» (Малыгина, 2025, с. 259). По наблюдению литературоведа, творческие искания «двух гениев» русской литературы роднят такие устойчивые мотивы, как «сострадание к мужикам», обманутым в их социальных ожиданиях, «опустошение души», «утрата возлюбленной» в ожесточенном и «неустроенном мире». Вы-

явленные сходства и различия в восприятии мира животных и мира природы С. Есениным и А. Платоновым, несомненно, обогащают наши представления о перекликающихся текстах.

«Сопоставление творчества Платонова и Мандельштама может показаться неожиданным и необоснованным», – пишет Н.М. Малыгина в главе, посвященной «встречам двух писателей в пространстве литературы» (2025, с. 307). Но далее предлагает увлекательный научный текст, наполненный интригующими подробностями знакомства Н.Я. Мандельштам с платоновскими произведениями, с явными и неявными «встречами писателей» на страницах одних и тех же журналов. Интересны наблюдения над сходством мировидения «творцов художественных ценностей»: «образ земли-женщины являлся основой ощущения единства мира и человека у Мандельштама и Платонова» (с. 315); «образ музыки был одним из ключевых в творчестве Мандельштама и Платонова» (с. 320); «у Платонова и Мандельштама особое место занимает образ зодчего» (с. 323); «общим у Мандельштама и Платонова был мотив отказа человека от разума и погружения в простейшие формы существования» (с. 334), «трагическое переживание деградации и одичания человека, опасности его превращения в животное» (с. 344).

Приведенные в монографии Н.М. Малыгиной реминисценции, цитаты и теоретические положения задают весомые «путеводные знаки» для чтения и понимания Платонова, его предшественников и современников. Неслучайно заключительная глава книги посвящена «диалогу» с Андреем Платоновым Варлама Шаламова. Автор «Колымских рассказов» считал «Котлован» «превосходной прозой», свободной от литературности, и не терял надежды, что в будущем «заговорят не писатели, а люди профессии, обладающие писательским даром. И они расскажут только о том, что знают и видели. Достоверность – вот сила литературы будущего» (цит. по: Малыгина, 2025, с. 355).

Список литературы

- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
- Малыгина Н.М. Андрей Платонов: диалоги с предшественниками и современниками. СПб. : Нестор-История, 2025. 400 с.
- Малыгина Н.М. Художественный мир Андрея Платонова в контексте литературного процесса 1920–1930-х годов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. [Место защиты: Моск. пед. ун-т]. М., 1992. 38 с.
- Шубин Л.А. Критическая проза Андрея Платонова // Платонов А. Размышления читателя. М. : Советский писатель, 1970. С. 3–18.

References

- Bakhtin, M.M. (1979). *The Aesthetics of Verbal Creativity*. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russ.)
- Malygina, N.M. (2025). *Andrey Platonov: Dialogues with Predecessors and Contemporaries*. St. Petersburg: Nestor-History Publ. (In Russ.)
- Malygina, N.M. (1992). *The Artistic World of Andrey Platonov and the Literary Process (1920–1930 ss.)* [Doctoral dissertation, Moscow Pedagogical University]. Moscow. (In Russ.)
- Shubin, L.A. (1970). Andrey Platonov's critical prose. In A. Platonov, *The Reader's Reflections*. Moscow: Sovetskiy Pisatel' Publ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Алейников Олег Юрьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX и XXI вв., теории литературы и гуманитарных наук, Воронежский государственный университет, Российская Федерация, 394018, Воронеж, Университетская пл., д. 1. ORCID: 0000-0001-5500-6918; SPIN-код: 9785-4209. E-mail: oaleinikov@yandex.ru

Коваленко Александр Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 2. ORCID: 0000-0002-6747-285X; SPIN-код: 4970-3875. E-mail: ak-taurus@mail.ru

Bio notes:

Oleg Yu. Aleinikov, PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Russian literature XX–XXI centuries, Theory of literature and Humanities, Voronezh State University, 1 University Sq, Voronez, 394018, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5500-6918; SPIN-code: 9785-4209. E-mail: oaleinikov@yandex.ru

Alexander G. Kovalenko, Grand PhD in Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, RUDN University, 10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-6747-285X; SPIN-code: 4970-3875. E-mail: ak-taurus@mail.ru